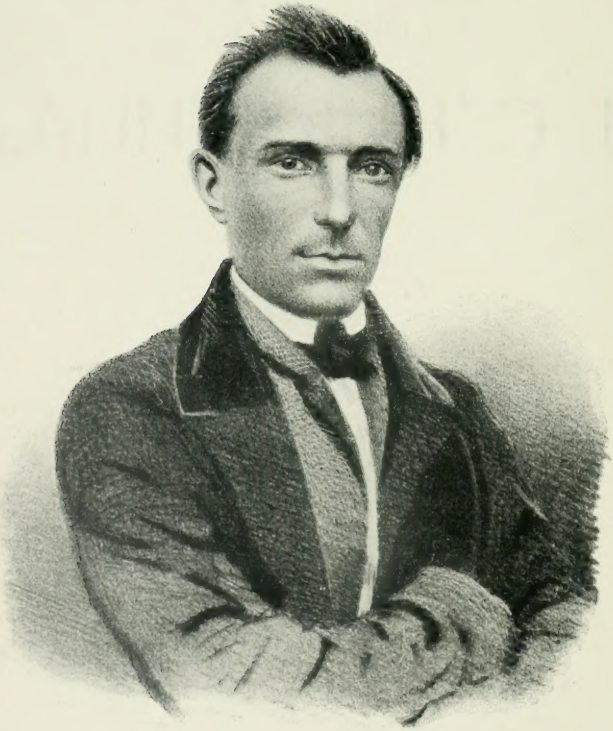
UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00306667 7

Библіотека Русскихъ Писателей,
подъ общей редакціей профессора
Е. В. Аничкова.

# И. С. НИКИТИНЪ.

## I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ПЕЧ. ГРАФИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА БР. ЛУКШЕВИЦЪ.
5-Я РОЖДЕСТВЕНСКАЯ УЛ. № 44.



Изъ „Илл. Журн.“ Тиме.

# ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

## СОЧИНЕНІЙ

# И. С. НИКИТИНА.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

С. М. ГОРОДЕЦКАГО.

Текстъ обработанъ по рукописямъ, 1-ымъ изданіямъ и журналамъ.

---

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

---

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Русское Книжное Товарищество „Дѣятель“.

PG
3337
N7
1910
t.1

1116872

# Кулакъ.

1.

Садится солнце. Тучь громада
Покрыта краской золотой.
Рѣка зардѣлась. Жаръ дневной
Смѣняетъ вечера прохлада.
Вдоль гати тянется обозъ.
Пестрѣютъ сѣно и солома,
Рубахи, шапки... У парома
И шумъ и крикъ за перевозъ.
Кругомъ безлюдье. Свѣтлой сталью
Блеститъ, заснувшая въ тиши,
Вода озеръ, сквозь камыши,
Идутъ луга зеленой гладью,
За ними поле разлеглось,
Краями въ небо уперлось.
Вотъ глушь-то наша, глушь родная!
Въ поляхъ просторъ, что дымъ, туманъ,
Въ туманѣ лѣсъ, село, курганъ,
Березка, тучка дождевая,
Дорога, нива да трава,
Небесъ пожаръ и синева...

1-я страница поэмы „Кулакъ“ (первая редакція).

## Исторія текста.

И. С. Никитинъ былъ нерадивъ къ своимъ рукописямъ (см. прим., стр. 372 и 383), особенно черновымъ. Въ „Алфавитномъ спискѣ" указано, что изъ стихотвореній Никитина сохранилось и собрано въ Петербургѣ (Императорская Публичная Библіотека), Москвѣ (Московскій Румянцевскій музей и музей П. И. Щукина) и Воронежѣ (Воронежская Публичная Библіотека и Воронежскій Губернскій музей). Въ примѣчаніяхъ ко II тому указано также мѣстонахожденіе рукописей двухъ поэмъ: „Тараса" и „Кулака", „Дневника Семинариста" и нѣкоторыхъ писемъ И. С. Никитина.

Кромѣ того, А. Г. Фоминымъ въ послѣднее время открытъ и разрабатывается архивъ Н. И. Второва, находящійся въ частныхъ рукахъ и заключающій въ себѣ вторую рукопись „Кулака", автографы стихотвореній и многочисленныхъ писемъ поэта къ Н. И. Второву и другимъ лицамъ.

По „Алфавитному списку" можно видѣть, что и гдѣ изъ стихотвореній Никитина было напечатано въ повременныхъ изданіяхъ при жизни и послѣ смерти поэта. Первое изданіе стихотвореній И. С. Никитина было выпущено гр. Д. Н. Толстымъ въ Воронежѣ въ 1856 году, съ обстоятельнымъ предисловіемъ издателя и примѣчаніями автора. Второе изданіе (Кокорева) вышло въ С.-Петербургѣ въ 1859 году. Оба были приготовлены къ печати самимъ поэтомъ. Въ 1858 г. вышла въ Москвѣ отдѣльнымъ изданіемъ поэма „Кулакъ". Въ 1869 году А. Р. Михайловъ выпустилъ „Сочиненія И. С. Никитина съ его портретомъ, видомъ надгробнаго памятника, fac-simile и біографіей, составленной М. Ѳ. де-Пуле", въ двухъ томахъ. Подробное описаніе всѣхъ этихъ изданій читатель найдетъ въ примѣчаніяхъ (стр. 377), а распредѣленіе въ нихъ стихотвореній — въ „Алфавитномъ спискѣ".

## Исторія текста.

Дальнѣйшая судьба Никитинскаго текста представляетъ печальную исторію издательскаго вандализма. Вплоть до появленія изданія М. Гершензона въ 1911 году, всѣ вновь выходящія изданія являлись перепечатками Михайловскаго изданія, все болѣе ухудшавшимися, вслѣдствіе небрежности печатанія и накопленія опечатокъ. Михайловское изданіе въ 1876 году разошлось до послѣдняго экземпляра, и, значитъ, тридцать пять лѣтъ текстъ Никитина находился въ обращеніи въ искаженномъ видѣ. За это время выходили одно за другимъ изданія 1878 года, 1883, 1886, 1889, 1893, 1896, 1900, 1902; съ 1902 до 1910 года вышло еще четыре изданія.

Въ 1911 году, въ связи съ пятидесятилѣтнимъ юбилеемъ Никитина, вниманіе къ поэту поднялось въ обществѣ. М. Гершензону принадлежитъ честь перваго изданія, обработаннаго научно. Въ 1913 году вышелъ первый томъ изданія А. Г. Фомина, неутомимаго и лучшаго изслѣдователя текстовъ Никитина.

Передъ каждымъ редакторомъ Никитина встаетъ трудный вопросъ о расположеніи матеріала. Въ основѣ должно лежать расположеніе Михайловскаго изданія, про которое редакторъ сообщаетъ, что оно „строго хронологическое"; но точныя даты сохранились въ рѣдкихъ случаяхъ. Вкрапленіе въ этотъ, основной, текстъ вновь найденныхъ стихотвореній можно производить только на основаніи сопостановленія различныхъ фактовъ біографіи и психологическихъ догадокъ. Всѣ стихотворенія, относительно которыхъ даже года неизвѣстны, приходится выдѣлить въ особый отдѣлъ съ новой нумераціей. Трудность расположенія усложняется обиліемъ варіантовъ. И. С. Никитинъ передѣлывалъ свои стихотворенія до неузнаваемости. При изученіи его текстовъ особенно ясно чувствуется неопредѣленность ходячаго слова „варіантъ". Въ настоящемъ изданіи положено за принципъ варіантами считать измѣненія только второстепенной важности, не затрагивающія самаго корпуса стихотворенія, всѣ же измѣненія, сколько-нибудь нарушающія движеніе главныхъ образовъ стихотворенія, считать не „варіантами", а „редакціями" и включать въ текстъ. Никитинъ передѣлывалъ свои стихи по нѣсколько разъ, съ промежутками по нѣсколько лѣтъ. Поэтому, въ видахъ сохраненія цѣльности каждаго произведенія, явилась необходимость нарушать хронологическій

порядокъ всякій разъ, когда стихотвореніе имѣетъ нѣсколько редакцій.

Въ текстѣ настоящаго изданія допущено одно уклоненіе отъ обычныхъ нормъ современнаго литературнаго языка, а именно, старинное окончаніе прилагательныхъ „ои“ сохранено во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда измѣненіе его на „іи“ нарушило бы музыкальную цѣльность стихотворенія, уничтоживъ риѳму, напр., при сориѳмующемъ существительномъ.

*Ред.*

# Жизнь И. С. Никитина.

Въ утро 21 сентября 1824 года у воронежскаго купца Саввы Евтихіевича Никитина и жены его Прасковьи Ивановны родился сынъ Иванъ.

Савва Евтихіевичъ былъ младшимъ сыномъ дьячка, уволеннаго по прошенію въ 1792 году и занявшагося торговлей; ко времени рожденія сына онъ обладалъ налаженнымъ воскобѣлильнымъ дѣломъ, имѣлъ свой свѣчной заводъ и лавку въ городѣ. Сохранились свѣдѣнія о выдающейся его физической силѣ, атлетической внѣшности и любви къ кулачнымъ боямъ, частымъ между городской молодежью и слободской—слободъ Чижовки и Придачи. Былъ онъ не чуждъ и образованности, начитанный въ церковныхъ книгахъ и будто-бы знакомый съ до-пушкинской литературой. О его библіотекѣ, по словамъ де Пулэ, говоритъ поэтъ въ стихотвореніи „Изъ библіотеки старинной“ (т. I, 348, XX).

О практическомъ же его умѣ ясно свидѣтельствуетъ значительность торговаго его оборота, достигавшаго въ пору расцвѣта ста тысячъ и охватывавшаго не только Воронежъ, но и донскія и украинскія ярмарки.

Прасковья Ивановна женщина была смиренная и безотвѣтная. Ничего мы о ней не знаемъ фактически и очень много психологически. Не отъ нея ли эта женственная и скорбная тишина, озаряющая мужественное, грубоватое лицо поэта, очень схожее съ лицомъ матери? Не отъ нея ли та глубочайшая душевная тишина, которую призванъ былъ пропѣть міру Никитинъ, и которую такъ безпощадно смутила, растревожила, изорвала въ кровавые клочья и переродила въ болѣзненно надрывную скорбь русская мѣщанская и деревенская „грязная

дѣйствительность"? И ужъ, во всякомъ случаѣ, отъ нея исходитъ тотъ величавый гимнъ материнству, который неустанно запѣваетъ Никитинъ всякій разъ, какъ поэтическая мысль его касается материнства. Жизнь имѣла для Никитина нѣсколько такихъ чудотворныхъ жезловъ, исторгавшихъ пѣсню изъ его души: тишина въ природѣ, дѣти, хозяйственное благополучіе и нѣкоторыя другія впечатлѣнія всегда заставляли его пѣть полнымъ голосомъ. Материнство среди нихъ стоитъ на видномъ мѣстѣ.

Дѣтство поэта было одинокое.

Анна Тюрина, двоюродная сестра его по матери, была ему товарищемъ въ играхъ.

Старикъ, заводскій караульщикъ, поздними вечерами подъ открытымъ небомъ, разсказывалъ ему сказки.

„Размахивая руками, вооруженными дратвой, въ облакахъ тютюна", какъ говоритъ одинъ біографъ, училъ его грамотѣ знакомый сапожникъ.

Въ 1833 году Иванъ Никитинъ отданъ былъ въ Воронежское духовное училище, которое и кончилъ въ первомъ разрядѣ черезъ пять или семь лѣтъ. Въ аттестатѣ его значилось, что онъ „поведенія весьма хорошаго, способностей—очень хорошихъ, прилежанія—постояннаго, успѣховъ—весьма хорошихъ". Къ первымъ годамъ его пребыванія въ духовномъ училищѣ относятся свѣдѣнія о первыхъ прочтенныхъ имъ книгахъ. Это были „Мальчикъ у ручья" Коцебу и „Луиза или подземелье Ліонскаго замка" Радклифъ. Въ 1839 году Иванъ Никитинъ поступилъ въ Воронежскую Духовную Семинарію, въ классы словесности, приходящимъ, гдѣ и пробылъ до 1843 года. Въ „Спискахъ воспитанниковъ, окончившихъ полный курсъ семинарскихъ наукъ въ Вор. Дух. Сем. за истекшее столѣтіе (1780—1880)" А. И. Николаева приводятся любопытнѣйшія документальныя данныя объ этомъ періодѣ жизни поэта:

„Иванъ Никитинъ, сынъ Воронежскаго купца Саввы, исключенъ былъ по малоуспѣшности, по причинѣ нехожденія въ классъ. Вступивъ въ семинарію въ сентябрѣ 1839 г., вообще онъ мало занимался, даже рѣдко ходилъ въ классъ, особенно въ философскомъ классѣ; впрочемъ, въ низшемъ отдѣленіи числился по годовой вѣдомости во 2-мъ разрядѣ, на экзаменѣ въ

1840 г. по гражданской исторіи отмѣченъ «хорошо, на экзаменскои русской задачѣ (изъ предложенія „юноши должны избѣгать наклонности къ разсѣянію и забавамъ“) баллъ 3, такой же баллъ и на декабрьской въ 1839 г. задачѣ изъ предложенія: „память праведнаго съ похвалами“; обучался и французскому яз. и отмѣченъ въ 1840 г. лекторомъ (ученикомъ 2-го высш. отд. Ив. Матвѣевымъ)—достаточно; въ декабрьскихъ спискахъ отмѣтки:

свящ. писаніе—весьма хорошо;
гражд. исторія—безуспѣшно;
греч. яз. и франц.—достаточно;
словесность—хорошо.

Въ философск. кл. за вторую треть 184½ г.

Логика—дов. хорошо;
свящ. пис.—никогда не ходилъ;
библ. ист., рус. ист., гр. яз.—не ходилъ въ классъ;
матем.—порядочно;
лат. яз.—хорошо.

На экзаменѣ не былъ и задачъ экзаменныхъ не подавалъ „по болѣзни“.

Въ годовой за 184²/₃ г. вѣдомости значится: „способностей—хорошихъ, прилежанія малаго, успѣховъ—недостаточныхъ, поведенія—довольно хорошаго; по предметамъ: по свящ. пис.—за нехожденіемъ въ классъ неизвѣстенъ, логикѣ и психологіи—хорошо, а на экзаменѣ не былъ неизвѣстно почему, по библейской ист., по рус. гражд. ист. и греческ. яз. въ классъ не ходилъ, по мат. и физ.—недостаточно, на экзаменѣ не былъ, по лат. яз.—недостаточно“.

Таковы внѣшнія данныя пребыванія Никитина въ семинаріи. Бытовая же и психологическая сторона этого времени отлично изображена самимъ поэтомъ въ „Дневникѣ Семинариста“. Извлекать изъ него какія либо свѣдѣнія для непосредственнаго переноса въ біографію не представляется возможнымъ, ибо все-таки это не автобіографія, а неоконченное художественное произведеніе, написанное къ тому же съ опредѣленной тенденціи: обратить вниманіе общества на уродливость семинарскои жизни. Но какъ фонъ для сухихъ резолюціи семинарскихъ вѣдомостей о „безуспѣшности“ и „нехожде-

ніи въ классъ." Никитина, эти картины подходятъ какъ нельзя лучше.

Только одну оговорку необходимо сдѣлать. Н. Поликарповъ въ своей исторической справкѣ „И. С. Н. какъ воспитанникъ Вор. Дух. Сем." (*Вор. Тел.* 1896, № 119) указываетъ, что въ числѣ тогдашнихъ преподавателей семинаріи были и незаурядные, какъ напр., Н. С. Чеховъ (словесность), В. П. Остроумовъ (логика), М. И. Скрябинъ (свящ. писаніе), о которыхъ, по его словамъ, „съ восторгомъ вспоминали ихъ питомцы". Все-таки, какъ бы ни были неблагопріятны для умственнаго развитія условія постановки учебнаго дѣла въ тогдашней семинаріи, даровитыя натуры находили себѣ окольные пути и пробивались сквозь угнетающую среду.

Ко времени пребыванія Ивана Никитина въ семинаріи относится тотъ первый могущественный взрывъ творческихъ силъ, который рѣшаетъ судьбы людей и опредѣляетъ имъ мѣсто въ историческомъ процессѣ. Въ Иванѣ Никитинѣ этотъ стремительный ростъ ринулся по двумъ направленіямъ: въ сторону сознанія себя, какъ поэта, во-первыхъ, и какъ западника, во-вторыхъ. Было кое-что въ атмосферѣ воронежской семинаріи, что особенно благопріятствовало первому. На почвѣ живыхъ еще воспоминаній о Серебрянскомъ и Кольцовѣ среди семинаристовъ развился повышенный интересъ къ литературнымъ занятіямъ. По словамъ де Пулэ, Никитинъ „скоро пріобрѣлъ названіе семинарскаго литератора, семинарскаго поэта" среди товарищей, а отъ проф. Чехова, которому показалъ первое свое стихотвореніе, получилъ поощреніе и совѣтъ продолжать свои опыты.

Первоначальному періоду поэтическаго развитія Никитина, повидимому, нельзя отказать въ извѣстной гармоничности. Сосредоточенность, присущая его натурѣ, оказала ему тутъ первую и лучшую свою услугу. Благопріятный хоръ товарищей удовлетворялъ его самолюбіе и давалъ его творчеству реакцію, необходимую для всякаго развитія. Конечно, ни одной пѣсни этого времени не дошло до насъ. Но сквозь отрывочныя и неполныя свѣдѣнія смутно рѣетъ прекрасный отроческій обликъ тогдашняго Никитина, освѣщаемый такими драгоцѣнными, хоть и малыми, фактами, дошедшими до насъ,

какъ слѣдующіе: игралъ на гусляхъ; бродилъ съ ружьемъ въ окрестностяхъ...

Иной была вторая сторона его духовнаго роста: рѣзкое и острое увлеченіе западничествомъ.

Если въ первой были заложены зачатки всего его поэтическаго подвига съ такимъ страстнымъ устремленіемъ къ міровому и мірскому счастью, и, значитъ, зачатки всего его личнаго счастья и душевнаго благостроенія, то во второй скрыты корни глубочайшихъ его личныхъ мученій и того неизбывнаго надрыва, который прервалъ и смялъ его пѣсню.

Западничество взяло Никитина огневой десницею Бѣлинскаго. Бѣлинскимъ зачитывались въ семинаріи. Никитинъ отдался ему беззавѣтно.

Всей душой потянулся онъ къ тому, что было въ западничествѣ отъ гуманизма. Идеалъ свободно-развитого человѣка, благоговѣніе къ наукѣ-истинѣ и культурѣ-красотѣ внѣдрились навсегда въ самую глубину его существа и дали основной тонъ всему его творчеству. Эта часть западническаго вліянія какъ нельзя лучше совпала съ врожденными Никитину духовными задатками. Но была другая сторона въ воспринятомъ вліяніи: это отрицаніе „грязной дѣйствительности". Со всѣмъ пыломъ юнаго ученика Никитинъ усвоилъ и ее, тяжкой цѣной разрушенія своего душевнаго мира заплативъ за ученичество. Исчезаетъ обликъ отрока, играющаго на гусляхъ и мечтательно бродящаго въ лѣсахъ и поляхъ. Намѣчаются первые штрихи того портрета, который мы позднѣе видимъ въ *Рус. Худ. Листкѣ* Тимма. Выбритый и выстриженный по европейски господинъ въ сюртукѣ съ непослушными вихрами на головѣ, со слѣдами довольной, отъ сознанія своей культурности, улыбки на губахъ.

Отрицаніе „грязной дѣйствительности", другими словами отлученіе отъ всѣхъ бытовыхъ, житейскихъ мелочей и отъ самаго сока жизни, потому что въ отрицаемомъ, среди грязи и навоза, таилось не одно жемчужное зерно, отъ рожденія связанное неразрывной нитью съ сердцемъ поэта, нанесло ударъ подъ самый корень зеленорадостному древу пѣснопѣнія, подымавшемуся въ Никитинѣ. Не стало мѣста миру и тишинѣ въ Никитинской пѣснѣ, горе и злоба получи-

ли возможность родиться въ ней. Рѣдчайшія личныя качества исказились въ корнѣ. Если въ воображеніи отодвинуть силу, обрушившуюся на Никитина и перемѣстить его на мгновеніе въ другія историческія условія,—какая величавая картина развертывается передъ нашими глазами, какое умиляющее поэтическое зрѣлище является намъ утраченнымъ. Не пушкинская, нѣсколько африканская жизнерадостность, не толстовское тяжелое жизнеутвержденіе, а идиллическій лиро-эпосъ, непредвидимой широты и размаха утраченъ нами.

Самое рожденіе Никитина въ средѣ неустоявшагося быта въ семьѣ не крестьянской, не купеческой, отъ вчерашняго мѣщанина обрекало уже поэта на нѣкоторую оторванность. Но, изживъ эту оторванность, поскольку она давалась рожденіемъ, въ своемъ одиночествѣ и перевоплотивъ ее именно въ любовь къ одинокой сосредоточенности, Никитинъ могъ бы основать свое творчество на культурѣ крестьянской, которая дала ему лучшія изъ его пѣсенъ.

Ко времени выхода Никитина изъ семинаріи, благосостояніе его отца разрушилось. Главной причиной его разоренія было введеніе свѣчной монополіи. Онъ продалъ свой заводъ и домъ и купилъ постоялый дворъ, который сталъ сдавать въ аренду, помѣщаясь съ семьей во флигелѣ. Оставалась еще у него свѣчная лавка у Смоленскаго собора. Смутныя свѣдѣнія указываютъ на то, что было намѣреніе отправить молодого Никитина въ университетъ. Не осуществилось оно будтобы по настояніямъ матери, желавшей сына женить да въ лавку посадить. Первое не осуществилось, но второе исполнилось, и полгода поэтъ провелъ за прилавкомъ — до смерти матери.

Савва Никитинъ послѣ смерти жены сталъ пить запоемъ. Дѣла шли все хуже и хуже. Иванъ Никитинъ не сдавался передъ несчастьями. То онъ выходитъ съ возомъ на Смоленскую площадь торговать свѣчами, ладаномъ и посудой подъ градомъ насмѣшекъ, которыми осыпали его другіе торговцы. То онъ пытается достать себѣ мѣсто конторщика или приказчика. Когда же это ему не удается, онъ разсчитываетъ арендатора и самъ становится дворникомъ, т. е. начинаетъ вести все хозяйство извозчичьяго постоялаго двора. „Сердце мое

обливалось кровью отъ грязныхъ сценъ; но съ помощію доброи воли я не развратилъ своей души". (т. II, 384. Письма). Возможно ли представить, какой бытовой ужасъ скрывается за этимъ спартанскимъ по своей цѣломудренной сдержанности признаніемъ, сколько и какихъ мученій перенесъ Никитинъ въ этотъ періодъ своей жизни.

Въ томъ же письмѣ говоритъ онъ: „Продавая извозчикамъ овесъ и сѣно, я обдумывалъ прочитанныя мною и поразившія меня строки, обдумывалъ ихъ въ грязной избѣ, нерѣдко подъ крики и пѣсни разгулявшихся мужиковъ". И далѣе: „Найдя свободную минуту, я уходилъ въ какои-нибудь отдаленный уголокъ моего дома. Тамъ я знакомился съ тѣмъ, что составляетъ гордость человѣчества, тамъ я слагалъ скромный стихъ, просившійся у меня изъ сердца. Все написанное я скрывалъ, какъ преступленіе, отъ всякаго посторонняго лица и съ разсвѣтомъ сожигалъ строки, надъ которыми я плакалъ во время безсонной ночи".

Тяжелая эта жизнь еще болѣе отягощалась частыми ссорами поэта съ своимъ отцомъ. Они любили другъ друга, но отношенія между ними были ужасныя. Кротко ухаживая за отцомъ, когда онъ бывалъ пьянъ, Иванъ Никитинъ становился къ нему суровымъ, когда онъ вытрезвлялся. Де Пулэ приписываетъ Ивану Никитину слѣдующія слова, неоднократно имъ будто-бы повторяемыя: „я въ состояніи убить того, кто рѣшился бы обидѣть старика на моихъ глазахъ; но когда онъ отрезвляется и смотритъ здравомыслящимъ человѣкомъ, вся желчь приливаетъ къ моему сердцу, и я не въ силахъ простить ему моихъ страданій".

Хозяйничество поэта нѣсколько поправило дѣла Никитиныхъ. Явилась возможность построить флигель, который былъ сданъ въ наемъ профессору семинаріи. Непосредственное и постоянное общеніе съ народомъ, несмотря на обстановку, въ которой оно происходило, не могло все-таки не давать пищи наблюдательному уму и затаенному сердцу Никитина; чтеніе книгъ питало его съ другой стороны; въ центрѣ его духовной жизни уже стояло, повидимому, собственное поэтическое творчество; голодъ въ людяхъ, въ обществѣ, въ средѣ былъ, вѣроятно, наиболѣе ощутимымъ въ эту пору. Извѣстно,

что отчасти удовлетворяла его дружба поэта съ мѣщаниномъ г. Нижнедѣвицка Иваномъ Ивановичемъ Дураковымъ. Однимъ изъ первыхъ слушателей и совѣтчиковъ поэта былъ онъ, и добрую о немъ память надолго сохранилъ Никитинъ. Ища выхода своимъ силамъ, Никитинъ посылалъ въ столичные журналы свои стихотворенія, но отклика не получилъ никакого.

Въ октябрѣ 1849 года Иванъ Никитинъ послалъ два своихъ стихотворенія, „Лѣсъ" и „Дума", въ редакцію *Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей*. Редакторомъ газеты былъ въ то время В. А. Срединъ, а ближайшими сотрудниками Н. И. Второвъ и К. О. Александровъ-Дольникъ. Оба только что перевелись на службу изъ Петербурга въ Воронежъ, первый — совѣтникомъ губернскаго правленія, второй — товарищемъ предсѣдателя губернской палаты, оба окончили казанскій университетъ, и наряду со службой занимались археологіей, этнографіей, статистикой, изучали и собирали воронежскія древности; они основали въ Воронежѣ кружокъ, собиравшійся на квартирѣ Второва для бесѣдъ, чтенія и научныхъ занятій и состоявшій изъ преподавателей мѣстныхъ гимназій, семинаріи и кадетскаго корпуса, священниковъ и побывавшей въ университетѣ молодежи.

Такая редакція не могла пройти мимо стихотвореній, изъ которыхъ одно, какъ мы можемъ судить, отличалось сильнымъ чувствомъ природы и предсказывало богатое развитіе. 5-го ноября вышелъ № 45 *Вор. Губ. Вѣд.* со слѣдующимъ отвѣтомъ Никитину отъ имени редактора: „На дняхъ присланы намъ отъ неизвѣстнаго лица при письмѣ, подписанномъ буквами И. Н., два стихотворенія, которыя мы по прочтеніи нашли такъ замѣчательными, что готовы были на этотъ разъ изъ уваженія къ дарованію отступить отъ принятой нами программы и помѣстить ихъ въ нашей газетѣ. Единственное препятствіе, которое удерживаетъ насъ, это незнаніе нами имени автора!" Этому препятствію не суждено было исчезнуть: Никитинъ не открылъ своего имени, и стихи напечатаны не были. Поэтъ не могъ преодолѣть противорѣчія, которое было между внутренней и внѣшней его жизнью, того, что онъ самъ позднѣе, въ письмѣ къ Кони, назвалъ „двусмыслен-

нымъ положеніемъ". Тѣмъ не менѣе, успѣхъ, хотя и неиспользованный, не могъ не отразиться благотворно на его творчествѣ.

Стихотворенія слѣдующаго, пятидесятаго, года носятъ слѣды большой сосредоточенности и душевнаго мира. Отъ „безотрадной ничтожности" бываніе поэтъ устремляется къ созерцанію бытія:

И чужды мнѣ земныя впечатлѣнья,
И такъ свѣтло во глубинѣ души:
Мнѣ кажется, со мной въ уединеньи
Тогда весь міръ бесѣдуетъ въ тиши.
(т. I, XXVII).

„Тишинѣ молюсь" — говоритъ онъ въ стихотвореніи „Вечеръ" (ib., XXIII); въ другомъ: „какъ мнѣ легко" (ib., XXVIII). Можно сказать, что темой этого года быяъ стихъ: „смолкла дневная тревога" (ib., XIX).

Получивъ добрый откликъ отъ людей, которыхъ уважалъ, поэтъ внутренне окрѣпъ, увѣрился въ себѣ. Ему стало легче переносить свою судьбу, онъ въ ней увидѣлъ смыслъ:

Къ борьбѣ съ судьбою я привыкъ,
Окрѣпъ подъ бурей искушеній:
Она высокихъ душъ родникъ,
Причина слезъ и вдохновеній.
(ib., XL).

Этимъ процессомъ самоуглубленія и развитія можно объяснить, что только черезъ четыре года Иванъ Никитинъ вновь рѣшаетъ обратиться въ редакціи. Повидимому, новый этапъ предчувствовалъ онъ, уже не удовлетворяясь сдѣланнымъ за эти годы, и остро ощутилъ необходимость общественно провѣрить то, во что самъ вѣрилъ со страхомъ: свое поэтическое призваніе.

6 ноября 1853 года онъ пишетъ Ѳ. А. Кони и проситъ „приговора" (т. II, 352): „будьте моимъ судьею, покажите мнѣ мое собственное значеніе или мою ничтожность".

Какъ настоящій художникъ, желающій всѣхъ достиженій, а не нѣкоторыхъ, полной побѣды, а не половинчатой, пишетъ въ этомъ письмѣ Никитинъ: „Если же изъ приложенныхъ

здѣсь стихотвореній. Вы увидите во мнѣ жалкаго ремесленника въ дѣлѣ искусства, тогда сожгите этотъ безсмысленный плодъ моего напраснаго труда. Тогда я пойму, что дорога, по которой я желалъ бы идти, проложена не для меня; что я долженъ всецѣло погрузиться въ тѣсную сферу мелкой торговой дѣятельности и навсегда проститься съ тѣмъ, что я называлъ моею второю жизнью". Намъ неизвѣстно, что отвѣтилъ Ѳ. А. Кони Никитину на это письмо.

12-го ноября Никитинъ въ подобномъ же письмѣ, сохраняя тѣ же выраженія, и также говоря о своемъ мѣщанскомъ происхожденіи, и о томъ, какъ дѣйствуетъ на него природа, и также прося отвѣта на тотъ же вопросъ „быть или не быть", пишетъ В. А. Средину. Въ началѣ письма онъ открываетъ свои иниціалы, которыми подписалъ четыре года тому назадъ свои стихи. Въ концѣ письма онъ лукавитъ, говоря: „Съ просьбою о напечатаніи своихъ стихотвореній въ одномъ изъ современныхъ журналовъ я не обращаюсь къ кому либо по своей неизвѣстности и неувѣренности въ силѣ своего дарованія" (Ѳ. А. Кони онъ писалъ именно такъ: „...обратиться къ Вамъ съ просьбою о напечатаніи"). Къ письму были приложены стихотворенія „Русь", „Поле" и „Съ тѣхъ поръ, какъ міръ нашъ необъятный."

Де Пулэ говоритъ, что это письмо Никитинъ написалъ „по совѣту Дуракова", и что Дураковъ самъ доставилъ письмо въ редакцію.

Въ № 47 *Вор. Губ. Вѣд.*, въ отдѣлѣ „Смѣсь" (Никитинъ самъ назвалъ его въ письмѣ) появилась „Русь" и была перепечатана *С.-Петербургскими Вѣдомостями* въ № 275. Это было первымъ выступленіемъ Никитина въ печати.

Тотчасъ же состоялось знакомство Никитина съ редакціей. Гласныи думы Н. Рубцовъ разыскалъ поэта и привезъ его къ Н. И. Второву. Вотъ какъ описываетъ послѣдній этотъ моментъ: „Блѣдный, худощавыи, выглядывавшій какъ-то изъ подлобья, въ длинномъ сюртукѣ. Иванъ Саввичъ робко слѣдовалъ за Рубцовымъ, и когда послѣдній съ торжествомъ объявилъ, что это тотъ самый Никитинъ, съ которымъ я желалъ познакомиться, онъ, словно подсудимый, призванный къ отвѣту, сталъ извиняться, что позволилъ себѣ такую дерзость (т. е.

написать письмо) и проч. Насилу могъ я усадить его; но и затѣмъ, какъ только начиналъ я говорить съ нимъ, онъ тотчасъ же вскакивалъ, и не малыхъ усилій стоило мнѣ уговорить его вести разговоръ со мною сидя" (де Пулэ, „И. С. Н.", гл. II).

Стихи Никитина стали въ спискахъ распространяться по городу. Поэтъ пріобрѣталъ знакомства, вступилъ въ Второвскій кружокъ, подружился съ А. Нордштейномъ, былъ приглашенъ къ губернаторшѣ, Е. Долгорукой.

Изъ петербургскихъ литераторовъ горячо откликнулись на „Русь" И. И. Введенскій и А. П. Майковъ, принявшіе Никитина, какъ поэта народнаго. Купецъ Рукавишниковъ, уѣзжая въ Иркутскъ, звалъ его съ собою на пріиски съ жалованьемъ 1.200 руб. въ годъ на всемъ готовомъ. Гр. Д. И. Толстой черезъ Н. И. Второва сдѣлалъ Никитину предложеніе издать его стихи.

Въ октябрѣ 1854 года поэтъ отправилъ рукопись первой своей книги стиховъ въ Петербургъ къ гр. Д. И. Толстому. Этотъ годъ, повидимому, сыгралъ большую роль въ жизни Никитина. Подъ вліяніемъ новыхъ знакомствъ, бесѣдъ съ друзьями, чтенія, подъ вліяніемъ быстраго и широкаго литературнаго успѣха, въ поэтѣ ускорился ростъ его душевныхъ силъ. Ему уже было около 32 лѣтъ; съ расцвѣтомъ поэтическимъ совпадала жизненная зрѣлость. Въ іюлѣ 1854 года Никитинъ началъ писать „Кулака". Еще много было противорѣчій между окончательно сложившимся въ Никитинѣ культурнымъ человѣкомъ типа западниковъ и ролью дворника, но достаточно посмотрѣть его записки этой поры, чтобы увидѣть въ ихъ юморѣ глубокую и прочную побѣду личности надъ средой. Отрываемый и теперь отъ книгъ окриками извозчиковъ: „Савельичъ, овса! Э, малый, да ты острыгся! Вишь виски-то щетина щетиной!"—Никитинъ въ тотъ же день могъ слушать комплименты губернаторши его стихамъ, и то, что раньше трагически парализовало его творчество, теперь, наоборотъ, становясь не болѣе, какъ однимъ изъ жизненныхъ контрастовъ, возбуждало способность творить, звало къ картинамъ, широты всеобъемлющей.

Де Пулэ, простодушно думавшій встрѣтить въ Никитинѣ „мужичка" (онъ познакомился съ нимъ въ январѣ 1854 года)

нашелъ въ немъ „рѣшительнаго литератора", увидѣлъ что-то „если не нѣмецкое, то задумчивое, литературное", замѣтилъ сходство съ Шиллеромъ. Года черезъ два, по замѣчанію Н. И. Второва, Никитинъ „сдѣлался уже свѣтскимъ человѣкомъ. Онъ бросилъ свой длиннополый сюртукъ и сшилъ себѣ платье по модѣ, сдѣлался очень развязенъ". Самостоятельно изучивъ французскій языкъ, Никитинъ въ эту пору, хоть и пугалъ друзей своимъ произношеніемъ, но объяснялся по-французски.

Въ литературномъ отношеніи Никитинъ въ этотъ періодъ оказался между двухъ огней: изъ Петербурга, отъ Майкова и др., шло къ нему требованіе быть поэтомъ-народникомъ и прежде всего удовлетворять неяснымъ исканіямъ того неопредѣленнаго, что грезилось петербургскимъ литераторамъ подъ именемъ народной души. Съ другой стороны, воронежскій литературно-культурный кружокъ всячески воспитывалъ въ Никитинѣ литератора. Это было бы не плохо, если бъ вкусы этого кружка не стояли на такой безнадежно-средней высотѣ, которой недоступно было пониманіе всѣхъ зачинающихся въ Никитинѣ стихійно-поэтическихъ силъ. Страннымъ, должно быть, казалось Никитину, когда А. Майковъ писалъ ему: „завидую, что васъ вспоила и вскормила сермяжная Русь". Наоборотъ, чуткій чрезвычайно ко всякой культурѣ, онъ охотно подвергалъ себя мелочной изысканности литературнаго вкуса де Пулэ и др., почти безпрекословно принимая къ своимъ стихамъ ихъ поправки.

Къ веснѣ 1855 года относятся первыя свѣдѣнія о той болѣзни поэта, которая привела его къ безвременной могилѣ.

Пишущему эти строки воронежскіе старожилы разсказывали о необычайной силѣ поэта, унаслѣдованной отъ отца и о томъ, какъ онъ, напр., съ пудовой гирей въ каждой рукѣ взбирался по лѣстницѣ на крышу своего дома. Это молодечество, по разсказу Н. Второва, заставило его однажды, въ 1850 или 1851 году, хвалясь силой, сдвинуть съ мѣста нагруженный возъ, причемъ у него „какъ бы порвалось что внутри", и отъ чего началось хроническое разстройство желудка, переставшаго принимать всякую пищу, кромѣ куринаго супа, кашицы, да бѣлаго хлѣба. Въ прелестное весеннее утро

13 апрѣля 1855 года болѣзнь эта получила возможность рѣзко прогрессировать, потому что Никитинъ, по примѣру, но противъ предостереженія Второва, съ которымъ гулялъ, соблазнился на купанье. Это купанье имѣло слѣдствіемъ очень тяжелую болѣзнь, которую Н. Второвъ, въ терминахъ своего времени, опредѣляетъ сначала, какъ „горячку", потомъ, какъ „скорбутъ", и признаками которой указываетъ лишеніе „употребленія ногъ" и постоянное лежаніе въ постели. Бывшій директоръ Воронежской гимназіи и тамошній помѣщикъ П. И. Савостьяновъ предложилъ больному поэту пожить у него въ имѣніи „Сухіе Гаи". Никитинъ принялъ предложеніе. Его привезъ, за нимъ ухаживалъ и носилъ его „молодой парень, одѣтый и остриженный по-русски, кажется, одинъ изъ дальнихъ родственниковъ больного". Хозяинъ надѣлилъ поэта медицинскими книгами, и Никитинъ погрузился въ нихъ. Въ запискѣ изъ „Сухихъ Гаевъ" ясно передано ощущеніе этого лѣта: „вижу самого себя медленно умирающаго, съ отгнившими членами, покрытаго язвами, потому что такова моя болѣзнь".

Въ концѣ іюня Никитинъ уже возвратился домой.

Врачъ Кундасовъ принесъ ему облегченіе отъ скорбута, отмѣнивъ діэту и допустивъ въ пищу кислыя щи, квасъ и т. д. Но, повидимому, теперь Никитинъ былъ уже боленъ чахоткой кишекъ. 13-го октября онъ пишетъ: „Вчера для меня былъ страшный день. Я думалъ, треснетъ мой черепъ,—такъ болѣла голова отъ разстройства желудка!"

Въ началѣ 1856 года вышло первое изданіе стихотвореній Никитина. Издатель, гр. Д. Толстой, вице-директоръ департамента Полиціи, подалъ поэту мысль поднести книгу Высочайшимъ Особамъ. Никитинъ согласился и былъ въ восторгѣ, когда получилъ подарки отъ обѣихъ царицъ и цесаревича Николая Александровича. „Рука дрожитъ"—пишетъ онъ Н. Второву. Знаки сочувствія шли со всѣхъ сторонъ къ поэту. Генералъ-маіоръ Комсенъ изъ Кременчуга прислалъ ему полное собраніе сочиненій Пушкина. Еще какая-то „почтенная особа"—„Мертвыя Души" въ золотомъ переплетѣ. Въ Воронежѣ книга имѣла большой успѣхъ: „было 150, всѣ до тла распроданы". Столичная критика приняла ее менѣе горячо, чѣмъ слѣдовало. Ѳаддѣй Булгаринъ издѣвался.

1856 годъ былъ омраченъ для Никитина смертью Дуракова. Никитинъ писалъ И. И. Брюханову: „Бѣдный Дураковъ! Мнѣ тѣмъ болѣе грустно, что настоящее время я почитаю какимъ-то свѣтлымъ исключеніемъ въ моей жизни".

Въ 1857 году Н. И. Второвъ, переведенный на службу въ Петербургъ, уѣхалъ изъ Воронежа, и кружокъ его распался. Разлука съ нимъ была тяжела для Никитина. Кромѣ де Пулэ, въ Воронежѣ къ этому времени не оставалось почти никого. изъ друзей Никитина. Опять въ немъ начались сомнѣнія. „Видно я ошибся въ выбранной мною дорогѣ"—пишетъ онъ Н. Второву 15 апрѣля. „Неумолкаемая гроза и гроза отвратительная, грязная, подъ родною кровлей" стала опять для него „невыносимой битвой". Творчество поэта не находило себѣ выхода. Поэма „Городской Голова" не удавалась: „разъ десять начиналъ я новую работу, поэму, но разрывалъ въ мелкіе куски. Жалкое начало!—Дрянь выходитъ изъ-подъ пера". Противорѣчіе между требованіемъ „невозмутимаго міра" и жизнью опять мучило поэта. Онъ съ увлеченіемъ читаетъ „Послѣдняго изъ Могиканъ": „все-таки легче, когда забудешься, хоть ненадолго". По субботамъ теперь собирались у де Пулэ: Никитинъ, Придорогинъ, Курбатовъ, Бергъ, Милашевичъ. По словамъ де Пулэ, отношенія къ нему поэта перешли „въ самыя близкія и дружественныя".

Письмо къ Плотниковымъ, отъ 12 іюля этого года, ярко рисуетъ нѣкоторыя стороны жизни поэта. Любовь къ хозяйничеству сидѣла въ немъ крѣпко. Онъ охотно исполнялъ въ Воронежѣ всевозможныя порученія своихъ деревенскихъ знакомыхъ. Попросили купить коляску—онъ покупаетъ и торгуется: „Какъ я ни старался выжать что-нибудь изъ нѣмца—хозяина коляски, нѣтъ! не уступилъ ни гроша! Толкуетъ, что она изъ бука, и при этомъ долго вертѣлъ указательнымъ пальцемъ подъ самымъ моимъ носомъ; ей Богу, не понимаю, что же тутъ общаго между букомъ и моимъ носомъ?" Въ этомъ же письмѣ Никитинъ и счетъ посылаетъ:

| | | |
|---|---|---|
| За гайку . . . . . | 1 | ру. 22. |
| За овесъ и сѣно . . | 1. | 40. |
| За сало . . . . . | — | 35. |
| Соду . . . . . | 1. | 75. |

Конфекты . . . . . 1. 5.
На дорогу . . . . . 1. 23.

2 августа 1857 года Никитинъ счелъ законченнымъ своего „Кулака“ и отправилъ его въ Петербургъ „подъ покровительство Константина Осиповича (г. Александрова-Дольника)“. Послѣ весенней слабости, осенью опять въ немъ чувствуется твердость и увѣренность. „Покуда мнѣ сомнѣваться и въ „Кулакѣ“ и въ самомъ себѣ!“ Отзывы его о прочитанныхъ къ этому времени книгахъ рѣзки и опредѣленны. Про Щедрина онъ пишетъ: „это выстрѣлы на воздухъ, холостые заряды... Много грома и мало пользы!“ Шекспиръ ему нравится: „какое славное лицо по отдѣлкѣ Фальстафъ!“ 1 ноября Никитинъ пишетъ Александрову-Дольнику о своихъ безпокойствахъ по поводу изданія „Кулака“. „Вотъ три мѣсяца о „Кулакѣ“ ни слуху, ни духу; живъ ли онъ и какъ проходитъ сквозь цензуру?“ „Ужъ скорѣе бы съ нимъ покончить, посмотрѣть и послушать, что и какъ, и—тогда за новую работу: до сихъ поръ что-то не работается. Забота плохой двигатель труда, если она не о самомъ трудѣ“. Наконецъ, первые пять экземпляровъ поэмы были получены поэтомъ—4 марта 1858 года. Какъ разъ въ это время онъ отправлялъ Плотниковымъ какой-то комодъ, и въ одинъ изъ ящиковъ его положилъ „Кулака“.

Черезъ десять мѣсяцевъ книга была распродана.

Весну этого года характеризуютъ слѣдующія три фразы изъ записки отъ 14 апрѣля: „Хозяйство мнѣ просто шею перѣло“. „Дворникъ говоритъ: я жить не хочу“. „Кухарка легла на печь.—Я, говоритъ, стряпать не хочу, хоть всѣ оставайся безъ обѣда. „Записки семинариста“ подвигаются впередъ тихо, даже слишкомъ тихо“. Въ маѣ Никитинъ переѣхалъ на дачу, „если только можно назвать дачею сальные заводы, гдѣ все есть: и страшное зловоніе, и тучи мухъ, и ночью лай собакъ, и къ несчастію сквернѣйшая погода“. А дома старикъ отецъ пьянствовалъ: „Сказалъ было старику, чтобы онъ поберегъ свое и мое здоровье, поберегъ бы деньги—вышла сцена, да еще какая! Я убѣжалъ къ Придорогину и плакалъ навзрыдъ... Вотъ вамъ и поэзія“.

Въ концѣ іюля здоровье поэта ухудшилось. Докторъ запретилъ ему „работать головою“ и заставилъ пить исландскій

мохъ. Никитинъ сталъ читать Шиллера въ подлинникѣ, браня Жуковскаго за плохіе переводы. Осенью онъ пишетъ: „я все боленъ и боленъ болѣе прежняго". Докторъ прописываетъ ему діэту. Онъ хотѣлъ бы ѣхать къ Плотниковымъ въ деревню, но не можетъ. День проходитъ у него въ работѣ на дворѣ, въ возняѣ съ извозчиками. Вечеромъ онъ берется за чтеніе. Когда чувствуетъ себя лучше, читаетъ Шиллера съ лексикономъ, „покамѣстъ зарябитъ въ глазахъ". Ложится въ 12, встаетъ съ первымъ свѣтомъ.

Къ концу 1858 года Никитинъ почувствовалъ себя богачемъ, получивъ за „Кулака" полторы тысячи рублей. Онъ сталъ строить всякіе планы и остановился на мысли открыть книжный магазинъ. Но на это дѣло денегъ еще не хватало. В. А. Кокоревъ, принимавшій близкое участіе въ распространеніи „Кулака", далъ Никитину три тысячи рублей авансомъ за новое изданіе его стихотвореній. „...Я берусь за книжную торговлю,—не въ видахъ чистой спекуляціи"—писалъ ему Никитинъ:—„У меня есть другая, болѣе благородная цѣль: знакомство публики со всѣми лучшими произведеніями русской и французской литературы, въ особенности знакомство молодежи, воспитанниковъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній". Кромѣ этой цѣли, въ Никитинѣ сильно было желаніе выравнять свое соціальное положеніе въ родномъ городѣ. Очевидно, таково еще было общество, что вѣнокъ поэта не заслонялъ собою метлы дворника. „Я былъ страдательнымъ нулемъ въ средѣ моихъ согражданъ" въ томъ же письмѣ пишетъ Никитинъ: „вы поднимаете меня, какъ гражданина, какъ человѣка". Во второй половинѣ декабря Курбатовъ уже отправился въ Москву и Петербургъ за товаромъ.

Въ разгарѣ этихъ плановъ по городу ходилъ пасквиль на одно „значительное лицо". Кто-то пустилъ сплетню, что авторъ пасквиля Никитинъ. Поэтъ страдалъ и возмущался. Де Пулэ сообщаетъ слѣдующее: „Я никогда не видалъ его въ такомъ мрачномъ состояніи духа, никогда лицо его не выражало такой скорби и негодованія, какъ 8 ноября 1858 г., когда онъ принесъ и прочелъ мнѣ одно изъ превосходныхъ своихъ стихотвореній, оканчивающееся слѣдующими словами, которыя поэтъ едва дочиталъ: „Грудь мою давитъ тяжелое бремя..."

Никитинъ торопился съ открытіемъ магазина ко времени дворянскихъ выборовъ. Тревоги и волненія въ концѣ концовъ свалили его въ постель.

Выборы начались. Былъ уже февраль. Только 15 числа этого мѣсяца пріѣхали Придорогинъ и Курбатовъ съ товаромъ. Вотъ какъ описываетъ событіе де Пулэ: „Новый книгопродавецъ не вставалъ съ постели. Друзья его въ продолженіе трехъ сутокъ не выходили изъ магазина, устанавливая по полкамъ книги и прочія вещи. Толпы любопытныхъ останавливались передъ новой вывѣской, на которой красовались слова: Книжный магазинъ Никитина. Былъ четвергъ на масляницѣ. Въ девятомъ часу утра Никитинъ пригласилъ священника и вмѣстѣ съ нимъ и Саввою Евтѣевичемъ, едва живой, отправился въ свой магазинъ. Отслужили молебенъ съ водоосвященіемъ. Когда Никитинъ по окончаніи молебствія оглянулся вокругъ себя, на свою, пріобрѣтенную такою дорогою цѣною собственность, онъ истерически зарыдалъ и упалъ на грудь отца.“ Это было 22 февраля 1859 г.

Публика повалила въ домъ Соколова на Дворянской улицѣ, гдѣ былъ магазинъ.

Въ дѣлѣ Никитина было много своеобразнаго. Ведомый, какъ настоящее коммерческое предпріятіе, его магазинъ былъ въ то же время проникнутъ идеей культуры. Среди книгъ были сочиненія Тургенева, Крестовскаго, Костомарова, Островскаго, античные, французскіе, англійскіе и нѣмецкіе (во французскихъ переводахъ) классики, сочиненія историческія и политико-экономическія. Были слѣдующія книги: „Рѣчи и отчетъ о состояніи Московскаго Университета за 1858 г.“, „Химическія свѣдѣнія о различныхъ предметахъ изъ вседневной жизни“ Джонсона, „Громъ и молнія“ Араго, „Метода для взаимнаго обученія взрослыхъ людей“ Золотова; были дѣтскія книги. Наряду съ книгами магазинъ былъ богатъ „отличными иностранными принадлежностями для письма — почтовой бумагой, конвертами, сургучами и т. п.“. 1-го марта при магазинѣ открылся „кабинетъ чтенія“ съ платою за входъ по 10 коп. сер., или въ годъ 12 руб. Для бѣдныхъ и учащихся разсрочка.

Никитинъ съ головой ушелъ въ новое дѣло. Друзья стали упрекать его въ скупости и скопидомствѣ, бояться, что талантъ его погибнетъ въ торговыхъ хлопотахъ.

Здоровье поэта становилось все хуже и хуже. Дѣла идутъ хорошо. Онъ всячески пополняетъ свой магазинъ. Прослышавъ, что въ Нижнедѣвицкѣ, у какого-то священника есть сочиненія Иннокентія, онъ добываетъ ихъ. 20 февраля Придорогинъ писалъ Второву про Никитина: „худъ онъ сталъ, какъ скелетъ, и едва-едва можетъ перетащиться съ одного дивана на другой; такъ онъ слабъ и истощенъ"! Черезъ мѣсяцъ: „здоровье его скверно. Онъ началъ лечиться гомеопатіей". 8 мая самъ Никитинъ писалъ Второву: „Вѣрите-ли — едва хожу, едва владѣю руками. Если настанетъ тепло, и не поможетъ мнѣ купанье, тогда останется одно: умереть". 22 іюня онъ пишетъ ему же: „Ноги мои распухли, покрылись красно-синими пятнами и окончательно отказываются мнѣ служить". Онъ мечтаетъ ѣхать въ Петербургъ, но болѣзни и дѣла не пускаютъ его. 11 іюня Придорогинъ пишетъ Второву, что доктора опредѣлили чахотку. Потомъ продолжаетъ: „Физическое истощеніе убило въ немъ поэта; но зато съ необыкновенною силою развернулся въ немъ мелочный и раздражительный духъ спекуляціи". Дѣйствительно, отъ этого года осталось только пять стихотвореній. Друзья видѣли причину этого въ торговыхъ дѣлахъ. Самъ Никитинъ—въ болѣзни „Я похожъ на скелетъ, обтянутый кожей, а вы хотите, чтобы я писалъ стихи!"

Повидимому, поэтъ былъ болѣе правъ, чѣмъ его друзья. Въ концѣ іюля ему полегчало, и онъ тотчасъ принялся за „поправку своихъ мелкихъ стихотвореній". Эта работа, результаты которой можно видѣть при сравненіи перваго изданія стиховъ со вторымъ (изд. Т. съ изд. К.), была тяжела и не богата творчествомъ. Литературные вкусы автора „Кулака", конечно, были уже не тѣ, что у дебютировавшаго подъ эгидой гр. Толстого поэта, они сдѣлались строже, въ нихъ намѣтился большой сдвигъ отъ лирики къ эпосу („все кажется риторикою"), но все же духъ мелочной кропотливости несомнѣненъ въ этой работѣ, какъ несомнѣнна и причина появленія его: образъ жизни и болѣзни.

Въ погашеніе своего долга В. Кокореву Никитинъ предполагалъ выпустить „или два томика, или одну объемистую книжку", включивъ сюда и „Кулака". Но, какъ извѣстно, книжка вышла безъ поэмы.

12 ноября 1859 года умеръ И. А. Придорогинъ. Смерть его тяжело перенесъ Никитинъ. Конецъ этого года отмѣченъ новой вспышкой ссоръ съ отцомъ на денежной почвѣ.

Новый, 1860-й годъ наступалъ при благопріятныхъ условіяхъ. Здоровье Никитина нѣсколько возстановилось, онъ бросилъ діэту; дѣла шли хорошо: магазинъ далъ около полутора тысячъ прибыли. Отношенія съ отцомъ были спокойнѣй. Слава поэта все росла. Устроенный въ воскресенье 9-го апрѣля въ залѣ кадетскаго корпуса литературный вечеръ обратился въ тріумфъ Никитина. На программѣ стояли: „Уѣздный лекарь" Тургенева, „Чернецъ" Шевченко, „Литераторы - обыватели" Щедрина, „Забытая деревня" Некрасова, „Обозъ" Успенскаго, въ музыкальной части — Глинка. Никитинъ выступилъ седьмымъ номеромъ и прочелъ „Поэту-обличителю". Его два раза заставили повторить стихотвореніе. По словамъ мѣстной газеты „публика была довольна".

Къ лѣту у Никитина созрѣла мысль съѣздить въ Петербургъ и Москву. 10 мая онъ писалъ И. Брюханову: „А я мечусь, какъ угорѣлый, отыскивая денегъ". Въ началѣ іюня Никитинъ выѣхалъ на почтовыхъ. Онъ ѣхалъ отдохнуть и развлечься, но поѣздка вышла чисто дѣловой. Въ Москвѣ онъ стоялъ въ № 94 гостинницы Чижовыхъ, близъ Кремля. Москва не произвела на него особенно сильнаго впечатлѣнія. Въ Петербургѣ онъ остановился у Второва, по Бассейной, въ домѣ Аничкова. Здѣсь онъ никого кромѣ книгопродавцевъ и писчебумажныхъ оптовиковъ не видѣлъ. Хотѣлось ему увидѣться съ Майковымъ, но Майковъ жилъ въ Парголовѣ. Хотѣлъ Второвъ показать ему Петергофъ, но не успѣлъ.

Осенью въ Воронежѣ возникла мысль издать литературный сборникъ. У де Пулэ начались собранія по этому вопросу. Никитинъ здѣсь читалъ отрывки изъ „Дневника Семинариста". Работать надъ этой повѣстью ему мѣшала торговля. „Въ магазинѣ мечусь, какъ угорѣлый, а другого исхода нѣтъ, нужно метаться"—пишетъ онъ Второву. Де Пулэ разсказываетъ, что

Никитинъ читалъ ему конецъ повѣсти у себя въ магазинѣ и при началѣ чтенія воскликнулъ: „Доконалъ меня проклятый Семинаристъ!“ По окончаніи чтенія у него пошла кровь горломъ.

До мая состояніе здоровья Никитина было удовлетворительно, хотя онъ не переставалъ жаловаться въ письмахъ на него. „Здоровье мое плоховато“ (письмо къ Вицинскому отъ 3 февраля). „Сухъ, какъ грибъ, тонокъ, какъ спичка,—короче: гадокъ до послѣдней степени“ (къ Н. А. М—ой отъ 17 февраля). Онъ мечтаетъ о лѣтѣ, о купаньѣ, о поѣздкѣ въ столицы. Дѣла продолжаютъ улучшаться: въ февралѣ было уже 200 подписчиковъ. Магазинъ Никитина сталъ своеобразнымъ клубомъ, куда приходили потолковать о событіяхъ, объ освобожденіи крестьянъ, манифестъ о которомъ читался въ Воронежѣ 10 марта. Утромъ этого дня Никитинъ слышалъ перваго весенняго жаворонка („какъ же я былъ радъ его пѣснѣ!“).

Съ начала этого года и по іюль Никитинъ переписывался съ Натальей Антоновной Матвѣевой, которую любилъ. Никитинъ былъ влюбчивъ, и это была не первая его любовь (см. сноску на стр. 404, 405 и 406 II-го тома наст. изд.). Въ апрѣлѣ было у него свиданіе съ Матвѣевой, которая пріѣзжала въ Воронежъ. Памятью его осталось одно изъ лучшихъ стихотвореній: „На лицо твое солнечныи свѣтъ упадалъ“. Любилъ Никитинъ скрытно, сдержанно, глубоко и цѣломудренно. Необычайны нѣкоторыя строки его писемъ къ Матвѣевой, въ общемъ многословныхъ. Трагически звучатъ слѣдующія слова изъ письма отъ 19 апрѣля: „Вѣдь я не сложилъ, не могъ сложить ни одной беззаботной, веселои пѣсни во всю мою жизнь! Неужели въ душѣ моей не нашлось бы животрепещущихъ струнъ? Неужели на лицѣ моемъ только забота должна проводить морщины?“

На третіи день Пасхи Никитинъ гулялъ по кладбищу съ Г. Зиновьевымъ, спотыкаясь на кости и толкуя о смерти. Никитинъ говорилъ: „вотъ 25 лѣтъ, вотъ 30, а здѣсь 40, ну что это за лѣта! Вѣдь такимъ только жить да жить бы!“ Даже 60 лѣтъ не казались ему долголѣтіемъ. Потомъ онъ сказалъ: „видно, братъ, и до насъ доходитъ очередь“.

1 мая онъ встрѣчалъ за городомъ, пилъ чай на воздухѣ и простудился. У него началось кровохарканіе. 23 іюня онъ

пишетъ: „Вотъ уже восьмая недѣля, какъ я лежу на одномъ боку, и если выѣзжаю на полчаса, то эта прогулка удается рѣдко". 7 іюля онъ пишетъ: „Лежа третій мѣсяцъ въ четырехъ стѣнахъ, безъ надежды на лучшее, не имѣя силъ даже ходить по комнатѣ, потому что захватываетъ дыханіе,—трудно сохранить душевное спокойствіе". Врачи растерялись. Послѣдній разъ онъ былъ въ своемъ магазинѣ въ пріѣздъ Кокорева. Встрѣча ихъ была тяжела для здоровья Никитина. Онъ много говорилъ Кокореву: „вы дали мнѣ новую жизнь... вы... вы спасли меня... не подойди такъ скоро смерть, я не остался бы здѣсь, въ этомъ городѣ... здѣсь мнѣ душно!" Ему сдѣлалось дурно. Въ августѣ 1861 года происходило открытіе мощей св. Тихона Задонскаго. Статьи по этому поводу привлекли вниманіе Никитина. Въ немъ усилилось религіозное настроеніе. Онъ сталъ читать Евангеліе.

Изъ друзей больного навѣщалъ одинъ де Пулэ: всѣ разъѣхались. Ходила за нимъ А. Тюрина. Отецъ въ пьяномъ видѣ часто безпокоилъ его, ругаясь, бросаясь солеными огурцами. „Иванъ Саввичъ, при болѣзненной раздражительности, до такой степени волновался этимъ, что при видѣ отца приходилъ въ ярость, обнаруживавшуюся скрежетомъ зубовъ и истерическими припадками" (письмо А. Перелешина къ Н. Второву).

1 Сентября де Пулэ получилъ отъ Никитина записку съ просьбой пріѣхать для составленія духовнаго завѣщанія. 3 сентября Никитинъ исповѣдывался и причащался. Передъ исповѣдью онъ, напрягая послѣднія силы, прошелъ къ отцу, сталъ на колѣни, цѣлуя руку, говорилъ: „Батюшка, простите меня". Отецъ былъ пьянъ и мычалъ безсмысленно.

Въ ближайшіе послѣ этого дни было составлено духовное завѣщаніе въ присутствіи духовника, душеприказчика де Пулэ, Зиновьева и Чеботаревскаго. Текстъ мы даемъ въ приложеніи.

Положеніе Никитина все ухудшалось. Со дня составленія духовнаго завѣщанія де Пулэ ежедневно навѣщалъ его. Вотъ его впечатлѣнія отъ 24 сентября: „Духъ у меня бодръ, но организмъ убиваетъ меня"—говоритъ онъ и, бѣднякъ, безпрестанно плачетъ. Онъ понимаетъ свое положеніе, но все еще питается иногда надеждою; впрочемъ во многихъ отно-

шеніяхъ сталъ дитя. Куда дѣвалась его прекрасная мужественная наружность! весь изсохъ, лицо и голова съ кулакъ. Его бьютъ наповалъ то поносъ, то кашель; перестаетъ одинъ, начинается другой. У него „чахотка кишечная, кашель безъ мокротъ" (Письмо къ Н. Второву).

На 26 сентября, день своего ангела, Никитинъ звалъ къ себѣ де Пулэ: „если буду живъ, пріѣзжайте съ сестрою пить чаи". Отецъ былъ трезвъ въ этотъ день. Онъ говорилъ съ де Пулэ. Де Пулэ сказалъ, что больному необходимо спокойствіе. Никитинъ приподнялся съ дивана, сталъ на ноги. „Онъ былъ страшенъ, какъ поднявшійся изъ гроба мертвецъ". Онъ воскликнулъ: „Теперь поздно говорить о спокойствіи! Я себя убиваю? Нѣтъ, вотъ мой убійца". Онъ глазами показалъ на отца.

16 октября его хотѣли соборовать. Съ утра въ этотъ день пьяный отецъ не выходилъ изъ комнаты умирающаго, требуя ключей и денегъ, и произнося проклятія. Никитинъ умолялъ отвести отца. Не вынося такой сцены, де Пулэ ушелъ. Никитинъ сказалъ ему: „Баба, баба!" Соборованіе было назначено около пяти часовъ, но отецъ Арсеній пришелъ въ четыре. Никитинъ доживалъ послѣднія минуты. Онъ знаками просилъ чего-то. Подали пить. Онъ проговорилъ: „Нѣтъ, супу... ѣсть хочу". Это были послѣднія слова. Онъ окинулъ плачущихъ родныхъ мутнымъ взглядомъ и закрылъ глаза навсегда.

Де Пулэ, вернувшись, засталъ Никитина уже мертвымъ. И надъ тѣломъ не переставалъ бушевать пьяный отецъ.

Похороны были торжественны и многолюдны. Голову поэта украсили двумя вѣнками—изъ искусственной и живой зелени. Гробъ отъ Троицкаго собора до могилы несли на рукахъ. По мысли А. Михайлова, Никитина погребли насупротивъ Кольцова. Тотчасъ была открыта подписка на памятникъ.

Въ день смерти былъ опечатанъ магазинъ. Съ 23 октября по 10 ноября приводилась въ извѣстность его наличность.

Магазинъ былъ запроданъ купцу Лашкину за 7800 рублей (по описи былъ оцѣненъ въ 9000 руб.). По 1 декабря шла сдача товара. Наслѣдники просили раздать скорѣе деньги. За вычетомъ расходовъ по погребенію и шестинедѣльному поминовенію въ 204 рубля, деньги были розданы наслѣдникамъ 11 февраля 1862 года.

Черезъ пятьдесятъ лѣтъ, въ день смерти, на площади Воронежа, которую постоянно переходилъ Никитинъ, идя изъ своего дома въ свой магазинъ, въ присутствіи родныхъ поэта, городскихъ властей и многочисленныхъ депутацій, былъ открытъ ему памятникъ по проекту И. Шуклина.

---

## ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

## Посвященіе Н. И. Второву „Стихотвореній“ 1856 г.

(Эти строки записалъ Никитинъ на первой стр. подареннаго имъ Н. И. Второву экземпляра. Изъ арх. Второва).

Какъ другу милому, единственному другу,
Мой скромный трудъ тебѣ я посвятилъ.
Ты первый взоръ участья обратилъ
На музу робкую, мою подругу.
Ты показалъ мнѣ новый лучшій путь,
На немъ шаги мои направилъ,
И примирилъ съ людьми, и жизнь любить заставилъ,
Развилъ мой умъ, согрѣлъ мнѣ грудь...
Я помню все! Чтобъ ни было со мною—
Въ одномъ себѣ по гробъ не измѣню:
Въ день радости, въ день горя подъ грозою,
Въ моей душѣ твой образъ сохраню.

1856 года
26 марта.

---

II.

## ОБЪЯВЛЕНІЕ
## ОБЪ ОТКРЫТІИ
# КНИЖНАГО МАГАЗИНА
# НИКИТИНА

Предполагая въ 1-хъ числахъ Февраля будущаго 1859 года открыть въ г. Воронежѣ книжный магазинъ, честь имѣю довести до свѣдѣнія Воронежской Публики, что въ составъ его войдутъ лучшія произведенія Русской и Французской литературъ преимущественно по отдѣламъ изящной словесности и исторіи.

Всѣмъ извѣстны затрудненія, встрѣчаемыя публикой въ провинціи какъ при чтеніи, такъ и при пріобрѣтеніи книгъ: съ одной стороны они происходятъ отъ необходимости выписывать книги отъ столичныхъ книгопродавцевъ, что сопровождается излишними расходами и потерею времени; а съ другой въ провинціи нѣтъ никакой возможности просмотрѣть книгу, пріобрѣтеніе которой не входитъ въ расчетъ читателя, между тѣмъ, какъ предварительное знакомство со вновь выходящими книгами необходимо для лицъ, которыя составляютъ себѣ библіотеку. Цѣль вновь открываемаго магазина состоитъ въ устраненіи этихъ затрудненій.

При современномъ направленіи нашей литературы потребность чтенія развивается необыкновенно быстро. Удовлетворить эту потребность, вотъ назначеніе каждаго книжнаго магазина и тѣмъ болѣе провинціальнаго. Онъ долженъ быть не только складочнымъ мѣстомъ старыхъ и новыхъ книгъ, назначаемыхъ единственно для продажи, но и летучею библіотекой; такой, по крайней мѣрѣ, характеръ будетъ имѣть новый магазинъ. Съ этою цѣлію предлагается публикѣ возможно выгодныя условія за право чтенія.

1.) Всѣхъ находящ. въ магаз. журнал. и книгъ русск. и франц.:

| | | | |
|---|---|---|---|
| За годъ | — | — | 12 руб. серебромъ. |
| За полгода | — | — | 7 |
| За три мѣсяца | — | | 4 |
| За 1 мѣсяцъ | — | 1 | 50 коп. |

2.) За чтеніе однихъ журналовъ, спустя два мѣсяца по полученіи ихъ въ Воронежъ:

| | | | |
|---|---|---|---|
| За годъ | — | — 7 | руб. серебромъ. |
| За полгода | — | — 4 | |

**При подпискѣ на чтеніе залогу вносится 5 руб. серебромъ.**

**Во избѣжаніе затрудненій при своевременномъ удовлетвореніи Гг. Подписчиковъ, періодическими изданіями, каждый номеръ журнала не долженъ быть удерживаемъ долѣе ПЯТИ ДНЕЙ.**

***Журналы и газеты будутъ получены слѣдующія:***

| | |
|---|---|
| Современникъ | Московское обозрѣніе |
| Русскій вѣстникъ | Парусъ |
| Русское слово | Русскій дневникъ |
| Отечественныя записки | Московскія вѣдомости |
| Библіотека для чтенія | Искра |
| Атеней | Народное чтеніе |
| Русская бесѣда | Revue des deux mondes |
| Собр. иностран. романовъ | Journal pour tous. |

Для того чтобы опредѣлить нужное для магазина количество экземпляровъ каждаго журнала, имѣю честь просить Гг. Любителей чтенія подписываться заблаговременно. Смѣю надѣяться, что предпріятіе мое, чуждое спекулятивной цѣли, найдетъ сочувствіе въ образованной публикѣ.

**Подписка принимается въ собственномъ домѣ Никитина, на 3-й Дворянской улицѣ, близъ Лютеранской церкви.**

III.

## Набросокъ о бурсѣ.

(Изъ бумагъ де Пуле).

Ахъ, прости, святой угодникъ,
Захватила злоба духъ:
Мірянинъ—поповъ поклонникъ,
Чтитель рясы и бородъ,
Мертвой школѣ гимнъ поетъ.
Охъ, знакомъ я съ этой школой.
Въ ней не видно перемѣнъ;
Та жъ наука—остовъ голый,
Пахнетъ ладономъ отъ стѣнъ.
Искони дорогой торной
Мѣдныхъ лбовъ соборъ покорный
Тамъ идетъ, Богъ вѣсть куда,
Что по цѣли за нужда.
Знай—долби, какъ дятелъ, смѣло...
Жаль, работа не легка;
Долбишь, долбишь, кончишь дѣло,
Плодъ—не стоитъ червяка.
Ученикъ всегда послушенъ,
Безотвѣтенъ, равнодушенъ,
Бьетъ наставникамъ челомъ
И дурѣетъ съ каждымъ днемъ.
Чуждый страсти, чуждый міру,
Ректоръ спитъ да пухнетъ съ жиру,
И наставниковъ доходъ
Обезпеченъ въ свой чередъ.
Что до славы и науки,
Все слова, пустые звуки...
Дали-бъ рясу да приходъ.
Попъ, обросшій бородою,
По дворамъ съ святой водою
Будетъ въ праздники ходить,
До упаду ѣсть и пить,
За холстину съ причтомъ драться,

Попадьи-жены бояться,
Рабски кланяться рабамъ
И потомъ являться въ храмъ.
Но авось пора настанетъ—
Богъ на Русь святую взглянетъ,
Благодать съ небесъ пошлетъ—
Бурсы молніей сожжетъ.

1858 г.

IV.

## Духовное завѣщаніе.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь. Находясь на болѣзненномъ одрѣ, я пожелалъ, на случай моей смерти, сдѣлать по имуществу и правамъ моимъ распоряженіе, которое должно имѣть силу настоящаго духовнаго завѣщанія.

1.

Для исполненія моей послѣдней воли назначаю душеприказчикомъ надворнаго совѣтника Михаила Ѳеодоровича де Пулэ и уполномачиваю его распорядиться всѣмъ моимъ благопріобрѣтеннымъ имуществомъ сообразно слѣдующимъ пунктамъ.

2.

Послѣ смерти моей продать: а) золотые часы съ таковою же цѣпочкой; б) два брилліантовыхъ перстня (въ маленькомъ перстнѣ одинъ камень потерянъ); в) шесть креселъ, обитыхъ зеленой американской клеенкой; г) тою же клеенкой обитый диванъ; д) двѣнадцать стульевъ съ выгнутыми спинками и съ плетенымъ сидѣньемъ; е) одно большое зеркало; ж) всѣ находящіеся въ магазинѣ книжные шкапы; з) два полированныхъ ломберныхъ стола на тумбахъ; и) два ломберныхъ стола съ точеными ножками; і) одинъ мѣдный самоваръ въ формѣ вазы; к) одну дюжину чайныхъ серебряныхъ 84-й пробы ложекъ; л) одну серебряную суповую ложку; м) всѣ составляющіе мой магазинъ книги и эстампы; н) всѣ тамъ-же находящіяся кабинетныя и столовыя вещи.

3.

Взыскать съ лицъ должныхъ мнѣ по моей торговлѣ и помимо ея занимавшихъ у меня наличными деньгами, что все

можно найти въ ведущихся при магазинѣ домовыхъ, приходо-расходныхъ книгахъ и счетахъ.

4.

Изъ вырученной вышеозначеннымъ способомъ суммы удовлетворить: жену воронежскаго купца Алексѣя Николаевича Клочкова тысячью рублями серебромъ, а равно расквитаться со столичными книгопродавцами по счетамъ, могущимъ явиться со дня составленія сего завѣщанія. Къ сему уплатить еще должныя мною по 18-е Октября текущаго года пятнадцать рублей серебромъ г. лекарю Эрасту Ивановичу Кирсанову за наемъ въ его домѣ квартиры подъ мой магазинъ.

5.

Затѣмъ, остальныя за удовлетвореніемъ моихъ кредиторовъ, вырученныя при продажѣ моего имущества, а также и оставшіяся послѣ смерти моей наличныя деньги, употребивъ изъ нихъ скромную часть на посмертные расходы, раздѣлить между бѣдными моими родными такъ: а) воронежскому мѣщанину Василію Кузьмину Никитину—одну седьмую часть, б) воронежской мѣщанкѣ Александрѣ Ивановнѣ Денисьевой—одну седьмую, в) воронежской пригородной слободы Чижевки государственной крестьянкѣ Пелагеѣ Николаевой Проскуряковой (въ настоящее время солдаткѣ)—седьмую часть, г) воронежской мѣщанкѣ Аннѣ Николаевой Тюриной—седьмую часть, д) воронежской мѣщанкѣ Евгеніи Кузьминой Быковой—одну четырнадцатую часть, е) воронежской мѣщанкѣ Вѣрѣ Кузьминой Зубаревой—четырнадцатую часть, ж) коллежской ассессоршѣ Елисаветѣ Феногеновнѣ Утянской—четырнадцатую часть, з) сиротамъ дѣтямъ моей двоюродной сестры Фелицаты Ивановой—пятнадцатую часть, и) города Задонска села Казачье вдовѣ діаконицѣ—двадцатую часть, і) воронежскому мѣщанину Александру Николаеву Тюрину—двадцатую часть, к) воронежской мѣщанкѣ вдовѣ Аннѣ Крушининой—одну сороковую часть, л) государственной крестьянкѣ Екатеринѣ Тюриной—сороковую часть.

6.

Право на оставшіяся по смерти моей и на прежде изданныя сочиненія мои предоставить статскому совѣтнику Нико-

даю Ивановичу Второву съ тѣмъ, чтобы деньги, вырученныя за эти сочиненія, онъ употребилъ, по своему усмотрѣнію, для какой-нибудь благотворительной цѣли.

7.

Сіе же мое распоряженіе, сдѣланное мною въ твердомъ умѣ и здравой памяти, поручаю вышеупомянутому душеприказчику, г-ну де Пуле, исполнить безпрекословно и точно, не стѣсняясь однако же временемъ и способомъ исполненія и отнюдь не давая никому отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. Сію духовную со словъ завѣщателя, воронежскаго купца Ивана Саввича Никитина, писалъ коллежскій секретарь Николаи Николаевъ сынъ Чеботаревскій.

Къ сей духовной по пунктамъ воронежскій купецъ Иванъ Саввинъ Никитинъ руку приложилъ.

Что сіе духовное завѣщаніе составлено воронежскимъ купцомъ Иваномъ Саввинымъ Никитинымъ въ здравомъ умѣ и твердой памяти и имъ самимъ подписано, въ томъ свидѣтельствую. Надворный совѣтникъ Александръ Дмитріевъ Перелешинъ руку приложилъ. Въ томъ же свидѣтельствую губернскій секретарь Иванъ Ивановъ Зиновьевъ. Что сіе духовное завѣщаніе тысяча восемьсотъ шестьдесятъ перваго года, сентября десятаго дня, воронежскимъ купцомъ Иваномъ Саввинымъ Никитинымъ въ здравомъ умѣ и твердой памяти составлено и имъ самимъ подписано, въ томъ свидѣтельствую завѣщателя духовный отецъ, учитель воронежской семинаріи іеромонахъ Арсеній.

1861 года ноября 16 дня въ воронежской палатѣ гражданскаго (суда) это духовное завѣщаніе явлено, по опредѣленію ея, состоявшемуся 6 сего ноября, въ подлинности засвидѣтельствовано и по записке въ крѣпостную книгу выдано предъявителю онаго, надворному совѣтнику Михаилу де Пуле, со взысканіемъ съ него пошлинъ, исключая крѣпостныхъ, такъ какъ предоставляется ему въ распоряженіе движимость, съ которой таковыя, на основаніи 397 ст., V т. уст. о пошл., не взяты, за листъ, на которомъ слѣдовало писать завѣщаніе, 3 р., съ акта 3 р. и за 2 листа не гербовой бумаги 60 к., а

всего 6 р. 60 к. Означенныя пошлины записаны на приходъ сего числа. Цѣна завѣщанному имуществу объявлена 1500 р.

Предсѣдатель Д. Стрижевскій.
Товарищъ предсѣдателя Н. Халютинъ.
Дворянскій засѣдатель А. Верещагинъ.
Купеческій засѣдатель Д. Веретенниковъ
Секретарь Кольцовъ.
За надсмотрщика Торновскій.

Приложена печать воронежской палаты гражданскаго суда.

## Хронологическая таблица.

| Годы. | Біографія. | Изданіе сочиненій. | Общія явленія и факты. |
|---|---|---|---|
| 1793 | Рожденіе Саввы Евтихіевича Никитина, отца поэта. | | |
| 1821 | | | 22. XI. Родился Некрасовъ. |
| 1824 | 21. IX. **Рожденіе Ивана Саввича Никитина.** | | |
| „ | 22. IX. Крещеніе его въ церкви Іоанна Богослова. | | |
| 1832 | Поступленіе Ивана Никитина въ духовное училище. | | |
| 1839 | Переходъ въ Семинарію. | | |
| 1842 | | | 29. XI. **Смерть Кольцова.** |
| 1843 | Выходъ изъ Семинаріи. | | |
| „ | Смерть матери поэта. | | |
| 1844 | 2. VII. Покупка дома на Кирочной (Никитинской) улицѣ. Дворничество. | | |
| 1845 | | | „Современная ода" Некрасова. |
| 1848 | XII. Назначеніе К. О. Александрова-Дольника товарищемъ предсѣдателя Воронежской гражданской палаты. | | Смерть Бѣлинскаго. |
| 1849 | III. Назначеніе Н. И. Второва совѣтникомъ Воронежскаго губернскаго правленія и пріѣздъ его въ Воронежъ. | X. Отправленіе стихотвореній „Лѣсъ" и „Дума" въ редакцію *Вор. Губ. Вѣд.* 5. XI. Выходъ № 54 *Вор. Губ. Вѣд.* съ отвѣтомъ редакціи поэту. | „Гамлетъ Щигровскаго уѣзда" Тургенева. |
| 1850 | | | „Свои люди сочтемся" Островскаго. |
| 1852 | | | **Смерть Гоголя.** |
| 1853 | 6. XI. Письмо къ Ѳ. А. Кони и отправленіе ему стиховъ. | | |

| Годъ. | Біографія. | Изданіе сочиненій. | Общіе явленія и факты. |
|---|---|---|---|
| 1853 | | 12. XI. Отправленіе въ ред. *Вор. Губ. Вѣд.* стихотвореній „Поле“, „Русь“ и „Съ тѣхъ поръ, какъ міръ нашъ необъятный“. | 14. IX. Начало Крымской компаніи. |
| „ | | 21. XI. Выходъ № 47 *Вор. Губ. Вѣд.* со стихотвореніемъ „Русь“. | |
| „ | (Конецъ года). Вступленіе Ив. Никитина въ кружокъ Н. И. Второва. | | |
| 1854 | | 5. IV. Отправленіе собранія стиховъ для изданія Гр. Д. Толстому. | „Власъ“ Некрасова. |
| „ | VI. Отъѣздъ К. О. Александрова-Дольника изъ Воронежа. | | |
| 1855 | | 29. III. Полученіе цензурнаго разрѣшенія на изданіе стихотвореній (графомъ Д. Толстымъ); цензурой выпущено было „Моленіе о чашѣ“ и „Оставь печальный твой разсказъ“. | 18. II. Восшествіе на престолъ Имп. Александра II. |
| „ | 14. IV. Серьезная болѣзнь. | | „Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности“ Чернышевскаго. |
| „ | (Лѣто). Пребываніе въ „Сухихъ Гаяхъ“. Болѣзнь. | | |
| „ | 12. X. Болѣзнь. „Страшный день“. (Письмо къ Н. И. Второву). | | |
| 1856 | | II. **Выходъ въ свѣтъ толстовскаго изданія стихотвореній Ив. Никитина.** | |
| „ | III. Поднесеніе сборника стиховъ членамъ Императорской фамиліи. | | |

| | Біографія. | Изданіе сочиненій. | Общія явленія и факты. |
|---|---|---|---|
| 1856 | 10. IV. Окончаніе обработки „Кулака". | | |
| „ | | | „Стихотворенія" Некрасова. „Рудинъ" Тургенева. |
| „ | | | VII и IX. Первыя статьи Добролюбова въ *Современникѣ*. |
| „ | | | „Утро помѣщика" Л. Толстого. |
| 1857 | | | 3. I. Зозникновеніе секретнаго „особаго комитета" по крестьянскому дѣлу. |
| „ | | | „Убогая и нарядная" Некрасова. |
| „ | 25. VI. Отъѣздъ Н. И. Второва изъ Воронежа въ Петербургъ. | | |
| „ | | 2. VIII. Отправленіе въ Москву „Кулака". | 1. VII. № 1 *Колокола*. |
| „ | | 25. VIII. Цензурное разрѣшеніе на изданіе „Кулака". | |
| „ | | | „Три смерти" Майкова. |
| „ | 20. IX. Чтеніе Шекспира. | | |
| „ | 1. X. Письмо къ К. О. Александрову-Дольнику. Заботы о цензурѣ „Кулака". | | |
| 1859 | | | Возникновеніе „губернскихъ комитетовъ" по вопросу объ освобожденіи крестьянъ. |

| Годъ. | Біографія. | Изданіе сочиненій. | Общіе явленія и факты. |
|---|---|---|---|
| 1858 | | 4. III. Прибытіе „Кулака". | „У парадnаго подъѣзда" Некрасова. |
| „ | 14. IV. Чтеніе „Etudes sur l'avenir de la Russie". | | IV. Статья Кавелина о выкупѣ крестьянъ и циркуляръ по цензурѣ, запрещающій говорить объ освобожденіи крестьянъ. |
| „ | 27. VI. Жизнь на дачѣ. | | |
| „ | 25. VII. Чтеніе Шиллера. Болѣзнь. | | |
| „ | 5. IX. Мысль ѣхать на воды. | | |
| „ | 19. IX. Чтеніе разныхъ серьезныхъ вещей на французскомъ языкѣ. | | |
| „ | 6. X. Дворничество. Чтеніе Шиллера. | | Статьи Чернышевскаго по крестьянскому вопросу въ *Современникѣ*. |
| „ | | Выходъ въ свѣтъ „Кулака" отдѣльнымъ изданіемъ. | |
| „ | | | „Стихотворенія" Плещеева. |
| „ | | 12. XII. Заботы о второмъ изданіи стихотвореній. | |
| 1859 | 22. II. Открытіе книжнаго магазина. | | |
| „ | | | „Обломовъ" Гончарова. |
| „ | 9. IV. Первые дни въ магазинѣ. | | |
| „ | 8. V. Занятія книготорговлей. Надежды на купанье. | | |

| Годъ. | Біографія. | Изданіе сочиненій. | Общіе явленія и факты. |
|---|---|---|---|
| 1859 | 22. VI. Болѣзнь. | | |
| „ | | 20. VII. Исправленіе стихотвореній для 2-го изданія. | |
| „ | | 21. VIII. Окончаніе обработки новаго сборника стихотвореній и отправленіе его Н. И. Второву. | VIII и IX. Ожидается съѣздъ дворянскихъ депутатовъ, и Александръ II поддерживаетъ взглядъ Милютина и Соловьева. |
| „ | | | „Дворянское гнѣздо“ Тургенева и „Кузнечикъ музыкантъ“ Полонскаго. |
| „ | | XII. Выходъ въ свѣтъ Кокоревскаго изданія стихотвореній И. С. Никитина. | |
| 1860 | 9. IV. Публичное чтеніе въ пользу нуждающихся литераторовъ и ученыхъ. | | |
| „ | 12. VI. Пріѣздъ въ Москву. | | „Наканунѣ“ Тургенева и статья Добролюбова „Когда же придетъ настоящій день.“ |
| „ | 4. XI. Письмо къ И. И. Брюханову („торгуемъ помаленьку“). | | 14. XI. Первыя воскресныя школы въ Кіевѣ при Пироговѣ. |

| Годъ. | Біографія. | Изданіе сочиненій. | Общіе явленія и факты. |
|---|---|---|---|
| 1860 | | 26. XII. Отправленіе стихотворенія „Портной". | |
| 1861 | | 17. I. Забота о цензурѣ „Дневника Семинариста". | 19. II. **Освобожденіе крестьянъ.** |
| „ | 10. III. Предположеніе ѣхать въ Петербургъ. | | 10. III. Чтеніе манифеста объ освобожденіи крестьянъ въ церквахъ Воронежа. |
| „ | 27. III. Письмо къ Н. А. М—ой. Разсужденіе объ уничтоженіи крѣпостного права. | | Статья А. Григорьева „Развитіе идеи народности въ нашей литературѣ со временъ Пушкина". *Время.* |
| „ | | | |
| „ | 3. IV. Письмо къ Н. И. Второву. | | |
| „ | 19. IV. Письмо къ Н. А. М—ой. Стихотворенія: „На лицо твое солнечный свѣтъ упадалъ" и „Я Васъ не смѣю раздражать". | | |
| „ | 1. V. Встрѣча перваго мая за городомъ. Простуда. | | |
| „ | 26. V. Болѣзнь. | | |

| Годъ. | Біографія. | Изданіе сочиненій. | Общія явленія и факты. |
|---|---|---|---|
| 1801 | 4. VI. Болѣзнь. | | |
| „ | 23. VI. Болѣзнь. | | |
| „ | 7. VII. Болѣзнь. | | |
| „ | 1. IX. Письмо къ М. Ѳ. де Пуле съ приглашеніемъ пріѣхать писать духовное завѣщаніе. | | |
| „ | 3. IX. Причащеніе поэта. | | IX. Прокламація „Къ молодому поколѣнію". Аресты и политическіе процессы. Закрытіе Петербургскаго Университета. |
| „ | 10. IX. Совершеніе Духовнаго завѣщанія. | | |
| „ | 25. IX. Послѣднія именины. | | |
| „ | 16. X. **Смерть И. С. НИКИТИНА.** | | |
| „ | 18. X. Похороны его. | | |
| 1853 | 29. IX. Открытіе памятника на могилѣ. | | |
| 1869 | | Выходъ въ свѣтъ Михайловскаго изданія сочиненій И. С. Никитина. | |
| 1911 | 16. X. Открытіе памятника въ Воронежѣ | | |

# Библіографія.

## 1. Біографія.

Біографическія свѣдѣнія объ И. С. Никитинѣ *От. Зап.*, 1854, VI.

Н. Второвъ. „Новый воронежскій поэтъ“ *Москв.*, 1854, VIII.

Открытіе книжнаго магазина И. С. Никитина *Вор. Губ. Вѣд.*, 1859, № 10. Часть неоффиціальная.

О музыкально-литературномъ вечерѣ въ залѣ Вор. Двор. Собр.—*Вор. Губ. Вѣд.*, 1861, № 15.

„Описаніе междоусобной войны въ городѣ Воронежѣ между литераторами разныхъ направленій въ 1858, 1859 и 1860 годахъ.“ *Развлеченіе*, литер.-юморист. журналъ. 1861, № 2.

Р. — И. С. Никитинъ. *Рус. Художеств. Лист.*, 1861, № 11.

Извѣщеніе о смерти И. С. Никитина. *Вор. Губ. Вѣд.*, 1861, № 42.

„Краткія біографическія свѣдѣнія о покойномъ И. С. Никитинѣ“. Ib, № 44.

М. де Пуле. Иванъ Саввичъ Никитинъ. Некрологъ — *Моск. Вѣд.*, 1861, № 241.

Иванъ Саввичъ Никитинъ. Некрологъ. *Книжн. Вѣстн.*, 1861, № 320.

Р. — И. С. Никитинъ (послѣднія минуты его жизни).— *Рус. Художеств. Лист.*, 1862, № 36.

И. Нестроевъ. Иванъ Саввичъ Никитинъ. *Чтеніе для солдатъ*, 1863, II.

М. де Пуле. Иванъ Саввичъ Никитинъ. (Біографія).— Сочиненія И. С. Никитина, изд. А. Михайлова, Вор. 1869.

О. Е. Сивицкій. И. С. Никитинъ. Его жизнь и литературная дѣятельность. Спб. 1893.

П. Поликарповъ. И. С. Никитинъ, какъ воспитанникъ Вор. Дух. Семинаріи. *Вор. Телегр.*, 1896. № 119.

М. Быловъ. Къ біографіи поэта И. С. Никитина. *Ист. Вѣст.*, 1901, XI.

Алексѣй Путинцевъ. Дѣтсво и юность Ивана Саввич. Никитина. Вор. 1905.

А. Г. Фоминъ. Иванъ Саввичъ Никитинъ. Жизнь и дѣятельность. Полн. собр. соч. И. С. Никитина подъ ред. А. Г Фомина, т. I. Спб. 1913.

## 2. Критика.

Н. Чернышевскій. Рецензія на изд. Т. *Совр. и.*, 1856, IV. Полн. собр. соч. Спб. 1906 г. т. II, стр. 349.

А. В. Дружининъ. Рецензія на изд. Т. — *Библ. д. Чт.*, 1856, т. CXXXVII.

Н. Добролюбовъ. Рецензія на поэму „Кулакъ" — *Совр. и.*, 1858, VI. Полн. собр. соч. изд. „Дѣятель", т. III, стр. 503.

Я. К. Гротъ. Отчетъ о поэмѣ „Кулакъ". *Извѣстія Имп. Академіи Наукъ по отдѣленію рус. яз. и словесности*, 1858, т. VII.

Т. М-въ. Рецензія на поэму „Кулакъ". *Атеней*. 1858, № 58.

Н. Добролюбовъ. Рецензія на изд. К. *Совр. и.*, 1860. IV Полн. собр. соч. изд. „Дѣятель", т. V, стр. 520.

М. де Пуле. Рецензія на изд. К. *Рус. Сл.*, 1860. IV.

А. С-нъ. Рецензія на изд. М. *Вѣстн. Евр.*, 1869, VIII.

Эн-ковъ. Поэзія Никитина. *Филолог. Зап.*, 1869, IV.

П. Исаевъ. Столичные рецензенты объ изданіи сочиненій И. С. Никитина. — *Донъ*, 1869, № 86.

В. Острогорскій. Русскіе писатели, какъ образовательно-воспитательный матеріалъ. *Педагогическій Листокъ*, 1875, № 2.

Н. Михаиловскій. Литературныя Замѣтки. *Отеч. Зап.*, 1878, II.

Иванъ Ивановъ. Поэтъ горькой правды. *Рус. М.*, 1896. I.

А. М. Скабичевскій. Исторія новѣйшей русской литературы. Спб. 1903., стр. 460—464.

Ив. Камовъ. Характеръ и содержаніе поэзіи И. С. Никитина.- *Рус. Филолог. Вѣстн.*, 1899, № 1—2, 1900, № 1—2, 1901, № 1—4.

Н. А. Энгельгардтъ. Исторія русской литературы XIX стол. Спб. 1903, т. II.

Алексѣи Путинцевъ. Дѣти въ произведеніяхъ Никитина.—*Филолог. Зап.*, 1905, III—IV.

Ю. Айхенвальдъ. И. С. Никитинъ. Творчество. Полное собраніе сочиненій и писемъ И. С. Никитина подъ ред. А. Г. Фомина, т. I. Спб. 1913.

### 3. Переводы.

F. Fiedler. Gedichte von Ivan Nikitin. Leipzig, 1896.

Українська Муза. Поетична антологія подъ ред. О. Коваленко. Київ, 1909.

### 4. Иконографія.

*Рус. Художеств. Лист.*, 1861, № 8 (портретъ И. С. Никитина въ молодости). Ib, 1862, № 32, (портретъ И. С. Никитина на смертномъ одрѣ).

Сочиненія И. С. Никитина. Изд. А. Михайлова. Вор. 1869.

А. Мюнстеръ. Портретная галлерея русскихъ дѣятелей, т. II. Спб. 1869. (Литографія съ фотографіи Деньера 1860 г.).

*Нива*, 1882, № 48. Гравюра А. Неймана.

# Стихотворенія 1848—61 гг.

# Лирика Никитина.

Черты лирики Никитина опредѣляются тѣмъ, что поэтическій талантъ его въ основѣ своей былъ эпическимъ. Преобладающей формой его стихотвореній является лиро-эпическая пѣсня, въ центрѣ которой лежитъ разсказъ о какомъ-нибудь событіи: о восходѣ солнца, о пріѣздѣ ямщика, о несчастной любви. Движеніе мысли въ его стихотвореніяхъ тоже явно эпическаго характера: картины ихъ очень отчетливо располагаются въ пространствѣ и времени. Спокойствіе не покидаетъ поэта даже въ драматическихъ мѣстахъ.

Наряду со стихотвореніями такого типа встрѣчаются разсужденія на религіозно-философскія или рѣже—политическія темы, но они занимаютъ очень скромное мѣсто какъ по количеству, такъ и по литературно-поэтическимъ своимъ достоинствамъ.

Тѣмъ не менѣе, именно съ нихъ, т. е. съ религіозно-философскихъ стихотвореній, удобно начать обзоръ лирики Никитина: въ нихъ заключены, пускай разрозненные и нестройные, но искренніе отвѣты на первѣйшіе вопросы бытія, которые встаютъ передъ каждымъ поэтомъ; въ нихъ можетъ быть найденъ ключъ къ пониманію всей поэзіи Никитина.

Въ глубокомъ мирѣ со вселенной нашла себя душа Никитина, когда впервые обратила на себя взоры. Умиленное созерцаніе характерно для этого первоначальнаго момента, и настолько сильно было умиленіе, что стихи, выражавшіе его, сложились крѣпко и стройно, слова нашлись для него точныя и сильныя.

Присутствіе непостижимой силы
Таинственно скрывается во всемъ.—

Достаточно прочесть стихотвореніе, начинающееся этими стихами, съ необычайной честностью и простотой вводящими въ глубину темы, чтобы воспринять эти настроенія Никитина. Исповѣданіе его ясно и строго:

Я вѣрю: есть святое Провидѣнье
И кроткій міръ для сердца и души.

Въ другомъ стихотвореніи („Успокоеніе") онъ говоритъ:

...есть Высшій Разумъ,
Все дивно создавшій,
Всѣмъ правящій мудро.

Созерцая міръ „съ какою-то отрадой непонятной" въ вечерніи тихій часъ, поэтъ и въ себѣ ощущаетъ глубокій покой.

И чужды всѣ земныя впечатлѣнья,
И такъ свѣтло во глубинѣ души,
Мнѣ кажется, со мной въ уединеньи
Тогда весь міръ бесѣдуетъ въ тиши.

Но чувствуя въ себѣ гармонію съ міромъ, поэтъ не растворяется въ немъ пантеистически, а сознаетъ цѣнность человѣческой личности:

И какъ-то отрадно мнѣ думать,
Что я человѣкомъ рожденъ.

Смерть не вноситъ разлада въ эту гармонію. „Неразрывной цѣпью жизнь связана тѣсно съ таинственной смертью". Природа служитъ человѣку „колыбелью и вмѣстѣ могилой".

Къ чисто-христіанскимъ темамъ Никитинъ подходитъ нѣсколько робко. Ужъ слишкомъ противорѣчилъ хорошо извѣстный ему семинарскій и поповскій бытъ христіанству! Слишкомъ много давалъ онъ поводовъ для блужданія „въ мракѣ сомнѣнія" и „сердца тревожнаго мукъ". Но сущность христіанства была ему близка. Идеи искупленія, жертвы, примиренія, символы креста, вѣнца терноваго, лампады всегда были для него „источникомъ покоя и силъ".

Мірового покоя, возможности сказать: „прекраснъ міръ" искалъ онъ болѣе всего. Слова Шекспира „все благо и прекрасно на землѣ, когда живетъ въ своемъ опредѣленьи", поставленныя имъ эпиграфомъ къ „Кулаку", выражали его

подлинное отношеніе къ тѣмъ явленіямъ, которыя искажали идею добра и красоты въ мірѣ.

Въ прямой связи съ этимъ умонастроеніемъ стоятъ взгляды Никитина на поэзію и призваніе поэта. Поэтъ — творецъ, преобразитель жизни, осуществитель царства добра и красоты. Завѣтъ поэту:—

Умѣй изъ груды безобразной
Картину стройную создать.

Небо, радужныя звѣзды, музыкальное море и дремучій лѣсъ, всѣ „сокровища" природы раскрыты для поэта. Она — его „наставникъ", она — его „другъ". Ее онъ слушаетъ, въ ней черпаетъ вдохновеніе. И въ письмахъ своихъ, и въ стихахъ, Никитинъ неоднократно возвращается къ этой темѣ зависимости поэта отъ природы. Но непосредственное, безвольное, съ чужого голоса — хотя бы то былъ голосъ самой природы — пѣнье никогда не представлялось Никитину поэтическимъ идеаломъ. Власть творящей силы поэта казалась ему незыблемой въ самыхъ широкихъ предѣлахъ. Не менѣе, чѣмъ форма стихотворенія, ей должна быть подчинена сама жизнь людей. Если про первое онъ спокойно говоритъ, что въ поэзіи нужно „обдуманное слово", то про второе у него вырывается гнѣвное восклицаніе (по поводу поэзіи Некрасова):

Будь ты проклято, праздное слово!

Поэтъ-творецъ является разновидностью той сильной личности, которую постоянно изображаетъ Никитинъ, и борьбѣ которой со средою занимаетъ въ его поэзіи видное мѣсто:

Крѣпче камня въ несносной истомѣ,
Крѣпче мѣди въ кровавой нуждѣ—

таковъ его герой. Разные облики онъ принимаетъ, но душа въ нихъ одна и та же. Вотъ сирота, которому отецъ оставилъ

Кладъ наслѣдственный:
Волю твердую,
Удаль смѣлую.

Вотъ мужикъ, мстящій за дочь убійствомъ и пожаромъ. Вотъ „дворникъ ласковый". Вотъ Пантелей, вотъ убійца изъ „измѣны". Пчелинецъ Кудимычъ; парень, неудачно присуши-

вавшій дѣвку; ямщики, бурлаки, мельники, лѣсники и пахари, бобыли и нищіе—всѣ они обнаруживаютъ въ себѣ одну и ту же непреклонно-мужественную стихію.

Герои Никитина дѣйствуютъ въ условіяхъ деревенскаго и мѣщанскаго быта.

Крупный эпическій талантъ обнаруживаетъ Никитинъ всякій разъ, когда перо его описываетъ бытъ. „Ссора", „Жена ямщика", „Порча", „Дѣлежъ", „Староста", „Мельница", „Мертвое тѣло" и цѣлый рядъ другихъ стихотвореній останутся навсегда въ русской литературѣ мастерскими изображеніями деревенской жизни въ послѣднее передъ освобожденіемъ крестьянъ десятилѣтіе, -точно такъ же, какъ „Уличная встрѣча", „Портной", „Хозяинъ" и др. городскои. Помѣщичій бытъ также изображенъ имъ въ стихотвореніяхъ „Разсказъ ямщика" и „Старый слуга". Во всѣхъ этихъ изображеніяхъ стихія эпоса, естественно, по самымъ темамъ ихъ, преобладаетъ надъ лирической стихіей. Описаніе картинъ природы, утвари, обстановки, одежды, фигуръ и лицъ, и, наконецъ, самихъ событій притягиваетъ къ себѣ вниманіе поэта. Но неизмѣнно, всюду, весь этотъ эпическій матеріалъ пронизанъ насквозь и крѣпко спаянъ своеобразнымъ гуманистическимъ паѳосомъ. Во всякомъ героѣ Никитинъ прежде всего видитъ человѣка.

Всѣ цвѣта радуги—отъ мощнаго жизнеутвержденія до глубокой скорби -доступны лиризму Никитина. Но можетъ быть самыя очаровательныя краски появляются на его палитрѣ, когда темой его становится любовь. Лирика любви представлена немногочисленными стихотвореніями въ его поэзіи. Никитинская лирика любви - это лирика несчастной любви. Слишкомъ много творилось насильничества надъ дѣвичьимъ сердцемъ въ его быту для того, чтобъ поэтъ получилъ возможность воспѣвать любовь счастливую. Темная, упорная страсть характерна для его героевъ; вспыльчивость и беззавѣтность — для героинь. Методъ лирическихъ стихотвореній Никитина остороженъ и мудръ.

Трепетъ сердца, упоенье—
Вамъ въ слова не воплотиться!—

говоритъ поэтъ и старается дать почувствовать этотъ трепетъ путемъ соотвѣтствующаго описанія природы, посте-

ценнымъ приближеніемъ внѣшняго міра къ внутреннему. Вотъ типичныя строки:

Дремлютъ розы. Прохлада плыветъ.
Кто-то свистнулъ... Вотъ замеръ и свистъ.
Ухо слышитъ, едва упадетъ
Насѣкомымъ подточенный листъ.
Какъ при мѣсяцѣ кротокъ и тихъ
У тебя милый очеркъ лица!
Эту ночь, полный грезъ золотыхъ,
Я бъ продлилъ безъ конца, безъ конца.

Какой тяжеловѣсной прозой кажутся послѣ любовной лирики Никитина его стихи на гражданскія и политическія темы! Лучше другихъ здѣсь его раннее стихотвореніе „Русь", сказаемое широкими географическими перспективами. Но такія пьесы, какъ „Война за вѣру", „Новая борьба", „Карсъ", помимо непріятнаго оттѣнка шовинизма, отличаются полнымъ отсутствіемъ художественныхъ достоинствъ. Незрѣлость политической мысли, легкая критика и легкое же утвержденіе слишкомъ общихъ идеаловъ отличаютъ другія его пьесы этой группы. Въ рѣдкихъ случаяхъ, когда онъ конкретно чувствуетъ соціальныя противорѣчія современнаго ему уклада русской жизни, его голосъ достигаетъ твердости и силы. Такова тема мщенія въ пьесахъ неизвѣстнаго года, которыми кончается настоящій томъ. Но и она не развита полностью, а только показана въ потенціи. Никитинъ, по складу мыслей, былъ повидимому постепеновцемъ:

Медленно движется время,
Вѣруй, надѣйся и жди...
Зрѣй, наше юное племя,
Путь твой широкъ впереди.

„Юное племя" — основа всѣхъ надеждъ поэта. Любовь къ дѣтямъ сквозитъ каждый разъ, какъ дѣтскіе облики появляются въ его стихахъ. Безъ сентиментализма онъ рисуетъ деревенскую дѣтвору, но съ большимъ чувствомъ. Съ горечью вспоминаетъ онъ свое дѣтство, бывшее далеко не такимъ, какой должна быть золотая пора человѣческой жизни.

На тебя, на твои только силы,
Молодежь, вся надежда теперь,—

говоритъ Никитинъ. Молодежь являлась для него мостомъ къ будущему, а чувствовать будущее, и чувствовать его, какъ свѣтлое будущее, необходимо было его эпической, свѣтло настроенной душѣ. Вѣдь въ немъ были глубокіе задатки идиллическаго міровоззрѣнія. Вѣдь въ немъ, какъ въ поэтѣ, заключены были всѣ возможности стать поэтомъ идиллическимъ. Образцы чистой русскои идиллиидалъ только Никитинъ. Такія поэмы, какъ „Купецъ на пчельникѣ", „Ночлегъ извозчиковъ", „Лѣсникъ и его внукъ", остаются единственными въ своемъ родѣ. Надо только вслушаться въ тягучій ихъ ритмъ, въ ихъ эпитеты, благостные и улыбающіеся, въ тонъ, какимъ говорится и о пчелахъ, и объ явствахъ, и о плутняхъ, и объ одеждахъ, чтобъ ясно увидѣть, какъ любовно принимаетъ поэтъ въ лоно своихъ взоровъ дорогои ему міръ русскои дѣиствительности, съ какой увлекательнои нѣжностью описываетъ онъ всѣ подробности, всѣ ужимки, всѣ мелочи. Въ этои солнечнои любви безслѣдно растворяются всѣ угловатости характеровъ, вся неказистость быта. А это и есть главное своиство идиллическаго поэта—видѣть міръ, какъ прекрасную и спокоиную картину. Только въ стихотвореніяхъ этого типа у Никитина чувствуется полныи вздохъ удовлетвореннаго процессомъ творчества художника, только въ нихъ его талантъ горитъ всѣми своими гранями, только въ нихъ синтезируется вполнѣ стремленіе къ прекрасному съ стремленіемъ къ реальному. Это даетъ право въ поэтическомъ портретѣ Никитина подчеркивать черты идиллизма преимущественно передъ другими, обыкновенно подчеркиваемыми; о Никитинѣ не мало говорилось, какъ о поэтѣ гражданскомъ, какъ о пѣвцѣ демократіи. Все это правда, но какая-то внѣшняя правда, слишкомъ очевидная, не та, до которои хотимъ мы доискаться и безъ которои не можемъ до конца понять поэта.

Условія времени и мѣста подорвали то, что было въ Никитинскои поэзіи вѣчнаго, и вотъ почему безысходная грусть слышится такъ часто въ его пѣснѣ. Съ глубокои мукой вслушиваемся мы въ недопѣтую пѣсню Никитина. Есть нѣчто символическое въ судьбѣ этого поэта. Неразлучимы поэзія и жизнь, и изъ самыхъ нѣдръ чернозема подымаются великаны красоты. И вотъ все еще забиваетъ жизнь поэзію, и книга

біографій поэтовъ похожа на мартирологъ. Значитъ эта жизнь еще не жизнь.

Такъ въ недолётной пѣснѣ слышится призывъ къ подвигамъ болѣе дѣйственный, чѣмъ гражданскія строки, въ родѣ:

Дружно на трудъ поспѣшимъ.

Съ трудомъ читаются такія строки. Трудны и довольно частые прозаизмы въ стихахъ Никитина. Но на нѣкоторые формальные недостатки его стиховъ нельзя смотрѣть безъ благоговѣнія. Это тѣ уклоненія отъ каноновъ литературнаго языка, которыя, какъ вѣхи, указываютъ на путь поэта съ низинъ мѣщанства въ русскій пантеонъ.

*Ред.*

I.

Тихо ночь ложится
На вершины горъ,
И луна глядится
Въ зеркала озеръ.

Надъ глухою степью,
Въ неизвѣстный путь,
Безконечной цѣпью
Облака плывутъ;

Надъ рѣкой широкой,
Сумракомъ покрытъ,
Въ тишинѣ глубокой
Лѣсъ густой стоитъ;

Свѣтлые заливы
Въ камышахъ блестятъ,
Неподвижно нивы
На поляхъ стоятъ;

Небо голубое
Весело глядитъ,
И село большое
Беззаботно спитъ;

Лишь во мракѣ ночи
Горе и развратъ
Не смыкаютъ очи,
Въ тишинѣ не спятъ.
1849.

---

II.

## Весна на степи.

Степь широкая,
Степь безлюдная,
Отчего ты такъ
Смотришь пасмурно?

Гдѣ краса твоя,
Зелень яркая,
На цвѣтахъ роса
Изумрудная?

Гдѣ тѣ дни, когда
Съ утра до ночи
Ты залетныхъ птицъ
Пѣсни слушала,

Дорогимъ ковромъ
Разстилалася,
По зарямъ, сквозь сонъ,
Волновалася?

Когда, въ часъ ночной,
Тайны чудныя
Вѣтерокъ тебѣ
Шепталъ ласково,

Освѣжалъ твою
Грудь открытую,
Какъ дитя, тебя
Убаюкивалъ?..

А теперь лежишь
Мертвецомъ нагимъ;
Тишина вокругъ,
Какъ на кладбищѣ...

Пробудись, — пришла
Пора прежняя;
Уберись въ цвѣты,
Въ бархатъ зелени;

Изукрась себя
Росы жемчугомъ;
Созови гостей
Весну праздновать.

Посмотри кругомъ:
Небо ясное
Голубымъ шатромъ
Пораскинулось,

Золотой вѣнецъ
Солнца краснаго
Весь въ огняхъ горитъ
Надъ дубравою.

Новой жизнію
Вѣетъ теплый день,
Вѣтерокъ на грудь
Къ тебѣ просится.

1849.

---

III.

## Поле.

(1-я редакція).

Раскинулось поле волнистою тканью
И съ небомъ слилось темносинею гранью,
И въ небѣ прозрачномъ щитомъ золотымъ
Блестящее солнце сіяетъ надъ нимъ;
Какъ по морю, вѣтеръ по нивамъ гуляетъ
И бѣлымъ туманомъ холмы одѣваетъ,
О чемъ-то украдкой съ травой говоритъ

И смѣло во ржи золотистой шумитъ.
Одинъ я... и сердцу, и думамъ свобода...
Здѣсь мать моя, другъ и наставникъ —
природа.
И, кажется, жизнь мнѣ свѣтлѣй впереди,
Когда къ своей мощной, широкой груди
Она, какъ младенца, меня допускаетъ
И часть своей силы мнѣ въ душу вливаетъ.
1849.

---

IV.

## Поле.

(2-я редакція).

Раскинулось поле волнистою тканью
И съ небомъ слилося зеленою гранью,
И, полное блеска, шатромъ голубымъ
Прозрачное небо сіяетъ надъ нимъ;
Какъ по морю, вѣтеръ по нивамъ гуляетъ,
И легкимъ туманомъ холмы одѣваетъ,
На старыхъ курганахъ съ травой говоритъ
Сухую ковыль по дорогѣ катитъ.
1853.

---

V.

## Монастырь.

Крестомъ высокимъ осѣненный,
Вдали отъ селъ и городовъ
Одинъ стоишь ты, окруженный
Густыми купами деревъ.

Вокругъ глубокое молчанье,
И только съ шелестомъ листовъ
Однообразное журчанье
Живыхъ сливается ручьевъ,

И вѣтерокъ прохладой вѣетъ,
И тѣнь бросаютъ дерева,

И живописно зеленѣетъ
Полянъ высокая трава.

О, какъ сыны твои счастливы!
Въ твоемъ безмолвіи святомъ
Они страстей своихъ порывы
Смирили бдѣньемъ и постомъ;

Ихъ сердце отжило для міра,
Умъ съ суетою незнакомъ,
Какъ будто свѣтлый ангелъ мира
Ихъ осѣнилъ своимъ крестомъ.

И внемлетъ вѣчное Богъ-Слово,
Ихъ тяжкій путь благословивъ,
Святыхъ молитвъ живое слово
И гимновъ сладостный призывъ.

1849.

---

VI.

## Лѣсъ.

(1-я редакція).

Шуми, шуми, зеленый лѣсъ!
Знакомъ мнѣ твой напѣвъ печальный,
И тайны вѣковыхъ чудесъ,
И вѣтра голосъ музыкальный,
И тишина твоихъ полянъ,
И листьевъ шопотъ монотонный,
И вечеровъ сѣдой туманъ,
Надъ головой твоей сгущенный.

Я съ дѣтства ранняго привыкъ
Въ твоей прохладѣ забываться,
Твой чудный понимать языкъ
И тишиною любоваться;
И сколько сладостныхъ часовъ
Провелъ я, занятый мечтами,

Въ тѣни густыхъ твоихъ деревъ
Подъ наклоненными вѣтвями!

Какъ я любилъ, когда, порой,
Краса угрюмая природы,
Ты спорилъ съ сильною грозой,
Въ минуты страшной непогоды!
Когда большихъ твоихъ дубовъ
Вершины темныя качались,
И сотни разныхъ голосовъ
Въ твоей глуши перекликались...

Или, когда свѣтило дня
На дальнемъ западѣ сверкало
И моремъ чуднаго огня
Твою одежду освѣщало,
И, разноцвѣтный, ты сіялъ,
Волшебнымъ блескомъ озаренный,
Межъ-тѣмъ въ глуши твоей лежалъ
Какой-то мракъ уединенный.

И вотъ я снова прихожу
Къ тебѣ, какъ прежде, одинокій,
И съ тайной радостью гляжу
На сонъ твой, крѣпкій и глубокій.
И можетъ быть въ тѣни твоей,
Подъ легкимъ вѣяньемъ прохлады,
Душѣ тоскующей моей
Найду мгновеніе отрады.

1849.

---

VII.

## Лѣсъ.

(2-я редакція).

Шуми, шуми, зеленый лѣсъ!
Знакомъ мнѣ шумъ твой величавый
И твой покой, и блескъ небесъ

Надъ головой твоей кудрявой.
Я съ дѣтства понимать привыкъ
Твое молчаніе нѣмое
И твой таинственный языкъ,
Какъ что-то близкое, родное.

Какъ я любилъ, когда, порой,
Краса угрюмая природы,
Ты спорилъ съ сильною грозой
Въ минуты страшной непогоды,
Когда большихъ твоихъ дубовъ
Вершины темныя качались,
И сотни разныхъ голосовъ
Въ твоей глуши перекликались...

Или, когда свѣтило дня
На дальнемъ западѣ сіяло
И яркимъ пурпуромъ огня
Твою одежду освѣщало!
Межъ-тѣмъ, въ глуши твоихъ деревъ
Была ужъ ночь, а надъ тобою
Цѣпь разноцвѣтныхъ облаковъ
Тянулась пестрою грядою.

И вотъ я снова прихожу
Къ тебѣ съ тоской моей безплодной.
Опять на сумракъ твой гляжу
И голосъ слушаю свободный.
И, можетъ быть, въ твоей глуши,
Какъ узникъ, волей оживленный,
Забуду скорбь моей души
И горечь жизни обыденной.

1849.

---

VIII.

## Н. ** Д. **

Не отравляй минутъ успокоенья
Болѣзненнымъ предчувствіемъ утратъ:

Таинственно Небесъ опредѣленье,
Но ихъ законъ ненарушимо святъ.

И если бы отъ самой колыбели
Страданіе досталося тебѣ, —
Какъ человѣкъ, своей высокой цѣли
Не забывай въ мучительной борьбѣ.

1849.

---

IX.

Присутствіе непостижимой силы
Таинственно скрывается во всемъ:
Есть мысль и жизнь въ безмолвіи ночномъ,
И въ блескѣ дня, и въ тишинѣ могилы,
Въ движеніи безчисленныхъ міровъ,
Въ торжественномъ покоѣ океана,
И въ сумракѣ задумчивыхъ лѣсовъ,
И въ ужасѣ степного урагана,
Въ дыханіи прохладномъ вѣтерка,
И въ шелестѣ листовъ передъ зарею,
И въ красотѣ пустыннаго цвѣтка,
И въ ручейкѣ, текущемъ подъ горою.

1849.

---

X.

## Грусть старика.

Жизнь къ развязкѣ печально идетъ,
Сердце счастья и радости проситъ,
А годовъ невозвратный полетъ
И послѣднюю радость уноситъ.

Охладѣла горячая кровь,
Беззаботная удаль пропала,
И не прежній разгулъ, не любовь,—
Въ душу горькая дума запала...

Все погибло подъ холодомъ лѣтъ,
Что когда-то отрадою было,
И надежды на счастіе нѣтъ,
И въ природѣ все стало уныло:

Лѣсъ, нахмурясь, какъ слабый старикъ,
Погруженный въ тяжелую думу,
Головою кудрявой поникъ,
Будто тужитъ о чемъ-то угрюмо;

Вѣтеръ съ тучею, съ синей волной
Рѣчь сердитую часто заводитъ;
Блѣдный мѣсяцъ надъ сонной рѣкой,
Одинокій, задумчиво бродитъ...

Въ годы прежніе міръ былъ иной:
Какъ невѣста, земля убиралась,
Что камышъ, хлѣбъ стоялъ золотой,
Степь зеленымъ ковромъ разстилалась;

Лѣсъ привѣтно подъ тѣнь свою звалъ,
Вѣтеръ весело пѣлъ въ чистомъ полѣ,
По ночамъ ярко мѣсяцъ сіялъ,
Рѣки шумно катилися въ море;

И, какъ пиръ, жизнь привольная шла.
Душа воли, простора просила,
Подъ грозою отвага была,
И не знала усталости сила.

А теперь, тяжкой грустью убитъ,
Какъ живая развалина, ходишь,
И душа по-неволѣ скорбитъ,
И слезу по-неволѣ уронишь,

И подумаешь молча порой:
Нѣтъ, старикъ, не бывалые годы!
Межъ людьми ты теперь ужъ чужой,
Лишній гость межъ гостями природы.

1849.

XI.

## Мраморъ.

Недвижимый мраморъ въ пустынѣ глухой
Лежалъ одиноко, обросшій травой;
Дожди въ непогоду его обмывали,
Да вольныя птицы на немъ отдыхали.
Но кто-то художнику молвилъ о немъ,
Взглянулъ онъ на мраморъ — и яркимъ огнемъ
Блеснули его вдохновенныя очи,
И взялъ онъ его, и безсонныя ночи
Надъ нимъ проводилъ онъ въ своей мастерской,
И камень подъ творческой ожилъ рукой.
Съ тѣхъ поръ, въ изумленьи, съ восторгомъ нѣмымъ,
Толпа преклоняетъ колѣни предъ нимъ.

1849.

---

XII.

(1-я редакція).

Еще одинъ потухшій день
Я равнодушно провожаю
И молчаливой ночи тѣнь,
Какъ гостя скучнаго, встрѣчаю.
О, какъ печальны эти дни
Съ ихъ пустотой однообразной!
Какъ долго тянутся они
Среди дѣйствительности грязной!
Какъ тяжело предузнавать
Ихъ безотрадную ничтожность
И лучшей доли невозможность
Заранѣ тайно сознавать!...
Но я привыкъ уже къ страданью
И къ этимъ долгимъ, жалкимъ днямъ,

Какъ узникъ къ тягостнымъ цѣпямъ
И вѣчному тюрьмы молчанью.

И вотъ, когда, ночную тѣнь
Смѣнивъ, на землю утро взглянетъ,
Опять печальный, скучный день,
Однообразный день настанетъ;
Опять онъ много принесетъ
Съ собою горькихъ ощущеній,
Расчетовъ мелкихъ и заботъ,
И безполезныхъ размышленій.

1849.

---

XIII.

(2-я редакція).

Еще одинъ потухшій день
Я равнодушно провожаю
И молчаливой ночи тѣнь,
Какъ гостя скучнаго, встрѣчаю.
Увы! не принесетъ мнѣ сна
Ея нѣмая тишина!
Весь день душа болѣла тайно
И за себя, и за другихъ...
Отъ пошлыхъ встрѣчъ, отъ сплетенъ злыхъ,
Отъ жизни грязной и печальной...
Покой пора бы ей узнать...
Да гдѣ онъ! Гдѣ его искать?

Едва на землю утро взглянетъ,
Едва пройдетъ ночная тѣнь, —
Опять тяжелый, грустный день,
Однообразный день настанетъ.
Опять начнется боль души,
На злыя пытки осужденной,
Опять наплачешься въ тиши
Измученный и оскорбленный.

---

XIV.

## Тишина ночи.

Въ глубинѣ бездонной,
Полны чудныхъ силъ,
Идутъ милліоны
Вѣковыхъ свѣтилъ.

Тускло освѣщенный
Блѣдною луной,
Городъ утомленный
Смолкъ во тьмѣ ночной.

Спитъ онъ, очарованъ
Чудной тишиной,
Будто заколдованъ
Властью неземной.

Лишь, объятъ дремотой,
Закричитъ порой
Сторожъ беззаботной
Въ улицѣ пустой.

Кажется, міръ сонной,
Полный сладкихъ грезъ,
Отдохнулъ спокойно
Отъ заботъ и слезъ.

Но взгляни: вотъ домикъ
Освѣщенъ огнемъ;
На столѣ покойникъ
Ждетъ могилы въ немъ.

Онъ, бѣднякъ голодный,
Утѣшенья чуждъ,
Кончилъ вѣкъ безплодный
Тайной жертвой нуждъ.

Дочери не спится,
Въ уголкѣ сидитъ...
И въ глазахъ мутится,
И въ ушахъ звенитъ.

Ночь минетъ, — быть-можетъ,
Христа ради ей
Кто-нибудь поможетъ
Изъ чужихъ людей.

Можетъ быть, какъ нищей,
Ей на гробъ дадутъ,
Въ гробѣ на кладбище
Старика снесутъ...

И никто не знаетъ,
Что въ нѣмой тоскѣ
Сирота рыдаетъ
Въ тѣсномъ уголкѣ.

Что въ нуждѣ до срока,
Можетъ быть, она
Жертвою порока
Умереть должна.

Міръ заснулъ... и только
Съ неба видитъ Богъ
Тайны жизни горькой
И людскихъ тревогъ.

1849.

---

## XV.

Молвы язвительной и дерзкой
Внимая ложный приговоръ,
Стыжусь отвѣтить бранью рѣзкой
На необдуманный укоръ.

Гоненья зритель равнодушный,
Я испыталъ уже давно,

Что злобѣ черни малодушной
Отвѣтъ — презрѣніе одно.

Пускай позоръ несправедливой
Она готовитъ мнѣ въ тиши, —
Грозу я встрѣчу терпѣливо
И сохраню покой души.

Моей невинности сознанье
И незапятнанная честь
Незаслуженное страданье
Дадутъ мнѣ силы перенесть.

Я правъ, — и этого довольно,
И, что бы ни было со мной,
Я не унижусь добровольно
Передъ язвительной молвой:

Я не подамъ руки свободной
Ожесточенному врагу;
Скорѣй погибну благородно,
Но твердость воли сберегу.

1849.

---

XVI.

## Похороны.

(1-я редакція).

Парчой покрытая гробница,
Надъ нею пышный балдахинъ,
Вокругъ задумчивыя лица
И факеловъ горящихъ дымъ:

Вотъ окончательная сцена,
Которой жизнь заключена!
Актеръ умолкъ; настала смѣна;
Завѣса смертью спущена,

Остался вѣковою тайной
Загробный жребій мертвеца,
И непонятенъ смыслъ печальной
Его холоднаго лица.

Что въ немъ? Надежды выраженье,
Или сомнѣніе и страхъ,
Иль къ жизни прожитой презрѣнье,
Или вопросъ о небесахъ?...

И какъ узнать, зачѣмъ онъ жилъ,
Страдалъ, терпѣлъ и сокрушался?
Напрасно, можетъ быть, любилъ
И безполезно сомнѣвался?

Гдѣ зрѣлый плодъ его трудовъ,
Ума прекрасное созданье,
Оставленное для сыновъ,
Какъ благородное стяжанье?

Увы! быть можетъ, онъ и самъ
Намъ не отвѣтилъ бы на это,
Какую роль на сценѣ свѣта
Игралъ онъ, рабствуя страстямъ!...

1849.

---

XVII.

## Похороны.

(2-я редакція).

Парчой покрытая гробница,
Надъ нею пышный балдахинъ,
Вокругъ задумчивыя лица
И факеловъ огонь и дымъ,

Святыхъ молитвъ напѣвъ печальной, —
Вотъ все, чѣмъ жизнь заключена!

И эта жизнь покрыта тайной:
Завѣса смертью спущена...

Теперь скажи мнѣ, сынъ свободы,
Зачѣмъ страдалъ, зачѣмъ ты жилъ?
Отведена царю природы
Сажень земли между могилъ.

Молчатъ въ тебѣ любовь и злоба,
Надежды гордыя молчатъ...
Зачѣмъ ты жилъ, усопшій братъ?...
Стучитъ земля по крышкѣ гроба,
И, чуждый горя и заботъ,
Глядитъ безсмысленно народъ.

---

XVIII.

## Перемѣна.

Была пора невинности счастливой,
Когда свой умъ, тревожный и пытливый,
Я примирялъ съ дѣйствительностью злой
Святыхъ молитвъ горячею слезой;
Когда, дитя безпечное свободы,
Въ знакомыхъ мнѣ явленіяхъ природы
Величіе и мысль я находилъ
И жизнь мою, какъ даръ Небесъ, любилъ.
Теперь не то: сомнѣніемъ томимый,
Я потерялъ свой миръ невозмутимый,—
Единую отраду бытія,
И жизнь моя не радуетъ меня...
Бываютъ дни, — измученный борьбою,
Въ тиши ночной, съ горячею мольбою
Склоняюсь я къ подножію креста;
Слова молитвъ твердятъ мои уста,
Но сердце тѣмъ словамъ не отвѣчаетъ,
И мысль моя, Богъ знаетъ, гдѣ блуждаетъ,
И сладкихъ слезъ давно минувшихъ лѣтъ

Ни на лицѣ, ни на глазахъ ужъ нѣтъ.
Такъ, холодомъ темницы окруженный,
Скорбитъ порой преступникъ осужденный
И къ прежнимъ днямъ уносится мечтой;
Но бѣдняку лишь новое страданье
Приноситъ лѣтъ былыхъ воспоминанье.

1849.

---

XIX.

## Ночь на берегу моря.

Въ зеркало влаги холодной
Мѣсяцъ спокойно глядитъ
И надъ землею безмолвной
Тихо плыветъ и горитъ.

Легкою дымкой тумана
Ясный одѣтъ небосклонъ;
Свѣтлая грудь океана
Дышитъ, какъ-будто сквозь сонъ.

Медленно, ровно качаясь,
Въ гавани спятъ корабли;
Берегъ, въ водѣ отражаясь,
Смутно мелькаетъ вдали.

Смолкла дневная тревога...
Полный торжественныхъ думъ,
Видитъ присутствіе Бога
Въ этомъ молчаніи умъ.

1850.

---

XX.

## Дубъ.

Отъ темнаго лѣса далеко,
На почвѣ безплодно-сухой,

Дубъ старый стоитъ одиноко,
Какъ сторожъ пустыни глухой.

Стоитъ онъ и смотритъ угрюмо
Туда, гдѣ подъ сводомъ небесъ
Глубокую думаетъ думу
Знакомый давно ему лѣсъ;

Гдѣ братья его съ облаками
Ведутъ разговоръ по ночамъ,
И дивы приходятъ толпами
Кружиться по свѣжимъ цвѣтамъ;

Гдѣ вѣтеръ прохладою вѣетъ
И чудныя пѣсни поетъ,
И листъ молодой зеленѣетъ,
И птица на вѣткахъ живетъ...

А онъ, на равнинѣ песчаной,
И пылью, и мохомъ покрытъ,
Какъ-будто изгнанникъ печальной,
О родинѣ милой груститъ;

Не знаетъ онъ свѣжей прохлады,
Не видитъ небесной росы
И только — послѣдней отрады—
Губительной жаждетъ грозы.

1850.

---

XXI.

## Тайное горе.

(1-я редакція).

Есть горе тайное: оно
Вниманья чуждаго боится
И въ глубинѣ души одно,
Неизлечимое, таится;

Какъ будто червь, въ груди больной
Цвѣтъ жизни точитъ понемногу,
И отравляетъ сонъ ночной,
И споритъ съ совѣстію строгой;
Улыбку холодомъ мертвитъ,
Сомнѣньемъ радость отравляетъ,
Отъ шума и толпы бѣжитъ
И молча слезы проливаетъ.
Но, гордость смѣлую храня,
Себѣ не проситъ состраданья,
И тайну своего огня
Не отдаетъ на поруганье,
И въ сердцѣ горькихъ слезъ родникъ,
Какъ преступленіе, скрываетъ,
И подавляетъ страсти крикъ,
И стоны смѣхомъ заглушаетъ.
1850.

---

XXII.

## Тайное горе.

(2-я редакція).

Есть горе тайное: оно
Вниманья чуждаго боится
И въ глубинѣ души одно,
Неизлечимое, таится.
Улыбку холодомъ мертвитъ,
Опоръ не ищетъ и не проситъ,
И, если горе переноситъ, —
Молчанье гордое хранитъ.
Не всякому нужна пощада,
Не всякъ наслѣдовать готовъ
Удѣлъ иль нищихъ, иль рабовъ,
Участье — жалкая отрада.
Къ чему колѣни преклонять?
Свободнымъ легче умирать.

---

XXIII.

## Вечеръ.

Когда потухшій день смѣняетъ вечеръ сонный,
Я оставляю мой пріютъ уединенный
И, голову свою усталую склонивъ,
Задумчиво иду подъ тѣнь плакучихъ ивъ.
Сажусь на берегу и, грустной думы полный,
Недвижимый, гляжу на голубыя волны
И слушаю ихъ шумъ и жалобный призывъ,
И съ жизнію моей я сравниваю ихъ...
Вдали передо мной душистый лугъ пестрѣетъ,
Колышется трава, и желтый колосъ зрѣетъ,
И, тучныхъ пажитей обильные плоды,
Стоятъ соломою накрытые скирды;
За гибкимъ тростникомъ глубокіе заливы,
Какъ зеркала, блестятъ; на золотыя нивы
Спускается туманъ прозрачною волной,
И зарево зари сіяетъ надъ рѣкой,
И, кажется мнѣ, все какой то дышитъ тайной,
И забываю я тогда свой день печальной,
Съ оставленнымъ трудомъ безъ жалобы мирюсь,
Гляжу на небеса и въ тишинѣ молюсь.

1850.

XXIV.

## Ключъ.

Въ глубокомъ ущельи, межъ каменныхъ плитъ,
Серебряный ключъ одиноко звучитъ;
Звучитъ онъ и точитъ жемчужныя слезы
На черные корни засохшей березы,
И катятся съ камня тѣ слезы ручьемъ,
Безплодно теряясь въ ущельи глухомъ.

Давно ужъ минули счастливые годы,
Когда онъ, любимецъ цвѣтущей природы,
Алмазныя брызги кругомъ разсыпалъ,
Когда его путникъ отрадою звалъ,
Когда дерева близъ него вырастали,
И листья зеленые тихо шептали,
И самъ онъ, при свѣтѣ блестящей луны,
Разсказывалъ чудныя были и сны.
Теперь, одинокій, заросъ онъ травою,
Сталъ скуденъ и мутенъ, и знойной порою
Къ нему не приходитъ пробитой тропой
Измученный путникъ за чистой водой.
Въ ту пору, какъ горы туманъ одѣваетъ,
Надъ нимъ, какъ бывало, теперь не играетъ
Сверкающій мѣсяцъ прозрачнымъ лучомъ,
И звѣзды, какъ прежде, не смотрятся въ немъ.
Лишь старый скелетъ обнаженной березы
Глядитъ на его безполезныя слезы,
Да изрѣдка вѣтеръ къ нему прилетитъ
И съ нимъ при мерцаніи звѣздъ говоритъ
Про свѣтлыя рѣки и синее море,
Про славу ихъ въ свѣтѣ и жизнь на просторѣ.

1850.

---

## XXV.

## Ночь.

Одѣлося сумракомъ поле. На темной лазури сверкаетъ
Гряда облаковъ разноцвѣтныхъ. Блѣднѣя, заря потухаетъ.
Вотъ вспыхнули яркія звѣзды на небѣ, одна за другой,
И мѣсяцъ надъ лѣсомъ сосновымъ поднялся, какъ щитъ золотой,
Извивы рѣки серебристой межъ зеленью луга блеснули;

Вокругъ тишина и безлюдье: и поле, и берегъ уснули;
Лишь мельницы старой колеса, алмазъ разсыпая, шумятъ,
Да съ вѣтромъ волнистыя нивы, Богъ знаетъ, о чемъ говорятъ.
На кольяхъ, вдоль берега вбитыхъ, растянуты мокрыя сѣти;
Вотъ бѣдный шалашъ рыболова, гдѣ вечеромъ рѣзвыя дѣти
Играютъ трепещущей рыбой и ищутъ въ травѣ водяной
Улитокъ и маленькихъ камней, обточенныхъ синей волной;
Какъ лебеди, бѣлыя тучи надъ полемъ плывутъ караваномъ,
Надъ чистой рѣкою спятъ ивы, одѣтыя легкимъ туманомъ,
И, къ свѣтлымъ струямъ наклонившись, сквозь чуткій прерывистый сонъ,
Тростникъ молчаливо внимаетъ таинственной музыкѣ волнъ.

1850.

---

## XXVI.

Оставь печальный свой разсказъ,
Насмѣшки желчію облитый,
И сердца гнѣвъ полуоткрытый,
И блескъ заимствованныхъ фразъ.

Ужель намъ новы эти слезы,
И повѣсть грустная утратъ,
Ума обманутыя грезы,
И заблужденій длинный рядъ?

Ужель мы сами не читали
Любви и ревности страницъ,

Или на мраморѣ гробницъ
О милыхъ сердцу не рыдали?..

Скажи, зачѣмъ ты раскрывалъ
Свои намъ раны и страданья
И отъ толпы рукоплесканья,
Какъ нищій милостыни, ждалъ?

Свой плачъ и свой вѣнецъ терновый
Зачѣмъ для всенародныхъ глазъ
Ты выставляешь напоказъ,
Какъ женщина свои обновы?...

Къ чему весь этотъ жалкій бредъ,
Болѣзненный и непонятный,
О заблужденьяхъ прежнихъ лѣтъ,
О молодости невозвратной?

Кого изъ насъ теперь займетъ
Твое затверженное слово?
Скажи: какою мыслью новой
Оно намъ сердце потрясетъ?...

Нѣтъ! есть другой предметъ для слезъ:
Не личныя твои страданья,—
Не плодъ твоихъ ничтожныхъ грезъ
И тягостнаго испытанья;—

Но нашей жизни нищета
Съ однообразной пестротою
И, скрытая подъ мишурою,
Пороковъ нашихъ нагота.

Да, плачь о томъ, что увядаетъ
Нашъ умъ въ бездѣйствіи пустомъ,
Что правда свѣтлая страдаетъ,
Развратъ увѣнчанъ торжествомъ;

Что мы постыдно позабыли
Прекрасный міръ живыхъ идей

И что позоромъ заклеймили
Себя, какъ гражданъ и людей;

Что нѣтъ въ насъ силъ для возрожденья,
Что мы безчувственно влачимъ
Оковы зла и униженья
И разорвать ихъ не хотимъ...

Объ этомъ плачь! И, можетъ статься,
Заставишь ты кого-нибудь
Въ своемъ безсиліи сознаться
И строго на себя взглянуть.

1850.

---

XXVII.

Когда закатъ прощальными лучами
Спокойныхъ водъ озолотитъ стекло,
И ляжетъ тѣнь ночная надъ полями,
И замолчитъ веселое село,
И на цвѣтахъ, и на травѣ душистой
Блеснетъ роса, посланница небесъ,
И тканію тумана серебристой
Одѣнется темнокудрявый лѣсъ, —
Съ какою-то отрадой непонятной
На Божій міръ я въ этотъ часъ гляжу
И въ тишинѣ природы необъятной
Покой уму и сердцу нахожу;
И чужды мнѣ земныя впечатлѣнья,
И такъ свѣтло во глубинѣ души:
Мнѣ кажется, со мной въ уединеньи
Тогда весь міръ бесѣдуетъ въ тиши.

1850.

---

XXVIII.

Какъ мнѣ легко, какъ счастливъ я въ тотъ мигъ,
Когда, мой другъ, рѣчамъ твоимъ внимаю

И кроткую любовь въ очахъ твоихъ,
Задумчивый, внимательно читаю!

Тогда молчитъ тоска въ моей груди
И нѣтъ въ умѣ холодной укоризны.
Не правда ли, мгновенія любви
Есть лучшія мгновенья нашей жизни!

Зато, когда одинъ я остаюсь
И о судьбѣ грядущей размышляю,
Какъ глубоко я грусти предаюсь,
Какъ много слезъ безмолвно проливаю!

1850.

---

## XXIX.

Когда одинъ, въ минуты размышленья,
Съ природой я бесѣдую въ тиши,
Я вѣрю: есть святое Провидѣнье
И кроткій миръ для сердца и души;
И грусть свою тогда я забываю,
Съ своей нуждой безропотно мирюсь,
И небесамъ невидимо молюсь,
И пѣснь пою, и слезы проливаю...
И сладко мнѣ! и жаль мнѣ отдавать
На судъ людской восторги вдохновеній
И отъ толпы, какъ платы, ожидать
Пустыхъ похвалъ иль горькихъ обвиненій.
Глухихъ степей незнаемый пѣвецъ,
Я нахожу въ моей пустынѣ счастье;
Своимъ слезамъ, какъ площадной слѣпецъ,
Стыжусь просить холоднаго участья.
Печаль моя застѣнчиво-робка, —
Въ родной груди скрываясь боязливо,
За пѣснь свою награды и вѣнка
Не требуетъ она самолюбиво.

1851.

---

## XXX.

(1-я редакція).

На западѣ солнце пылаетъ,
Багряное море горитъ;
Корабль одинокій, какъ птица,
По влагѣ холодной скользитъ,

Безпечно веселую пѣсню
Матросъ загорѣлый поетъ,
А грозная туча навстрѣчу
По воздуху быстро плыветъ.

Умолкни, пѣвецъ равнодушный,
И бури съ молитвою жди!
Смотри: подъ тобою могила,
А смерть у тебя впереди.

1851.

---

## XXXI.

(2-я редакція).

На западѣ солнце пылаетъ,
Багряное море горитъ;
Корабль одинокій, какъ птица,
По влагѣ холодной скользитъ.

Сверкаетъ струя за кормою,
Какъ крылья, шумятъ паруса;
Кругомъ неоглядное море,
И съ моремъ слились небеса.

Безпечно веселую пѣсню,
Задумавшись, кормчій поетъ,
А черная туча на югѣ,
Какъ дымъ отъ пожара, встаетъ.

Вотъ буря... и море завыло,
Умолкъ беззаботный пѣвецъ;
Огнемъ его вспыхнули очи:
Теперь онъ и царь, и боецъ!

Вотъ здѣсь узнаю человѣка
Въ лицѣ побѣдителя волнъ,
И какъ-то отрадно мнѣ думать,
Что я человѣкомъ рожденъ.

1851.

---

XXXII.

## Дитяти.

(1-я редакція).

Не знаешь ты тоски желаній:
Прекрасенъ міръ твоей весны,
И тихи, чуждые страданій,
Твои младенческіе сны,—

Но вѣрь, покой твой мимолетный
Разрушитъ опыта гроза,
Измѣнитъ смѣхъ твой беззаботный
Печали тайная слеза.

Тогда, быть можетъ, въ буряхъ свѣта,
Тебѣ не разъ напомнитъ умъ
Твои безоблачныя лѣта
И юныхъ игръ веселый шумъ.

1851.

---

XXXIII.

## Дитяти.

(2-я редакція).

Не знаешь ты тоски желаній,
Прекрасенъ міръ твоей весны,

И свѣтлы, чуждые страданій,
Твои младенческіе сны.

Съ грозою жизни незнакома,
Какъ птичка, вѣчно-весела,
Подъ кровлею родного дома
Ты рай земной себѣ нашла.

Придетъ пора—прольешь ты слезы,
Быть можетъ, трудъ тебя согнетъ...
И дѣтства радужныя грезы
Умрутъ подъ холодомъ заботъ.

Тогда, неся свой крестъ тяжелый,
Не разъ подъ бременемъ его
Ты вспомнишь о веснѣ веселой
И—не воротишь ничего.

---

XXXIV.

## Югъ и Сѣверъ.

Есть сторона, гдѣ все благоухаетъ;
Гдѣ ночь, какъ день безоблачный, сіяетъ
Надъ зыбью водъ, и моря вѣчный шумъ
Таинственно оковываетъ умъ;
Гдѣ въ сумракѣ садовъ уединенныхъ,
Сіяющей луной осеребренныхъ,
Подъемлется алмазною дугой
Фонтанный дождь надъ сочною травой;
Гдѣ статуи безмолствуютъ угрюмо,
Объятыя невыразимой думой;
Гдѣ говорятъ такъ много о быломъ
Развалины, покрытыя плющемъ;
Гдѣ на коврахъ долины живописной
Ложится тѣнь отъ рощи кипарисной;
Гдѣ все быстрѣй и зрѣетъ и цвѣтетъ;
Гдѣ жизни пиръ безпечнѣе идетъ.

Но мнѣ милѣй роскошной жизни Юга
Сѣдой зимы полуночная вьюга,
Морозъ и вѣтръ, и грозный шумъ лѣсовъ,
Дремучій боръ по скату береговъ,
Просторъ степей и небо надъ степями
Съ громадой тучъ и яркими звѣздами.
Глядишь кругомъ, — все сердцу говоритъ:
И деревень однообразный видъ,
И городовъ обширныя картины,
И снѣжныя безлюдныя равнины,
И удали размашистый разгулъ,
И русскій духъ, и русской пѣсни гулъ,
То глубоко безпечной, то унылой,
Проникнутой невыразимой силой...
Глядишь вокругъ—и на душѣ легко.
И зрѣетъ мысль такъ вольно, широко,
И сладко пѣснь въ честь родины поется,
И кровь кипитъ, и сердце гордо бьется,
И съ радостью внимаешь звуку словъ:
„Я Руси сынъ! здѣсь край моихъ отцовъ!“

1851.

---

## XXXV.

## Русь.

Подъ большимъ шатромъ
Голубыхъ небесъ —
Вижу — даль степей
Зеленѣется.

И на граняхъ ихъ,
Выше темныхъ тучъ,
Цѣпи горъ стоятъ
Великанами.

По степямъ, въ моря
Рѣки катятся,

И лежатъ пути
Во всѣ стороны.

Посмотрю на югъ:
Нивы зрѣлыя,
Что камышъ густой,
Тихо движутся;

Мурава луговъ
Ковромъ стелется,
Виноградъ въ садахъ
Наливается.

Гляну къ сѣверу:
Тамъ, въ глуши пустынь,
Снѣгъ, что бѣлый пухъ,
Быстро кружится;

Подымаетъ грудь
Море синее,
И горами ледъ
Ходитъ по морю;

И пожаръ небесъ
Яркимъ заревомъ
Освѣщаетъ мглу
Непроглядную...

Это ты, моя
Русь державная,
Моя родина
Православная!

Широко ты, Русь,
По лицу земли,
Въ красѣ царственной
Развернулася!

У тебя ли нѣтъ
Поля чистаго,

Гдѣ бъ разгулъ нашла
Воля смѣлая?

У тебя ли нѣтъ
Про запасъ казны,
Для друзей стола,
Меча недругу?

У тебя ли нѣтъ
Богатырскихъ силъ,
Старины святой,
Громкихъ подвиговъ?

Передъ кѣмъ себя
Ты унизила?
Кому въ черный день
Низко кланялась?

На поляхъ своихъ,
Подъ курганами,
Положила ты
Татаръ полчища.

Ты на жизнь и смерть
Вела споръ съ Литвой
И дала урокъ
Ляху гордому.

И давно ль было,
Когда съ запада
Облегла тебя
Туча темная?

Подъ грозой ея
Лѣса падали,
Мать сыра-земля
Колебалася,

И зловѣщій дымъ
Отъ горѣвшихъ селъ

Высоко вставалъ
Чернымъ облакомъ!

Но лишь кликнулъ царь
Свой народъ на брань,
Вдругъ со всѣхъ концовъ
Поднялася Русь.

Собрала дѣтей,
Стариковъ и женъ,
Приняла гостей
На кровавый пиръ.

И въ глухихъ степяхъ
Подъ сугробами
Улеглися спать
Гости на вѣки.

Хоронили ихъ
Вьюги снѣжныя,
Бури сѣвера
О нихъ плакали!..

И теперь среди
Городовъ твоихъ
Муравьемъ кишитъ
Православный людъ.

По сѣдымъ морямъ,
Изъ далекихъ странъ,
На поклонъ тебѣ
Корабли идутъ.

И поля цвѣтутъ,
И лѣса шумятъ,
И лежатъ въ землѣ
Груды золота,

И во всѣхъ концахъ
Свѣта бѣлаго

Про тебя идетъ
Слава громкая.

Ужъ и есть за что,
Русь могучая,
Полюбить тебя,
Назвать матерью.

Стать за честь твою
Противъ недруга,
За тебя въ нуждѣ
Сложить голову!

1851.

---

## XXXVI.

(1-я редакція).

Бываютъ свѣтлыя мгновенья,
Когда за грань тревогъ земныхъ,
Плотскаго чуждый тяготѣнья,
Умъ переносится на мигъ.

Когда пророческихъ видѣній
Святою силой вдохновенъ,
Судьбу грядущихъ поколѣній
Предузнаетъ онъ въ мглѣ временъ;

Когда онъ съ истины подъемлетъ
Покрова темнаго края
И славу Бога жадно внемлетъ
Въ великой книгѣ бытія...

Но только пламень вдохновенья
Начнетъ въ груди ослабѣвать,
Опять земныя впечатлѣнья
Умъ утомленный тяготятъ;

Опять тревога жизни грязной
Ничтожной мелочью заботъ

И нищетою безобразной
Невольно сердце потрясетъ...

И снова съ грустію тяжелой
На міръ внимательно глядишь
И подъ улыбкою веселой
Тоску глубокую таишь.

1851.

---

## XXXVII.

(2-я редакція).

Бываютъ свѣтлыя мгновенья:
Миръ ясный душу осѣнитъ;
Огонь святого вдохновенья
Неугасаемо горитъ.

Оно печать безсмертной силы
На трудъ обдуманный кладетъ;
Оно безмолвію могилы
И мертвымъ камнямъ жизнь даетъ,

Развратъ и пошлость поражаетъ,
Добру приноситъ ѳиміамъ,
И вѣчной правдѣ воздвигаетъ
Святой алтарь и вѣчный храмъ.

Оно не требуетъ награды,
Въ тиши творитъ оно, какъ Богъ...
Но человѣку нѣтъ пощады
Въ бездонномъ омутѣ тревогъ.

Падетъ на грудь заботы камень,
Свободу рукъ скуетъ нужда, —
И гаснетъ вдохновенья пламень,
Могучій двигатель труда.

---

XXXVIII.

## Молитва.

О, Боже! дай мнѣ воли силу,
Ума сомнѣнье умертви,—
И я сойду во мракъ могилы
При свѣтѣ Вѣры и Любви.

Мнѣ сладко подъ Твоей грозою
Терпѣть, и плакать, и страдать;
Молю: оставь одну со мною
Твою Святую благодать.

1851.

---

XXXIX.

Вечеръ ясенъ и тихъ;
Спятъ въ туманѣ поля;
Въ голубыхъ небесахъ
Ярко пышетъ заря.

Золотыхъ облаковъ
Разноцвѣтный узоръ
Накрываетъ лѣса,
Какъ волшебный коверъ;

Вотъ пахнулъ вѣтерокъ,
Зашепталъ въ тростникѣ;
Вотъ и мѣсяцъ взошелъ
И глядится въ рѣкѣ.

Что за чудная ночь!
Что за тѣни и блескъ!
Какъ душѣ говоритъ
Волнъ задумчивый плескъ!

Можетъ быть, въ этотъ часъ
Сонмы свѣтлыхъ духовъ
Гимны неба поютъ
Богу дивныхъ міровъ.

1851.

---

XL.

Суровый холодъ жизни строгой
Спокойно я переношу
И у Небесъ дороги новой
Въ часы молитвы не прошу.

Отраду тайную находитъ
И въ самой грусти гордый умъ:
Такъ часто моря стонъ и шумъ
Насъ въ восхищеніе приводитъ.

Къ борьбѣ съ судьбою я привыкъ,
Окрѣпъ подъ бурей искушеній:
Она высокихъ думъ родникъ,
Причина слезъ и вдохновеній.

1852.

---

XLI.

## Пѣвцу.

(1-я редакція).

Не пой о счастіи, пѣвецъ, не утѣшай
Себя надеждой невозможной:
Она невидимый и недоступный рай,
Воображенья призракъ ложный.
Пусть пѣснь твоя звучна,—она одинъ обманъ
И обольстительныя грёзы;
Она не исцѣлитъ души глубокихъ ранъ
И не осушитъ сердца слезы.

Всмотрися пристально въ печальные плоды
Людскихъ заботъ и заблужденій,
Разнообразные тревоги и труды
Ума и сердца убѣжденій,
Въ противорѣчіе разсудка и страстей,
Святаго долга и желаній,
Въ картины свѣтлыя давно-минувшихъ дней
И въ годы горькихъ испытаній; —

Вездѣ откроешь ты неясные слѣды
Ничтожества и ослѣпленья,
Причины темныя безсмысленной борьбы, —
Нетвердой вѣры и сомнѣнья,
Замѣтишь жалкаго невѣжества печать,
Или безсиліе свободы,
Постыднымъ торжествомъ увѣнчанный развратъ
И оскорбленіе природы....

И многое прочтетъ внимательный твой взоръ
Въ страницахъ жизни ежедневной,
Гдѣ робко, въ темнотѣ, скрывается позоръ,
И зло цвѣтетъ уединенно;
Гдѣ безнаказанно надъ алтаремъ святымъ
Невѣрье дерзкое глумится,
И гдѣ, подъ бархатомъ и рубищемъ простымъ,
Корысть глубокая таится.

Не пой же намъ, пѣвецъ, о счастіи пустомъ
Въ годину нашего позора;
Пусть пѣснь твоя межъ насъ, какъ правосудный громъ,
Раздастся голосомъ укора!
Пусть умъ пробудитъ нашъ и сердце потрясетъ
Твое пророческое слово,
И душу холодомъ и страхомъ обольетъ,
И воскреситъ для жизни новой.

1852.

XLII.

## Пѣвцу.

(2-я редакція).

Не пой о счастіи, пѣвецъ, не утѣшай
Себя забавою ничтожной;
Пусть это счастіе невозмутимый рай,—
Оно въ нашъ вѣкъ лишь призракъ ложный.
Пусть пѣснь твоя звучна—она одинъ обманъ
И обольстительныя грезы:
Она не исцѣлитъ души глубокихъ ранъ
И не осушитъ сердца слезы.

Взгляни, какъ наша жизнь лѣнивая идетъ
И скучно, и однообразно,
Запечатлѣнная тревогою заботъ
Одной дѣйствительности грязной;
Взгляни на всѣ плоды, которые въ нашъ вѣкъ
Собрать доселѣ мы успѣли,
На все, чѣмъ окруженъ и занятъ человѣкъ
До позднихъ лѣтъ отъ колыбели.

Вездѣ откроешь ты печальные слѣды
Ничтожества, иль ослѣпленья,
Причины тайныя безсмысленной борьбы,
Нетвердой вѣры и сомнѣнья,
Замѣтишь грубаго ничтожества печать,
Добра и чести оскорбленье,
Безсовѣстный расчетъ, обдуманный развратъ,
Или природы искаженье.

И многое прочтетъ внимательный твой взоръ
Въ страницахъ ежедневной жизни...
И этотъ ли слѣпой, общественный позоръ
Оставишь ты безъ укоризны?
И не проснется вмигъ въ тебѣ свободный духъ
Глубокаго негодованья?

И ты, земной пророкъ и правды смѣлый другъ,
Не вспомнишь своего призванья?

О, нѣтъ! не пой, пѣвецъ, о счастіи пустомъ
Въ годину нашего позора!
Пусть пѣснь твоя межъ насъ, какъ правосудный громъ,
Раздастся голосомъ укора!
Пусть умъ нашъ пробудитъ и душу потрясетъ
Твое пророческое слово,
И сердце холодомъ и страхомъ обольетъ,
И воскреситъ для жизни новой!

1852 г.

---

XLIII.

## Развалины.

Какъ безыменная могила
Давно забытаго жильца,
Лежатъ въ пустынѣ молчаливой
Обломки стараго дворца.
Густою пылію покрыла
Рука столѣтій камни стѣнъ
И фантастическихъ письменъ
На нихъ фигуры начертила.
Тяжелый сводъ упасть готовъ,
Карнизъ массивный обвалился,
И дикій плющъ вокругъ столбовъ
Живой гирляндою обвился,
И моха желтаго узоръ,
Однообразно испещренный,
Покрылъ разбитыя колонны,
Какъ чудно-вытканный коверъ.

Чье это древнее жилище,
Пустыни грустная краса?
Надъ нимъ такъ свѣтлы небеса—

Оно печальнѣе кладбища!
Гдѣ эти люди съ ихъ страстями
И позабытымъ ихъ трудомъ?
Гдѣ безыменный, старый холмъ
Надъ ихъ истлѣвшими костями?..

Была пора, здѣсь жизнь цвѣла,
Пороки, можетъ быть, скрывались,
Иль благородныя дѣла
Рукою твердой совершались.
И, можетъ быть, среди пировъ
Пѣвецъ, въ минуты вдохновенья,
Здѣсь пѣлъ о доблестяхъ отцовъ
И плакалъ, полный умиленья;
И пѣснямъ сладостнымъ его
Въ восторгѣ гости удивлялись,
И дружно кубки вкругъ него
Въ честь славныхъ дѣдовъ наполнялись.
Теперь все тихо... нѣтъ слѣда
Минувшей жизни. Небо ясно,
Какъ и въ протекшіе года,
Земля цвѣтущая прекрасна...
А люди?.. Этотъ вѣтерокъ,
Пустыни житель одинокой,
Разноситъ, можетъ быть, далеко
Съ ихъ прахомъ смѣшанный песокъ!..

1852.

---

XLIV.

## Кладбище.

Какъ часто я съ глубокой думой
Вокругъ могилъ одинъ брожу
И на курганы ихъ гляжу
Съ тоской тяжелой и угрюмой.
Какъ больно мнѣ, когда, порой,
Могильщикъ, грубою рукой

Гробъ новый въ землю опуская,
Стоитъ съ осклабленнымъ лицомъ
Надъ безотвѣтнымъ мертвецомъ,
Святыню смерти оскорбляя.
Или когда въ травѣ густой,
Остатокъ жалкій разрушенья,
Вдругъ черепъ я найду сухой,
Престолъ ума и вдохновенья,
Лишенный чести погребенья.
И пораженъ, и недвижимъ,
Сомнѣнья холодомъ облитый,
Я мыслю, скорбію томимъ,
Надъ жертвой тлѣнія забытой:
Кто васъ въ сонъ вѣчный погрузилъ,
Земли невѣдомые гости,
И ваши брошенныя кости
Съ живою плотью разлучилъ?
Какъ ваше вѣчное молчанье
Намъ безошибочно понять:
Ничтожества ль оно печать,
Или печать существованья?
Въ какой загадочной странѣ,
Невидимой и неизвѣстной,
Здѣсь кости положивъ однѣ,
Витаетъ духъ вашъ безтѣлесный?
Чѣмъ занятъ онъ въ міру иномъ?
Что онъ, безстрастный, созерцаетъ?
И помнитъ ли онъ о земномъ,
Иль все за гробомъ забываетъ?
Быть можетъ, небомъ окруженъ,
Жилецъ божественнаго свѣта,
Какъ на песчинку, смотритъ онъ
На нашу бѣдную планету;
Иль, можетъ быть, сложивъ съ себя
Свои тѣлесныя оковы,
Безъ нихъ другого бытія
Не отыскалъ онъ въ мірѣ новомъ.
Быть можетъ, все, чѣмъ мы живемъ,

Чѣмъ умъ и сердце утѣшаемъ,
Землѣ, какъ жертву, отдаемъ
И въ ней одной похороняемъ...
Нѣтъ! прочь безплодное сомнѣнье!
Я вѣрю истинѣ святой,—
Святымъ глаголамъ Откровенья
О нашей жизни неземной.
И сладко мнѣ въ часы страданья
Припоминать, порой, въ тиши,
Загробное существованье
Неумирающей души.

1852.

---

XLV.

## Степная дорога.

Спокойно небо голубое;
Одно въ бездонной глубинѣ
Сіяетъ солнце золотое
Надъ степью въ радужномъ огнѣ;
Горячій вѣтеръ наклоняетъ
Траву волнистую къ землѣ,
И даль въ полупрозрачной мглѣ,
Какъ въ млечномъ морѣ, утопаетъ;
И надъ душистою травой,
Палящимъ солнцемъ разрѣженный,
Струится воздухъ благовонный
Неосязаемой волной.
Гляжу кругомъ: все та жъ картина,
Все тотъ же яркій колоритъ.
Вотъ слышу,—тихо надъ равниной
Трель музыкальная звучитъ:
То жаворонокъ одинокой,
Кружась въ лазурной вышинѣ,
Поетъ надъ степію широкой
О вольной жизни и веснѣ.
И степь той пѣсни переливамъ

И безотвѣтна, и пуста,
Въ забытьи внемлетъ молчаливомъ,
Какъ безмятежное дитя;
И, спрятавшись въ коврахъ зеленыхъ,
Цвѣтовъ вдыхая ароматъ,
Мильоны легкихъ насѣкомыхъ
Неумолкаемо жужжатъ.

О степь! люблю твою равнину,
И чистый воздухъ, и просторъ,
Твою безлюдную пустыню,
Твоихъ ковровъ живой узоръ,
Твои высокіе курганы,
И золотистый твой песокъ,
И перелетный вѣтерокъ,
И серебристые туманы...
Вотъ полдень... жарки небеса...
Иду одинъ. Передо мною
Дороги пыльной полоса
Вдали раскинулась змѣею.
Вотъ надъ оврагомъ, близъ рѣки,
Цыгане таборъ свой разбили,
Кибитки вкругъ постановили
И разложили огоньки;
Одни обѣдъ приготовляютъ
Въ котлахъ, наполненныхъ водой,—
Другіе на травѣ густой,
Въ тѣни кибитокъ отдыхаютъ,
И тутъ же, смирно, съ ними въ рядъ,
Ихъ псы косматые лежатъ,
И съ крикомъ прыгаетъ, смѣется
Толпа оборванныхъ дѣтей
Вкругъ загорѣлыхъ матерей;
Вдали табунъ коней пасется...
Ихъ миновалъ—и тотъ же видъ
Вокругъ меня и надо мною;
Лишь дикій коршунъ надъ травою
Порою въ воздухѣ кружитъ,

И также лентою широкой
Дорога длинная лежитъ,
И также солнце одиноко
Въ прозрачной синевѣ горитъ.
Вотъ день сталъ гаснуть... вечерѣетъ...
Вотъ поднялись издалека
Грядою длинной облака,
Въ пожарѣ западъ пламенѣетъ,
Вся степь, какъ спящая краса,
Румянцемъ розовымъ покрылась,
И потемнѣли небеса,
И солнце тихо закатилось.
Густѣетъ сумракъ... вѣтерокъ
Пахнулъ прохладою ночною,
И надъ уснувшею землею
Зарницы вспыхнулъ огонекъ.
И величаво мѣсяцъ полный
Изъ-за холмовъ далекихъ всталъ
И надъ равниною безмолвной,
Какъ чудный свѣточъ, засіялъ...
О, какъ божественно-прекрасна
Картина ночи средь степи,
Когда торжественно и ясно
Горятъ небесные огни,
И степь, раскинувшись широко,
Въ туманѣ дремлетъ одиноко,
И только слышится вокругъ
Необъяснимый жизни звукъ!
Брось посохъ, путникъ утомленный,
Тебѣ не надобно двора:
Здѣсь твой ночлегъ уединенный,
Здѣсь отдохнешь ты до утра;
Твоя постель—цвѣты живые,
Трава пахучая—коверъ,
А эти своды голубые—
Твой раззолоченный шатеръ.

1853.

XLVI.

## Художнику.

Я знаю часъ невыразимой муки,
Когда одинъ, въ сомнѣніи нѣмомъ,
Сложивъ крестомъ ослабнувшія руки,
Ты думаешь надъ мертвымъ полотномъ;
Когда ты кисть упрямую бросаешь
И, голову свою склонивъ на грудь,
Твоихъ идей невыразившій трудъ
И жалкое искусство проклинаешь.
Проходитъ гнѣвъ—и творческою силой
Твоя душа опять оживлена,
И, все забывъ, съ любовью терпѣливой
Ты день и ночь сидишь близъ полотна.
Оконченъ трудъ. Толпа тебя вѣнчаетъ,
И похвала вокругъ тебя шумитъ,
И клевета въ смущеніи молчитъ,
И все вокругъ колѣна преклоняетъ.
А ты, бѣднякъ! поникнувши челомъ,
Стоишь одинъ, съ тоскою подавленной,
Не находя въ созданіи своемъ
Ни красоты, ни мысли воплощенной.

1853.

---

XLVII.

(1-я редакція).

Не повторяй холодной укоризны:
Не суждено тебѣ меня любить.
Я не хочу безжалостно сгубить
Спокойствіе твоей невинной жизни.
Я все готовъ тебѣ, мой другъ, отдать
И счастіе твое купить моимъ страданьемъ,—
Но свыше силъ моихъ соединять
Твою судьбу съ моимъ существованьемъ!

Чѣмъ заплачу, что дамъ тебѣ взамѣнъ
За міръ души и дѣвственныя грезы?
Безплодный рядъ, быть можетъ, грустныхъ сценъ
И никому невидимыя слезы...
Ты знаешь ли всю жизнь мою вполнѣ,
Все зло дѣйствительности грязной,
И горечь нуждъ, знакомыхъ съ дѣтства мнѣ,
И скорбь моей тоски однообразной?
Такою ли дорогой проходить
Тебѣ, мой другъ, не знавшей огорченій,
И цѣлый вѣкъ мнѣ въ жертву приносить
Безпечный міръ забавъ и наслажденій!
И что въ тотъ день, измученный тоской,
Въ свое тебѣ скажу я оправданье,
Когда ты мнѣ упрекомъ и слезой
Отвѣтишь вдругъ на ласки и лобзанье?
Нѣтъ, этихъ жертвъ я не хочу принять!
Но кто жъ меня безчувствію научитъ
И, наконецъ, заставитъ позабыть
Все, что меня и радуетъ и мучитъ,
Что для меня, подъ холодомъ заботъ,
Подъ гнетомъ нуждъ, и горя, и лишеній, —
Единая отрада и оплотъ,
Источникъ думъ, надеждъ и пѣснопѣній?

1853.

---

## XLVIII.

(2-я редакція).

Не повторяй холодной укоризны:
Не суждено тебѣ меня любить.
Безпечный миръ твоей невинной жизни
Я не хочу безжалостно сгубить.
Тебѣ ль, съ младенчества не знавшей огорченій,
Со мною объ-руку идти однимъ путемъ,

Глядѣть на зло и грязь, и гаснуть за трудомъ,
И плакать, можетъ быть, подъ бременемъ лишеній,
Страдать не день, не два, всю жизнь свою страдать!..
Но гдѣ жъ на это силъ, гдѣ воли нужно взять?
И что тебѣ въ тотъ часъ скажу я въ оправданье,
Когда, убитая и горемъ и тоской,
Упрекомъ мнѣ и горькою слезой
Отвѣтишь ты на ласки и лобзанье?
Слезы твоей себѣ не могъ бы я простить...
Но кто жъ меня безчувствію научитъ
И наконецъ заставитъ позабыть
Все, что меня и радуетъ, и мучитъ,
Что для меня, подъ холодомъ заботъ,
Подъ гнетомъ нуждъ, печали и сомнѣній, —
Единая отрада и оплотъ,
Источникъ думъ, надеждъ и пѣснопѣній?..

---

XLIX.

## Засохшая береза.

Въ глуши, на почвѣ раскаленной,
Береза старая стоитъ;
Въ ея вершинѣ обнаженной
Зеленый листъ не шелеститъ.

Кругомъ, сливаясь съ небесами,
Полуодѣтыми въ туманъ,
Пестрѣетъ чудными цвѣтами
Волнистой степи океанъ.

Курганы ярко зеленѣютъ,
Росу приносятъ вечера,
Прохладой тихой ночи вѣютъ,
И пышетъ заревомъ заря.

Но беззащитная береза
Глядитъ съ тоской на небеса,
И на вѣтвяхъ ея, какъ слезы,
Сверкаетъ чистая роса;

Далеко бурею суровой
Ея листы разнесены,
И нѣтъ для ней одежды новой
И благодѣтельной весны.

1853.

---

## L.

(1-я редакція).

Снимаетъ степь свой бархатный уборъ,
Нагихъ полей безжизненый просторъ
Не радуетъ задумчиваго взгляда;
Холодныхъ тучъ воздушныя громады
Суровыя закрыли небеса,
И мглой густой одѣлися лѣса.

Короткій день ночь длинная смѣняетъ;
По вечерамъ край неба освѣщаетъ
Пожаръ зари пурпуровымъ огнемъ.
И инеемъ, какъ-будто серебромъ,
Покрыты дерева, а ночи темны,
Какъ ворона крыло, иль уголь черный.

Привѣтъ мой вамъ, предвѣстники зимы, —
Туманами покрытые холмы,
И утренній морозъ, и непогода!
Теперь, вдали отъ шума и народа,
Въ тиши ночной за сладостнымъ трудомъ,
Я отдохну и сердцемъ, и умомъ.

Тщеславія и праздности отрада,
Наскучила мнѣ роскошь маскарада,
Изысканность блистательныхъ пировъ

И музыка веселыхъ вечеровъ,
И юношей заносчивые споры,
И стариковъ докучливыхъ укоры.

Милѣе мнѣ мой уголокъ простой,
Украшенный иконою святой,
И легкій трудъ, моей души отрада,
И другъ ночей, горящая лампада. —
Вотъ все, къ чему привыкъ я съ давнихъ поръ,
Что любитъ мой неприхотливый взоръ.

Мнѣ кажется, живу я въ мірѣ новомъ,
Когда одинъ, въ спокойствіи суровомъ,
Забывъ молву и всѣ заботы дня,
До полночи сижу здѣсь близъ огня,
И лѣтопись былыхъ вѣковъ читаю,
И о судьбѣ народовъ размышляю.

И грустно мнѣ, когда дневной разсвѣтъ
Меня отъ думъ глубокихъ оторветъ,
Когда рука дѣйствительности строгой
Укажетъ мнѣ печальную дорогу,
И жизни шумъ и праздничный нарядъ
Займетъ меня, какъ вѣчный маскарадъ.

1853.

---

## LI.

(2-я редакція).

Привѣтъ мой вамъ, угрюмый мракъ ночей
И тишина безжизненныхъ полей,
Одѣтыя сырымъ туманомъ степи
И облаковъ неправильныя цѣпи,
Холодное сіяніе небесъ
И инеемъ осеребренный лѣсъ!

Привѣтъ мой вамъ, морозъ и непогода!
Теперь, вдали отъ шума и народа,

Въ часы ночей, за сладостнымъ трудомъ,
Въ моемъ углу, и скромномъ, и спокойномъ,
И тишиной глубокой окруженномъ,
Я отдохну и сердцемъ и умомъ.

Пускай сыны тщеславія и лѣни,
Поклонники мгновенныхъ наслажденій,
Изысканность забавъ своихъ любя,
Въ нихъ радости находятъ для себя
И на алтарь непостоянной моды
Несутъ, какъ дань, часы своей свободы.

Милѣе мнѣ мой уголокъ простой,
Божественной иконы ликъ святой,
И передъ нимъ горящая лампада,
И тихій трудъ, души моей отрада:
Здѣсь все, къ чему привыкъ я съ давнихъ поръ,
Что любитъ мой неприхотливый взоръ.

Мнѣ кажется: живу я въ мірѣ новомъ,
Когда одинъ, въ безмолвіи суровомъ,
Забывъ весь шумъ заботливаго дня,
Недвижимый, сижу я близъ огня
И лѣтопись минувшаго читаю,
И скромный стихъ задумчиво слагаю.

И грустно мнѣ, когда дневной разсвѣтъ
Меня отъ думъ любимыхъ оторветъ,
Когда рука дѣйствительности строгой
Укажетъ мнѣ печальную дорогу,
И все мое вниманье поглотитъ,
И всѣ мои восторги умертвитъ.

1853.

---

LII.

## Жизнь и смерть.

Невидимой цѣпью
Жизнь связана тѣсно

Съ таинственной смертью.
И въ самомъ началѣ
Зародыша жизни
Сокрыта возможность
Его разрушенья,
И въ жалкихъ остаткахъ
Ничтожнаго праха
Таятся начала
Для будущей жизни...
Такъ годы проходятъ
И цѣлые вѣки,
И все поглощаетъ
Могущество смерти,
Всегда оставаясь
Источникомъ жизни;
И такъ существуетъ
Доселѣ природа,
Служа колыбелью
И вмѣстѣ могилой.

1853.

---

LIII.

## Успокоеніе.

О, умъ мой холодный!
Зачѣмъ, уклоняясь
Отъ кроткаго свѣта
Божественной вѣры,
Ты гордо блуждаешь
Во мракѣ сомнѣнья?
Отвѣть, если можешь:
Кто далъ тебѣ силу
Разумной свободы
И къ истинамъ вѣчнымъ
Любовь и влеченье?
Кто плотью животной
Покрылъ мнѣ такъ чудно

Скелетъ обнаженный,
Наполнилъ всѣ жилы
Горячею кровью,
Далъ каждому нерву
Свое назначенье
И сердце заставилъ
Впервые забиться
Дотоль ему чуждой,
Невѣдомой жизнью?
Кто далъ тебѣ средство
Чрезъ малую точку
Подвижнаго ока
Усвоивать знанье
О видимомъ мірѣ?
И какъ назовешь ты
Тотъ духъ въ человѣкѣ,
Который стремится
Отъ грани земного,
Съ сознаньемъ свободы
И сильнымъ желаньемъ
Познаній и блага, —
Который владѣетъ
Порывами сердца,
Одинъ торжествуетъ
Въ страданіяхъ тѣла,
Законы природы
Себѣ подчиняя?..
Кто далъ это свойство
Цвѣтущей природѣ, —
Что въ ней разрушенье
Единаго тѣла
Бываетъ началомъ
Для жизни другого?
Кто этотъ Художникъ
Рукой всемогущей
Въ цвѣткѣ заключившій
Цѣлебную силу,
И ядъ смертоносный,

И яркія краски,
И тѣни, и запахъ?..
Смирись-же и вѣруй,
О, умъ мой надменный:
Законы вселенной,
И смерть, и рожденье
Живущаго въ мірѣ,
И мощная воля
Души человѣка
Даютъ мнѣ постигнуть
Великую тайну,
Что есть Высшій Разумъ,
Все дивно создавшій,
Всѣмъ правящій мудро.

1853.

---

LIV.

Кое изобиліе человѣку во всемъ трудѣ его, имъ-же трудится подъ солнцемъ: родъ преходитъ и родъ приходитъ, а земля во вѣкъ стоитъ. Екклесіаста гл. I, ст. 3 и 4.

Съ тѣхъ поръ, какъ міръ нашъ необъятный
Изъ неизвѣстныхъ намъ началъ
Образовался непонятно
И бытіе свое началъ,—

Событій зритель величавый,
Какъ много видѣлъ онъ одинъ
Борьбы добра и зла, и славы,
И разрушенія картинъ!

Какъ много царствъ и поколѣній,
И вдохновеннаго труда,
И геніальныхъ наблюденій
Похоронилъ онъ навсегда!..

И вотъ теперь, какъ и тогда,
Природа вѣчная сіяетъ:

Надъ нею бури и года,
Какъ тѣни легкія, мелькаютъ,

И между тѣмъ какъ человѣкъ,
Земли развѣнчанный владыка,
Въ цѣпяхъ страстей кончаетъ вѣкъ
Безъ цѣли ясной и великой,—

Все также блещутъ небеса,
И стройно движутся планеты,
И яркой зеленью одѣты
Непроходимые лѣса;

Цвѣтутъ луга, поля и степи,
Моря глубокія шумятъ,
И горъ заоблачныя цѣпи
Въ снѣгахъ нетающихъ горятъ.

1853.

---

LV.

## Новый завѣтъ.

Измученный жизнью суровой,
Не разъ я себѣ находилъ
Въ глаголахъ Предвѣчнаго Слова
Источникъ покоя и силъ.

Какъ дышатъ святые ихъ звуки
Божественнымъ чувствомъ любви,
И сердца тревожнаго муки
Какъ скоро смиряютъ они!..

Здѣсь все въ чудно-сжатой картинѣ
Представлено Духомъ Святымъ:
И міръ, существующій нынѣ,
И Богъ, управляющій имъ.

И сущаго въ мірѣ значенье,
Причина, и цѣль, и конецъ,

И Вѣчнаго Сына рожденье,
И крестъ, и терновый вѣнецъ.

Какъ сладко читать эти строки,
Читая, молиться въ тиши,
И плакать, и черпать уроки
Изъ нихъ для ума и души!
1853.

LVI.

## Молитва дитяти.

(1-ая редакція).

Молись, дитя: въ устахъ младенца
Молитва, чуждая страстей,
Какъ голосъ радостнаго сердца,
И чище вѣрой, и святѣй.

Молись дитя: тебѣ внимаетъ
Творецъ безчисленныхъ міровъ,
И капли слезъ твоихъ считаетъ
И отвѣчать тебѣ готовъ.

Быть можетъ, свѣтлый ангелъ мира
Всѣ эти слезы соберетъ,
И ихъ изъ чувственнаго міра
Къ престолу Бога отнесетъ...

О, если бъ послѣ многихъ лѣтъ,
Въ часы молитвы, со слезами,
Взглянуло ты на Божій свѣтъ
Такими жъ свѣтлыми очами!

Но если дѣтства чистота
Когда-нибудь тебя оставитъ
И горькой жизни нагота
Тебя на жизнь роптать заставитъ, —

Въ тѣ дни къ подножію креста
Приникни съ дѣтскою любовью,
И твердой вѣры чистота
Здѣсь примиритъ тебя съ собою.

Здѣсь ангелъ дѣтства твоего
Къ тебѣ опять слетитъ незримо
И о тебѣ Творцу всего
Молиться станетъ невидимо.

1853.

---

LVII.

## Молитва дитяти.

(2-я редакція).

Молись, дитя: сомнѣнья камень
Твоей груди не тяготитъ;
Твоей молитвы чистый пламень
Святой любовію горитъ.

Молись дитя: тебѣ внимаетъ
Творецъ безчисленныхъ міровъ,
И капли слезъ твоихъ считаетъ,
И отвѣчать тебѣ готовъ.

Быть можетъ, ангелъ, твой хранитель,
Всѣ эти слезы соберетъ
И ихъ въ надзвѣздную обитель
Къ престолу Богу отнесетъ.

Молись, дитя, мужай съ лѣтами!
И дай Богъ, въ пору позднихъ лѣтъ,
Такими жъ свѣтлыми очами
Тебѣ глядѣть на Божій свѣтъ!

Но если жизнь тебя измучитъ,
И умъ и сердце возмутитъ,
Но если жизнь роптать научитъ,
Любовь и вѣру погаситъ, —

Приникни съ жаркими слезами,
Креста подножье обойми:

Ты примиришься съ небесами,
Съ самимъ собою и съ людьми.

И вновь тогда изъ райской сѣни
Хранитель ангелъ твой сойдетъ
И за тебя, склонивъ колѣни,
Молитву къ Богу вознесетъ.

---

LVIII.

(1-я редакція).

Я помню счàстливые годы,
Когда безпечно и шутя,
Безукоризненной свободой
Я наслаждался, какъ дитя;

Когда, невинное созданье,
Какъ воплощенный херувимъ,
Тревогой гордаго желанья
Я не былъ мучимъ и томимъ;

Когда со мной краснорѣчиво
Міръ оживленный говорилъ;
Когда мечты самолюбивой
Въ своемъ умѣ я не таилъ;

Когда холодное сомнѣнье
Въ высокой цѣли бытія
Не наводило размышленья
И тяжкой грусти на меня.

То были дни святой свободы,—
Очарованья и чудесъ
На лонѣ мира и природы,—
То на землѣ былъ рай небесъ.

Тѣ дни прошли, какъ сновидѣнье;
Уже давно, давно ихъ нѣтъ;
Явленій новыхъ впечатлѣнья
Изгладили ихъ блѣдный слѣдъ.

И послѣ ихъ другія строки
Въ страницахъ жизни я прочелъ
И непонятные уроки
Для сердца бѣднаго нашелъ;

Узналъ преступныя желанья
И соблазнительное зло,
И новой жизни содержанье
Мнѣ много горя принесло.

О, если бъ, въ пору перехода
Изъ дѣтства въ зрѣлые года,
Игрой страстей моя свобода
Не увлекалась никогда!

Но съ обольстительнымъ порокомъ
Я слишкомъ рано началъ споръ,
И мнѣ спасительнымъ урокомъ
Не былъ паденія позоръ.

Печальныхъ заблужденій повѣсть
Я съ упоеніемъ читалъ
И укоряющую совѣсть
Софизмомъ смѣлымъ усыплялъ.

И если умъ нетерпѣливый
О лучшихъ дняхъ мнѣ говорилъ, —
Его призывъ краснорѣчивый
Однѣ мнѣ слезы приносилъ, —

Тѣ слезы ранъ не исцѣляли,
И лишь о прожитой веснѣ
Онѣ невольно пробуждали
Воспоминаніе во мнѣ...

И грустно мнѣ: мою ничтожность
Я понимаю глубоко,
Но юныхъ лѣтъ неосторожность
Вполнѣ загладить не легко.

И, вотъ, тропой уединенной,
Какъ утомленный пилигримъ,
Иду я къ цѣли отдаленной,
Пустымъ раскаяньемъ томимъ;

И жаль мнѣ, что мой вѣкъ суровый
Пройдетъ печально, безъ плода,
И не оставитъ мысли новой
И вдохновеннаго труда.

Что въ массу общаго познанья
Другимъ взыскательнымъ вѣкамъ,
Какъ результатъ существованья,
Я ничего не передамъ,

Что одинокій, безъ значенья,
Какъ гость, забытый на пиру,
Подъ вѣчнымъ холодомъ забвенья
Я въ неизвѣстности умру.

Что внуки скоро позабудутъ
Мою могилу, мой пріютъ,
И пѣсни грустныя разлюбятъ,
И слезы... слезы осмѣютъ.

1853. Декабрь.

---

## LIX.

(2-я редакція).

Я помню счàстливые годы,
Когда безпечно и шутя,
Безукоризненной свободой
Я наслаждался, какъ дитя;

Когда въ тиши уединенья,
Какъ воплощенный херувимъ,
Тревогой горя и сомнѣнья
Я не былъ мучимъ и томимъ.

Съ какимъ восторгомъ непонятнымъ
Тогда часъ утра я встрѣчалъ,
Когда надъ полемъ необъятнымъ
Востокъ безоблачный пылалъ,

И серебристыми волнами,
Подъ дуновеньемъ вѣтерка,
Надъ благовонными лугами
Паровъ вставали облака!

Съ какою дѣтскою отрадой
Глядѣлъ я на кудрявый лѣсъ,
Весенней дышащій прохладой,
На сводъ сіяющихъ небесъ,

На тихо спящіе заливы
Въ зеленыхъ рамахъ береговъ,
На блескъ и тѣнь волнистой нивы
И на узоры облаковъ!...

То были дни святой свободы,
Очарованья и чудесъ
На лонѣ мира и природы,
То на землѣ былъ рай небесъ!

Пришла пора... иныя строки
Въ страницахъ жизни я прочелъ
И въ нихъ тяжелые уроки
Уму и сердцу я нашелъ.

О, если бъ въ пору перехода
Изъ дѣтства въ зрѣлые года
Широкій путь моя свобода
Нашла для скромнаго труда!

Согрѣтый мыслію живою,
Какъ гражданинъ и человѣкъ,
Быть можетъ, свѣтлою чертою
Тогда бъ отмѣтилъ я свой вѣкъ!

Но горекъ жребій мой суровый!
И много силъ я схоронилъ,
Пока дорогу жизни новой
Средь зла и грязи проложилъ!

И грустно мнѣ, и стыдно вспомнить
Ничтожность прожитыхъ годовъ:
Чтобъ пустоту ихъ всю пополнить,
Отдать полжизни бъ я готовъ!

Но дни идутъ, идутъ безплодно...
И больно мнѣ, что и теперь
Одною мыслью благородной
Я не загладилъ ихъ потерь!

Что въ массу общаго познанья
Другимъ взыскательнымъ вѣкамъ,
Какъ весь итогъ существованья,
Я ничего не передамъ.

И одинокій, безъ значенья,
Какъ лишній гость въ пиру чужомъ
Ничтожной жертвою забвенья
Умру въ краю моемъ родномъ!

1853.

---

LX.

(1-я редакція).

Задумчивый пѣвецъ, въ пустынѣ неизвѣстной,
Неопытной рукой я струны пробуждалъ,
И пѣсни грустныя, какъ лучшій даръ небесный,
Какъ драгоцѣнный кладъ, таилъ и сберегалъ.

Я пѣлъ святой Руси величіе и славу,
Родного сѣвера высокую судьбу,
И радостей своихъ минутную забаву,
И пламенныхъ страстей печальную борьбу.

Быть можетъ, пѣснь моя не много выражала:
Искусства строгаго она была чужда;
Но мнѣ знакомое она напоминала
Подъ холодомъ заботъ, тревоги и труда.

Отрадно было мнѣ въ моемъ уединеньи,
Когда струнамъ своимъ съ восторгомъ я внималъ,
И зналъ я сердца миръ и слезы вдохновенья,
И долю бѣдную завидной почиталъ...

Но вотъ, нечаянно, напѣвъ мой одинокой
Холодная толпа подслушала въ тиши —
И чувства лучшія, всю жизнь моей души,
Разоблачила вдругъ съ насмѣшкою жестокой.

И больно слышать мнѣ, когда мой скромный стихъ,
Проникнутый огнемъ и мыслію свободной,
Перетолкованный, звучитъ въ устахъ чужихъ,
Какъ звукъ безчувственный, безжизненный, холодный...

И странны мнѣ языкъ двусмысленныхъ похвалъ
И толки смѣлые судей самолюбивыхъ,
И жаль мнѣ прежнихъ дней, глубоко-молчаливыхъ,
Когда одинъ, въ глуши, я пѣснь свою слагалъ.
1853.

---

## LXI.

(2-я редакція).

Задумчивый пѣвецъ, въ пустынѣ неизвѣстной,
Неопытный рукой я струны пробуждалъ,
И пѣсни грустныя, какъ лучшій даръ небесный,
Какъ драгоцѣнный кладъ, таилъ и сберегалъ.

Быть можетъ, силой чувствъ и мыслію глубокой
Я струнъ одушевить не могъ и не умѣлъ;

Никѣмъ незнаемый, съ лѣтъ раннихъ одинокой,
Какъ птица вольная, я безъ искусства пѣлъ.

И пѣснь слагалася легко и беззаботно,
Какъ ни былъ тѣсенъ міръ, гдѣ возмужалъ мой умъ,
Со мною говорилъ и вѣтеръ перелетный,
Я понималъ лѣсовъ, и волнъ, и вьюги шумъ.

И все, что грязнаго есть въ жизни самой бѣдной, —
И горе, и разгулъ, кровавый потъ трудовъ,
Порокъ и плачъ нужды оборванной и блѣдной, —
Я видѣлъ вкругъ себя съ младенческихъ годовъ

Но были у меня отрадныя мгновенья,
Когда всю скорбь мою я въ звукахъ изливалъ!
И зналъ я сердца миръ и слезы вдохновенья,
И долю горькую завидной почиталъ.

За даръ свой, въ этотъ мигъ, благодарилъ я Бога,
Казался раемъ мнѣ мой темный уголокъ,
Тогда какъ за стѣной и пьяная тревога
Была подлѣ меня, и шелъ о рынкѣ толкъ...

Вдругъ до толпы дошелъ напѣвъ мой вдохновенный,
Изъ сердца вырванный, родившійся въ глуши,
И чувства лучшія, вся жизнь моей души
Разоблачилися рукой непосвященной!

И больно слышать мнѣ, когда мой скромный стихъ,
Проникнутый огнемъ и мыслью благородной,
Перетолкованный, звучитъ въ устахъ чужихъ
Какъ звукъ безчувственный, безжизненный, холодный...

И странны мнѣ языкъ двусмысленныхъ по-
хвалъ
И толки смѣлые судей самолюбивыхъ,
И жаль мнѣ прежнихъ дней, глубоко-молча-
ливыхъ,
Когда одинъ, въ глуши, я пѣснь свою слагалъ.
1853.

---

LXII.

(3-я редакція).

Съ суровой долею я рано подружился:
Не зналъ веселыхъ дней, веселыхъ игръ не
зналъ,
Мечтами дѣтскими ни съ кѣмъ я не дѣлился,
Ни отъ кого рѣчей разумныхъ не слыхалъ.

Но все, что грязнаго есть въ жизни самой
бѣдной,
И горе, и разгулъ, кровавый потъ трудовъ,
Порокъ и плачъ нужды, оборванной и блѣдной,
Я видѣлъ вкругъ себя съ младенческихъ годовъ.

Мучительные дни съ безсонными ночами,
Какъ много васъ прошло безъ свѣта и тепла!
Какъ вы мнѣ памятны тоскою и слезами,
Потерями надеждъ, безсильемъ противъ зла!...

Но были у меня отрадныя мгновенья,
Когда всю скорбь мою я въ звукахъ изливалъ,
И зналъ я сердца миръ и слезы вдохновенья,
И долю горькую завидной почиталъ.

За даръ свой, въ этотъ мигъ, благодарилъ я
Бога,
Казался раемъ мнѣ пріютъ печальный мой,
Межъ тѣмъ, безумная и пьяная тревога,
Горячій споръ и брань кипѣли за стѣной...

Вдругъ до толпы дошелъ напѣвъ мой вдохновенный,
Изъ сердца вырванный, родившійся въ глуши, —
И чувства лучшія, вся жизнь моей души,
Разоблачилися рукой непосвященной.

Я слышу надъ собой и приговоръ, и судъ...
И стала пѣснь моя, пѣснь муки и восторга,
Съ людьми и съ жизнію меня миривший трудъ, —
Предметомъ злыхъ остротъ, и клеветы, и торга...

---

LXIII.

## Поэту.

(1-я редакція).

Не говори, что жизнь ничтожна,
Сперва, въ глубокой тишинѣ,
Не изучивши осторожно
Ея значенія вполнѣ.

Оставь печальныя сомнѣнья,
Ума неопытнаго плодъ.
Оно въ минуты вдохновенья
Твои восторги осмѣетъ.

Повѣрь, на праздникъ жизни шумный,
Наслѣдникъ будущихъ небесъ,
Не даромъ ты, какъ гость разумный,
Дары высокіе принесъ;

Не даромъ въ звуки пѣснопѣній
Ты чувства сердца перелилъ
И фантастическихъ видѣній
Край заколдованный открылъ.

Взгляни кругомъ: не для тебя ли,
Художникъ, полный юныхъ силъ,
Дитя сомнѣнья и печали,
Весь міръ сокровища раскрылъ?

Не для тебя ли небо блещетъ,
И звѣзды радужно горятъ,
И музыкально море плещетъ,
Лѣса дремучіе шумятъ,

И разноцвѣтными коврами
Лежатъ широкія поля,
И съ голубыми небесами
Степей сливаются края,

Въ туманѣ бѣломъ тонутъ горы,
И очаровываютъ взоръ
Долинъ роскошные узоры,
Луговъ приволье и просторъ?

Пойми, что шепчетъ спѣлый колосъ,
И вѣтерокъ о чемъ шумитъ,
И не тебѣ ль ихъ чудный голосъ
О тайнахъ жизни говоритъ?...

Нѣтъ, не суди о жизни строго!
Повѣрь, прекрасное любя,
Ты въ ней всегда отыщешь много
Отрады новой для себя.

Умѣй изъ груды безобразной
Картину стройную создать
И положить на слѣпокъ грязный
Живого творчества печать:—

И ты поймешь свое призванье
Въ минуты свѣтлыя труда
И выше своего страданья
Себя поставишь навсегда.

И безполезныя сомнѣнья
Въ тебѣ въ ту пору замолчатъ,
И слезы, слезы вдохновенья,
Тебя за трудъ вознаградятъ...

1853. XII.

---

LXIV.

## Поэту.

(2-я редакція).

Не говори, что жизнь ничтожна.
Нѣтъ, послѣ бурь и непогодъ,
Борьбы суровой и тревожной,
И цвѣтъ, и плодъ она даетъ.

Невѣчны всѣ твои печали.
Въ тебѣ самомъ источникъ силъ.
Взгляни кругомъ: не для тебя ли
Весь міръ сокровища раскрылъ.

Кудрявъ и зеленъ лѣсъ дремучій,
Листы зарей освѣщены,
Огнемъ охваченныя тучи
Въ стеклѣ рѣки отражены.

Покрытъ цвѣтами скатъ кургана.
Взойди и встань на вышинѣ, —
Какой просторъ! Сквозь сѣть тумана,
Село чуть видно въ сторонѣ.

Звенитъ и льется птички голосъ,
Узнай, о чемъ она поетъ,
Пойми, что шепчетъ спѣлый колосъ,
И что за рѣчи ключъ ведетъ.

Вотъ царство жизни и свободы!
Здѣсь всюду блескъ! Здѣсь вѣчный пиръ!
Пойми живой языкъ природы, —
И скажешь ты: прекраснъ міръ!

---

LXV.

## Пѣсня.

Зашумѣла, разгулялась
Въ полѣ непогода;
Принакрылась бѣлымъ снѣгомъ
Гладкая дорога.

Бѣлымъ снѣгомъ принакрылась,
Не осталось слѣду,
Поднялася пыль и вьюга,
Не видать и свѣту.

Да удалому дѣтинѣ
Буря не забота:
Онъ проложитъ путь-дорогу,
Лишь была бъ охота.

Не страшна глухая полночь,
Дальній путь и вьюга,
Если молодца въ свой теремъ
Ждетъ краса-подруга.

Ужъ какъ встрѣтитъ она гостя
Утренней зарею,
Обоймет его стыдливо
Бѣлою рукою,

Опустивши ясны очи,
Друга приголубитъ...
Вспыхнетъ онъ: и холодъ ночи,
И весь свѣтъ забудетъ.

1853.

---

LXVI.

## Война за вѣру.

Какъ волны грозныя, встаютъ сыны Востока,
Народный фанатизмъ муллами подожженъ,

Толпы мятежниковъ подъ знамена пророка,
Съ надеждой грабежа, сошлись со всѣхъ сторонъ.
Языческихъ временъ воскресъ театръ кровавый,
Глумится надъ крестомъ безумство мусульманъ,
И смотрятъ холодно великія державы
На униженіе и казни христіанъ.
За слезы ихъ и кровь нѣтъ голоса и мщенья!
Отъ бѣдныхъ матерей отнятые сыны
Въ рабы презрѣнному Еврею проданы,
И въ пламени горятъ несчастныя селенья...
Скажите намъ, враги поклонниковъ креста:
Зачѣмъ оскорблены храмъ истиннаго Бога
И древней Греціи священныя мѣста,
Когда жидовская спокойна синагога?
Когда мятежниковъ, безчестія сыновъ,
Орудіе крамолъ, тревогъ и возмущенья,
Не заклеймили вы печатію презрѣнья,
Но дали ихъ толпамъ гостепріимный кровъ?
Скажите намъ, враги Руси миролюбивой:
Ужель вы лучшаго предлога не нашли,
Чтобы извлечь свой мечъ въ войнѣ несправедливой
И положить свой прахъ въ поляхъ чужой земли?
Ужель чужихъ умовъ холодное коварство
Васъ въ жалкихъ палачей умѣло обратить
И для безславія жестокаго тиранства
Народныя права заставило забыть?
Ужели въ лѣтопись родной своей отчизны
Не стыдно вамъ внести свой собственный позоръ,
Потомковъ заслужить суровый приговоръ
И современниковъ живыя укоризны?
Иль духа русскаго досель вы не узнали?
Иль неизвѣстно вамъ, какъ Сѣвера сыны
За оскорбленіе родной своей страны
По слову царскому мильонами вставали?

Вамъ хочется борьбы! но страшенъ будетъ споръ
За древнія права, за честь Руси державной:
Мы вашей кровію скрѣпимъ нашъ договоръ —
Свободу христіанъ и Вѣры православной!
Мы вновь напомнимъ вамъ героевъ Рымника,
И ужасъ Чесменскій, и славный бой Кагула,
И грозной силою холоднаго штыка
Смиримъ фанатиковъ надменнаго Стамбула!
Впередъ, святая Русь! Тебя зоветъ на брань
Народа твоего поруганная Вѣра!
Съ тобой и за тебя молитва христіанъ!
Съ тобой и за тебя Святая Матерь-Дѣва!
Придетъ пора, — ее недолго ждать, —
Оцѣнятъ твой порывъ, поймутъ твой подвигъ громкій,
И будетъ свѣтъ тебѣ рукоплескать,
И позавидуютъ тебѣ твои потомки.

1853.

---

LXVII.

## Старикъ другоженецъ.

(1-я редакція).

Удружилъ ты мнѣ, сватъ, молодою женой!
Стала жизнь мнѣ и радость не въ радость:
День и ночь ни за-что она споритъ со мной
И бранитъ мою бѣдную старость;
Судитъ добрыхъ людей, малыхъ пасынковъ бьетъ,
Да съ сосѣдями ссоры заводитъ;
Кто что ѣстъ, кто что пьетъ, и какъ дома живетъ,
Все наружу съ насмѣшкой выводитъ;
Ходитъ изъ дому въ домъ, переноситъ слова,
Выдаетъ небылицы за были;
У себя же въ дому не расти хоть траза, —

И съ иконъ не смететъ густой пыли.
По недѣлямъ въ избѣ соръ на лавкахъ лежитъ,
Въ стекла тусклыя свѣтъ не проходитъ;
По угламъ на стѣнахъ паутина виситъ,
Плѣсень съ мокраго пола не сходитъ;
На холодной печи ребятишки кричатъ,
Инда сердце въ тоскѣ замираетъ,—
Дѣла мачехѣ нѣтъ, хоть ложись умирать,—
Ни заботы, ни горя не знаетъ;
Отъ двора моего отучила родныхъ,
Отказала знакомымъ съ порога,
Знать не хочетъ молвы, пересудовъ худыхъ,
Ни людей не боится, ни Бога...
Тяжкимъ, долгимъ трудомъ я добро собиралъ,
Много нуждъ перенесъ и заботы,
Худо ѣлъ, мало пилъ, рѣдко спалъ-отдыхалъ,
Не покладывалъ рукъ за работой:
То на пашнѣ съ зарей, съ бороной и сохой,
То съ цѣпомъ на гумнѣ заваленномъ;
То въ лѣсу съ топоромъ, то съ широкой косой
На степи, иль въ лугу отведенномъ.
Вездѣ былъ, успѣвалъ, силу-матушку клалъ,
Свою бѣдность хотѣлъ я поправить,—
И спорилось въ рукахъ: не чужимъ собиралъ,
Думалъ счастье дѣтишкамъ оставить,
Чтобъ они въ сиротствѣ на отцовскую лѣнь,
Послѣ смерти моей, не пеняли
И меня, старика, при нуждѣ въ черный день
Добрымъ словомъ всегда поминали...
Да на старости лѣтъ умъ за разумъ зашелъ
У меня въ головѣ посѣдѣлой:
Въ тихій домъ свой жену молодую я ввелъ,
И жена принялася за дѣло.
И пошло все вверхъ дномъ: потекло серебро,
Какъ вода между рукъ, на обновки;
Началася гульба, и погибло добро
Въ одинъ годъ отъ безстыдной мотовки.

Эхъ! не прежняя мочь, не былая пора,
Молодецкая удаль и сила, —
Не ходить бы женѣ, не спросясь, со двора,
И воды бы она не взмутила...
Спохватился теперь, да не сладишь съ бѣдой,
Лишь гляди на жену, да казнися,
Да молчи, какъ дуракъ, когда скажутъ порой:
По-дѣломъ старику, — не женися!

1853.

---

LXVIII.

## Старикъ другоженецъ.

(2-я редакція).

Удружилъ ты мнѣ, сватъ, молодою женой!
Стала жизнь мнѣ и радость не въ радость:
День и ночь ни за-что она споритъ со мной
И бранитъ мою бѣдную старость;
Ни за-что, ни про-что малыхъ пасынковъ бьетъ,
Да заводитъ съ сосѣдями ссоры;
Кто что ѣстъ, кто что пьетъ, и какъ дома живетъ, —
Хоть бѣжать, какъ начнетъ разговоры.
И ужъ пусть бы сама человѣкомъ была!
Не повѣришь, весь домъ разорила!
И грозилъ ей, — да что!... значитъ волю взяла!...
Женскій стыдъ, — Божій гнѣвъ позабыла!
А любовь... ужъ куда тутъ! молчи про любовь!...
За себя мнѣ бѣда небольшая, —
Погубилъ я дѣтей, погубилъ свою кровь:
Доканаетъ ихъ мачеха злая!
Эхъ! не прежняя мочь, не былая пора,
Молодецкая удаль и сила —
Не ходить бы женѣ, не спросясь, со двора,

И воды бы она не взмутила...
Спохватился теперь, да не сладишь съ бѣдой,
Лишь гляди на жену, да казнися,
Да молчи, какъ дуракъ, когда скажутъ порой:
По-дѣломъ старику,—не женися!

---

LXIX.

## Зимняя ночь въ деревнѣ.

Весело сіяетъ
Мѣсяцъ надъ селомъ;
Бѣлый снѣгъ сверкаетъ
Синимъ огонькомъ.

Мѣсяца лучами
Божій храмъ облитъ;
Крестъ подъ облаками,
Какъ свѣча, горитъ.

Пусто, одиноко
Сонное село;
Вьюгами глубоко
Избы занесло.

Тишина нѣмая
Въ улицахъ пустыхъ,
И неслышно лая
Псовъ сторожевыхъ.

Помоляся Богу,
Спитъ крестьянскій людъ,
Позабывъ тревогу
И тяжелый трудъ.

Лишь въ одной избушкѣ
Огонекъ горитъ:
Бѣдная старушка
Тамъ больна лежитъ.

Думаетъ-гадаетъ
Про своихъ сиротъ:
Кто ихъ приласкаетъ,
Какъ она умретъ.

Горемыки-дѣтки!
Долго ли до бѣдъ!
Оба малолѣтки,
Разуму въ нихъ нѣтъ,

Какъ начнутъ шататься
По дворамъ чужимъ,—
Мудрено ль связаться
Съ человѣкомъ злымъ...

А ужъ тутъ дорога
Не къ добру лежитъ:
Позабудутъ Бога,
Потеряютъ стыдъ.

Господи, помилуй
Горемыкъ-сиротъ!
Дай имъ разумъ—силу,
Будь Ты имъ въ оплотъ!...

И въ лампадкѣ мѣдной
Теплится огонь,
Освѣщая блѣдно
Ликъ святыхъ иконъ,

И черты старушки,
Полныя заботъ,
И въ углу избушки
Дремлющихъ сиротъ.

Вотъ пѣтухъ безсонный
Гдѣ-то закричалъ;
Полночи спокойной
Долгій часъ насталъ.

И, Богъ вѣсть, отколѣ,
Пѣсенникъ лихой
Вдругъ промчался въ поле
Съ тройкой удалой,

И въ морозной дали
Тихо потонулъ
И напѣвъ печали,
И тоски разгулъ.

1853.

---

LXX.

## Наслѣдство.

Не осталося
Мнѣ отъ батюшки
Палатъ каменныхъ,
Слугъ и золота;

Онъ оставилъ мнѣ
Кладъ наслѣдственный:
Волю твердую,
Удаль смѣлую.

Съ ними молодцу
Всюду весело!
Безъ казны богатъ,
Безъ почета гордъ.

Въ горѣ, черный день,
Соловьемъ поешь;
При нуждѣ, въ бѣдѣ
Смотришь соколомъ;

Нараспашку грудь
Противъ недруга,
Подъ грозой, въ бою
Улыбаешься.

И мила душѣ
Доля всякая,
И весь бѣлый свѣтъ
Раемъ кажется!

1853.

---

LXXI.

## Дума.

Въ глубокой мглѣ холоднаго забвенья
Теряются народовъ поколѣнья,
Законы ихъ, междоусобный споръ,
И доблести, и слава, и позоръ.
Лицо земли печально измѣнилось,
И много царствъ великихъ сокрушилось,
И скрылося подъ пепломъ городовъ,
Лишь темный слѣдъ исчезнувшихъ вѣковъ —
Нестройное собраніе обломковъ,
Да вымыслы невѣдомыхъ пѣвцовъ
И письмена намъ чуждыхъ языковъ
Отъ праотцевъ осталось для потомковъ...
Пройдутъ вѣка въ событіяхъ вселенной,
И мы мелькнемъ, какъ метеоръ мгновенный,
И, можетъ быть, потомства поздній родъ
Забудетъ нашъ угаснувшій народъ.
Такъ! вѣчности не суждено земному;
Покорствуя всеобщему закону,
Все умереть когда-нибудь должно;
Но жизнь однихъ, какъ чудное зерно,
Останется въ самомъ процессѣ тлѣнья
Залогомъ силъ другого поколѣнья.
Да, не вотще подъ холодомъ временъ
Идутъ ряды безчисленныхъ племенъ;
Наслѣдники безсмертья и свободы,
Какъ даръ благой, инымъ гостямъ природы
Мы отдаемъ въ извѣстный періодъ
Свои права на жизнь, свой цвѣтъ и плодъ.

Окончивъ здѣсь вполнѣ свое призванье —
Быть сѣменемъ въ системѣ мірозданья.

1853, XII.

---

LXXII.

Не вини одинокую долю,
О судьбѣ по ночамъ не гадай,
Сберегай свою дѣвичью волю,
Словно кладъ золотой, сберегай:

Ужъ не долго тебѣ оставаться
Въ красномъ теремѣ съ няней родной,
На лѣса изъ окна любоваться,
Расцвѣтать ненаглядной зарей;

Слушать пѣсни подругъ свѣтлоокихъ
И по бархату золотомъ шить,
И безпечно въ стѣнахъ одинокихъ
Беззаботною пташкою жить.

Отопрется твой теремъ дубовой,
И простится съ тобою отецъ,
И, гордясь подвѣнечной обновой,
Ты пойдешь съ женихомъ подъ вѣнецъ;

Да не радость—желанную долю
Ты найдешь на порогѣ чужомъ:
Грубый мужъ твою юную волю
Похоронитъ за крѣпкимъ замкомъ.

И ты будешь сносить терпѣливо,
Когда злая старуха-свекровь
Отвѣчать станетъ бранью ревнивой
На покорность твою и любовь;

Будешь глупой бояться золовки,
Пересуды сосѣдей терпѣть,

За работой сидѣть безъ умолку
И отъ тайнаго горя худѣть,

Слушать хмельного мужа укоры,
До разсвѣта его поджидать;
И забудешь ты пѣсню, уборы,
Станешь злую судьбу проклинать;

И, здоровье въ груди полумертвой
Отъ безплодной тоски погубя,
Преждевременной жалкою жертвой
Въ гробъ досчатый положишь себя.

И никто со слезой и молитвой,
На могилу къ тебѣ не придетъ,
И дорогу къ могилѣ забытой
Густымъ снѣгомъ метель занесетъ.

1853, XII.

---

## LXXIII.

Наскучивъ роскошью блистательныхъ забавъ,
Забывъ высокія стремленья
И пресыщеніе до времени узнавъ,
Старѣетъ наше поколѣнье.
Сталъ недовѣрчивѣй угрюмый человѣкъ;
Святого чуждый назначенья,
Оканчиваетъ онъ однообразный вѣкъ
Въ глубокой мглѣ предубѣжденья.

Ему не принесло прекраснаго плода
Порока и добра познанье,
И на челѣ его осталось навсегда
Безсильной гордости сознанье;
Свое ничтожество не хочетъ онъ понять
И юныхъ силъ не развиваетъ,
Забытой старинѣ стыдится подражать
И новаго не создаваетъ.

Слабѣя медленно, подъ бременемъ борьбы
Съ дѣйствительностію суровой,
Онъ смутно прожилъ всю слѣпую нить судьбы,
Влачитъ сомнѣнія оковы,
И въ жалкихъ хлопотахъ, въ заботахъ мелочныхъ,
Въ тревогѣ жизни ежедневной,
Онъ тратитъ попусту избытокъ чувствъ святыхъ,
Минуты мысли вдохновенной.

Не зная гдѣ найти страданію исходъ
Или вопросамъ объясненье,
Печальныхъ перемѣнъ онъ равнодушно ждетъ,
Не требуя успокоенья;
Во всѣхъ явленіяхъ всегда одно и тожъ
Предузнаваетъ онъ унылый,
И сонъ хладѣющей души его похожъ
На миръ безжизненной могилы.

1853, XII.

---

## LXXIV.

О, сколько разъ я проклиналъ
Позоръ слѣпого заблужденья
И о самомъ себѣ рыдалъ
Въ часы молитвъ и размышленья!
И какъ бы я благословилъ
Въ ту пору неба громъ нежданный,
Когда бы этотъ гость желанный
Надменный умъ мой поразилъ!..

Но мигъ святой прошелъ—и снова
Страстямъ, какъ прежде, я служу,
И на позоръ ихъ и оковы,
Какъ на свободу, я гляжу.
Такъ, влажный воздухъ разсѣкая

Межъ облаковъ, во тьмѣ ночной,
Блистаетъ молнія порой,
Мгновенно небо освѣщая.

1853.

---

LXXV.

## Мщеніе.

Поднялась, шумитъ
Непогодушка,
Низко боръ сырой
Наклоняется.

Ходятъ, плаваютъ
Тучи по небу,
Ночь осенняя
Чернѣй ворона.

Въ зипунѣ мужикъ
Къ дому барскому
Черезъ садъ густой
Тихо крадется.

Онъ идетъ, глядитъ
Во всѣ стороны,
Про себя одинъ
Молча думаетъ:

„Вотъ теперь съ тобой,
Баринъ-батюшка,
Мужикъ-лапотникъ
Посчитается;

Хорошо ты мнѣ
Вчера вечеромъ
Вплоть до плечъ спустилъ
Кожу бѣдную.

Виноватъ я былъ,
Самъ ты вѣдаешь:
Тебѣ дочь моя
Приглянулася.

Да отецъ ея—
Несговорчивый,
Не велитъ онъ ей
Слушать барина...

Знаю, ты у насъ
Самъ большой-старшой,
И судить-рядить
Тебя некому.

Такъ суди жъ Господь
Меня грѣшника:
Не видать тебѣ
Мое дѣтище!"

Подошелъ мужикъ
Къ дому барскому,
Тихо выломилъ
Раму старую,

Поднялся, вскочилъ
Въ спальню темную,—
Не вставать теперь
Утромъ барину...

На дворѣ шумитъ
Непогодушка,
Низко боръ сырой
Наклоняется;

Черезъ садъ домой
Мужикъ крадется,
У него лицо
Словно бѣлый снѣгъ.

Онъ дрожитъ, какъ листъ,
Озирается,
А господскій домъ
Загорается.

1853.

---

LXXVI.

## Моленіе о чашѣ.

И прешедъ мало, паде на лицѣ Своемъ, моляся и глаголя: Отче Мой, аще возможно есть, да мимо идетъ отъ Мене чаша сія: обаче не яко же Азъ хощу, но яко же Ты. Мате. Гл. XXVI, ст. 39—47.

День ясный тихо догораетъ,
Чистъ неба куполъ голубой;
Весь западъ въ золотѣ сіяетъ
Надъ Іудейскою землей;
Спокойно высясь надъ полями,
Закатомъ солнца освѣщенъ,
Стоитъ высокій Елеонъ
Съ благоуханными садами.
И, полный блеска, передъ нимъ,
Народа шумомъ оживленный,
Лежитъ святой Ерусалимъ,
Стѣною твердой окруженный.
Вдали Гевалъ и Гаразинъ,
Къ востоку воды Іордана
Съ роскошной зеленью долинъ
Рисуются въ волнахъ тумана,
И моря Мертваго краса
Сквозь сонъ глядитъ на небеса,
А тамъ, на западѣ, далеко,
Лазурныхъ Средиземныхъ волнъ
Разливъ могучій огражденъ
Песчанымъ берегомъ широко...
Темнѣетъ... всюду тишина...
Вотъ ночи вспыхнули свѣтила,—
И ярко полная луна

Садъ Геѳсиманскій озарила.
Въ травѣ, подъ вѣтвями оливъ,
Сыны Божественнаго Слова,
Ерусалима шумъ забывъ,
Спятъ три Апостола Христовы.
Ихъ сонъ спокоенъ и глубокъ;
Но тяжело спалъ міръ суровый:
Вѣковъ наслѣдственный порокъ
Его замкнулъ въ свои оковы.
Проклятье праотцевъ на немъ
Пятномъ безславія лежало
И, съ каждымъ вѣкомъ, новымъ зломъ
Его, какъ язва, поражало...
Но часъ свободы наступалъ—
И, чуждый общему позору,
Посланникъ Бога, въ эту пору,
Судьбу всемірную рѣшалъ.
За слово истины высокой
Голгоѳскій крестъ предвидѣлъ Онъ,
И, чувствомъ скорби возмущенъ,
Отцу молился одиноко:
„Ты знаешь, Отче, скорбь Мою
И видишь, какъ Твой Сынъ страдаетъ,
О, подкрѣпи Меня, молю,
Моя душа изнемогаетъ!
День казни близокъ: онъ придетъ,—
На жертву отданный народу
Твой Сынъ безропотно умретъ,
Умретъ за общую свободу...
Проклятьемъ черни пораженъ,
Измученный и обнаженный,
Передъ толпой поникнетъ Онъ
Своей главой окровавленной.
И тѣ, которымъ со креста,
Пошлетъ Онъ даръ благословенья,
Съ улыбкой гордаго презрѣнья
Поднимутъ руку на Христа...
О, да минуетъ чаша эта,

Мой Отче, Сына Твоего!
Мнѣ горько видѣть злобу свѣта
За искупленіе его!
Но не Моя да будетъ воля,
Да будетъ такъ, какъ хочешь Ты!
Тобой назначенная доля
Есть дѣло вѣчной правоты,
И если Твоему народу
Позоръ Мой благо принесетъ,—
Пускай за общую свободу
Сынъ человѣческій умретъ!"
Молитву кончивъ, скорби полный,
Къ ученикамъ Онъ подошелъ,
И, увидавъ ихъ сонъ спокойный,
Сказалъ имъ: „Встаньте, часъ пришелъ!
Оставьте сонъ свой и молитесь,
Чтобъ въ искушеніе не впасть.
Тогда вы въ вѣрѣ укрѣпитесь
И съ вѣрой встрѣтите напасть."
Сказалъ и тихо удалился
Туда, гдѣ прежде плакалъ Онъ,
И той же скорбью возмущенъ,
На землю палъ Онъ и молился:
„Ты, Отче, въ міръ Меня послалъ,
Но Сына міръ Твой не пріемлетъ:
Ему любовь Я завѣщалъ,
Моимъ глаголамъ онъ не внемлетъ;
Я былъ врачемъ его больнымъ,
Я за враговъ Моихъ молился,—
И надо Мной Ерусалимъ,
Какъ надъ обманщикомъ, глумился!
Народу міръ Я завѣщалъ,—
Народъ судомъ Мнѣ угрожаетъ,
Я въ мірѣ мертвыхъ воскрешалъ—
И міръ Мнѣ крестъ приготовляетъ!..
О, если можно, отъ Меня
Да мимо идетъ чаша эта!
Ты Богъ любви, начало Свѣта,

И все возможно для Тебя!
Но если кровь нужна святая,
Чтобъ землю съ небомъ примирить, - -
Твой вѣчный судъ благословляя,
На крестъ готовъ Я восходить!"
И взоръ, въ тоскѣ невыразимой,
Съ небесъ на землю Онъ низвелъ
И снова, скорбію томимый,
Къ ученикамъ Онъ подошелъ.
Но ихъ смежившіяся очи
Невольный сонъ отягощалъ;
Великой тайны этой ночи
Ихъ бѣдный умъ не постигалъ.
И сталъ Онъ, молча, полный муки,
Чело высокое склонилъ
И на груди святыя руки
Въ изнеможеніи сложилъ.
Что думалъ Онъ въ минуты эти,
Какъ человѣкъ и Божій Сынъ,
Подъявшій грѣхъ тысячелѣтій
То зналъ Отецъ Его одинъ.
Но ни одна душа людская
Не испытала никогда
Той боли тягостной, какая
Въ Его груди была тогда,
И люди вѣрно-бъ не поняли,
Весь грѣшный міръ нашъ не постигъ
Тѣхъ слезъ, которыя сіяли
Въ очахъ Спасителя въ тотъ мигъ.
И вотъ опять Онъ удалился
Подъ сѣнь смоковницъ и оливъ,
И тамъ, колѣна преклонивъ,
Опять Онъ плакалъ и молился:
„О, Боже Мой! Мнѣ тяжело!
Мой умъ колеблется, темнѣетъ,
Все человѣческое зло
На Мнѣ единомъ тяготѣетъ.
Позоръ людской, — позоръ вѣковъ, —

Все на себя Я принимаю,
Но Самъ, подъ тяжестью оковъ,
Какъ человѣкъ, изнемогаю...
О, не оставь Меня въ борьбѣ
Съ Моею плотію земною, —
И все угодное Тебѣ,
Тогда да будетъ надо Мною.
Молюсь, да снидетъ на Меня
Святая сила подкрѣпленья,
Да совершу съ любовью Я
Великій подвигъ примиренья!"
И руки къ небу Онъ подъялъ
И весь въ молитву превратился,
Огонь лицо Его сжигалъ,
Кровавый потъ по Немъ струился.

И вдругъ съ безоблачныхъ небесъ,
Лучами свѣта окруженный,
Явился въ садъ уединенный
Глашатай Божіихъ чудесъ.
Былъ чуденъ взоръ его прекрасный,
И безмятежно и свѣтло
Одушевленное чело,
И ликъ сіялъ, какъ полдень ясный;
И близъ Спасителя онъ сталъ
И рѣчью свыше вдохновенной
Освободителя вселенной
На славный подвигъ укрѣплялъ;
И самъ, подобный легкой тѣни,
Но полный благодатныхъ силъ,
Свои воздушныя колѣни
Съ молитвой пламенной склонилъ.

Вокругъ молчало все глубоко;
Была на небѣ тишина, —
Лишь въ царствѣ мрака одиноко
Страдалъ безплодно сатана.
Онъ зналъ, что въ мірѣ колебался

Его владычества кумиръ,
И что безславно падшій міръ
Къ свободѣ новой приближался.
Виновникъ зла, онъ понималъ,
Кто былъ Мессія воплощенный,
О чемъ Отца Онъ умолялъ,
И, страшной мукой подавленный,
Духъ гордый молча изнывалъ,
Безсильной злобой сокрушенный...

Спокойно въ выси голубой
Свѣтилъ блистали міріады,
И полонъ сладостной прохлады,
Былъ чистый воздухъ. Надъ землей
Поднявшись тихо, небожитель
Летѣлъ къ надзвѣзднымъ высотамъ, —
Межъ-тѣмъ всемірный Искупитель
Опять пришелъ къ ученикамъ.
И въ это чудное мгновенье
Какъ былъ Онъ истинно-великъ,
Какимъ огнемъ одушевленья
Горѣлъ Его прекрасный ликъ!
Какъ ярко отражали очи
Всю волю твердую Его,
Какъ радостно свѣтила ночи
Съ высотъ глядѣли на Него!

Ученики, какъ прежде, спали.
И вновь Спаситель имъ сказалъ:
„Вставайте, близокъ день печали
И часъ предательства насталъ...“
И звукъ мечей остроконечныхъ
Садъ Геѳсиманскій пробудилъ
И отблескъ факеловъ зловѣщихъ
Лицо Іуды освѣтилъ.

1854.

LXXVII.

## Сладость молитвы.

Бываютъ минуты, — тоскою убитый,
На ложѣ до утра безъ сна я сижу,
И нѣтъ на устахъ моихъ теплой молитвы,
И съ грустью на образъ святой я гляжу,

Вокругъ меня въ комнатѣ тихо, безмолвно...
Лампада въ углу одиноко горитъ,
И кажется мнѣ, что святая икона
Мнѣ въ очи съ укоромъ и строго глядитъ.

И дума за думой на умъ мнѣ приходитъ,
И жаръ непонятный по жиламъ течетъ,
И сердце отрады ни въ чемъ не находитъ,
И волосъ отъ тайнаго страха встаетъ.

И вспомню тогда я тревогу желаній
И жгучія слезы тяжелыхъ утратъ,
Невѣрность надежды и горечь страданій,
И скрытый подъ маской глубокій развратъ,

Всю бѣдность и суетность нашего вѣка,
Всѣ мелочи жалкихъ, ничтожныхъ заботъ,
Все зло въ этомъ мірѣ, всю скорбь человѣка,
И грозную вѣчность, и съ жизнью расчетъ;

И вспомню я крестъ на Голговѣ позорной,
Облитаго кровью Страдальца на немъ,
При шумѣ и кликахъ насмѣшки народной
Поникшаго тихо покорнымъ челомъ...

И страшно мнѣ станетъ отъ этихъ видѣній,
И съ ложа невольно тогда я сойду,
Склоню предъ иконой святою колѣни
И съ жаркой молитвою ницъ упаду.

И мнится мнѣ, слышу я шепотъ невнятный,
И кто-то со мной въ полумракѣ стоитъ:
Быть можетъ, незримо, въ тотъ мигъ благодатный,
Мой ангелъ-хранитель молитву творитъ.

И въ душу прольется мнѣ свѣтлая радость,
И смѣло на образъ тогда я взгляну,
И, чувствуя въ сердцѣ какую-то сладость,
На ложе я лягу и крѣпко засну.

1854. I, 15.

---

LXXVIII.

## Ночлегъ извозчиковъ.

(1-я редакція).

Широко лежатъ
Поля бѣлыя;
Высоко горятъ
Звѣзды яркія;

Мѣсяцъ въ дальній путь,
Вслѣдъ за тучками,
Надъ селомъ плыветъ
Бѣлымъ лебедемъ.

Со смолой обозъ,
Съ горы на гору,
Не спѣша, къ селу
Подвигается.

Рѣзко снѣгъ скрипитъ
Подъ полозьями,
На уздахъ звенятъ
Кольца мѣдныя.

Идутъ лошади
Съ ноги на ногу;

Мужички кряхтятъ,
Пожимаются.

Отъ мороза ихъ
Брови, бороды
Поросли густымъ
Бѣлымъ инеемъ.

Вотъ въ село они
Дружно въѣхали,
Подошли къ двору
Постоялому.

И навстрѣчу къ нимъ
Дворникъ ласковый
Подошелъ и снялъ
Шапку старую.

Поклонился всѣмъ,
Поздоровался;
Сталъ ихъ звать къ себѣ,
Приговаривать:

„Что, на дворъ что ль вамъ?
Просимъ милости:
У меня овесъ —
То же золото;

Я не то, что вонъ
Сосѣдъ-выжига, —
Люди добрые
Со мной знаются,

Я вѣдь самъ въ извозъ,
Братцы, хаживалъ,
Нужды, голода
Много видывалъ;

Угощу, небось,
По пріятельски

Провожу съ двора
Хлѣбомъ, солію;

Поѣзжайте-ка,
Просимъ милости,
У меня изба
Баня банею."

Мужички его
Словъ послушались,—
На широкій дворъ
Къ нему въѣхали;

Отпрягли коней
Подъ сараями,
Въ хрептуги овса
Понасыпали.

Со двора пошли
Въ избу теплую;
Образамъ святымъ
Помолилися,

Распоясались,
Шубы скинули,
На полатяхъ ихъ
Поразвѣшали,

Водой чистою
Руки вымыли
И за длинный столъ
Посажалися.

Подала имъ хлѣбъ
Жена дворника,
Въ мисѣ крашеной
Щи поставила.

Мужички ѣдятъ,
Согрѣваются,

Сами рѣчь ведутъ
О Саратовѣ.

Прислонясь къ стѣнѣ,
Подлѣ притолки,
Ихъ разсказъ, сквозь сонъ,
Дворникъ слушаетъ.

Про себя жъ одинъ,
Молча, думаетъ:
Вишь сидятъ они,
Прохлаждаются,

А овса, такъ вотъ,
Почти нѣ брали;
Угощу жъ я васъ
По-пріятельски!

---

LXXIX.

## Ночлегъ извозчиковъ.

(2-я редакція).

Далеко, далеко раскинулось поле,
Покрытое снѣгомъ, что бѣлымъ ковромъ,
И звѣзды зажглися, и мѣсяцъ, что лебедь,
Плыветъ одиноко надъ соннымъ селомъ.

Богъ знаетъ откуда, съ какимъ-то товаромъ
Обозъ по дорогѣ пробитой идетъ:
То взъѣдетъ онъ тихо на длинную гору,
То въ темной лощинѣ изъ глазъ пропадетъ.

И вотъ на дорогѣ онъ вновь показался
И на гору сталъ подниматься шажкомъ;
Вотъ слышно, какъ снѣгъ заскрипѣлъ подъ санями,
И кони заржали подъ самымъ селомъ.

Въ овчинныхъ тулупахъ, въ коломенскихъ шапкахъ,
Съ обозомъ, и съ правой, и съ лѣвой руки.
Въ лаптяхъ и онучахъ, въ большихъ рукавицахъ,
Кряхтя, пожимаясь, идутъ мужики.

Избились ихъ лапти отъ дальней дороги,
Ихъ жесткія лица морозъ заклеймилъ,
Высокія шапки, усы ихъ и брови,
И бороды иней пушистый покрылъ.

Подходятъ они ко дворамъ постоялымъ,
Навстрѣчу имъ дворникъ спѣшитъ изъ воротъ,
И шапку снимаетъ, привѣтствуя словомъ:
„Откудова, братцы, Господь васъ несетъ?“

— Да ѣдемъ вотъ съ рыбой въ Москву изъ Ростова, —
Передній извозчикъ ему отвѣчалъ, —
А что на дворѣ-то не тѣсно ль намъ будетъ?
Теперь ты, я чаю, насъ вовсе не ждалъ? —

„Для добраго гостя найдется мѣстечко“,
Привѣтливо дворникъ плечистый сказалъ
И, рыжую бороду тихо погладивъ,
Слегка ухмыляясь, опять продолжалъ:

„Вѣдь, я не таковъ, какъ сосѣдъ-прощалыга,
Готовый за грошъ свою душу продать;
Я знаю, какъ надо съ людьми обходиться,
Кого какъ привѣтить и чѣмъ угощать.

„Овесъ мой — овинный, изба — та же баня,
Не какъ у сосѣда, — зубовъ не сберешь;
И есть, гдѣ прилечь, посидѣть, обсушиться,
А квасъ, то есть брага, и нехотя пьешь.

„Въѣзжайте-ка, братцы; намъ стыдно считаться;
Ужъ я по-пріятельски васъ угощу,

И встрѣчу, какъ водится, хлѣбомъ и солью,
И съ хлѣбомъ и солью съ двора отпущу."

Послушались дворника добрые люди:
На дворъ помѣстились, коней отпрягли,
Къ санямъ привязали и корму имъ дали,
И въ теплую избу чрезъ сѣни вошли.

Снявъ шапки, святымъ образамъ помолились,
Очистили иней пушистый съ волосъ,
Раздѣлись, тулупы на нары поклали
И рѣчь завели про суровый морозъ.

Погрѣлись близъ печки и руки помыли,
И, грудь осѣнивши широкимъ крестомъ,
Хозяйкѣ хлѣбъ-соль подавать приказали,
И ужинать сѣли за длиннымъ столомъ.

И вотъ, въ сарафанѣ, покрытая кичкой,
Къ гостямъ молодая хозяйка вошла;
Сказала: „здорово, родные, здорово!"
И каждому порознь поклонъ отдала;

По крашеной ложкѣ имъ всѣмъ разложила,
И соли въ солонкѣ, и хлѣбъ подала,
И въ чашкѣ глубокой съ надтреснутымъ краемъ
Изъ кухни горячія щи принесла.

И блюдо за блюдомъ пошла перемѣна...
Извозчики молча и дружно ѣдятъ,
И потъ начинаетъ съ нихъ градомъ катиться,
Глаза оживились и лица горятъ.

„Послушай, хозяюшка!" молвилъ извозчикъ,
Съ трудомъ проглотивши свинины кусокъ:
„Нельзя ли найти намъ кваску-то получше?
Вѣдь, этотъ слѣпому глаза продеретъ."

— И, что ты, родимый! квасокъ-атъ, что брага,
Его и купцамъ доводилося пить. —

„Спасибо, хозяйка!“ сказалъ ей извозчикъ,
„Не скоро намъ брагу твою позабыть.“

— Ну, полно-те спорить, вишь съ бабой
связался! —
Промолвилъ другой, обтирая усы:
Аль къ тещѣ съ женою пріѣхалъ на праздникъ?
Что есть, то и ладно, а нѣтъ — не проси! —

„Вѣстимо, Данилычъ“, сказалъ ему третій:
„За хлѣбомъ и солью шумѣть не рука;
Вѣдь, мы не бояре: что есть, тѣмъ и сыты...
А ну-ка, хозяюшка, дай-ка гуська!“

— Эхъ, братцы! рукою расправивши кудри,
Товарищамъ молвилъ дѣтина одинъ:
Разъ, ѣздилъ я лѣтомъ въ Макарьевъ на тройкѣ.
Нанялъ меня, знаешь, купеческій сынъ.

— Ну, что за раздолье мнѣ было въ дорогѣ!
Признаться, ужъ попилъ тогда я винца!
Какъ свистнешь, бывало, и тронешь лошадокъ,
Захочешь потѣшить порой молодца,

— И птицей несется залетная тройка,
Лишь пыль подымается чернымъ столбомъ,
Звенитъ колокольчикъ, и версты мелькаютъ,
На небѣ ни тучки, и поле кругомъ,

— Въ лицо вѣтерокъ подуваетъ навстрѣчу,
И на сердцѣ любо, и пышетъ лицо...
Пріѣхалъ въ деревню: готова закуска,
И дворника дочка подноситъ винцо.

— А вечеромъ, знаешь, мой купчикъ удалый,
Какъ этакъ порядкомъ уже подгульнетъ,
На улицу выйдетъ, вся грудь на-распашку,
Вокругъ себя парней толпу соберетъ,

— Одѣлитъ деньгами и весело крикнетъ:
„А ну-ка, валяй: не бѣлы-то снѣги!“

И парни затянутъ, и самъ онъ зальется,
И тутъ ужъ его кошелекъ береги.

—Бывало, шепнешь ему: „Яковъ Петровичъ!
Припрячь кошелекъ-то,—вѣдь, спроситъ отецъ."
„Молчи, братъ! за словомъ въ карманъ не полѣзу:
Въ товарѣ убытокъ,—и дѣлу конецъ"—

Такъ, сидя на лавкахъ за хлѣбомъ и солью,
Смѣясь, мужички продолжаютъ разсказъ;
И, стоя близъ печки, качаясь въ дремотѣ,
Ихъ слушаетъ дворникъ, прищуривши глазъ,

И думаетъ самъ онъ съ собою спросонокъ:
„Однако, отъ этихъ барышъ мнѣ придетъ;
Овса-то, вотъ видишь, по мѣрочкѣ взяли,
А ѣсть,—такъ одинъ за троихъ уберетъ.

„Куда жъ это, Господи, все уложилось!—
Баранина, щи, поросенокъ и гусь,
Лапша и свинина, и медъ на заѣдки...
Ну, я же по своему съ ними сочтусь!"

Вотъ кончился ужинъ. Извозчики встали...
Хозяйка мочалкою вытерла столъ,
А дворникъ внесъ въ избу охапку соломы,
Взглянулъ исподлобья и молча ушелъ.

Провѣдавъ лошадокъ, сводивъ ихъ къ колодцу,
Извозчики снова всѣ въ избу вошли,
Постлали постель, помолилися Богу,
Раздѣлись, разулись и спать залегли.

И все замолчало... Лишь въ кухнѣ хозяйка,
Поставивъ посуду на полку рядкомъ,
Изъ глиняной чашки, при свѣтѣ огарка,
Поила теленка густымъ молокомъ.

Но вотъ, наконецъ, и она улеглася,
Подъ голову старый зипунъ положивъ,
И крѣпко на печкѣ горячей заснула,
Всѣ хлопоты кухни своей позабывъ.

Все тихо... всѣ спятъ... и давно уже полночь,
Раскинувши руки, храпятъ мужики:
Лишь, хрюкая, въ кухнѣ больной поросенокъ
Въ широкой лохани сбираетъ куски...

Свѣтать начинаетъ. Извозчики встали.
Хозяйка остатокъ огарка зажгла,
Гостямъ утереться дала полотенце,
Ковшомъ въ рукомойникъ воды налила.

Умылися гости, предъ образомъ стали,
Молитву, какую умѣли, прочли
И къ спящему дворнику въ избу другую
За кормъ и хлѣбъ-соль расчитаться вошли.

Сердитый, спросонокъ, глаза протирая,
Поднялся онъ съ лавки и счеты сыскалъ,
За столъ сѣлъ, нахмурясь, потеръ свой затылокъ
И молвилъ: „ну, кто изъ васъ что забиралъ?“

— Заборъ нашъ ты знаешь: мы поровну брали;
А ты вотъ за ужинъ изволь положить
Себѣ не въ обиду и намъ не въ убытокъ,—
Съ тобою хлѣбъ-соль намъ впередъ чтобъ водить.

„Да что же, давай четвертакъ съ человѣка;
Оно хоть и мало,—да такъ ужъ и быть.“
— Не много ли будетъ, почтенный хозяинъ?
Богатъ скоро будешь! нельзя ли сложить?—

„Нѣтъ, складки, ребята, не будетъ и гроша,
И эта цѣна-то пустякъ-пустякомъ;
А будете спорить—заплатите вдвое:
Ворота, вѣдь, заперты добрымъ замкомъ.“

Подумавъ, извозчики крѣпко вздохнули
И, нехотя вынувъ свои кошели,
Хозяину деньги сполна отсчитали
И въ путь свой, въ дорогу сбираться пошли.

Всю выручку въ старый сундукъ положивши,
Хозяинъ одѣлся и вышелъ на дворъ
И, видя, что гости коней запрягаютъ,
Взялъ ключъ и замокъ на воротахъ отперъ.

Накинувъ арканы на шеи лошадокъ,
Извозчики стали съѣзжать со двора.
„Спасибо, хозяинъ!“ промолвилъ послѣдній:
„Смотри, разживайся съ чужого добра!“

— Ну, съ Богомъ, любезный! сказалъ ему дворникъ:
Еще изъ-за гроша ты сталъ толковать!
Впередъ, просимъ милости, къ намъ заѣзжайте,
Ужъ мнѣ не учиться, кого какъ принять. —

1854.

---

LXXX.

## Новая борьба.

Опять призывъ къ войнѣ! Еще на Русь святую
Двѣ тучи новыя грозу свою несутъ
И снова нашу Русь на битву роковую,
На битву страшную, помѣряться зовутъ!
И не забыли мы своей недавней славы,—
Еще не прожилъ силъ великій нашъ народъ:
И такъ же грозный онъ, и такъ же величавый,
Какъ буря зашумитъ и двинется впередъ.
Впередъ за христіанъ, позорно умерщвленныхъ!
Впередъ за нашу честь и за права отцовъ,
За славу мѣстъ, нечестьемъ оскорбленныхъ,
За вѣру русскую,—наслѣдіе вѣковъ!
Пришла теперь пора для нашего народа
Рѣшить своимъ мечомъ современный вопросъ,
Свята ли христіанъ поруганныхъ свобода
И крѣпокъ ли досель нашъ Сѣверный колоссъ?..
Понятно Англіи кичливое волненье:
Народный русскій духъ немного ей знакомъ;

Она не видѣла Полтавскаго сраженья,
И чужды ей нашъ снѣгъ и Бородинскій громъ.
И, можетъ быть, она узнаетъ слишкомъ поздно
Своей политики запятнанную честь,
И начатой войны расчетъ неосторожной,
И нашу правую воинственную месть.
Но этотъ ли Парижъ, ужъ дважды пощаженный
Благословеннаго державною рукой,
Опять подъемлетъ мечъ, безчестно обнаженный,
Заранѣ хвастаясь безславною борьбой!
Вы ль это, жаркіе поклонники свободы,
Объ общемъ равенствѣ твердившіе всегда,
На брань позорную сзываете народы
И защищаете насилье безъ стыда!
Вы ль, представители слѣпые просвѣщенья,
Сыны Британіи и Франціи сыны,
Забыли все свое народное значенье
И стали съ гордостью подъ знаменемъ Луны!...
Съ какимъ презрѣніемъ потомокъ оскорбленный,
Краснѣя, вашъ позоръ въ исторію внесетъ
И, гнѣвомъ праведнымъ невольно увлеченный,
Постыдный вашъ союзъ, быть можетъ, прокля
нетъ!
Но славу Сѣвера, наслѣдіе столѣтій,
Но честь своей страны Россія сохранитъ!
Возстанетъ старъ и младъ, и женщины, и дѣти,
И благородный гнѣвъ въ сердцахъ ихъ закипитъ!
И далеко нашъ кличъ призывный пронесется,
И пробудитъ онъ всѣхъ униженныхъ Славянъ,
И грозно племя ихъ въ одинъ народъ сольется,
И страшной карою падетъ на Мусульманъ!
И вновь увидитъ міръ, какъ мы въ борьбѣ
кровавой
Напомнимъ скопищамъ забывшихся враговъ
Свой богатырскій мечъ, запечатлѣнный славой,
И силу Русскую, и доблести отцовъ!

1854.

LXXXI.

## Ссора.

„Не пора ль, Пантелей, постыдиться людей
И опять за работу приняться!
Промоталъ хомуты, промоталъ лошадей,—
Вѣрно, по міру хочешь таскаться?
Вѣдь и такъ отъ сосѣдей мнѣ нѣту житья,
Показаться на улицу стыдно;
Словно въ трубы трубятъ: что, родная моя,
Твоего Пантелея не видно?
А ты думаешь: гдѣ же опричь ему быть,
Чай, опять загулялъ съ бурлаками?
И сердечко въ груди закипитъ, закипитъ,
И, вздохнувши, зальешься слезами.“
— Не дурачь ты меня, мужъ женѣ отвѣчалъ:
Я не первый денекъ тебя знаю.
Да по чьей же я милости пьяницей сталъ
И теперь ни за что пропадаю?
Не вино съ бурлаками,—я кровь свою пью,
Ею горе мое заливаю;
Да за чаркой тебя проклинаю, змѣю,
И тебя, и себя проклинаю!
Ахъ, ты время мое, золотая пора!
Не видать ужъ тебя, вѣрно, болѣ!
Какъ, бывало, съ зарей, на телѣгахъ съ двора
Ѣдешь рожь убирать въ свое поле:
Сбруя вся на заказъ, кони—любо взглянуть,
Словно звѣри изъ упряжи рвутся;
Не успѣешь, бывало, вожжей шевельнуть
Ужъ, голубчики, вихремъ несутся.
Пашешь—пѣсню поешь, косишь—устали нѣтъ;
Придетъ праздникъ,—помолишься Богу,
По деревнѣ идешь,—и почетъ, и привѣтъ:
Старики уступаютъ дорогу!
А теперь... Одного я вотъ въ толкъ не возьму:
Въ закромахъ у насъ чисто и пусто;

Ину пору и нѣту соломы въ дому,
Въ кошелѣ и подавно негусто;
На тебя жъ поглядишь,—что откуда идетъ,
Что ни праздникъ,—иная обновка...
Оно, можетъ, тебѣ и Господь подаетъ,
Да не вѣрится... что-то неловко!..—

„Не велишь ли ты мнѣ въ старыхъ тряпкахъ ходить?“
Покраснѣвши, жена отвѣчала:
„Кажись, было на что мнѣ обновки купить,—
Я, вѣдь, цѣлую зимушку пряла.
Вотъ тебѣ-то, неряхѣ, великая честь!
Вишь, онъ рѣчи какія заводитъ:
Самому же лаптишекъ не хочется сплесть,
А зипунъ-то онучи не стоитъ.“
— Поистерся немного: не всѣмъ щеголять;
Бѣдняку что Богъ далъ, то и ладно.
А ты любишь гостей-то по платью встрѣчать!
Сосѣдъ ходитъ не даромъ нарядно.—

„Ахъ, родные мои“,—закричала жена:
„Ужъ и гостя привѣтить нѣтъ воли!
Ну, хорошъ муженекъ, хороши времена:
Не води съ людьми хлѣба и соли!
Да вотъ на-ка тебѣ! Не по твоему быть!
Я не больно тебя испугалась!
Таки будетъ сосѣдъ ко мнѣ въ гости ходить,
Чтобъ сердечко твое надрывалось!“
— Коли такъ, ну и такъ!—мужъ женѣ отвѣчалъ:
Мнѣ тебя переучивать поздно;
Ужъ и то я грѣха много на душу взялъ,
А сосѣда попробовать можно...
Перестанемъ кричать! Собери-ка поѣсть:
Я и то другой день безъ обѣда,
Дай хоть хлѣба ломоть, да влей щей, коли есть,
Молоко-то оставь для сосѣда.—

„Да вотъ хлѣба-то я не успѣла испечь!“
Жена, съ лавки вскочивши, сказала:
„Коли хочешь поѣсть, почини прежде печь...“
И на печку она указала.
Мужъ ни слова на это женѣ не сказалъ;
Взялъ зипунъ свой и шапку съ постели,
Постоялъ у окна, головой покачалъ
И пошелъ, куда очи глядѣли.
Только онъ изъ воротъ, сосѣдъ вотъ онъ — идетъ,
Шляпа на-бокъ, халатъ на-распашку,
Отъ коневьихъ сапогъ чистымъ дегтемъ несетъ,
И застегнута лентой рубашка.
„Будь здоровъ, Пантелей! Что повѣсилъ, братъ, носъ?
Аль запала въ головушку дума?“
— Видишь бойкой какой! А ты что мнѣ за спросъ?..—
Пантелей ему молвилъ угрюмо.
„Что такъ больно сердитъ? знать болитъ голова,
Или просто некстати зазнался?..“
Пантелей второпяхъ засучалъ рукава,
Исподлобья кругомъ озирался.
— Эхъ, была не была! ну, держися, дружокъ! —
И мужикъ во всю мочь развернулся,
Да какъ хватитъ сосѣда съ размаху въ високъ,
И не охнулъ, бѣднякъ — протянулся.

Ввечеру Пантелей ужъ сидѣлъ съ кабакѣ
И, слегка подгульнувъ съ бурлаками,
Крѣпко руку свою прислонивши къ щекѣ,
Пѣсни пѣлъ, заливаясь слезами.

1854.

LXXXII.

## Измѣна.

Ты взойди, взойди,
Заря ясная,
Изъ-за темныхъ тучъ
Взойди, выгляни;

Подымись, туманъ,
Отъ сырой земли,
Покажись ты мнѣ,
Путь-дороженька.

Шелъ къ подругѣ я
Вчера вечеромъ,
Мужики въ селѣ
Спать ложилися.

Вотъ взошелъ я къ ней
На широкій дворъ,
Отворилъ избы
Дверь знакомую.

Глядь, — огонь горитъ
Въ чистой горенкѣ,
Въ углу столъ накрытъ
Бѣлой скатертью;

У стола сидитъ
Гость разряженный,
Вплоть до плечъ лежатъ
Кудри черныя.

Подлѣ, рядомъ съ нимъ,
Моя милая:
Обвила его
Рукой бѣлою

И, на грудь къ нему
Склонивъ голову,
Рѣчи тихія
Шепчетъ ласково...

Поднялись мои
Дыбомъ волосы,
Обдало меня
Жаромъ-холодомъ.

На столѣ лежалъ
Бѣлый хлѣбъ и ножъ:
Знать, кудрявый гость
Званъ былъ ужинать.

Я схватилъ тотъ ножъ,
Къ гостю бросился;
Не успѣлъ онъ встать,
Слова вымолвить, —

Облило его
Кровью алою;
Словно снѣгъ, лицо
Забѣлѣлося.

А она, вскочивъ,
Громко ахнула
И, какъ листъ вздрогнувъ,
Пала замертво.

Стало страшно мнѣ
Въ свѣтлой горенкѣ:
Распахнулъ я дверь,
На дворъ выбѣжалъ...

Ну, подумалъ я,
Добрый молодецъ,
Ты простись теперь
Съ отцомъ, съ матерью!

И пришелъ мнѣ въ умъ
Дальній, темный лѣсъ,
Жизнь разгульная
Подъ дорогою...

Я сказалъ себѣ:
Больше некуда!
И, махнувъ рукой,
Въ путь отправился...

Ты взойди, взойди,
Заря ясная,
Покажи мнѣ путь
Къ лѣсу темному!

1854.

---

## LXXXIII.

### (1-я редакція).

Полно спать тебѣ, степь, подъ туманомъ:
Зимы-матушки кончился срокъ,
Съ юга гости летятъ караваномъ,
Настаетъ весны теплый денекъ.

Уберись, какъ невѣста, цвѣтами
И умой лицо первымъ дождемъ,
Грудь накрой травы новой шелками,
Изукрасься росы жемчугомъ.

Посмотри: небеса надъ тобою
Развернулись шатромъ голубымъ,
Вьются бѣлыя тучки толпою,
Блещетъ солнце огнемъ золотымъ.

Вѣтерокъ тебя нѣжитъ, ласкаетъ,
Вѣетъ юною жизнію день,
И отъ тучекъ слегка пробѣгаетъ
По груди твоей длинная тѣнь.

Скоро гости къ тебѣ соберутся,
Гнѣзда дѣтямъ своимъ будутъ вить,
Съ утра до ночи пѣсни польются.
Станутъ гости до осени жить.

И растительной силы избыткомъ,
Какъ младенца любимаго мать,
Свѣжихъ соковъ здоровымъ напиткомъ
Ты начнешь траву щедро питать.

И трава на привольномъ просторѣ
Шелкъ зеленыхъ кудрей разовьетъ,
По зарямъ сквозь дремоту, что море,
Съ вѣтромъ шопотъ и шумъ заведетъ.

Косари, помолясь предъ иконой,
Изъ далекихъ придутъ хуторовъ,
Огласятъ тебя пѣснью знакомой
И намечутъ душистыхъ стоговъ.

И тогда отдыхай беззаботно,
Погружайся въ глубокій свой сонъ;
Про тебя сложу пѣснь я охотно
И отдамъ тебѣ низкій поклонъ.

1854.

---

## LXXXIV.

(2-я редакція).

Полно, степь моя, спать безпробудно:
Зимы-матушки царство прошло,
Сохнетъ скатерть дорожки безлюдной,
Снѣгъ пропалъ, — и тепло, и свѣтло.

Пробудись и умойся росою,
Въ ненаглядной красѣ покажись,
Принакрой свою грудь муравою,
Какъ невѣста, въ цвѣты нарядись.

Полюбуйся: весна наступаетъ,
Журавли каравaномъ летятъ,
Въ яркомъ золотѣ день утопаетъ,
И ручьи по оврагамъ шумятъ.

Бѣлоснѣжныя тучки толпами
Въ синевѣ на просторѣ плывутъ,
По груди у тебя полосами,
Другъ за дружкою, тѣни бѣгутъ.

Скоро гости къ тебѣ соберутся,
Сколько гнѣздъ понавьютъ, — посмотри!
Что за звуки, за пѣсни польются
День-деньской, отъ зари до зари!

Тамъ ужъ лѣто... Ложись подъ косою,
Ковыль бѣлый, въ угоду косцамъ!
Подымайся копна за копною!
Распѣвайте, косцы, по ночамъ!

И тогда, — при мерцаньи румяномъ
Ясныхъ зорекъ, въ прохладные дни,
Отдохни, моя степь, подъ туманомъ,
Беззаботно и крѣпко усни.

---

LXXXV.

## Утро на берегу озера.

Ясно утро. Тихо вѣетъ
Теплый вѣтерокъ;
Лугъ, какъ бархатъ, зеленѣетъ,
Въ заревѣ востокъ.

Окаймленное кустами
Молодыхъ ракитъ,
Разноцвѣтными огнями
Озеро блеститъ.

Тишинѣ и солнцу радо,
По равнинѣ водъ
Лебедей ручное стадо
Медленно плыветъ;

Вотъ одинъ взмахнулъ лѣниво
Крыльями, — и вдругъ
Влага брызнула игриво
Жемчугомъ вокругъ.

Привязавъ къ ракитамъ лодку,
Мужички, вдвоемъ,
Близъ осоки, втихомолку,
Тянутъ сѣть съ трудомъ.

По травѣ, въ рубашкахъ бѣлыхъ,
Скачутъ босикомъ
Два мальчишка загорѣлыхъ
На прутахъ верхомъ.

Крупный потъ съ нихъ градомъ льется,
И лицо горитъ;
Звучно смѣхъ ихъ раздается,
Голосокъ звенитъ.

„Ну, катай на-перегонки!..“
А на шалуновъ
Съ тайной завистью дѣвчонка
Смотритъ изъ кустовъ.

„Тянутъ, тянутъ!“ закричали
Ребятишки вдругъ:
„Вдоволь, чай, теперь поймали
И линей, и щукъ.“

Вотъ, на берегѣ отлогомъ
Показалась сѣть.
„Ну, вытряхивай-ка, съ Богомъ,
Нечего глядѣть!“

Такъ сказалъ старикъ высокой,
Весь, какъ лунь, сѣдой,
Съ грудью выпукло-широкой,
Съ длинной бородой.

Сѣть намокшую подняли
Дружно рыбаки;
На пескѣ затрепетали
Окуни, линьки.

Дѣти весело шумѣли:
„Будетъ на денекъ!“
И на корточки присѣли
Рыбу класть въ мѣшокъ.

„Ты, подкидышъ, къ намъ откуда?
Не зови, — придетъ...
Убирайся-ка отсюда!
Не пойдешь, — такъ вотъ!..“

И подкидыша мальчишка
Оттолкнулъ рукой.
— Ну, за что ее ты, Мишка?—
Упрекнулъ другой.

„Экой малый уродился“,
Говорилъ старикъ:
„Все бъ дрался онъ да бранился,
Экой озорникъ!“

— Ты бы внука-то маленько
За вихоръ подралъ:
Онъ взялъ волю-то раненько!—
Свату сватъ сказалъ.

„Эхъ!.. дѣвчонка надоѣла...
Самъ я, знаешь, голь,
Тутъ подкидыша безъ дѣла
Одѣвать изволь.“

„Хлѣбъ, смотри — вотъ, вздорожаетъ, —
Ты чужихъ корми;
А, вѣдь, мать, небось, гуляетъ,
Прахъ ее возьми!“

— Потерпи: чай, не забудетъ
За добро Господь!
Вѣдь, она работать будетъ,
Богъ дастъ, подрастетъ.—

„Такъ то такъ... вѣстимо, надо
Къ дѣлу пріучить!
Да теперь беретъ досада
Безъ-толку кормить.

И дѣвчонка-то больная:
Сохнетъ, какъ трава,
Да все плачетъ... дрянь такая!
А на грѣхъ жива.“

Мужички потолковали
И въ село пошли;
Вслѣдъ мальчишки побѣжали,
Рыбу понесли.

А дѣвчонка провожала
Грустнымъ взглядомъ ихъ,
И слеза у ней дрожала
Въ глазкахъ голубыхъ.

1854.

LXXXVI.

## Отецъ и дочь.

(1-я редакція).

„Ты хоть плачь, не плачь — быть по моему!
Я сказалъ: тебя не послушаю;

Молода еще, рано умничать:
Знаю всѣ твои бабьи присказки.
- Пожалѣй меня, родной батюшка,
Не сведи меня во гробъ заживо;
Мой женихъ-де мотъ, горькій пьяница,
Его братья всѣ — тѣ жъ разбойники,
У него-де вотъ жена первая
Съ горя въ гробъ пошла безо-времени,
У него дѣтей малыхъ четверо;
Пожалѣй мою волю дѣвичью,
Натерплюсь-де съ нимъ нужды, холоду,
Погублю красу, очи выплачу...—
„Вишь, безпутная, что придумала.
Замолчи! Не смѣй слова вымолвить!
Я сказалъ тебѣ: быть по моему!"
Захватило духъ въ груди дочери,
Полотна бѣлѣй лицо сдѣлалось;
Зарыдавъ навзрыдъ, съ мольбой горькою
Вдругъ къ отцу она въ ноги бросилась:
— Аль чужая я тебѣ, батюшка,
У тебя въ дому не работница?
Али мѣста мнѣ много надобно?
Аль я въ чемъ когда провинилася?
Помяни, родной, слова матушки,
Помяни ея слова при смерти:
„Береги мою дочь покорную,
Выбирай ты ей мужа по сердцу..."
Не губи же ты мою молодость!
Не хочу я быть женой пьяницы!
Лучше въ дѣвкахъ я буду старѣться,
Вмѣстѣ жить съ тобой до сѣдыхъ волосъ,
День и ночь сидѣть за работою!
Откажи только свахѣ засланной!—

„Прочь ты съ глазъ моихъ, дочь ослушница!
Прокляну тебя! съ двора выгоню!
Не увидишь ты себѣ счастія,
Будешь жить людямъ на посмѣшище,

Отъ тоски, какъ листъ, вся ты высохнешь,
До поры умрешь, не покаявшись!“

Вотъ прошло семь дней. Дѣло сладилось;
Отецъ празднуетъ свадьбу дочери,
За столомъ сидятъ гости званые,
Межъ собой ведутъ рѣчи весело;
Подъ хмелькомъ отецъ пляшетъ съ радости,
Зятемъ, дочерью выхваляется.
Зять сидитъ въ углу, гладитъ бороду;
На плечахъ его кафтанъ новенькій,
Сапоги съ гвоздьми, поясъ розовый.
Молодая съ нимъ сидитъ объ руку,
Душегрѣйка вся крыта бархатомъ,
Золотой узоръ на кокошникѣ;
На глазахъ дрожатъ слезы жгучія,
На лицѣ лежитъ блѣдность смертная.
Убралась хлѣбъ-соль. Столъ окончился.
Гости хмельные плясать начали.
Зять и дочь съ отцомъ распрощалися.
Проводилъ старикъ свое дѣтище.
Вдоль по улицѣ тройка тронулась,
Поднялася пыль, закружилася.

Скоро годъ прошелъ. Насталъ праздничекъ.
Мужички идутъ въ церковь весело,
На крещеный людъ смотритъ солнышко,
Колокольный звонъ раздается...
Въ церкви Божіей бѣлый гробъ стоитъ,
По бокамъ его два подсвѣчника,
Какъ мертвецъ, стоитъ въ головахъ старикъ
И не сводитъ глазъ съ своей дочери.
Вотъ окончилась служба долгая,
Мужички снесли гробъ на кладбище;
Приняла земля дочь покорную.
Обернулся зять къ тестю блѣдному
И сказалъ, заткнувъ руки за поясъ:
„Не пришлось пожить съ твоей дочерью...“

— „Отойди, злодѣй, горькій пьяница!
Положилъ ты въ гробъ мое дѣтище,
Схоронилъ ты съ нимъ мои радости."

1854—III—18.

---

LXXXVII.

## Упрямый отецъ.

(2-я редакція).

— Ты хоть плачь, не плачь—быть по-моему!
Я сказалъ тебѣ: не послушаю!
Молода еще, рано умничать!
„Мой женихъ-де вотъ и буянъ, и мотъ,
Онъ въ могилу свелъ жену первую..."
Ты скажи прямѣй: мнѣ, молъ, батюшка,
Полюбился сынъ Кузьмы-мельника.
Такъ сули ты мнѣ горы золота, —
Не владѣть тобой сыну знахаря,
Онъ добро скопилъ, — пусть имъ хвалится;
Наживи же онъ имя честное!
Я съ сумой пойду, умру съ голода,
Не отдамъ себя на посмѣшище, —
Не хочу я быть родней знахаря!
Колдуновъ у насъ въ роду не было.
А ты этимъ-то мнѣ, безстыдница,
За мою хлѣбъ-соль платить вздумала,
Жениховъ своихъ пересуживать?
Да ты знаешь ли власть отцовскую?
Съ пастухомъ, велю, подъ вѣнецъ пойдешь!
Не учи, скажу: такъ мнѣ хочется! —

Захватило духъ въ груди дочери,
Полотна бѣлѣй лицо сдѣлалось,
И, дрожа, какъ листъ, съ мольбой горькою
Къ старику она въ ноги бросилась:
„Пожалѣй меня, милый батюшка,

Не своди меня во гробъ заживо!
Аль въ избѣ твоей я ужъ лишняя,
У тебя въ дому не работница?..
Ты, кормилецъ мой, самъ говаривалъ,
Что не выдашь дочь за немилаго.
Не губи же ты мою молодость:
Лучше въ дѣвкахъ я буду старѣться,
День и ночь сидѣть за работою!
Откажи, родной, свахѣ засланной!"

— Хороша твоя рѣчь, разумница;
Только гдѣ ты ей научилася?
Понимаю я, что ты думаешь:
Мой отецъ, молъ, старъ, — ему бѣлый гробъ,
Красной дѣвицѣ своя волюшка...
Али, можетъ быть, тебѣ не любо,
Что отецъ въ почетъ по селу пойдетъ,
Что богатый зять тестю бѣдному
При нуждѣ, порой, будетъ помочью?
Такъ ступай же ты съ моего двора,
Чтобъ ноги твоей въ домѣ не было! —

„Не гони меня; сжалься, батюшка,
Ради горькихъ слезъ моей матушки!
Вѣдь, она тебя Богомъ, при смерти,
Умоляла быть мнѣ защитою...
Не гони, родной: я, вѣдь, кровь твоя!"

— Знаю я твои бабьи присказки!
Что по мертвому, что ль, расплакалась?
Да хоть встань твоя мать-покойница,
Я и ей скажу: „быть по моему!"
Прокляну, коли не послушаешь...—

Протекло семь дней: дѣло сладилось,
Отецъ празднуетъ свадьбу дочери.
За столомъ шумятъ гости званые;
Подъ хмелькомъ, старикъ пляшетъ съ радости,
Зятемъ, дочерью выхваляется.
Зять сидитъ въ углу, гладитъ бороду,

На плечахъ его кафтанъ новенькій,
Сапоги съ гвоздьми, съ мѣдной прошвою,
Подпоясанъ онъ краснымъ поясомъ.
Молодая съ нимъ сидитъ объ руку;
Сарафанъ на ней съ рядомъ пуговокъ,
Кичка съ бисернымъ подзатыльникомъ, —
Но лицо бѣлѣй снѣга чистаго:
Вѣрно, много слезъ красной дѣвицей
До вѣнца въ семь дней было пролито...

Вотъ окончился деревенскій пиръ.
Проводилъ старикъ съ двора дѣтище.
Только пыль пошла вдоль по улицѣ,
Когда зять, надѣвъ шляпу на ухо,
Во весь духъ пустилъ тройку дружную,
И безъ умолку подъ дугой большой
Залилися два колокольчика...

Замолчало все въ селѣ къ полночи,
Не спалося только сыну мельника,
Онъ сидѣлъ и пѣлъ на завалинкѣ:
То души тоска въ пѣснѣ слышалась,
То разгулъ, будто воля гордая
На борьбу звала судьбу горькую.

Сталъ одинъ старикъ жить хозяиномъ,
Молодую взялъ въ домъ работницу...
Выпалъ первый снѣгъ. Зиму-матушку
Деревенскій людъ встрѣтилъ весело;
Мужички въ извозъ отправляются,
На гумнахъ вездѣ молотьба идетъ,
А старикъ почти съ утра до ночи
Въ кабакѣ сидитъ, пригорюнившись.
„Что, старинушка, чай, богатый зять
Хорошо живетъ съ твоей дочерью?..“
Подъ хмелькомъ ему иной вымолвитъ;
Вмигъ сожметъ Пахомъ брови съ просѣдью
И, потупивъ взоръ, скажетъ нехотя;
— У себя въ дому за женой смотри,

А въ чужую клѣть не заглядывай! —
„За женой-то мнѣ глядѣть нечего;
Лучше ты своимъ зятемъ радуйся:
Вонъ теперь въ грязи онъ на улицѣ.“

Минулъ свадьбѣ годъ. Насталъ праздничекъ,
Разбудилъ село колокольный звонъ;
Мужички идутъ въ церковь весело;
На крещеный людъ смотритъ солнышко.
Въ церкви Божіей бѣлый гробъ стоитъ,
По бокамъ его два подсвѣчника;
Въ головахъ, одинъ, въ зипунѣ худомъ,
Сирота-Пахомъ думу думаетъ
И не сводитъ глазъ съ мертвой дочери...
Вотъ окончилась служба долгая,
Мужички снесли гробъ на кладбище;
Приняла земля дочь покорную.
Обернулся зять къ тестю блѣдному
И сказалъ, заткнувъ руки за поясъ:
„Не пришлось пожить съ твоей дочерью!
Хлѣбъ и соль была, кажись, вольная,
А все какъ-то ей нездоровилось...“
А старикъ стоялъ надъ могилою,
Опустивъ, въ тоскѣ, на грудь голову,
И когда на гробъ земля черная
Съ шумомъ глыбами вдругъ посыпалась, —
Пробѣжалъ морозъ по костямъ его,
И ручьемъ изъ глазъ слезы брызнули...
И не разъ съ тѣхъ поръ въ ночь безсонную
Этотъ шумъ ему дома слышался.

1854.

---

LXXXVIII.

## Три встрѣчи.

Помню я вечеръ весенній,
Розовый блескъ облаковъ,

Запахъ душистой сирени,
Свѣтлыя стекла прудовъ,

Яблонь расцвѣтшихъ вершины,
Группы черемухъ и липъ
И, вдоль широкой равнины,
Сада причудливый видъ.

Помню, близъ липы склоненной,
Въ платьицѣ бѣломъ своемъ
Ты на скамейкѣ зеленой
Рядомъ сидѣла съ отцомъ;

Яркимъ пурпуровымъ блескомъ
Солнца васъ лучъ обливалъ,
И на лицѣ твоемъ дѣтскомъ
Нѣжный румянецъ игралъ.

Помню твой смѣхъ серебристый,
Звонкій, живой голосокъ,
Ямочки щекъ и душистый,
Свѣжій по кудрямъ вѣнокъ.

Какъ въ эту пору сіяла
Радость въ очахъ у тебя!
Что за міры создавала
Въ будущемъ ты для себя!..

Дни и года миновали;
Дѣтство твое протекло.
Вдругъ ты узнала печали,
Слезы и бѣдности зло.

Изъ-дому васъ безпощадно
Выгналъ за долгъ ростовщикъ;
Съ горя, въ тоскѣ безотрадной,
Умеръ отецъ твой старикъ.

Стала ты жить сиротою,
Горечь заботъ узнавать,
Молча, подъ кровлей чужою,
Ночи одна работать.

Такъ я разстался съ тобою...
Но черезъ годъ, при рѣкѣ,
Встрѣтилась снова со мною
Ты въ небольшомъ городкѣ.

День ужъ къ закату склонялся;
Шумомъ разлившихся водъ,
Берегъ покрывъ, любовался
Праздный, безпечный народъ.

Помню: въ роскошномъ нарядѣ
Рядомъ съ мужчиной ты шла;
Тайная злость въ твоемъ взглядѣ
Слишкомъ замѣтна была.

Помню: въ толпѣ разнородной
Ты замѣчала не разъ
Отзывъ насмѣшки холодной,
Звуки двусмысленныхъ фразъ,

И на лицѣ твоемъ грустномъ
Вдругъ выступала тогда,
Горькимъ рожденная чувствомъ,
Яркая краска стыда.

Было сознаться мнѣ больно,
Кто съ тобой рядомъ идетъ,
И я подумалъ невольно,
Что впереди тебя ждетъ.

1854—III—21.

---

## LXXXIX.

Село замолчало; безлюдны дороги;
Недвижно боръ темный стоитъ;
На свѣтлыя воды, на берегъ отлогій
Задумчиво мѣсяцъ глядитъ.

Какъ яркія звѣзды, въ туманѣ сверкаютъ
Вдоль луга огни косарей,
И блѣдныя тѣни ихъ смутно мелькаютъ
Вокругъ разведенныхъ огней.

И вторитъ отчетливо чуткое эхо
Уснувшихъ давно береговъ
Разгульныя пѣсни, и отзывы смѣха,
И говоръ веселыхъ косцовъ.

Вотъ пѣсни умолкли; огни потухаютъ;
Пустынно и тихо вокругъ;
Лишь свѣтлыя звѣзды на небѣ сіяютъ
И смотрятъ на воды и лугъ.

Какъ призраки, въ зеркалѣ водъ отражаясь,
Зеленыя ивы стоятъ
И, мѣрно отъ тихаго вѣтра качаясь,
Чуть слышно вѣтвями шумятъ.

И въ сумракѣ лунномъ, поднявшись высоко
Надъ крѣпко уснувшимъ селомъ,
Бѣлѣется церковь отъ избъ недалеко,
Село осѣняя крестомъ.

Спитъ людъ деревенскій, трудомъ утомленный;
Лишь гдѣ-нибудь бѣдная мать
Ребенка, при свѣтѣ лучины зажженной,
Сквозь сонъ продолжаетъ качать;

Да съ жесткой постели поднятый нуждою,
Бездѣтный и слабый старикъ
Плететъ себѣ обувь дрожащей рукою
Изъ свѣжихъ размоченныхъ лыкъ.

1854—III—27.

XC.

## С. В. Чис . . . . . ой.

Да не смущается сердце ваше,
вѣруйте въ Бога...
Іоанна, гл. XIV, ст. 1.

Тяжелъ вашъ крестъ!.. Что было съ вами
Въ глуши безлюдной и степной,
Когда у васъ передъ глазами,
На рыхломъ снѣгѣ, сынъ родной,
Назадъ минуту жизни полный,
Какъ цвѣтъ, подрѣзанный косой,
Лежалъ недвижный и нѣмой,
Мгновенной смертью пораженный?
Когда любимое дитя
Вы къ жизни воплемъ призывали
И безотвѣтныя уста
Своимъ дыханьемъ согрѣвали?..
Тяжелъ вашъ крестъ и ваша чаша
Горька! Но живъ Господь всего:
Да не смутится сердце ваше,
Молитесь, вѣруйте въ Него!
Слеза-ль падетъ у васъ, — Онъ знаетъ
Число всѣхъ капель дождевыхъ,
И ваши слезы сосчитаетъ,
Оцѣнитъ каждую изъ нихъ.
Онъ—весь любовь, и жизнь, и сила;
Съ Нимъ благо все, съ Нимъ свѣтъ во тьмѣ!..
И, наконецъ, скажите мнѣ,
Ужели такъ страшна могила?
Что лучше: раньше умереть,
Или страдать и сокрушаться,
Глядѣть на зло, и зло терпѣть,
И вѣровать, и сомнѣваться?
Утраты, нужды испытать,
Прочесть весь свитокъ жизни горькой,
Чтобъ у дверей могилы только

Ихъ смыслъ таинственный понять?..
Блаженъ, кто къ вѣчному покою,
Не испытавъ житейскихъ волнъ,
Причалилъ рано утлый челнъ,
Хранимый Вышнею рукою!
Кто знаетъ? Можетъ быть, въ тотъ часъ,
Когда въ тиши, въ тоскѣ глубокой,
Вы на молитвѣ одинокой
Стоите долго,— подлѣ васъ
Вашъ сынъ, теперь жилецъ небесный,
Стоитъ, какъ ангелъ безтѣлесный,
И слышитъ васъ и, можетъ быть,
За васъ молитвы онъ творитъ;
Иль въ хорѣ ангеловъ летаетъ,
И, — чуждый всѣхъ земныхъ заботъ, —
И славу Бога созерцаетъ,
И гимны райскіе поетъ.
Къ чему же плачъ? Настанетъ время,
Когда въ надзвѣздной сторонѣ
За все свое земное бремя
Вознаградитесь вы вполнѣ.
Тамъ, окруженный неба свѣтомъ,
Сынъ радость съ вами раздѣлитъ,
И, по разлукѣ въ мірѣ этомъ,
Васъ вѣчность съ нимъ соединитъ.

1854.

---

XCI.

## Вечеръ послѣ дождя.

Замерли грома раскаты. Дождемъ окропленное поле,
Послѣ грозы, озарилось улыбкой румянаго солнца.
Заревомъ пышетъ закатъ. Золотисто-румяныя тучи
Ярко горятъ надъ вершиной кудряваго лѣса.

Спятъ неподвижныя нивы, обвѣяны нѣгой вечерней.
О, какъ хорошъ этотъ воздухъ, грозой и дождемъ освѣженный!
Какъ ему рады повсюду, куда онъ проникъ, благодатный!
Видѣлъ я въ полдень вотъ этотъ цвѣтокъ темносиній: отъ жару
Грустно свернувъ лепестки, онъ клонился къ землѣ раскаленной.
Вотъ онъ опять развернулся и держится прямо на стеблѣ.
Солнце-художникъ покрыло его золотистою краской,
Свѣтлыя капли, какъ жемчугъ, горятъ на головкѣ махровой;
Крѣпко прильнула къ нему хлопотливо-жужжащая пчелка,
Сокъ ароматный сбирая. А какъ забѣлѣлася ярко
Гречка расцвѣтшая, чистой омытая влагой отъ пыли!
Издали кажется, снѣгъ это бѣлой лежитъ полосою.
Словно воздушный цвѣтокъ, стрекоза опустилась на колосъ;
Бѣдная! долго ждала она капли прозрачной изъ тучки.
Вышелъ сурокъ изъ норы своей темной, кругомъ оглянулся,
Сталъ осторожно на заднія лапки и слушаетъ: тихо...
Только кричитъ гдѣ-то перепелъ, и распѣваетъ овсянка;
Весело свистнулъ и онъ и водицы напился изъ лужи.
Вотъ пожилой мужичокъ показался изъ лѣсу. Подъ мышкой

Держитъ онъ свѣжія лыки. Окинувши поле глазами,
Шляпу онъ снялъ съ головы, сѣдиной серебристой покрытой,
Тайно молитву творя, осѣнился крестомъ и промолвилъ:
„Экую радость послалъ намъ Господь — проливной этотъ дождикъ!
Хлѣбъ-атъ въ недѣлю поправится такъ, что его не узнаешь.“

1853.

---

XCII.

Не широкъ мой дворъ
Разгороженный,
Холодна изба
Нетопленая.

Не пошла мнѣ въ прокъ
Казна батюшки,
Въ одинъ годъ ее
Прожилъ молодецъ.

Довелось бы мнѣ
Съ моей удалью
Къ кабаку идти,
Или по міру,

Да богатъ сосѣдъ
Живетъ подъ бокомъ,
У него казна
Непочатая;

Какъ поѣдетъ онъ
Въ городъ съ вечера,
Намахнешь свою
Шубу на плечи,—

И идешь, поешь.
Шапка на̀ ухо.
А сосѣдка ждетъ,
Пѣсню слушаетъ.

Продавай сосѣдъ
Муку въ городѣ, —
Молодой женѣ
Деньги надобны.

1854—IV—16.

---

XCIII.

## Жена ямщика.

(1-я редакція).

Скоро будетъ полночь...
Тишина въ избѣ:
Только вѣтеръ воетъ
Жалобно въ трубѣ,

И горитъ лучина,
Издавая трескъ,
И вокругъ дрожащій
Разливая блескъ.

Въ старомъ зипунишкѣ,
Прислонясь къ стѣнѣ,
Дремлетъ подлѣ печки
Мальчикъ на скамьѣ.

Слабо освѣщаетъ
Блѣдный огонекъ
Дѣтскую головку
И румянецъ щекъ.

Съ дремлющимъ малюткой
Рядомъ мать сидитъ
И, лаская сына,
Кротко говоритъ:

„Ты бы легъ, касатикъ,
Вѣдь, ужъ ночь давно;
На-ка вотъ шубенку;
Вишь, какъ холодно“.

— А зачѣмъ же, мама,
Ты сама сидишь;
И вечоръ все пряла,
И теперь не спишь.—

„Охъ, мой ненаглядный,
Прясть-то нѣтъ ужъ силъ:
Что-то такъ мнѣ грустно,
Божій свѣтъ не милъ!

„Пятая недѣля
Вотъ къ концу идетъ,
А досель отецъ твой
Вѣсточки не шлетъ.

„Ну, Господь помилуй!
Если съ мужикомъ
Грѣхъ какой случился
На пути глухомъ.

„Дѣло мое бабье,
Какъ тогда мнѣ быть?
Кто насъ горькихъ станетъ
Одѣвать, кормить?..“

— Полно плакать, мама!—
Грустно сынъ сказалъ
И, поднявъ головку,
Тихо съ мѣста всталъ,

И къ щекѣ родимой
Онъ прильнулъ щекой
И, заплакавъ горько,
Мать обнялъ рукой.

„Я не стану плакать,
Лягъ, усни, дружокъ,
Я тебѣ соломки
Принесу снопокъ,

„Постелю постельку,
И Господь пошлетъ—
Твой отецъ гостинецъ
Скоро принесетъ;

„Новыя салазки
Сдѣлаетъ опять,
Будетъ въ нихъ сыночка
По двору катать...“

И дитя забылось...
Снова мать прядетъ,
Ей отъ думъ, заботы
Сонъ на умъ нейдетъ.

Дымная лучина
Чуть въ свѣтцѣ горитъ.
Только вьюга какъ-то
Жалобнѣй шумитъ.

Мнится, будто стонетъ
Кто-то у крыльца,
Словно провожаютъ
Съ плачемъ мертвеца...

И съ тоской тяжелой
Вспомнила она,
Какъ ея дѣвичья
Жизнь проведена;

Какъ ей, умирая,
Говорила мать:
„Тошно сиротою
Мнѣ тебя кидать!“

„Гдѣ тебѣ, голубкѣ,
Замужемъ-то жить,
Трудъ, порой рабочей,
Въ полѣ выносить!

„И въ кого родилась
Ты съ такимъ лицомъ?
Старшія то сестры
Кровь, вѣдь, съ молокомъ."

„И разгульны, правда,
Нечего сказать.
Да за то какъ станутъ
Въ полѣ работать,—

„Хоть жара, хоть вѣтеръ—
Все равно для нихъ:
Оттого и замужъ
Скоро взяли ихъ.

„А тебя за разумъ
Хвалитъ вся семья,
Да любить-то любитъ
Только мать твоя.

„Все ты сшить умѣешь
И въ избѣ прибрать,
Ребятишекъ-братьевъ
Любишь обмывать,

„Да въ быту крестьянскомъ,
Знаешь ты сама,
Сила-то дороже
Разума-ума"...

Вспомнила, какъ замужъ
Взялъ ее ямщикъ.
Какъ ее покойный
Тесть любилъ, старикъ.

Вотъ въ сѣняхъ избушки
Кто-то застучалъ.
„Ахъ, отецъ!“ проснувшись,
Мальчикъ закричалъ.

—Вишь морозъ какъ крѣпко
Дверь-то прихватилъ!—
Грубо гость знакомый
Вдругъ заговорилъ...

И мужикъ рукою
Сильно дверь рванулъ,
Въ избу вшелъ, снялъ шапку,
Съ платья снѣгъ стряхнулъ.

Осѣнилъ три раза
Грудь свою крестомъ,
Почесалъ затылокъ
И сказалъ потомъ:

— Здравствуешь, сосѣдка!
Какъ живешь, мой свѣтъ?..
Экая погодка,
Слѣду въ полѣ нѣтъ!

— Ну, не съ доброй вѣстью
Я къ тебѣ пришелъ:
Я лошадокъ вашихъ
Изъ Москвы привелъ.—

„А мой мужъ?“—спросила
Ямщика жена,
И бѣлѣе снѣга
Сдѣлалась она.

— Да въ Москву пріѣхавъ,
Вдругъ онъ захворалъ,
И Господь бѣднягѣ
По душу послалъ.

— На дворѣ съ нимъ вмѣстѣ
Мнѣ пришлось стоять,
И меня лошадокъ
Упросилъ онъ взять.—

Горько зарыдала
Бѣдная вдова,
Выслушавъ сосѣда
Первыя слова.

Опустивъ рученки,
Сынъ ея стоялъ,
Блѣдный, и всѣмъ тѣломъ
Въ ужасѣ дрожалъ.

„Вишь, какая притча!“
Думалъ такъ мужикъ:
„Вѣрно я не въ пору
Развязалъ языкъ.

„А вѣдь жалко бабу,
Что́ и говорить!
Скоро ей придется
По міру ходить“.

— Полно горевать-то,
Вслухъ онъ ей сказалъ:
Стало неча дѣлать,
Богъ знать наказалъ!

— Лошади-то ваши
Тутъ вотъ у двора:
Такъ поди, возьми ихъ;
Мнѣ домой пора.

— Да!.. вѣдь эка память,
Все сталъ забывать:
Вотъ отецъ сынишкѣ
Крестъ велѣлъ отдать.

— Самъ онъ черезъ силу
Съ шеи его снялъ,
Въ грамоткѣ мнѣ отдалъ
Въ руки и сказалъ:

„Вотъ благословенье
Сыну моему;
Пусть не забываетъ
Мать, скажи ему".

— А тебя-то, видно,
Крѣпко онъ любилъ:
По смерть твое имя,
Бѣдный, онъ твердилъ.—

1854.

---

XCIV.

## Жена ямщика.

(2-я редакція).

Жгучъ морозъ трескучій,
На дворѣ темно;
Серебристый иней
Запушилъ окно.

Тяжело и скучно,
Тишина въ избѣ;
Только вѣтеръ воетъ
Жалобно въ трубѣ.

И горитъ лучина,
Издавая трескъ,
На палати, стѣны
Разливая блескъ.

Дремлетъ подлѣ печки,
Прислонясь къ стѣнѣ,

Мальчуганъ курчавый
Въ старомъ зипунѣ.

Слабо освѣщаетъ
Блѣдный огонекъ
Дѣтскую головку
И румянецъ щекъ.

Тѣнь его головки
На стѣнѣ лежитъ;
На скамьѣ, за прялкой,
Мать его сидитъ.

Ей не даромъ снился
Страшный сонъ вчера;
Вся душа изныла
Съ ранняго утра.

Пятая недѣля
Вотъ къ концу идетъ.
Мужъ, что въ воду канулъ,
Вѣсточки не шлетъ.

„Ну, Господь помилуй,
Если съ мужикомъ
Грѣхъ какой случился
На пути глухомъ...

„Дѣло мое бабье,
Цѣлый вѣкъ больна,
Что я буду дѣлать
Одиной-одна!

„Сынъ еще ребенокъ,
Скоро ль подрастетъ!
Бѣдный!.. все гостинца
Отъ отца онъ ждетъ!..“

И глядитъ на сына
Горемыка-мать.

„Ты бы легъ, касатикъ,
Перестань дремать!“

— А зачѣмъ же, мама,
Ты сама не спишь,
И вечоръ все пряла,
И теперь сидишь?—

„Охъ, мой ненаглядный,
Прясть-то нѣтъ ужъ силъ:
Что-то такъ мнѣ грустно,
Божій свѣтъ не милъ!“

— Полно плакать, мама! —
Мальчуганъ сказалъ
И къ плечу родимой
Головой припалъ.

„Я не стану плакать,
Лягъ, усни, дружокъ;
Я тебѣ соломки
Принесу снопокъ,

„Постелю постельку,
И Господь пошлетъ —
Твой отецъ гостинецъ
Скоро привезетъ;

„Новыя салазки
Сдѣлаетъ опять,
Будетъ въ нихъ сыночка
По двору катать...“

И дитя забылось.
Ночь длинна, длинна...
Мѣрно раздается
Звукъ веретена.

Дымная лучина
Чуть въ свѣтцѣ горитъ,

Только вьюга какъ-то
Жалобнѣй шумитъ.

Мнится, будто стонетъ
Кто-то у крыльца,
Словно провожаютъ
Съ плачемъ мертвеца...

И на память пряхѣ
Молодость пришла,
Вотъ и мать-старушка,
Мнится, ожила.

Сѣла на лежанку
И на дочь глядитъ:
„Сохнешь ты, родная,
Сохнешь, говоритъ;

„Гдѣ тебѣ, голубкѣ,
Замужемъ-то жить,
Трудъ порой рабочей
Въ полѣ выносить!

„И въ кого родилась
Ты съ такимъ лицомъ?
Старшія-то сестры
Кровь, вѣдь, съ молокомъ!

„И разгульны, правда,
Нечего сказать,
Да за то имъ — шутка
Молотить и жать.

„А тебя за разумъ
Хвалитъ вся семья,
Да любить-то... любитъ
Только мать твоя."

Вотъ въ сѣняхъ избушки
Кто-то застучалъ.

„Батюшка пріѣхалъ!“
Мальчуганъ сказалъ.

И вскочилъ съ постели,
Щечки ярче розъ.
„Батюшка пріѣхалъ,
Калачей привезъ!..“

— Вишь морозъ какъ крѣпко
Дверь-то прихватилъ!—
Грубо гость знакомый
Вдругъ заговорилъ...

И мужикъ плечистый
Сильно дверь рванулъ,
На порогѣ съ шапки
Иней отряхнулъ,

Осѣнилъ три раза
Грудь свою крестомъ,
Почесалъ затылокъ
И сказалъ потомъ:

— Здравствуешь, сосѣдка!
Какъ живешь, мой свѣтъ?...
Экая погодка,
— Въ полѣ слѣду нѣтъ!

— Ну, не съ доброй вѣстью
Я къ тебѣ пришелъ:
Я лошадокъ вашихъ
Изъ Москвы привелъ.—

„А мой мужъ?“ спросила
Ямщика жена,
И бѣлѣе снѣга
Сдѣлалась она.

— Да въ Москву пріѣхавъ,
Вдругъ онъ захворалъ,

И Господь бѣднягѣ
По душу послалъ.—

Вѣсть, какъ громъ, упала...
И, едва жива,
Перевесть дыханья
Не могла вдова.

Опустивъ рученки,
Сынъ дрожалъ, какъ листъ...
За стѣной избушки
Былъ и плачъ, и свистъ...

„Вишь, какая притча!“
Разсуждалъ мужикъ:
„Вѣрно, я не впору
Развязалъ языкъ.

„А, вѣдь, жалко бабу,
Что и говорить!
Скоро ей придется
По міру ходить.“

— „Полно горевать-то“,
Онъ вдовѣ сказалъ:
— „Стало, неча дѣлать,
Богъ, знать, наказалъ!

— „Ну, прощай покуда,
Мнѣ домой пора;
Лошади-то ваши
Тутъ вотъ у двора.

— „Да!.. вѣдь, эка память,
Все сталъ забывать:
Вотъ отецъ сынишкѣ
Крестъ велѣлъ отдать.

— „Самъ онъ черезъ силу
Съ шеи его снялъ,

Въ грамоткѣ мнѣ отдалъ
Въ руки и сказалъ:

„Вотъ благословенье
Сыну моему;
Пусть не забываетъ
Мать, скажи ему.“

— А тебя-то, видно,
Крѣпко онъ любилъ:
По-смерть твое имя,
Бѣдный, онъ твердилъ. —

XCV.

## Купецъ на пчельникѣ.

Межъ ульевъ, къ лѣску примыкая густому,
Подъ тѣнію гибкихъ березъ и ракитъ,
Недавно покрытая новой соломой,
Изба одинокая въ полѣ стоитъ.
Вкругъ ульевъ ветловый плетень. За избою
На толстыхъ столбахъ обветшалый навѣсъ;
Правѣе ворота съ одной вереею,
А далѣе поле, дорога и лѣсъ.
И какъ хорошо это поле! Вотъ гречка
Межъ рожью высокой и спѣлымъ овсомъ
Бѣлѣется ярко, что млечная рѣчка;
Вотъ стелется просо зеленымъ ковромъ,
Склоняяся къ почвѣ густыми кистями;
Съ нимъ рядомъ желтѣетъ овесъ золотой,
Красиво качая своими кудрями;
А воздухъ струится прозрачной волной,
И солнце такъ ярко, привѣтно сіяетъ!
Вонъ коршунъ лукавый надъ рожью плыветъ,
Вдали колокольчикъ звенитъ, замираетъ,
И міръ насѣкомыхъ немолчно поетъ.

Близъ пчельника, въ полѣ, подъ тѣнью ракиты,
Съ купцомъ и сватами пчелинецъ сидитъ,
Широкая лысина шляпой покрыта,
Глаза его мутны, лицо все горитъ:
Лежатъ на щекахъ загорѣлыхъ морщины,
И просѣдь бѣлѣетъ въ его волосахъ,
Рубашка на немъ изъ крученой холстины,
А ноги въ онучахъ и новыхъ лаптяхъ.
Съ нимъ рядомъ бесѣдуютъ три его свата:
До плечъ изъ-подъ шапокъ ихъ кудри висятъ,
Всѣ въ синихъ рубахахъ, на шапкахъ заплаты,
Всѣ пылью покрыты съ лица и до пятъ.
Предъ ними, на бѣлой разостланной тряпкѣ,
Ведро деревянное съ квасомъ стоитъ,
Желтѣется медъ въ неокрашенной чашкѣ,
И чернаго хлѣба краюха лежитъ.
Напротивъ пчелинца, въ поддевкѣ суконной,
Въ жилетѣ и въ плисовыхъ черныхъ штанахъ,
Купецъ темнорусый на травкѣ зеленой
Сидитъ, подбоченясь, съ бутылкой въ рукахъ.
Подалѣе, въ кичкѣ, въ цвѣтномъ сарафанѣ,
Невѣстка пчелинца, нагнувшись, стоитъ
И съ саломъ свинымъ, на чугунномъ таганѣ,
Яичницу въ глиняной чашкѣ варитъ.
Лѣвѣй, по дорогѣ, близъ ивы тѣнистой,
Двѣ лошади подлѣ повозокъ стоятъ,
И два медолома во ржи золотистой,
Позавтракавъ, трубки лѣниво курятъ.
Безоблачно небо; безлюдно все поле:
Лишь пчелы жужжатъ, не смолкая, кругомъ,
Да громко, подъ тѣнью ракитъ, на просторѣ,
Ведутъ мужички свои рѣчи съ купцомъ.

1-й сватъ.

Нѣтъ, ты ужъ на свата, купецъ, положися:
Вѣдь, онъ не захочетъ душою кривить;
Давай-ка задатокъ да Богу молися,
Товаръ—тоже золото, можно купить.

Пчелинецъ.

Не знаю я, сватушка, хитрыхъ уловокъ;
Да мой и родитель-то былъ не таковъ.
Ты видишь, что за десять лучшихъ колодокъ
Всего-то я выпросилъ триста рублёвъ.

Купецъ.

Эхъ, скупъ ты, Кудимычъ! грѣшишь противъ Бога!
Знать, вздумалъ на старости въ кладъ собирать.
И двадцать цѣлковыхъ, по моему, много:
Вѣдь, было бъ и мнѣ изъ чего хлопотать.

2-й сватъ.

Вѣстимо, гдѣ польза, легка и работа,
Я помню говаривалъ кумъ мой Сысой:
Родись только просо, косить не забота,
Семья будетъ съ кашей, хозяинъ съ казной.

Пчелинецъ.

Да, сватушка, любо на свѣтѣ съ казною.
А я вотъ на старости лѣтъ обѣднѣлъ;
Лишился дѣтишекъ, да вотъ и съ женою
Жить вмѣстѣ недолго Господь мнѣ велѣлъ.
Невѣстка, ты знаешь, зимой овдовѣла;
Самъ старъ: и пахать, и косить ужъ не въ мочь;
Тутъ горе—избушка недавно сгорѣла;
Одна мнѣ утѣха осталася—дочь.
Господь дастъ, голубушку къ мѣсту пристрою
(А ей наступилъ девятнадцатый годъ),
Тогда и глаза я покойно закрою.
Да денегъ-то нѣтъ: вся надёжа на медъ.

Купецъ.

Э, полно грустить-то... А лучше, Кудимычъ,
Давай-ка вотъ выпьемъ по чаркѣ одной!

Пчелинецъ.

Спасибо, родимый мой, Яковъ Данилычъ!
Премного доволенъ, спасибо, родной!

Купецъ.

Да кушай, дружище! Зачѣмъ тутъ считаться?
Сторгуемся,—ладно, а нѣтъ—не порокъ;
Мнѣ стыдно отказомъ твоимъ обижаться:
Я знаю тебя ужъ не первый годокъ.

Пчелинецъ.

Да какъ же! Еще твой родитель покойный
Лѣтъ двадцать со мной по-пріятельски жилъ.
Вотъ былъ человѣкъ-то! Ужъ этакой скромный!
А какъ онъ моихъ ребятишекъ любилъ!
За то, коли бабы порой посмѣются
И скажутъ, бывало: „вонъ ѣдетъ купецъ!“
Ребята мои его ждутъ, не дождутся,
Глядятъ на дорогу,—и играмъ конецъ.
Душа былъ покойникъ!.. Повѣришь, бывало,
Полсотни колодокъ онъ купитъ съ двухъ словъ.

Купецъ.

Я самъ не охотникъ болтать, что попало,
Да что жъ, вѣдь, десятокъ не триста жъ рублевъ?

Пчелинецъ.

Ну, двадцать пять сбавлю: оно дешевенько,
Да надо тебѣ дать копейку нажить!

Купецъ.

Спасибо, Кудимычъ. Испей-ка маленько!
Успѣемъ поладить: куда намъ спѣшить.

Пчелинецъ.

Я выпью; гляди только, Яковъ Данилычъ,
Чтобъ дѣло покончить по совѣсти намъ.

Купецъ.

По совѣсти кончимъ. Ну, кушай, Кудимычъ!
Покамѣстъ, я, кстати, налью и сватамъ.

2-й сватъ.

Вотъ добрый купецъ-атъ! Вишь, какъ угощаетъ!
Люблю за обычай!.. А что, сватъ Иванъ,
Мнѣ кажется, день померкать начинаетъ,
И по полю ходитъ какой-то туманъ?

3-й сватъ.

Въ глазахъ, вѣрно, сватъ, у тебя потемнѣло:
На полѣ идетъ все своимъ чередомъ.
Туманъ, или ясно,—неважное дѣло...
Вотъ пчельникъ-то ходитъ немного кругомъ.

Купецъ.

Послушай, Пахомовна, что тамъ хлопочешь?
Поди-ко сюда, побесѣдуй со мной;
Ты, видно, меня и привѣтить не хочешь,
Какъ будто мы вовсе чужіе съ тобой.

Пахомовна.

И, что ты! коли я тебя забывала?
Хозяйкѣ грѣшно про гостей забывать.
Я все за яичницей тамъ хлопотала:
Дрова-то сырыя, совсѣмъ не горятъ.

Купецъ.

Небось, загорятся: закуска не къ сроку,
Ты на-ка вотъ чарочку выпей пока;
А я, вѣдь, тебѣ приготовилъ обновку,—
Кусокъ миткалю и два красныхъ платка.
Смотри же, какъ съ свекромъ-то ладить я буду,
Такъ ты, молодица, меня поддержи;

А я и въ другой разъ тебя не забуду;
Теперь лишь попрежнему мнѣ послужи.

Поморщившись, баба стаканъ осушила
И вытерла губы слегка рукавомъ,
Намазала меду на хлѣбъ, закусила
И бойко промолвила свекру потомъ:
„Зачѣмъ у васъ, батюшко, дѣло-то стало?
Уважь, коли можно, купецъ-атъ хорошъ;
Иной нападетъ, вѣдь, такой тряпыхало,
Пожалуй, и денегъ гроша не возьмешь.
Вотъ прошлое лѣто, у свата Степана,
Какой-то пріѣзжій его подпоилъ,
А послѣ, мошенникъ, надѣлалъ изъяну
И къ вечеру слѣдъ его въ полѣ простылъ."
— Ты сущую правду сказала про свата, —
Поднявшись, пчелинецъ съ трудомъ бормоталъ:
— Купцы надуваютъ, вѣдь, нашего брата,
Я самъ этотъ грѣхъ на себѣ испыталъ.
Ну, слушай-же, Яковъ Данилычъ! Вотъ видишь,
Признаться, ей-Богу въ умѣ не было,
За то, что въ расчетѣ меня не обидишь,
Долой семь цѣлковыхъ! куда что ни шло!—
„Нѣтъ, такъ не придется. Я радъ бы душою,
Да слишкомъ, любезный, цѣна высока,
Ты, видно, не хочешь поладить со мною,
А ждешь себѣ въ гости купца-кулака.
Что жъ? — Вольному воля; пожалуй, какъ знаешь,
Но только такого, какъ я, не найдешь:
Съ меня ты червонцы всегда получаешь,
Съ другого и лыками всѣхъ не возьмешь".
Пахомовна ложки межъ тѣмъ разложила,
Холоднаго квасу въ ведро подлила,
Поближе гостей всѣхъ присѣсть пригласила
И въ чашкѣ яичницу имъ подала.
И, весело гуторя, около чашки

Сваты и пчелинецъ усѣлись въ кружокъ;
Разгладили бороды, скинули шапки
И каждый взялъ ложку и хлѣба кусокъ.
И дружно обѣдъ свой они продолжали;
Но хмельный пчелинецъ не ѣлъ и молчалъ:
Глаза старика черезъ силу моргали
И носъ его въ воздухѣ что-то клевалъ.
Купецъ и Пахомовна рядомъ сидѣли,
И глазъ не сводилъ съ нея ловкій сосѣдъ,
И щеки молодки румянцемъ горѣли...
Вотъ медомъ окончился сытный обѣдъ.
„Спасибо за хлѣбъ-соль и ласку, Кудимычъ",
Сваты говорили и силились встать:
„Спасибо тебѣ тоже, Яковъ Данилычъ,
Довольны, родимый: ужъ неча сказать!"
— Не стоитъ, сваточки: вы вовсе не ѣли,—
Сватамъ, спотыкаясь, пчелинецъ сказалъ:
— А чтобы одну вы мнѣ пѣсенку спѣли?
Я пѣсенъ, признаться, давно не слыхалъ!—
„Ну, что же, Кудимычъ, какъ будемъ мы ладить?"
Платкомъ утираясь, промолвилъ купецъ:
„Нельзя ли съ цѣны твоей что-нибудь сбавить!
Скажи покороче, — и дѣлу конецъ".
— Да вотъ что, кормилецъ, я сбавлю немного:
Ты хочешь мнѣ двѣсти и двадцать отдать?
Не то, — такъ ступай себѣ... вонъ и дорога!
Я больше не стану съ тобой толковать. —
„Сто двадцать!... упрямъ ты маленько, Кудимычъ!"
Какъ будто обидясь, купецъ повторилъ.
— Сто двадцать! Сто двадцать! какъ знаешь, Данилычъ!
Ни гроша не сбавлю, — и такъ уступилъ —
„Ну, вѣрно, часъ добрый! помолимся Богу!
Куплю хоть въ убытокъ на зло кулакамъ..."
И, синій картузъ приподнявши немного,

Съ пчелинцемъ ударилъ купецъ по рукамъ.
„Да только, братъ, вотъ что: вѣдь, я покупаю
На Божію волю, на милость твою,
И если я ульи плохіе сломаю,
Поправь, ради дружбы, ошибку мою".
—Не бойся, родимый, обиды не будетъ...
Родитель мой посмерть всегда говорилъ:
Будь честенъ, Ванюшка, Господь не забудетъ,
Гляди, чтобы ты никого не забылъ.—
„Давайте, ребята, проворнѣй кадушку!"
Работниковъ кликнувъ, купецъ имъ сказалъ:
„Да кстати сейчасъ же зажгите курушку
И вмѣстѣ съ ножемъ не забудьте рѣзецъ;
Теперь ужъ позволь намъ, хозяинъ, за дѣло,
И тотчасъ ребята работу начнутъ".
— Часъ добрый, часъ добрый! работайте смѣло!
Пускай себѣ съ Богомъ на пчельникъ идутъ. —
И вотъ медоломы къ труду приступили.
Купецъ мужичковъ продолжалъ угощать,
И вновь даровое вино они пили,
И стали съ покупкой купца поздравлять.
Но праздникъ былъ полный для свата Ивана:
Смекнувъ, что безъ дѣла сидѣть не рука,
Досталъ онъ жилейку свою изъ кармана
И, кашлянувъ, началъ играть трепака.
Не долго Пахомовна смирно сидѣла, —
Ей сватова пѣсня знакома была, —
Въ красавицѣ-бабѣ вся кровь закипѣла,
И, вставши, плясать она бойко пошла:
И крѣпко подъ тактъ застучала котами,
Рукой подбоченяся, грудью впередъ,
И тихо вокругъ поводила глазами,
И градомъ катился съ лица ея потъ.
„Спасибо, невѣстка! воскликнулъ Кудимычъ:
Всему свое время — гулять, такъ гулять!...
Какъ думаешь, батюшка, Яковъ Данилычъ,

Такого намъ праздника долго, вѣдь, ждать?“
— Катай! и моя не щербата копейка! —
Вскочивъ и шатаясь, сватъ Карпъ закричалъ:
— Ну что жъ ты тамъ дремлешь съ своею жилейкой?
Играй веселѣе, коли заигралъ! —
И, свистнувъ, онъ крѣпко притопнулъ ногами,
Хватилъ оземь шапку, подперся въ бока,
Тряхнулъ молодецки густыми кудрями, —
И началъ въ присядку плясать трепака.
И долго со звукомъ жилейки сливался
И свистъ его звонкій, и стукъ сапоговъ...
На пляску съ улыбкой купецъ любовался
И думалъ: „ну, разъ я надулъ мужичковъ,
Не дурно бъ теперь и въ другой постараться.“
Межъ тѣмъ подошелъ ужъ одинъ медоломъ...
„Ну что, братъ: успѣли ли съ медомъ убраться?“
Хозяинъ работнику молвилъ тишкомъ.
— Вотъ, есть о чемъ думать! вѣдь, намъ не учиться!
Ну, польза, хозяинъ, отъ меду придетъ:
Полтиною можно на рубль поживиться;
Всѣ ульи на выборъ... отличнѣйшій сортъ! —
„Ступай же, тамъ все убери хорошенько;
Мы скоро поѣдемъ“, — купецъ отвѣчалъ.
„Ну, что, другъ Кудимычъ! Вѣдь дѣло плохенько:
Ты медомъ-то крѣпко меня наказалъ!
Не дай ужъ въ обиду, — прибавь двѣ колодки...
Такая досада! и самъ я не свой!“
— Охъ, нѣтъ ли, родимый, какой тутъ уловки? —
Кудимычъ сказалъ, покачавъ головой.
„Какой же уловки?.. Я развѣ мошенникъ?
Ты, стало быть, хочешь меня обижать?“
— Ей-Богу, не думалъ!... пойдемъ-ка на пчельникъ:

Колодку сверхъ счета не шутка отдать. —
Купецъ говорилъ, что одной маловато,
Но твердо пчелинецъ стоялъ на своемъ,
И тутъ же сослался на перваго свата,
Промолвивъ: „мы знаемъ, вѣдь, дѣло-то въ чемъ!“
Насилу упрямый купецъ согласился,
Пчелинцу сто двадцать рублей отсчиталъ,
И честью своей передъ нимъ похвалился,
И шляпу въ подарокъ ему обѣщалъ.
И, вотъ, всѣ на пчельникъ отправились вмѣстѣ.
Пахомовна въ тряпку посуду взяла,
И только на прежнемъ, оставленномъ мѣстѣ
Дымился огонь, и бѣлѣла зола.
Толкая другъ друга, махая руками,
Сваты охмелѣвшіе медленно шли,
И пыль загребали съ дороги ногами,
И подъ руки свата-пчелинца вели.
„Ну, вотъ когда вдоволь мы всѣ погуляли!“
Сватамъ съ разстановкой старикъ говорилъ:
„Вишь, дѣло какое... и медъ мы продали,
И шляпу мнѣ добрый купецъ посулилъ,
Вотъ праздникъ-то Богъ далъ!.. Теперь я съ казною.
Еще десять ульевъ послѣднихъ продамъ;
Построю избушку... и дочку зимою
За парня хорошаго замужъ отдамъ...
Постойте... постойте... вѣдь, я и забылся...
Эхъ, то-то, вѣдь старому пить не рука!
Я, кажется, съ вами за что-то бранился,
Простите, родные, меня старика!“
— Да что ты, Кудимычъ!—сваты отвѣчали:
— Не грѣхъ ли объ этомъ тебѣ говорить?
Коли отъ тебя мы обиду видали?
Намъ по-вѣкъ, родимый, тебя не забыть.—
Сватъ Карпъ, головою кудрявой качая,
И, старую шапку назадъ заломивъ,

Съ открытою грудью шелъ, пѣснь напѣвая,
Широкую руку къ щекѣ приложивъ:
„Эхъ, воля моя, молодецкая воля!
Не надолго, вѣрно, была ты дана:
Сгубила тебя горемычная доля,
На вѣкъ погубила злодѣйка-жена!
Какъ вспомнишь ту волю, — слеза навернется,
И съ горя бъ на свѣтъ, на людей не глядѣлъ!
Да видно, живи, молодецъ, какъ живется,
Когда свое счастье беречь не умѣлъ!“
И долго сваты на дорогѣ шумѣли...
Но силы остатокъ имъ сталъ измѣнять:
Ихъ очи безъ цѣли и мысли глядѣли,
И рѣчи ихъ трудно ужъ было понять.
До пчельника кой-какъ съ трудомъ дотащившись,
Межъ ульевъ бродили они съ полчаса,
И всѣ, наконецъ, на траву повалившись,
Въ тяжелой дремотѣ закрыли глаза.
И все пріутихло... Одинъ лишь Кудимычъ
Порою, невнятно, сквозь сонъ бормоталъ:
„Сто двадцать... сто двадцать... какъ знаешь, Данилычъ!
Ни гроша не сбавлю... Я сразу сказалъ.“
Садилося солнце. Волнистыя нивы
Горѣли румянцемъ; весь западъ пылалъ.
Чуть слышно шептали зеленыя ивы;
Вечерней прохладою воздухъ дышалъ.
Очистивши улей, подарокъ пчелинца,
Купецъ отдалъ бабѣ миткаль и платки,
Примолвивъ: „Ну, вотъ тебѣ вдругъ три гостинца!
Носи, не жалѣй, съ моей легкой руки;
У тебя, вѣдь, обновокъ, я думаю, мало?“
— Охъ, мало, касатикъ! откуда ихъ взять?
Намъ, послѣ пожара, какъ лѣто настало,
И хлѣбъ-то пришлось у людей занимать!
Теперь хоть отъ меду копейка собьется, —

Старикъ не минуетъ избушку купить;
А дочь-то опять жениха не дождется...
Да плохо, кормилецъ мой, стало намъ жить!
Я думаю въ городъ... въ кухарки наняться...
Не то похоронимъ, глядишь, старика,
Дочь станетъ въ селѣ безъ пріюта шататься,
И я-то останусь тогда безъ куска... —
„Эхъ, жаль“, купецъ думалъ: „дѣла въ безпорядкѣ...
Въ другой разъ тутъ нечего будетъ купить.
Ну, если бъ я зналъ, что пчелинецъ въ упадкѣ, —
Мнѣ въ мутной водѣ рыбу легче бъ ловить...“
Межъ тѣмъ ужъ коней запрягли медоломы;
Купецъ сѣлъ въ повозку, картузъ приподнялъ,
Слегка поклонился молодкѣ знакомой
И тронуть своихъ лошадей приказалъ.
И лошади крупною рысью пустились,
На уздахъ раздался бубенчиковъ звукъ,
И спицы тяжелыхъ колесъ закружились,
И пыль за повозками встала вокругъ...
Вотъ кони, исчезнувъ за пылью густою,
Еще на горѣ показалися разъ,
Свернули налѣво и вдругъ, за горою,
Въ глубокой лощинѣ пропали изъ глазъ.

1854.

---

XCVI.

## Неудачная присуха.

Ударъ за ударомъ,
Полуночный громъ,
Полнеба пожаромъ
Горитъ надъ селомъ.

И дождь поливаетъ,
И буря шумитъ,
Избушку шатаетъ,
Въ оконце стучитъ.

Ночникъ одиноко
Въ избушкѣ горитъ;
На лавкѣ широкой
Кудесникъ сидитъ.

Сидитъ онъ, колдуетъ
Надъ чашкой съ водой,
То на воду дуетъ,
То шепчетъ порой.

На лбу бороздами
Морщины лежатъ,
Глаза подъ бровями,
Какъ угли, горятъ.

У притолки парень
Въ халатѣ стоитъ:
Онъ, бѣдный, печаленъ
И въ землю глядитъ.

Лицо некрасиво,
На видъ простоватъ,
Но сложенъ на диво
Отъ плечъ и до пятъ.

„Ну слушай: готово!
Хоть трудъ мой великъ“, —
Промолвилъ сурово
Кудесникъ-старикъ:

„Я сдѣлаю дѣло:
Красотка твоя
И душу и тѣло
Отдастъ за тебя!

„Ты самъ ужъ, вѣстимо,
Зѣвать — не зѣвай:
Безъ ласки ей мимо
Пройти не давай...

„Спасибо, кормилецъ!
За все заплачу;
Поможешь, — гостинецъ
Съ поклономъ вручу.

„Крупы, коли скажешь,
Мѣшокъ нипочемъ!
А денегъ прикажешь, —
И деньги найдемъ."

И съ радости дома
Такъ парень мой спалъ,
Что бури и грома
Всю ночь не слыхалъ.

Пять дней пролетѣло...
Вотъ разъ вечеркомъ
На лавкѣ безъ дѣла
Лежитъ онъ ничкомъ,

На крѣпкія руки
Припавъ головой,
Колотитъ отъ скуки
Объ лавку ногой.

И вдругъ повернулся,
Плечо почесалъ,
Зѣвнулъ, потянулся
И громко сказалъ:

„Слышь, матушка! баютъ,
У насъ въ деревняхъ,
Вишь, доки бываютъ, —
И вѣрить-то страхъ!

„Кого, вишь, присушатъ,
Немилъ станетъ свѣтъ:
Тоска такъ и душитъ!..
Что — правда, аль нѣтъ?"

— Бываютъ, вѣстимо,—
Отвѣтила мать:
Не дай Богъ, родимый,
Ихъ видѣть и знать!..—

„Ну, правда, такъ ладно!
Сынъ думалъ: дождусь!..
Эхъ, жить буду славно,
Коли я женюсь!..“

Но, видно, напрасно
Кудесникъ шепталъ
И дѣвицѣ красной
Тоской угрожалъ:

Другого красотка
Любила тайкомъ
За пѣсни, походку
И кудри кольцомъ...

А парень гуляетъ:
Какъ праздникъ придетъ,
Лицо умываетъ
И гребень беретъ,

И кудри направо,
Налѣво завьетъ,
Подумаетъ: „браво!“
И пальцемъ щелкнетъ.

Какъ снѣгъ въ чистомъ полѣ,
Рубашка на немъ,
Кумачъ на подолѣ
Краснѣетъ огнемъ.

На шляпѣ высокой,
Межъ плисовыхъ лентъ,
Горитъ одиноко
Витой позументъ.

Онучи обвиты
Кругомъ бичевой,
И лапти прошиты
Суровой пенькой.

Тряхнетъ волосами,
Идетъ въ хороводъ.
„Ну, вотъ, дескать, нами
Любуйся народъ!“

Какъ встрѣтился съ милой, —
Ни словъ, ни рѣчей;
Что въ памяти было, —
Забылъ, хоть убей!

Вдругъ правда случайно
До парня дошла:
Ужъ дѣвкина тайна
Не тайной была...

Вся кровь закипѣла
Въ бѣднягѣ... „Такъ вотъ,
Онъ думалъ, въ чемъ дѣло!
Кудесникъ-атъ вретъ.

„Не грѣхъ ему палкой
Бока обломать,
Обманщику,... жалко
Мнѣ руки марать!“

И два дни, угрюмый,
Убитый тоской,
Все думалъ онъ думу
Въ избушкѣ родной.

На третій, —лишь только
Отправилась мать
На рѣчку въ ведерко
Водицы набрать; —

Съ гвоздя торопливо
Котомку онъ снялъ,
„Пойду, молъ!..“ и живо
Ремни развязалъ.

Въ тряпицѣ рубашку
Въ нее положилъ
И съ ложкою чашку
Туда жъ опустилъ.

Халатъ для дороги,
Про непогодь, взялъ...
Мать входитъ, онъ въ ноги
Ей палъ и сказалъ:

„Ну, мамушка, горько,
Признаться, идти
Съ родимой сторонки...
А видно, прости!“

Мать такъ и завыла:
— Касатикъ ты мой!
Ахъ, крестная сила!
Что это съ тобой?—

„Да что тутъ мнѣ биться,
Какъ рыбѣ объ ледъ!
Пойду потрудиться,
Что Богъ ни пошлетъ.

„И тутъ жилъ трудами,
Талана, вишь, нѣтъ...“
Старушка руками
Всплеснула въ отвѣтъ:

— Да какъ же подъ старость
Мнѣ жить-то одной?
Вѣдь, ты—моя радость,
Кормилецъ родной!—

И къ сыну припала
На грудь головой,
И все повторяла:
— Кормилецъ родной!—

Сынъ крѣпко рукою
Хватилъ себя въ лобъ
И думалъ съ собою:
„Прямой остолопъ!“

„Ну, вотъ тебѣ здравствуй!..
Наладилось мнѣ:
Иди, малый! царствуй
Въ чужой сторонѣ!

„А, стало, старушкѣ
Одной пропадать:
Казны-то полушки
Ей негдѣ достать.“

И парень украдкой
Лицо отвернулъ
И старую шапку
На лавку швырнулъ.

„Ну, полно, родная!
Я въ шутку... пройдетъ...
Все доля дурная...
Наука впередъ!“

Румяное солнце
Къ полямъ подошло,
Въ избушкѣ оконце
Огнемъ залило.

Румянитъ, золотитъ
Лѣсокъ въ сторонѣ.
Мой парень молотитъ
Овесъ на гумнѣ.

Тяжелыя муки
Въ душѣ улеглись:
Могучія руки
За трудъ принялись.

Цѣпъ такъ и летаетъ,
Какъ молнія, жжетъ,
На снопъ упадаетъ,
По колосу бьетъ.

Богъ помочь дѣтина!
Давно бъ такъ пора!...
Долой ты, кручина,
Долой со двора!

1854.

---

XCVII.

## Бурлакъ.

Эхъ, пріятель, и ты, видно, горе видалъ,
Коли плачешь отъ пѣсни веселой!
Нѣтъ, послушай-ка ты, что вотъ я испыталъ,
Такъ узнаешь о жизни тяжелой!
Девятнадцати лѣтъ, послѣ смерти отца,
Я остался одинъ сиротою;
Дочь сосѣда любила меня, молодца.
Я женился, — и зажилъ съ женою!
Словно счастье на дворъ мнѣ она принесла;
Дай Богъ царство небесное бѣдной!
Ужъ такая-то, братецъ, хозяйка была, —
Дорожила полушкою мѣдной.
Въ зимній вечеръ, бывало, лучину зажжетъ
И прядетъ себѣ, глазъ не смыкаетъ;
Пѣтухи пропоютъ, ну, тогда отдохнетъ
И приляжетъ; а чуть разсвѣтаетъ, —
Ужъ она на ногахъ: поглядишь, — побѣжитъ
И овцамъ, и коровамъ дастъ корму,

Печь истопитъ, — и снова за прялкой сидитъ,
Или что прибираетъ по дому.
Лѣтомъ рожь станетъ жать, иль снопы подавать
Съ земи на возъ, — и горя ей мало.
Я, бывало, скажу: „не пора ль отдыхать?"
— Ничего, говоритъ, не устала. —
Иногда ей случится обновку купить
Для утѣхи, такъ скажетъ: „напрасно!
Мы безъ этого будемъ другъ-друга любить,
Что ты тратишься, соколъ мой ясный!"
Какъ въ раю съ нею жилъ!.. Да не намъ, вѣрно, знать,
Гдѣ и какъ насъ кручина застанетъ!
Улеглася жена въ землю на-вѣки спать...
Вспомнишь, — жизнь не мила тебѣ станетъ!
Вся надёжа была, — словно вылитый въ мать,
Темнорусый красавецъ сынишка.
По складамъ ужъ псалтырь было началъ читать...
Думалъ: „выйдетъ, молъ, въ люди мальчишка!"
Да не то ему Богъ на роду написалъ:
Заболѣлъ отъ чего-то весною, —
Я и бабокъ къ нему, знахарей призывалъ,
И поилъ наговорной водою,
Обѣщался рублевую свѣчку купить,
Предъ иконою въ церкви поставить, —
Не услышалъ Господь... и пришлось положить
Сына въ гробъ, на кладбище отправить...
Было горько мнѣ, другъ, въ эти черные дни!
Опустились совсѣмъ мои руки.
Стали хлѣбъ убирать, — въ полѣ пѣсни, огни,
А я сохну отъ горя и скуки!
Снѣга перваго ждалъ: я продамъ, молъ, вотъ рожь,
Справлю сани, извозничать буду, —
Вдругъ, — бѣда за бѣдой, — на скотину падежъ...
Чай, по гробъ этотъ годъ не забуду!

Кой-какъ зиму провелъ; вижу — честь мнѣ не та:
То на сходкѣ иной посмѣется:
„Дескать, всякая вотъ что ни есть мелкота
Тоже въ дѣло мірское суется!“
То бранятъ за глаза: „не съ его де умомъ
Жить въ нуждѣ: видишь, какъ онъ лѣнится;
Нѣтъ, по-нашему такъ: коли быть молодцомъ,
Не тужи, хоть и горе случится!“
Образумилъ меня людской смѣхъ, разговоръ;
Видно, Богъ свою помочь мнѣ подалъ!
Запросилась душа на широкій просторъ...
Взялъ я паспортъ, подушное отдалъ
И пошелъ въ бурлаки. Разгуляли тоску
Волги-матушки синія волны!..
Коли отдыхъ придетъ, — на крутомъ бережку
Разведешь огонекъ въ вечеръ темный,
Изъ товарищей пѣсню одинъ заведетъ,
Тѣ подхватятъ, — и въ мигъ встрепенешься,
Съ головы и до ногъ жаръ и холодъ пойдетъ,
Слезы сдержишь, — и самъ тутъ зальешься!
Непогода ль случится и вдругъ посѣтитъ
Мою душу забытое горе, —
Есть разгулъ молодцу: Волга съ шумомъ бѣжитъ
И про волю поетъ на просторѣ;
Ретивое забьется, и вспыхнешь огнемъ;
Осень, холодъ, — не надобна шуба!
Сядешь въ лодку, — гуляй! размахнешься весломъ,
Силой съ бурей помѣряться любо!
И летишь по волнамъ, только брызги кругомъ...
Крикнешь: „ну, теперь Божія воля!
Коли жить, — будемъ жить, умереть, — такъ умремъ!“
И въ душѣ словно не было горя!

1854.

XCVIII.

## Старый мельникъ.

Отдыхай, старикъ,
Думу думая;
Замолчала-спитъ
Твоя мельница.

Убыла вода
Подъ колесами,
Не шумитъ ручей
За плотиною.

Рано кончилъ онъ
Молодой разгулъ,
Погубилъ, прожилъ
Силу юную.

И текутъ его
Слезы каплями,
По сырой землѣ
Тихо точатся.

Было времячко,
Пѣлъ онъ весело,
Разсыпалъ кругомъ
Брызги-золото,

Серебромъ кипѣлъ
Подъ колесами,
Поднималъ ключомъ
Пѣну бѣлую.

И сіялъ, горѣлъ
Противъ солнышка
Цвѣтной радугой
Огнемъ-искрами.

Изъ живой волны
Въ полночь тихую
Высыпалъ на свѣтъ
Дивы чудныя;

Запоютъ онѣ
И заплещутся,
Закипитъ вокругъ
Вода жемчугомъ,

Великанъ старикъ
Подъ березою
Весь, какъ лунь, сѣдой
Имъ откликнется...

И стоишь, дрожишь,
Пѣсни слушаешь,
Инда волосы
Встаютъ иглами...

Чуть зажгла заря
Небо синее,—
Мужички тащатъ
Хлѣбъ на мельницу.

Вмигъ заставки всѣ
Дружно выдвинешь,—
Жернова начнутъ
Свою музыку.

И на камни рожь
Тихимъ дождикомъ
Изъ ковшей идетъ,
Въ муку мелется.

Только гулъ стоитъ
Вокругъ мельницы,
Ходитъ ходенемъ
Полъ бревенчатый,

И бѣжитъ на шумъ
Рыбка смѣлая,
Сто́итъ бредень взять—
Будешь съ ужиномъ.

Отдохнуть прилегъ,—
Спишь подъ музыку,
Въ богатырскомъ снѣ
Видишь праздники.

Къ мужику пришелъ,—
Мѣсто первое,
Что ни годъ, кафтанъ
Новый на плечи.

Отвезешь вина,
Пшена знахарю,—
И копишь добро
Припѣваючи...

Не тужи, старикъ!
Было пожито.
Хоть не сынъ, такъ внукъ
Вспомнитъ дѣдушку!

Есть на черный день
Въ сундукѣ казна,
Въ крѣпкомъ закромѣ
Хлѣбъ некупленный.

1854—VIII—11.

---

## XCIX.

Подлѣ рѣки одиноко стою я подъ тѣнью ракиты;
Свѣтъ ослѣпительный солнца скользитъ по широкимъ уступамъ
Горъ мѣловыхъ, будто снѣгомъ нетающимъ плотно покрытыхъ;

Въ зелени яркой садовъ, подъ горою, бѣлѣются хаты;
Бродятъ лѣниво вдоль луга стада, — и по пыльной дорогѣ
Тянется длинный обозъ; подгоняя воловъ утомленныхъ,
Тихо идутъ чумаки, и одинъ черномазый хохленокъ
Спитъ крѣпкимъ сномъ на возу, беззаботно раскинувши руки.
Но поглядите налѣво: о, Боже, какая картина!
Влага прозрачная, кажется, дышитъ, разлившись широко!
Синее небо и бѣлыя тихо плывущія тучки,
Берега желтый песокъ, неподвижнаго лѣса вершины,
Тонкій пушистый камышъ и рыбакъ, опускающій сѣти, —
Все отразилось въ стеклѣ этой влаги такъ живо и ясно,
Такъ сохранило всю чудную прелесть и тѣни, и свѣта,
Что вдохновенный художникъ съ своею волшебною кистью,
Смѣлый поэтъ съ своимъ словомъ послушнымъ, сознали бъ здѣсь оба
Жалкую бѣдность искусства предъ жизнію вѣчной природы.
Съ перваго взгляда все кажется просто, но сколько тутъ силы,
Жизни, величія, новыхъ предметовъ для пѣсенъ и думы!
Слышишь ли эти немолчные звуки серебряной влаги?
Что она хочетъ сказать? не разгула ли проситъ и воли?
Иль на своемъ языкѣ непонятномъ и годы, и вѣки

Вторитъ свободно торжественный гимнъ вездѣ-
сущему Богу?
Есть ли таинственный смыслъ въ этомъ говорѣ
вѣтра съ листами?
Я ли одинъ созерцаю присутствіе Бога въ твo-
реньи,
Иль надо мною здѣсь духи витаютъ незримой
толпою,
Жизнію, мнѣ незнакомой, живутъ и доступенъ
имъ лучшій,
Полный прекраснаго, міръ съ его тайнами, си-
лой и славой?
Видно, не чуждъ онъ и мнѣ: будто что-то род-
ное я слышу
Въ шопотѣ вѣтра съ травою и въ говорѣ волнъ
подъ ногами.
Вижу на каждомъ шагу своемъ тайны; но
сладко мнѣ думать:
Въ царствѣ природы не лишній я гость съ
моей думой и пѣсней.

1854—VIII—12.

---

## С.

## Лѣсникъ и его внукъ.

„Дѣдушка, дѣдушка! Вотъ я чудесъ-то когда
насмотрѣлся!
Пѣсней наслышался всякихъ!.. и вспомню, такъ
сердце забьется.
Утромъ я сѣлъ на полянѣ подъ дубомъ и сталъ
дожидаться,
Скоро ли солнышко встанетъ. Въ лѣсу было
тихо, такъ тихо,
Словно все замерло... Вижу я, тучки на небѣ
алѣютъ —
Больше да больше,—и солнышко встало! Какъ
будто пожаромъ

Лѣсъ освѣтило! Цвѣты на полянѣ, листы на деревьяхъ,
Ожило все, засіяло... ну, точно смѣется сквозь слезы
Божьей росы!.. Сквозь просѣку увидѣлъ я чистое поле:
Яркимъ румянцемъ покрылось оно, а пары поднимались
Выше и выше, и золотомъ тучки отъ солнца горѣли.
Богъ вѣсть, кто строилъ изъ тучекъ мосты, колокольни, хоромы,
Горы какія-то съ мѣдными шапками... Диво и только!
Глянулъ я вверхъ: надо мною на вѣткахъ была паутина,—
Мнѣ показалось, серебряной сѣти я вижу узоры.
Самъ-то паукъ длинноногій, какъ умный хозяинъ, поутру
Вышелъ, работу свою осмотрѣлъ и двѣ ниточки новыхъ
Бойко провелъ, да и скрылся подъ листикомъ,— вотъ ужъ лукавый!..
Вдругъ на сухую березу сѣлъ дятелъ и носикомъ длиннымъ
Началъ стучать, будто вымолвить хочетъ: „проснитеся, сони!“
Слышу: малиновка гдѣ-то запѣла, за нею другая,
И раздалися въ кустахъ голоса, будто праздникъ великій
Вольныя птички встрѣчали... такъ весело!... Вѣтеръ прохладный
Что-то шепнулъ потихоньку осинѣ,—она встрепенулась,
Съ листьевъ посыпались свѣтлыя капли, какъ дождикъ, на травку;
Вдругъ зашумѣли березы, орѣшникъ, и лепетъ, и говоръ

По лѣсу всюду пошелъ, словно гости пришли на бесѣду...“
— Охъ, ты, кудрявый шалунъ, наяву начи наешь ты грезить!
Вѣтеръ въ лѣсу зашумѣлъ — у него это чудо большое.
Любишь ты сказки-то слушать и самъ ихъ раз сказывать мастеръ.
Вишь, вчера вечеромъ сѣлъ у ручья да гла зѣетъ на звѣзды,
Невидаль точно какая! Кололъ бы ты лучше лучину!
Что, и ручей, чай, вчера разсказалъ тебѣ но ваго много? —
„Какъ же, разсказывалъ, дѣдушка! Я любо вался сначала,
Какъ потухала заря, и на небѣ, одна за другою,
Звѣздочки стали выглядывать; мнѣ показалось въ ту пору:
Ангеловъ свѣтлыя очи глядятъ къ намъ оттуда на землю;
Видѣлъ я, какъ поднимался и мѣсяцъ надъ лѣсомъ; не знаю.
Что онъ не смотритъ, какъ солнышко? все будто думаетъ что-то.
Любо мнѣ было. Прилегъ я на травку подъ ивой зеленой,—
Слышу, ручей говоритъ: „хорошо мнѣ журчать въ темномъ лѣсѣ:
Въ полночь тутъ дивы приходятъ ко мнѣ, поютъ пѣсни и пляшутъ;
Только раздолья здѣсь нѣтъ. Будетъ время, я выйду на волю,
Выйду изъ темнаго лѣса, увижу я синее море:
Въ морѣ дворцы изъ стекла и сады съ золотыми плодами;
Есть тамъ русалки, бѣлѣй молока ихъ открытыя плечи;

Очи, какъ звѣзды, горятъ; въ волосахъ дорогіе каменья.
Есть тамъ старикъ-чародѣй; разсылаетъ онъ вѣтры по волѣ;
Слушаютъ рыбы его; вѣсти чудныя рѣки приносятъ..."
— Вотъ, погоди, — подрастешь, позабудешь ты эти разсказы;
Люди за нихъ не дадутъ тебѣ хлѣба и скажутъ: трудися!
Вонъ нашъ пастухъ съ раннихъ лѣтъ обучился играть на свирѣли,
Такъ и состарился нищимъ, все новыя пѣсни слагаетъ! —
„Развѣ не плакалъ ты, дѣдушка, самъ, когда вечеромъ позднимъ
Брался пастухъ за свирѣль, и по темному лѣсу далеко
Пѣснь соловьиная вдругъ разливалась,—и все замолкало,
Словно и лѣсъ ее слушалъ, и синее небо, и звѣзды?
Нѣтъ, не брани меня, дѣдушка! Выросту, буду трудиться,
Буду и пѣсни я пѣть, какъ поетъ вѣтерокъ перелетный,
Больныя птицы по днямъ, по ночамъ темный лѣсъ подъ грозою,
Буду пѣть радость и горе и улыбаться сквозь слезы!"

1854.

---

CI.

## Буря.

Тучи идутъ разноцвѣтной грядою по синему небу.
Воздухъ прозраченъ и чистъ. Отъ лучей заходящаго солнца

Бора опушка горитъ за рѣкой золотыми огнями.
Въ зеркалѣ водъ отразилися небо и берегъ,
Гибкій высокій тростникъ и ракитъ изумрудная зелень.
Здѣсь чуть замѣтная зыбь ослѣпительно блещетъ отъ солнца,
Тамъ вонъ, отъ тѣни крутыхъ береговъ вороненою сталью
Кажется влага. Вдали полосою широкой, что скатерть,
Тянется лугъ, поднимаются горы, мелькаютъ въ туманѣ
Села, деревни, лѣса, а за ними синѣется небо.
Тихо кругомъ. Лишь шумитъ, не смолкая, вода у плотины;
Словно и проситъ простора и ропщетъ, что мельнику служитъ,
Да иногда пробѣжитъ вѣтерокъ по травѣ невидимкой,
Что-то шепнетъ ей украдкой и. вольный, умчится далеко.
Вотъ ужъ и солнце совсѣмъ закатилось, но пышетъ доселѣ
Алый румянецъ на небѣ. Рѣка, берега и деревья
Залиты розовымъ свѣтомъ, и свѣтъ этотъ гаснетъ, темнѣетъ...
Вотъ еще разъ онъ мелькнулъ на поверхности дремлющей влаги,
Вотъ отъ него пожелтѣвшій листокъ на прибрежной осинѣ
Вдругъ, какъ червонецъ, блеснулъ, засіялъ—и угасъ постепенно.
Тѣни густѣютъ. Деревья вдали принимать начинаютъ
Странные образы. Ивы стоятъ надъ водою, какъ будто
Думаютъ что-то и слушаютъ. Боръ какъ-то смотритъ угрюмо.

Тучи, какъ горы, подъятыя къ небу невидимой силой,
Грозно плывутъ и растутъ, и на нихъ прихотливою грудой
Башенъ, разрушенныхъ замковъ и скалъ громоздятся обломки.
Чу! пахнулъ вѣтеръ! Пушистый тростникъ зашепталъ, закачался,
Утки плывутъ торопливо къ осокѣ, откуда-то съ крикомъ
Чибисъ несется, сухіе листы полетѣли съ ракиты,
Темнымъ столбомъ закружилася пыль на песчаной дорогѣ,
Быстро, стрѣлою колѣнчатой молнія тучу разсѣкла,
Пыль поднялася густѣе, — и частою, крупною дробью
Дождь застучалъ по зеленымъ листамъ; не прошло и минуты,
Онъ превратился ужъ въ ливень, и боръ встрепенулся отъ бури,
Что исполинъ, закачалъ головою своею кудрявой
И зашумѣлъ, загудѣлъ, словно нѣсколько мельницъ огромныхъ
Начали разомъ работу, вращая колеса и камни.
Вотъ все покрылось на мигъ оглушительнымъ свистомъ, и снова
Гулъ непонятный раздался, похожій на шумъ водопада.
Волны, покрытыя бѣлою пѣной, то къ берегу хлынутъ,
То побѣгутъ отъ него и гуляютъ вдали на свободѣ.
Молнія ярко блеснетъ, вдругъ освѣтитъ и небо и землю,
Мигъ—и опять все потонетъ во мракѣ, и грома удары

Грянутъ, какъ выстрѣлы страшныхъ орудій. Деревья со скрипомъ
Гнутся и вѣтвями машутъ надъ мутной водою.
Вотъ еще разъ прокатился ударъ громовой,— и береза
На берегъ съ трескомъ упала и вся загорѣлась, какъ свѣточъ.
Любо глядѣть на грозу! Отчего-то сильнѣй въ это время
Кровь обращается въ жилахъ, огнемъ загораются очи,
Чувствуешь силы избытокъ и хочешь простора и воли!
Слышится что-то родное въ тревогѣ дремучаго бора,
Слышатся пѣсни, и крики, и грозныхъ рѣчей отголоски...
Мнится, что ожили богатыри старой Матушки-Руси,
Съ недругомъ въ битвѣ сошлись и могучія мѣряютъ силы...

Вотъ темносиняя туча рѣдѣетъ. На влажную землю
Изрѣдка падаютъ капли дождя. Словно свѣчи, на небѣ
Кое-гдѣ звѣзды блеснули. Порывистый вѣтеръ слабѣетъ,
Шумъ постепенно въ бору замираетъ. Вотъ мѣсяцъ поднялся,
Кроткимъ серебрянымъ свѣтомъ осыпалъ онъ бора вершину,
И, послѣ бури, повсюду глубокая тишь воцарилась,
Небо попрежнему смотритъ съ любовью на грѣшную землю.

1854.

CII.

Подула непогодушка съ родной моей сторонушки,—
Пришла отъ милой грамотка, слезами вся облитая;
Назадъ она прислала мнѣ кольцо мое завѣтное.
Сгубили ненаглядную, сгубили—замужъ выдали!
Лежитъ она въ чужомъ дому, въ постели жесткой при смерти,
Кладетъ вину и жалобу на мужа да на мачеху...
Гори огнемъ, добро мое! Прощай, родная матушка!
Не долго быть мнѣ, молодцу, твоей подпорой крѣпкою.
Ужъ что за день безъ солнышка, а жизнь безъ друга милаго!

1854—X.

---

CIII.

## Порча.

„Сходи-ка, старуха, невѣстку провѣдать,
Не стала бъ она на дворѣ голосить?“
— А что тамъ я стану съ невѣсткою дѣлать?
Вѣдь, я не могу ей руки подложить.
Вотъ нажили, Богъ далъ, утѣху подъ старость!
Твердила тебѣ: „захотѣлъ ты, молъ, взять,
Старикъ, бѣлоручку за сына на радость, —
Придется тебѣ на себя попенять,“ —
Вотъ такъ и сбылось! Что ни день съ ней забота:
Тутъ вотъ это не такъ, тамъ вотъ то не по ней,
То, вишь, не подъ силу ей въ полѣ работа,
То скажетъ: въ избѣ зачѣмъ держимъ свиней.
Печь топитъ,—головка отъ дыму кружится,
Все ей вотъ опрятной да чистою быть,

А хлѣвъ велишь чистить,—ну, тутъ и лѣнится,
Чуть станешь бранить,—и пойдетъ голосить:
„Ихъ-охъ! Ихъ-охъ!“—
„Старуха, побойся ты Бога!
Зачѣмъ ты объ этомъ кричишь день и ночь?
Ну, знахаря кликни: бѣды-то немного,—
У бабы, вѣдь, порча, ей надо помочь.
А лгать тебѣ стыдно! она не лѣнится,
Безъ дѣла и часу не станетъ сидѣть;
Бранить ее станешь, отвѣтить боится;
Коли ей ужъ тошно,—уйдетъ себѣ въ клѣть
И плачетъ украдкой, и мужу не скажетъ:
„Зачѣмъ, дескать, ссору въ семьѣ начинать?“
Смотри же, Господь тебя, право, накажетъ:
Невѣстку напрасно не слѣдъ обижать.“
— Охъ, батюшки, кто говоритъ-то, — досада!
Лежи на печи, коли Богъ наказалъ;
Ослѣпъ и оглохъ, ну, чего жъ тебѣ надо?
Туда же жену переучивать сталъ!
И такъ у меня отъ хозяйства по дому,
Хрычъ старый, вотъ этакъ идетъ голова!
Да ты еще вздумалъ ворчать по-пустому,
Тьфу! вотъ тебѣ что на твои всѣ слова!
Вишь важное дѣло, что взялъ онъ за сына
Разумную дѣвку, мѣщанскую дочь,—
Ни платья за нею, казны ни алтына,
Теперь и толкуетъ: „ей надо помочь!“
Пришла въ чужой домъ и болѣзни узнала,
Нѣтъ, я еще въ руки ее не взяла...—
Тутъ шорохъ старуха въ сѣняхъ услыхала
И смолкла. Невѣстка въ избушку взошла.
Лицо у больной было грустно и блѣдно,
Какъ видно, на немъ положили слѣды
Тяжелыя думы и трудъ ежедневной,
И тайныя слезы и горечь нужды.
— Ну, что же, голубушка, спать-то раненько,
Возьми-ка, мнѣ на ночь постель приготовь,
Да сядь, поработай за прялкой маленько,—

Невѣсткѣ сквозь зубы сказала свекровь.
Невѣстка за свѣжей соломой сходила,
На нарахъ въ сторонкѣ ее постлала,
Къ стѣнѣ въ изголовье зипунъ положила,
Присѣла на лавку и прясть начала.
Въ избѣ было тихо. Лучина пылала,
Старикъ беззаботно и сладко дремалъ,
Старуха чугунъ на полу вытирала,—
И только подъ печью сверчокъ распѣвалъ,
Да котъ вкругъ старухи ходилъ, увивался
И, щурясь, мурлыкалъ, но баба ногой
Толкнула его, проворчавъ: „разгулялся!
Гляди, передъ порчею, видно, какой.“
Вдругъ дверь отворилась: стуча сапогами,
Вошелъ сынъ старухи, снялъ шапку, кафтанъ,
Ударилъ ихъ объ полъ, тряхнулъ волосами
И крикнулъ: „ну, матушка, вотъ я и пьянъ!“
— Что это ты сдѣлалъ? когда это было?
Ты отъ роду не пилъ и капли вина. —
„Я не пилъ, когда мое сердце не ныло,
Когда, какъ былинка, не сохла жена!“
— Спасибо, сыночекъ!.. спасибо безпутный!..
Ужъ я и ума не могу приложить!
Куда же мнѣ дѣться теперь, безпріютной?
Невѣсткѣ что скажешь, начнетъ голосить,
Не то сложитъ руки, и горя ей мало;
Старикъ только ѣстъ да лежитъ на печи,
А вотъ и отъ сына почету не стало,—
Живи—сокрушайся, терпи да молчи!
Ахъ, Царь мой небесный! Да это подъ старость
Хоть руки пришлось на себя наложить!
Взростили, взлелѣяли сына на радость,
Онъ мать-то ужъ скоро не станетъ кормить!—
„Неправда! я по смерть кормить тебя буду!
Я лучше зипунъ свой послѣдній продамъ,
Пойду въ кабалу, а тебя не забуду,
И крошку съ тобой раздѣлю пополамъ!

Ты мною болѣла, подъ сердцемъ носила
Меня, и твоимъ молокомъ я вспоенъ,
Сызмала меня ты къ добру пріучила, —
И вотъ тебѣ честь и земной мой поклонъ...
Да чѣмъ же невѣстка тебѣ помѣшала?
За что на жену-то мою нападать?"
— Гляди ты, безпутный, пока я не встала,
Я скоро заставлю тебя замолчать!... —
„На, бей меня, матушка! бей, чтобъ отъ боли
Я плакалъ и выплакалъ горе мое!
Эхъ-ма! не далось мнѣ талана и доли!
Когда жъ пропадешь ты, худое житье?"
— Вотъ дѣло-то! жизнь тебѣ стала постыла!
Ты вздумалъ вино-то отъ этого пить!
Такъ вотъ же тебѣ!.. —
И старуха вскочила
И кинулась палкою сына учить.
Невѣстка къ ней броситься съ лавки хотѣла,
Но только что вскрикнула: „сжалься хоть разъ."
И вдругъ пошатнулась назадъ, поблѣднѣла —
И на полъ упала.
— Помилуй ты насъ,
Царица Небесная, мать Пресвятая!
Ахъ, батюшки! — гдѣ тутъ вода-то была?
Что это съ тобою, моя золотая? —
Надъ бабой свекровь голосить начала.
„Ну, матушка, Богъ тебѣ будетъ судьею!.."
Сынъ тихо промолвилъ и самъ зарыдалъ.
— Чай, плачутъ?! Аль вѣтеръ шумитъ за стѣною? —
Проснувшись, старикъ на печи разсуждалъ:
— Не слышу... Чай, сынъ о женѣ все горюетъ·
У ней это порча, тутъ можно понять,
Старуха не смыслитъ, свое мнѣ толкуетъ,
А нѣтъ, чтобы знахаря къ бабѣ позвать.—
1854—X.

CIV.

## Бобыль.

(Посвящается Н. В. Кукольнику).

Дай взгляну веселѣй:
Дума—не помога.
Для меня ль, бобыля,
Всюду не дорога!

Безъ избы — я пригрѣтъ,
Соколъ — безъ наряда,
Безъ казны — мнѣ почетъ,
Умирать не надо!

Въ чистомъ полѣ идешь, —
Вѣтерокъ встрѣчаетъ,
Забѣгаетъ впередъ,
Стежки подметаетъ.

Рожь стоитъ по бокамъ,
Отдаетъ поклоны;
Ляжешь спать — подъ тобой
Постланъ шелкъ зеленый;

Звѣзды смотрятъ въ глаза;
Бѣлый день настанетъ,
Умываетъ роса,
Солнышко румянитъ.

На людей поглядишь, —
Право, смѣхъ и горе!
Цѣлый вѣкъ имъ труды
На дворѣ и въ полѣ.

А тутъ вотъ молодецъ:
За сохой не ходитъ,
Да привѣтъ, и хлѣбъ-соль,
И пріютъ находитъ.

Ну, а нечего ѣсть,—
Стянешь поясъ крѣпче,
Волосами тряхнешь,—
Вотъ оно и легче.

А не то—къ богачамъ:
Имъ работникъ нуженъ;
Помолотишь денекъ,—
Вотъ тебѣ и ужинъ.

Ужъ зато, коли есть
Зипунишка новый,
На ногахъ сапоги,
Въ кошелькѣ цѣлковый,—

И раздумье прошло,
И тоска пропала;
Сторонись, богачи:
Бѣдность загуляла!

Какъ взойдешь въ хороводъ
Да начнешь тамъ пляску,
При вечерней зарѣ,
Съ присвистомъ въ присядку,—

Бабы, дѣвки глядятъ,
Стукаютъ котами,
Парни нехотя въ ладъ
Шевелятъ плечами.

Вотъ на старости лѣтъ
Кто-то меня вспомнитъ,—
Приглядитъ за больнымъ,
Мертваго схоронитъ?

Да бобыль-сирота
Ничего не проситъ,
Надъ могилой его
Буря поголоситъ,

Окропитъ ее дождь
Чистою слезою,
Принакроетъ весна
Шелковой травою.

1854—XI.

CV.

## Разсказъ ямщика.

Вѣкъ жить — увидишь и худо порою.
Жаль, что вотъ темно, а то изъ окна
Я показалъ бы тебѣ: за рѣкою
Есть у насъ тутъ деревенька одна.
Тамъ живетъ баринъ. Господь его знаетъ,
Этакой умница, братецъ ты мой,
Ну, а теперь ни за что пропадаетъ.
Разъ онъ немножко размолвилъ съ женой:
Барыня сдѣлала что-то неладно, —
Мужъ сгоряча-то ее побранилъ.
Правду сказать, вѣдь, оно и досадно:
Онъ безъ ума ее, слышно, любилъ.
Та, — дѣло барское, — знаешь, обидно,
Къ матушкѣ нѣжной отправилась въ домъ,
Да сиротою прикинулась, видно, —
Съ годъ и жила со старухой вдвоемъ.
Только и тутъ она что-то... да это
Дѣло не наше, я самъ не видалъ...
Баринъ-атъ сохъ; иногда до разсвѣта
Съ горя и глазъ, говорятъ, не смыкалъ.
Все, вишь, грустилъ да жены дожидался,
Ей поклониться онъ самъ не хотѣлъ;
Ну, а потомъ въ путь-дорогу собрался,
Нанялъ меня и къ женѣ полетѣлъ.
Какъ помирился онъ съ нею, — не знаю;
Барыня что-то сердита была...
Самъ-атъ я, братецъ ты мой, помекаю —
Мать по неволѣ ее прогнала.

Вотъ мы поѣхали. Вижу — ласкаетъ
Баринъ жену: то въ глаза ей глядитъ,
То, знаешь, ноги ковромъ укрываетъ,
То этакъ ласково съ ней говоритъ, —
Ну, а жена пожимаетъ плечами,
Въ сторону смотритъ, — ни слова въ отвѣтъ...
Онъ и присталъ къ ней почти со слезами:
„Или въ тебѣ и души, дескать, нѣтъ?
Я, дескать, все забываю, прощаю...
Такъ же люблю тебя, милый мой другъ...“
Тутъ она молвила что-то — не знаю,
И покатилася со смѣху вдругъ.
Баринъ притихъ. Ужъ и зло жъ меня взяло!
Я какъ хвачу коренного кнутомъ...
Послѣ одумался, — совѣстно стало:
Тройка шла на гору, шла-то съ трудомъ,
Конь головой обернулся немного;
Этакъ глядитъ на меня, все глядитъ...
„Ну, молъ, ступай ужъ своею дорогой.
Грѣхъ мой на барынѣ, видно, лежитъ...“
Вотъ мы... о чемъ, бишь, я рѣчь велъ сначала?
Да, — я сказалъ, что тутъ баринъ притихъ.
Вотъ мы и ѣдемъ. Ужъ ночь наступала.
Я пріударилъ лошадокъ лихихъ.
Въѣхали въ городъ... Эхъ-ма! забываю.
Чей это дворъ, гдѣ коней я кормилъ?
Дворъ-то мощеный... постой, вспоминаю...
Нѣтъ, провались онъ совсѣмъ, позабылъ!
Ну, ночевали. Заря занималась;
Баринъ проснулся — глядь: барыни нѣтъ!
Кинулись шарить-искать, — не сыскалась;
Только нашли у воротъ одинъ слѣдъ,
Кто-то, знать, былъ съ подрѣзными санями...
Мы тутъ въ погоню. Ужъ день разсвѣталъ:
Верстъ этакъ семь пролетѣли полями —
Слѣдъ неизвѣстно куда и пропалъ.
Мы завернули въ село, да въ другое, —

Нѣтъ нигдѣ слуху; а баринъ сидитъ,
Руки ломаетъ. Лицо-то больное,
Самъ-атъ озябъ, словно листъ весь дрожитъ...
Что мнѣ съ нимъ дѣлать? Проѣхалъ немного
И говорю ему: „слѣду, молъ, нѣтъ;
Этой вотъ что ли держать намъ дорогой?“
Онъ и понесъ чепуху мнѣ въ отвѣтъ.
Сердце мое облилось тогда кровью!
„Эхъ, погубилъ, молъ, сердечный ты мой,
Жизнь и здоровье горячей любовью!“
Ну и привезъ его къ ночи домой.
Жаль горемычнаго! Вчужѣ сгрустнется:
Въ годъ онъ согнулся и весь посѣдѣлъ.
Нынче надъ нимъ ужъ и дворня смѣется:
„Баринъ-атъ нашъ, молъ, совсѣмъ одурѣлъ“...
Диво мнѣ! Какъ онъ жену не забудетъ!
Нѣтъ, вотъ, поди! коротаетъ свой вѣкъ!
Хлѣба не ѣстъ, все по ней, вишь, тоскуетъ...
Этакой, братецъ ты мой, человѣкъ!

1854.

---

CVI.

## Встрѣча зимы.

Поутру вчера дождь
Въ стекла оконъ стучалъ;
Надъ землею туманъ
Облаками вставалъ.

Вѣялъ холодъ въ лицо
Отъ угрюмыхъ небесъ,
И, Богъ знаетъ, о чемъ
Плакалъ сумрачный лѣсъ.

Въ полдень дождь пересталъ,
И, что бѣлый пушокъ,
На осеннюю грязь
Началъ падать снѣжокъ.

Ночь прошла. Разсвѣло.
Нѣтъ нигдѣ облачка,
Воздухъ легокъ и чистъ,
И замерзла рѣка.

На дворахъ и домахъ
Снѣгъ лежитъ полотномъ
И отъ солнца блеститъ
Разноцвѣтнымъ огнемъ.

На безлюдный просторъ
Побѣлѣвшихъ полей
Смотритъ весело лѣсъ
Изъ-подъ черныхъ кудрей, —

Словно радъ онъ чему.
И на вѣткахъ березъ,
Какъ алмазы, горятъ
Капли сдержанныхъ слезъ.

Здравствуй, гостья-зима!
Просимъ милости къ намъ
Пѣсни сѣвера пѣть
По лѣсамъ и степямъ.

Есть раздолье у насъ, —
Гдѣ угодно гуляй;
Строй мосты по рѣкамъ
И ковры разстилай.

Намъ не стать привыкать, —
Пусть морозъ твой трещитъ:
Наша русская кровь
На морозѣ горитъ.

Искони ужъ таковъ
Православный народъ.
Лѣтомъ, смотришь, жара—
Въ полушубкѣ идетъ;

Жгучій холодъ пахнулъ,—
Все равно для него:
По колѣни въ снѣгу,
Говоритъ: „ничего!“

Въ чистомъ полѣ метель
И кутитъ и мутитъ,—
Нашъ степной мужичокъ
Ѣдетъ въ санкахъ, кряхтитъ:

„Ну, соколики, ну!
Выносите, дружки!“
Самъ сидитъ и поетъ
„Не бѣлы-то снѣжки!“

Да и намъ ли, подчасъ,
Смерть не встрѣтить шутя,
Если къ бурямъ у насъ
Привыкаетъ дитя?

Когда мать въ колыбель
На ночь сына кладетъ,
Подъ окномъ для него
Пѣсни вьюга поетъ,

И разгулъ непогодъ
Съ раннихъ лѣтъ ему любъ,
И растетъ богатырь,
Что подъ бурями дубъ.

Разсыпай же, зима,
До весны золотой
Серебро по полямъ
Нашей Руси святой!

И случится ли, къ намъ
Гость незванный придетъ
И за наше добро
Съ нами споръ заведетъ,—

Ужъ прими ты его
На сторонкѣ чужой,
Хмельный пиръ приготовь,
Гостю пѣсню пропой;

Для постели ему
Бѣлый пухъ припаси
И метелью засыпь
Его слѣдъ на Руси!

1854.

---

CVI.

Воздадимъ хвалу Русской землѣ.

(Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ).

Ужъ какъ былъ молодецъ —
Илья Муромецъ,
Сидѣлъ сиднемъ Илья
Ровно тридцать лѣтъ, —

На тугой лукъ стрѣлы
Не накладывалъ,
Богатырской руки
Не показывалъ.

Какъ провѣдалъ онъ тутъ,
Долго сидючи,
О лихомъ Соловьѣ,
О разбойникѣ, —

Снарядилъ въ путь коня:
Его первый скокъ
Былъ пять верстъ, а другой —
Пропалъ изъ-виду.

По коню былъ сѣдокъ:
Къ князю въ Кіевъ-градъ
Онъ привезъ Соловья
Въ торокахъ живьемъ.

Вотъ таковъ-то народъ
Руси-Матушки!
Онъ, безъ нужды, не вдругъ
Съ мѣста тронется:

Не привыкъ богатырь
Силой хвастаться,
Щеголять удальствомъ,
Умомъ-разумомъ;

Ужъ зато кто на брань
Самъ напросится,
За живое его
Тронетъ не въ пору, —

Прочь раздумье и лѣнь!
Послѣ отдыха
Онъ, какъ буря, встаетъ
Противъ недруга!

И поднимется кличъ
Съ отголосками,
Словно громъ загремитъ
Съ перекатами.

И за тысячи верстъ
Людъ откликнется,
И пойдетъ по Руси
Гулъ безъ умолку.

Тогда все трынъ-трава
Бойцу смѣлому:
На куски его рѣжь, —
Не поморщится.

Эхъ, родимая мать,
Русь-кормилица!
Не пришлось тебѣ знать
Нѣги-роскоши!

Подъ грозой ты росла
Да подъ вьюгами,
Буйный вѣтеръ тебя
Убаюкивалъ;

Умывалъ бѣлый снѣгъ
Лицо полное,
Холодъ щеки твои
Подрумянивалъ.

Много видѣла ты
Нужды смолоду,
Часто съ злыми людьми
На смерть билася.

То не служба была,
Только службишка;
Вотъ теперь сослужи
Службу крѣпкую.

Видишь: тучи несутъ
Громъ и молнію,
При моряхъ города
Загораются,

Всѣ друзья твои врозь
Поразсыпались,
Ты одна подъ грозой...
Стой, Русь-Матушка!

Не дадутъ тебѣ пасть
Дѣти-соколы.
Встань, послушай ихъ кликъ
Да порадуйся...

„Для тебя — все добро,
Платье цѣнное,
Нашихъ женъ, кровь и жизнь,—
Все для матери.“

Пронесетъ Богъ грозу,
Взглянетъ солнышко,
Шире прежняго, Русь,
Ты раздвинешься!

Будетъ имя твое
Людямъ памятно,
Пока міру стоять
Богомъ сужено.

И ужъ много могилъ
Нашихъ недруговъ
Порастетъ на Руси
Травой дикою!

1854.

---

CVII.

## Черемуха.

Много листьевъ красовалося
На черемухѣ весной,
И гостей перебывалося
Вплоть до осени сырой.

Издалека въ ночь прохладную
Вѣтерокъ къ ней прилеталъ
И о чемъ-то вѣсть отрадную
Ей, какъ другъ, передавалъ.

Чуть, бывало, загорается
Алой зорьки полоса, —
Разной краской покрывается
На кудряхъ ея роса.

И она вся зарумянится,
Сонъ забудетъ, гостя ждетъ,
Смотришь, гость любимый явится,
Сядетъ, свищетъ и поетъ...

Но пришла зима сердитая,
И, какъ уголь, вся черна,
На морозѣ, беззащитная,
Сиротой стоитъ она.

И меня весна покинула, —
Милый другъ меня забылъ;
Съ нимъ моя вся радость минула,
Онъ мою всю жизнь сгубилъ.

Все къ нему сердечко просится,
Все его я жду, одна;
Но ко мнѣ, знать, не воротится,
Какъ къ черемухѣ весна...

1854.

---

## CVIII.

Ужъ не я ли тебя, милая, упрашивалъ,
Честью, ласкою, какъ друга уговаривалъ:
„Позабудь меня, ты послѣ будешь счастлива.
Обвѣнчаютъ насъ, ты вспомнишь волю дѣвичью.

У меня зимой въ избушкѣ сыро, холодно,
Мать-старуха привередлива, причудлива,
Сестры злы, а я голозушка разгульная,
Много горя ты со мною понатерпишься."

Ты не вѣрила, сквозь слезы улыбалася,
Улыбаясь, обняла меня и молвила:
— Не покинь меня, надежа, все я вынесу,
При тебѣ и злое горе будетъ радостью...

Ужъ на что жъ теперь ты поздно стала каяться,
На свекровь и на золовокъ горько плакаться?
Не онѣ тоски-кручины тебѣ придали, —
Что трава отъ вѣтра, отъ меня ты высохла.

Разлюбилъ я друга, какъ—и самъ не вѣдаю!
Ноетъ мое сердце, разума не слушаетъ:
О тебѣ печалюсь, объ иной я думаю,
Ты вся сокрушилась, — весь и я измучился!
1854.

---

CIX.

## Разсказъ крестьянки.

Охъ, много, мои матушки,
И слезъ я пролила,
И знала горя горькаго,
И нуждъ перенесла!

Тутъ Богъ послалъ безвременье—
Овинъ у насъ сгорѣлъ,
Тутъ, эдакъ черезъ полгода,
Вдругъ мужъ мой заболѣлъ.

Пора была рабочая—
И кинуть жаль его,
И въ полѣ-то не убрано,
Какъ надо, ничего.

А тамъ дѣтишки малыя,—
Хлопочешь день деньской,
Разломитъ всѣ суставчики
Ночною-то порой.

Разъ въ полѣ я работаю—
Жара, терпѣть не въ мочь,
Напиться-то мнѣ нечего...
Пока настала ночь,

Ужъ такъ я утомилася—
Не подыму руки.
Щемитъ мое сердечушко
И ноетъ отъ тоски.

Охъ, ну-ка, молъ, провѣдаю
Больного я, пойду;—
Пришла, а онъ, касатикъ мой,
Ужъ мечется въ бреду.

Теленокъ былъ на привязи—
Покромку оборвалъ,
И всю солому кой-куда
Въ избѣ поразбрыкалъ.

Сынишка перепуганный
Сидитъ, кричитъ въ углу,
А дочь грудная ползаетъ
И плачетъ на полу.

Я на нее какъ глянула—
Едва не обмерла!
Взяла бѣдняжку на руки
Да къ мужу подошла.

„Васильевичъ! Васильевичъ!
Опомнись, молъ, на часъ.
Ужъ на кого, родименькій,
Ты покидаешь насъ?“

Онъ застоналъ, голубчикъ мой,
Рукой вотъ такъ махнулъ,
Сказалъ:—На волю Божію.—
Да на-вѣкъ и уснулъ.

Осталася съ дѣтишками
Одна я одиной...
Покрылся безъ хозяина
Широкій дворъ травой.

Пришла зима съ морозами—
А я безъ дровъ сижу,
Не знаю себѣ отдыха,
Горюю и тужу.

Тутъ дѣти просятъ хлѣбушка,
Покою не даютъ,
Тамъ лошади голодныя
Стоятъ и корму ждутъ;

То надо печь соломою
Топить и щи варить;
То за водою на рѣку
Съ ведерками сходить;

То снѣгъ самой откидывать
Лопатой отъ воротъ,—
Денекъ-атъ какъ помаешься,
Ѣда на умъ нейдетъ.

Дѣтишки, мои ягодки,
Сиротками глядятъ,
Общипаны, оборваны,
Худѣютъ, да болятъ.

Смотрю на нихъ и думаю:
„Ужъ чѣмъ ихъ я вскормлю?“
И думу свою крѣпкую
И сплю-то не засплю...

Вдругъ за меня посватался
Зажиточный мужикъ;
Такой, Господь съ нимъ, взбалмошный,
Причудливый старикъ,

Всегда съ женою ссорился,
А бабу грѣхъ корить—
Она была разумная,
Умѣла домомъ жить.

И былъ онъ мнѣ не по-сердцу,
А вышла за него:
Теперь глаза и колетъ мнѣ
Семья-то вся его:

„Что вотъ-де навязалася
Какая-то съ дѣтьми,
Сама родила, нянчила,
Сама ихъ и корми!“

Да благо, что сиротки-то
Пригрѣты у меня,
А о себѣ-то, матушки,
Ужъ не забочусь я.

1854—XII—23.

---

CX.

## Утро.

(*1-я редакція.*)

Пышетъ на небѣ заря, словно села горятъ.
Спятъ поля и луга подъ туманами.
Какъ толпа силачей, сосны въ думѣ стоятъ
На крутомъ берегу великанами.

Что дитя въ пеленахъ, чутко дремлетъ рѣка,
Лишь камышъ шелеститъ и колышется,
Пробѣжитъ по водѣ полоса вѣтерка,
Или крикъ пѣтуховъ въ селахъ слышится.

Отдохнулъ Божій міръ, освѣжилась земля
И росою небесной умылася;
Сквозь дремотную лѣнь ждутъ луга и поля,
Чтобы солнышко вновь появилося.

Вѣетъ влажной прохладой въ лицо вѣтерокъ.
И туманъ въ облака собирается.
Засинѣлася даль, загорѣлся востокъ,
И все выше огонь подымается.

Вотъ кричитъ коростель, тамъ и сямъ поднялись
Чибиса надъ болотами топкими,
И проснувшихся птицъ въ одну пѣсню слились
Голоса переливами звонкими.

Вотъ и солнце взошло. Пробудилась земля,
Дерева и кусты тѣнь откинули,
И, какъ волны, потоки лучей на поля,
На луга и лѣса разомъ хлынули.

Засіяла рѣка, заблестѣла роса,
Смотритъ весело травка душистая,
Разноцвѣтнымъ огнемъ освѣтились лѣса,
Тонетъ въ золотѣ рожь колосистая.

Всюду радости жизнь, всюду пѣсни звучатъ...
Тамъ дымокъ надъ селомъ подымается;
Тутъ шумятъ рыбаки, въ полѣ косы звенятъ,
Вотъ на тройкѣ ямщикъ заливается...

Только я, какъ чужой, среди бѣлаго дня,
И не въ радость мнѣ утро веселое:
Безъ разсвѣта лежитъ на душѣ у меня
Ночью темною горе тяжелое.

1854—XI—16.

---

CXI.

## Утро.

(*2-я редакція*).

Звѣзды гаснутъ. Поля и дороги молчатъ.
Полоса ранней зорьки алѣется.
Надъ заливами ивы въ дремотѣ стоятъ,
За рѣкою лѣсъ темный чернѣется.

Что дитя въ пеленахъ, спитъ спокойно рѣка,
Лишь камышъ шелеститъ и колышется,
Иль порою зашепчутъ листья лозняка,
Или крикъ дикой цапли послышится.

Воздухъ влаженъ; отъ сочныхъ зеленыхъ луговъ,
Окропленныхъ росой серебристою
И задернутыхъ бѣлою тканью паровъ,
Тихо вѣетъ прохладой душистою.

Тронешь вѣтки куста, — словно крупный жемчугъ,
Капли съ сонныхъ листовъ осыпаются...
И, куда ни посмотришь, — безлюдье вокругъ,
Но луга и поля просыпаются:

Гдѣ-то свистнулъ куликъ; пронеслись надъ рѣкой
Утки съ шумомъ и, Богъ-вѣсть, гдѣ скрылися...
Въ полѣ перепелъ крикнулъ, за нимъ и другой...
Вотъ стада чибисовъ закружилися...

Ужъ заря поблѣднѣла. Окрѣпъ вѣтерокъ,
И, рѣдѣя, туманъ подымается,
Показалася даль; загорѣлся востокъ,
Яркимъ пурпуромъ лѣсъ покрывается...

Дождалася румянаго утра земля,
Птицы теплыя гнѣзда покинули
И запѣли; и солнца лучи на поля
Золотыми потоками хлынули:

Вонъ вдали тамъ, какъ стекла, озера блестятъ,
Весь, какъ шелковый, лугъ зеленѣется,
И привѣтливо какъ-то деревья глядятъ,
И, что холстъ, въ полѣ греча бѣлѣется;

Чуть примѣтно волнуется желтый ячмень,
Рожь высокая медленно движется...
Всюду свѣтъ... Лишь отъ тучекъ подвижная тѣнь
Тамъ и сямъ полосами раскинется.

Пѣсня птицъ все звучитъ... вонъ мелькаетъ челнокъ,
И рыбакъ ловить рыбу сбирается;
Тамъ надъ дальнимъ селомъ заклубился дымокъ,
Тутъ на тройкѣ ямщикъ заливается;

Подъ дугой колокольчикъ звенитъ и гудитъ...
Прочь заботы и горе тяжелое!
Въ этотъ мигъ и во мнѣ сила жизни кипитъ, —
Здравствуй, солнце и утро веселое!

1855 —I.

---

CXII.

## Утро.

(*3-я редакція*).

Звѣзды меркнутъ и гаснутъ. Въ огнѣ облака.
Бѣлый паръ по лугамъ разстилается.
По зеркальной водѣ, по кудрямъ лозняка
Отъ зари алый свѣтъ разливается.

Дремлетъ чуткій камышъ. Тишь-безлюдье вокругъ.
Чуть примѣтна тропинка росистая.
Кустъ задѣнешь плечомъ, на лицо тебѣ вдругъ
Съ листьевъ брызнетъ роса серебристая.

Потянулъ вѣтерокъ, — воду морщитъ, рябитъ.
Понеслись утки съ шумомъ и скрылися.
Далеко, далеко колокольчикъ звенитъ.
Рыбаки въ шалашѣ пробудилися,

Сняли сѣти съ шестовъ, весла къ лодкамъ несутъ...
А востокъ все горитъ-разгорается.
Птички солнышка ждутъ, птички пѣсни поютъ,
И стоитъ себѣ лѣсъ, улыбается.

Вотъ и солнце встаетъ, изъ-за пашенъ блеститъ;
За морями ночлегъ свой покинуло;
На поля, на луга, на макушки ракитъ
Золотыми потоками хлынуло.

Ѣдетъ пахарь съ сохой, ѣдетъ — пѣсню поетъ
По плечу молодцу все тяжелое...
Не боли, ты душа! отдохни отъ заботъ!
Здравствуй, солнце да утро веселое!

— —

## CXIII.

За какую-жъ вину и бѣду
Я состарѣлся рано безъ старости,
И терплю съ малолѣтства нужду,
И не вижу отрады и радости?

Только я, бѣдный, на ноги сталъ —
Сиротою остался безъ матушки;
И привѣта и ласки не зналъ
Во всю жизнь отъ родимаго батюшки.

Помню, какъ онъ, бывало, возьметъ
Съ полки крашеной книгу измятую,
Подъ хмелькомъ мнѣ приказъ отдаетъ
Прочитать ему заповѣдь пятую,

И ударитъ объ столъ кулакомъ...
Я стою, отъ испуга шатаюся,
Что скажу,—позабуду потомъ,
Начинаю опять,— заикаюся...

Помню, какъ я не разъ убѣгалъ
По утрамъ въ лѣсъ зеленый украдкою,
Что родной, меня онъ принималъ,
Утѣшалъ рѣчью тихой и сладкою;

И когда по немъ буря порой
Съ грознымъ шумомъ, бывало, расходится,
Притаюся я въ чащѣ глухой,
И мнѣ страшно и любо становится.

И не разъ я съ любовью глядѣлъ,
Когда солнце надъ нимъ поднималося,
И на листьяхъ румянецъ горѣлъ,
И кругомъ меня все просыпалося.

Годы шли... Сталъ я ночи не спать,
Думы думать про степи раздольныя,
Чудныхъ звуковъ игру понимать,
Втихомолку слагать пѣсни вольныя.

Но иное судилъ мнѣ Господь...
Гдѣ тутъ пѣть, когда жизнь ужъ наскучила,
И не слезы изъ глазъ — кровь течетъ,
И всю душу кручина измучила!

У людей хоть и бѣдность, да миръ.
У меня въ домѣ крикъ, ссора шумная,
При тяжелой нуждѣ — хмельный пиръ,
При печали—веселость безумная.

Но какъ доля моя ни горька,
И сквозь слезы пѣть пѣсни мнѣ хочется,
Лежитъ на-сердцѣ камнемъ тоска,
На уста звуки чудные просятся.

И придетъ часъ — отрада души,
Пѣсню грустную сложишь украдкою,
И забудется горе въ тиши,
И на мигъ жизнь покажется сладкою!..

1855—I—18.

## CXIV.

Пошутила я — и другу слово молвила:
Не ходи ты темной ночью въ нашъ зеленый садъ,
Молодой сосѣдъ догадливъ, онъ дознается,
Быль и небыль станетъ всѣмъ про насъ разсказывать.

Милый другъ мой, что ненастный день, нахмурился,
Не подумалъ и отвѣтилъ мнѣ съ усмѣшкою:
„Не молвы людской боишься ты, измѣнница,
Вѣрно видѣться со мною тебѣ нелюбо".

Вотъ недѣля — моя радость не является,
Засыпаю — мнѣ во снѣ онъ, соколъ, видится,
Просыпаюсь — мнѣ походка его чудится,
Вспомню рѣчь его — все сердце разрывается.

Для чего же меня, другъ мой, ты обманывалъ,
Называлъ душою, дорогою радостью?
Покидая радость, ты слезы не выронилъ,
И съ душой разстался, что съ заботой скучною.

Не виню я друга, на себя я плачуся:
Ужъ зачѣмъ его я слушала, лелѣяла?
Полюбить умѣла лучше милой матери —
Позабыть нѣтъ силъ, разлюбить нѣтъ разума.

1855—I—19.

---

## CXV.

Взгляни: небесный сводъ безоблаченъ надъ нами,
И безмятежно угасаетъ день,
И листья темныхъ ивъ, нависшихъ надъ водами,
Объяли сонъ и сладостная лѣнь.

Не тронется трава, камышъ не шевелится,
Безлюдны берега, молчитъ полей просторъ,
И солнце на покой торжественно садится,
И въ золотѣ горитъ недвижный боръ.

Повсюду тишина и миръ невозмутимый...
Лишь слышенъ мельницы однообразный шумъ,
Да рѣзвой рыбы плескъ... О, другъ неутомимый!
Зачѣмъ же ты одинъ и мраченъ, и угрюмъ?

—Вотъ отъ того-то такъ мнѣ тяжело и больно,
Что все покоится въ глубокой тишинѣ,
Тогда какъ нѣтъ отрады только мнѣ,
Тогда какъ плачу я отъ горькихъ думъ невольно.

1855—I—20.

---

## CXVI.

Погуляла вода
По зеленымъ лугамъ,—
Вдоволь бури понаслушалась;
Поломала мостовъ,
Потопила дворовъ,—
Вольной жизнью понатѣшилась.

Миновала весна,
Присмирѣла рѣка,—
По песку течетъ — не мутится;
Въ ночь при мѣсяцѣ спитъ,
Дунетъ вѣтеръ — молчитъ,
Только хмурится да морщится.

Погулялъ молодецъ
По чужимъ сторонамъ, —
Удальствомъ своимъ похвастался;
По пирамъ походилъ,
Чужихъ женъ поласкалъ,
Ихъ мужьямъ придалъ заботушки.

А теперь при огнѣ
Сиди, лапоть плети,—
Всю вину на старость сваливай;
Молодая жена
Ею колетъ глаза,—
Ну, радъ не радъ — а смалчивай.

1855—I.

## CXVII.

Надъ свѣтлымъ озеромъ пурпуровой зари
Вечерній пламень потухаетъ.
На берегу огни разводятъ косари,
И беззаботно собираетъ
Рыбакъ, близъ камыша, сѣть мокрую въ челнокъ;
Уснули въ сумракѣ равнины,
И только изрѣдка прохладный вѣтерокъ
Пошевелитъ листы осины.

Люблю я этотъ часъ, когда со всѣхъ сторонъ
Ко мнѣ идутъ густыя тѣни,
И вѣетъ свѣжестью, и воздухъ напоенъ
Дыханьемъ дремлющихъ растеній,
Когда становится яснѣе каждый звукъ,
Горитъ зарница надо мною,
И мѣсяцъ огненный, безмолвный ночи другъ,
Встаетъ надъ ближнею горою.

Что нужды? Этотъ день печально я прожилъ
Подъ гнетомъ горькихъ впечатлѣній,
Зато теперь кипитъ во мнѣ избытокъ силъ,
И новыхъ чувствъ, и размышленій.
Я вновь теперь живу! И какъ отраденъ мнѣ
И сонъ полей въ тиши безлюдной,
И этихъ яркихъ звѣздъ, горящихъ въ вышинѣ,
Языкъ торжественный и чудный.

1855—I.

CXVIII.

## Елка.

Посвящено Е. П. Долгорукой.

Одиноко выростала
Елка стройная въ лѣсу,
Холодъ съ молоду узнала,
Часто видѣла грозу.

Но, покинувъ лѣсъ родимый,
Елка бѣдная нашла
Уголокъ гостепріимный,
Новой жизнью зацвѣла.

Вся огнями засвѣтилась,
Въ серебро вся убралась,
Словно вновь она родилась,
Въ лучшій міръ перенеслась.

Дѣти нужды и печали!
Точно елку, васъ, сиротъ,
Матерински приласкали
И укрыли отъ невзгодъ,

Обогрѣли, пріютили,
Святъ и свѣтелъ вашъ пріютъ,
Здѣсь васъ рано научили
Полюбить добро и трудъ.

И добра живое сѣмя
Не на камень упадетъ:
Дастъ Господь, оно во время
Плодъ сторичный принесетъ.

Начатъ сѣвъ во имя Бога.
Подрастайте въ добрый часъ!
Жизни тѣсная дорога
Пораздвинется для васъ.

Но невзгода ль васъ застанетъ
На пути, или порокъ
Сѣти хитрыя разставитъ, —
Дѣтства помните урокъ.

Для борьбы дана вамъ сила;
Не родное по крови
Вамъ свѣтъ истины открыло
Сердце, полное любви.

И о немъ воспоминанье
Да хранитъ васъ въ дни тревогъ,
Въ пору счастья и страданья,
Какъ добра святой залогъ.

1855—I.

---

## CXIX.

## Другъ (Степь).

Пусть снова дни мои мнѣ горе принесутъ.—
Часы тяжелаго томленья,
Я знаю, выкупитъ восторгъ иныхъ минутъ,
Другія чувства и явленья.

Когда поверхность водъ при мѣсяцѣ блеститъ,
Когда закатъ огнемъ пылаетъ,
Иль по дорогѣ вихрь густую пыль кружитъ,
Иль въ полночь молнія блистаетъ,

Когда поля зимой подъ бѣлымъ пухомъ спятъ,
Иль гнется лѣсъ отъ вьюги грозной,
Иль на небѣ столбы, какъ радуги, горятъ
При свѣтѣ солнца въ день морозный,—

За всѣмъ отрадно мнѣ и весело слѣдить,
Все такъ знакомо мнѣ и ново,
И все я въ памяти желалъ бы сохранить,
Замкнуть въ обдуманное слово!..

Природа, ты одна, наставникъ мой и другъ,
Міръ полный мысли мнѣ открыла,
Счастливымъ сдѣлала печальный мой досугъ
И съ бѣдной долей примирила!

Отъ тайной ли тоски болитъ и ноетъ грудь,
Иль мучитъ сердце нуждъ тревога,—
Въ твои объятія спѣшу я отдохнуть,
Какъ въ храмъ невидимаго Бога.

И мнѣ ли не любить тебя отъ всей души,
Мой другъ, не знающій забвенья!
Меня и мертваго ты пріютишь въ тиши,
Теперь живого утѣшенье!

1855—III.

---

CXX.

## Слѣпой гусляръ.

Давно ужъ не вижу я солнца и неба,
Не знаю, какъ міръ и живетъ и цвѣтетъ,
Какъ птица, не сѣю зернистаго хлѣба,
Пою и ночую, гдѣ Богъ приведетъ.

Но слухъ мой въ замѣну отраднаго зрѣнья
Невѣдомой силою чудно развитъ,—
Когда и былинка стоитъ безъ движенья,
Со мною незримая жизнь говоритъ:

Листокъ ли на землю сырую ложится,
Змѣя ли ползетъ гдѣ нибудь въ сторонѣ,
Камышъ ли сквозь сонъ вдалекѣ шевелится,—
Я все различаю въ ночной тишинѣ.

И голосъ веселья, и стонъ тайной муки
Въ тревогѣ дневной я умѣю ловить;
И въ душу однажды запавшіе звуки
Въ согласныя пѣсни спѣшу перелить.

Когда же порой, окруженныи гостями,
Подъ крышей чужою найду я пріютъ,
И гусли вздрогнутъ у меня подъ руками,
И звуки волнами отъ струнъ потекутъ,

Откуда-то вдругъ во мнѣ сила возьмется,
Забѣгаютъ пальцы и кровь закипитъ,
Развернется дума, — и пѣсня польется...
И свѣтъ мои очи тогда озаритъ!

Мнѣ кажется, вижу я степи роздолье,
Блескъ солнца и краски душистыхъ цвѣтовъ,
И свѣтлыя воды, и луга приволье,
И темныя сѣни родимыхъ лѣсовъ.

Пою, — и на мнѣ подымается волосъ,
И впалыя щеки румянцемъ горятъ,
И звучнымъ становится слабый мой голосъ,
И гости, заслушавшись, молча сидятъ.

Умолкну, — гусляра толпа окружаетъ,
Но я ужъ не слышу тутъ грома рѣчей:
Душа, словно вѣтеръ, по свѣту гуляетъ,
И слезы ручьями бѣгутъ изъ очей!

1855 III.

## CXXI.

Не спится мнѣ. Окно отворено,
Давно горятъ небесныя свѣтила,
Сіяетъ прудъ, въ густомъ саду темно,
Ночь ясная безмолвна, какъ могила.

Но тамъ — въ гробахъ, навѣрно, есть покой;
Здѣсь жизни пиръ: во тьмѣ кипятъ желанья,
Во тьмѣ порокъ идетъ своей тропой,
Во тьмѣ не спятъ ни страсти, ни страданья!

И больно мнѣ, и страшно за людей,
Въ ночной тиши мнѣ чудятся ихъ стоны,
И вижу я, какъ въ пламени страстей
И мечутся, и плачутъ милліоны...

И плачу я... Мнѣ думать тяжело,
Что день и ночь, минута и мгновенье
Родятъ на свѣтъ невидимое зло
И новое тяжелое мученье.

1855—VI.

---

CXXII.

## Уличная встрѣча.

Словно безлюдный, спокоенъ весь городъ.
Солнце чуть видно сквозь сѣть облаковъ.
Пусто на улицѣ. Утренній холодъ
Вывелъ узоры на стеклахъ домовъ.
Крыши повсюду покрыты коврами
Мягкаго снѣга; изъ трубъ тамъ и сямъ
Дымъ поднимается кверху столбами,
Вьется, рѣдѣетъ, подобно клочкамъ
Тучекъ прозрачныхъ, — и вдаль улетаетъ...
Скучная улица! Вѣрно, народъ
Здѣсь неохотно дворы покидаетъ...
Вотъ только баба, согнувшись, несетъ
Гробикъ подъ мышкою... Вотъ и другая
Встрѣтилась съ нею, поклонъ отдала,
Кланяясь, молвила: „Здравствуй, родная!“
Остановилась и рѣчь повела:

„Кому же этотъ гробикъ-то
Ты, мать моя, взяла,
Сыночекъ, что-ли, кончился,
Иль дочка умерла?“

— Сынка, моя голубушка,
Сбираюсь хоронить;
Да вотъ насилу сбилася
И гробикъ-то купить.

А ужъ свѣчей и ладану
Не знаю, гдѣ и взять...
Есть старый самоваришка,
Хочу въ закладъ отдать.

Мужъ боленъ. Вотъ три мѣсяца
Лежитъ все на печи,
Просить на бѣдность — совѣстно,
Хоть голосомъ кричи. —

„И, мать! И я стыдилася
Просить въ твои года;
Глупа была, ужъ что таить,
Глупа да и горда.

Теперь привыкла, горя нѣтъ:
Придешь въ знакомый домъ,
Поплачешь да поклонишься,
Разскажешь обо всемъ:

Вдова, молъ, я несчастная...
Глядишь, — присѣсть велятъ.
Дадутъ какое платьишко
И къ чаю пригласятъ.

Другое дѣло, мать моя,
Подъ окнами ходить, —
Вѣстимо, это совѣстно,
Ужъ надо нищей быть.

А примутъ тебя въ комнатѣ, —
Какой же тутъ порокъ?..
Ты, кажется, кручинишься,
Что померъ твой сынокъ?“

— Охъ, я, вѣдь, съ нимъ заботушки
Не мало приняла!..
Кормить его, по немочи,
Я грудью не могла.

Поутру жидкой кашицы
Вольешь ему въ рожокъ,
Сосетъ ее онъ, бѣдненькій,
Да тѣмъ и сытъ денекъ.

Тутъ, знаешь, у насъ горенка,
Зимой-то, что ледникъ, —
Чуть, сонный, онъ размечется,
Ну и подыметъ крикъ...

И весь дрожитъ отъ холода...
Начнешь ему дышать
На красныя ручонки-то,
Ну, и заснетъ опять. —

„И плакать тебѣ нечего,
Что Богъ его прибралъ...
Онъ, мать моя, я думаю,
Не долго прохворалъ?“

— Съ недѣлю, другъ мой, маялся
И не бралъ въ ротъ рожка;
Бывало, только капельку
Проглотитъ молока.

Вчера, моя голубушка,
Ласкаю я его,
Глядь, — слезки навернулися
На глазкахъ у него.

Какъ будто жизнь безгрѣшную
Онъ кинуть не хотѣлъ...
А умеръ, тихо, бѣдненькій,
Какъ свѣчка, догорѣлъ! —

„О чемъ же ты заплакала?
Тутъ воля не твоя.
И дѣти-то при бѣдности —
Желѣзы, мать моя!

Вотъ и у меня Аринушка
И умница была,
По бархату, душа моя,
Шить золотомъ могла;

Бывало, за работою
До пѣтуховъ сидитъ;
А мнѣ съ поклономъ по людямъ
И выйти не велитъ:

„Сама ужъ, дескать, маменька,
Я пропитаю васъ".
Работала, работала, —
Да и лишилась глазъ.

Связала мои рученьки:
Вѣдь, чахнетъ отъ тоски;
Слѣпа, а вяжетъ кое-какъ
Носчишки да чулки.

Чужого калача не съѣстъ,
А если и возьметъ
Кусокъ какой отъ голода,
Все сердце надорветъ:

И ѣстъ, и плачетъ, глупая,
Журишь, — отвѣта нѣтъ...
Вотъ каково, при бѣдности,
Съ дѣтьми-то жить, мой свѣтъ!"

— Охъ, горько, моя милая!
Растетъ дитя — печаль,
Умретъ оно, — своя, вѣдь, кровь,
Жаль, другъ мой, крѣпко жаль! —

„Молися Богу, мать моя,
Не надобно тужить.
Прости же, я зайду къ тебѣ
Блиновъ-то закусить."

Бабы разстались. На улицѣ снова
Пусто. Заборы и стѣны домовъ
Смотрятъ печально и какъ-то сурово.
Солнце за длинной грядой облаковъ
Спряталось. Небо такъ блѣдно, безцвѣтно,
Точно какъ мертвое... и облака
Такъ безотрадно глядятъ, безпривѣтно,
Что поневолѣ находитъ тоска.

1855.

---

CXXIII.

## Въ лѣсу.

(Послѣ выздоровленія).

Привѣтъ тебѣ, знакомецъ мой кудрявый!
Прійми меня подъ сѣнь твоихъ дубовъ,
Раскинувшихъ навѣсъ свой величавый
Надъ гладью свѣтлыхъ водъ и зеленью луговъ.

Какъ жаждалъ я, измученный тоскою,
Въ недугѣ медленномъ сгорая, какъ въ огнѣ,
Твоей прохладою упиться въ тишинѣ
И на траву прилечь горячей головою!

Какъ часто въ тягостномъ безмолвіи ночей,
Въ часы томительнаго бдѣнья,
Я вспоминалъ твой мракъ, и музыку рѣчей,
И птицъ веселый свистъ, и пѣнье,

И дни давнишніе, когда свой скучный домъ
Я покидалъ, ребенокъ нелюдимый,
И, молча, въ сумракѣ твоемъ
Бродилъ, взволнованный мечтой невыразимой!

О, какъ ты былъ хорошъ вечернею порой,
Когда весь молніей мгновенно освѣщался
И вдругъ — на голосъ тучи громовой
Разгульнымъ свистомъ откликался!

И любо было мнѣ!.. Какъ съ существомъ роднымъ,
Съ тобой я всѣмъ дѣлился откровенно:
И горькою слезой, и радостью мгновенной,
И пѣснью, сложенной подъ говоромъ твоимъ.

Тебя, могучаго, не измѣнили годы!..
А я, твой гость, съ лѣтами возмужалъ,
Но въ пламени страстей, средь мелочной невзгоды,
Тяжелой горечи я много испыталъ...

Ужасенъ этотъ ядъ! Онъ вдругъ не убиваетъ,
Не поражаетъ, какъ небесный громъ:
Онъ сушитъ мозгъ, въ суставы проникаетъ,
Жжетъ тѣло медленнымъ огнемъ!

Паду ль я, этимъ ядомъ пораженный,
Утративъ крѣпость силъ и пѣсенъ скромный даръ,
Иль новыхъ думъ и чувствъ узнаю свѣтъ и жаръ,
Въ горнилѣ горя искушенный, —

Богъ вѣсть, что впереди!.. Теперь полубольной,
Я вновь подъ сѣнь твою, лѣсъ сумрачный, вступаю
И слушаю привѣтный говоръ твой,
Тебѣ мою печаль, какъ другу, поэѣряю!..

1855.

— —

CXXIV.

## Внезапное горе.

Вотъ и осень прошла. Убранъ хлѣбъ золотой,
Все гумно у сосѣда завалено...
У меня только смотритъ оно сиротой, —
Ничего-то на немъ не поставлено!

А ужъ я ль свою силу для пашни жалѣлъ,
Былъ лѣнивъ за любимой работою,
Иль, какъ надо, удобрить ее не успѣлъ,
Или началъ посѣвъ не съ охотою?

А ужъ я ли кормилицѣ — теплой веснѣ,
Не былъ радъ и обычая стараго
Не держался, для гостьи съ людьми наравнѣ —
Не затеплилъ свѣчи воску яраго!..

День и ночь все я думалъ: авось, молъ, дождусь,
Стану осенью рожь обмолачивать,
Все, глядишь, на одежу дѣтишкамъ собьюсь
И оброкъ буду въ пору уплачивать.

Не дозрѣла моя колосистая рожь,
Крупнымъ градомъ до корня побитая!..
Ужъ когда же ты, радость, на дворъ мой войдешь?
Охъ, бѣда ты моя непокрытая!

Посидятъ, вѣрно, дѣтки безъ хлѣба зимой,
Безъ одежи натерпятся холоду...
Привыкайте, родимые, къ долѣ худой!
Закаляйтесь въ кручинушкѣ смолоду!

Всѣмъ не стать — пировать... Къ горькимъ горе идетъ,
Съ ними всюду, какъ другъ, уживается,
Съ ними сѣетъ и жнетъ, съ ними пѣсню поетъ,
Когда грудь по частямъ разрывается!..

1855.

CXXV.

## Дѣлежъ.

Да, сударь мой, нерѣдко вотъ бываетъ:
Отецъ на столъ, а дѣтки за дѣлежъ,
И брата братъ за шиворотъ хватаетъ...
Изъ-за чего? И въ толкъ-атъ не возьмешь!..

У васъ-то, баръ, я чаю, нѣтъ разлада...
А мужики, извѣстно, вахлаки:
У нихъ за грошъ — остуда и досада,
За гривенникъ какой-нибудь — пинки!

Тутъ изъ-за бабъ, дѣтишекъ выйдетъ злоба...
Вотъ мы теперь: всего-то двое насъ —
Мой братъ да я; женаты, сударь, оба,
И хлѣбъ всегда имѣли про запасъ,

И жили бы себѣ, домкомъ сбирались...
Нѣтъ, погоди! Вишь, жены не въ ладу:
Вотъ у одной коты поистаскались...
„Я говоритъ, на рѣчку не пойду,

Пускай идетъ невѣстка, коли хочетъ,
Ей мужъ успѣлъ обнозу-то купить...“
А та себѣ, какъ бѣшеная, вскочитъ,
Начнетъ вотъ такъ руками разводить,

И ну — кричать: „А ты — что за дворянка?
Котовъ-де нѣтъ, да сѣла и сидитъ...“
И тутъ пойдетъ такая перебранка,
Что у тебя въ ушахъ инда звенитъ.

Братъ за жену, глядишь, замолвитъ слово
И дурою мою-то назоветъ,
А у тебя на слово пять готово, —
Вотъ, сударь мой, потѣха и пойдетъ!

Все это такъ... И при отцѣ бывало,
Да старичокъ насъ скоро разводилъ;
Чуть крикнетъ: „Эй!“ — бѣжишь, куда попало,
Не то — бѣда! Охъ, крутъ покойникъ былъ!

Какъ померъ онъ, мой братъ и позазнался:
Срамитъ меня, срамитъ мою жену;
Вы, дескать, что? Старшимъ-то я остался.
Я, говоритъ, васъ вотъ какъ поверну!

И повернулъ... Тутъ надо лыкъ на лапти,
Онъ бражничать возьмется да гулять;
Ты цѣпъ берешь, онъ лѣзетъ на полати,
Ну, одному не растянуться стать.

Жена его все, знаешь, поджигаетъ:
„Дѣлись, дескать! Твой братъ-то лежебокъ,
Какъ куколку жену-то снаряжаетъ,
Исподтишка весь домъ поразволокъ...“

Сама-то, вишь, она скупенька больно,
Готова вѣкъ въ отрепьяхъ пропадать,
Да любитъ жить хозяйкой самовольной,
По-своему все, знаешь, повершать.

Ну, а моя бабенка не сварлива,
А грѣхъ таить, — отъ щегольства не прочь,
Да и того... въ работѣ-то лѣнива,
Что есть, то есть, — тутъ ложью не помочь.

Вотъ, сударь мой, и завязалось дѣло:
Что день, то шумъ, подъ шумомъ и заснешь,
И брату-то все это надоѣло,
И мнѣ равно, — и начали дѣлежъ.

Сперва-то мы по совѣсти дѣлились;
Не сладились, — взялись было за судъ, —
Ну, кое-какъ въ расправѣ помирились,
Остался споръ за старенькій хомутъ...

И я кричу, и братъ не уступаетъ:
„Нѣтъ“, говоритъ, „хоть тресни, не отдамъ!“
Я за шлею,—онъ, знаешь, вырываетъ,
Да норовитъ ударить по рукамъ.

И смѣхъ и грѣхъ... Стоимъ за дрянь горою...
Вдругъ, сударь мой, моргнуть я не успѣлъ,
Какъ крикнулъ братъ: „Возьми, пусть за тобою!“
Да на меня хомутъ-то и надѣлъ.

Я сгоряча въ шлеѣ позапутлялся;
Народъ оретъ: „Вонъ, обрядилъ коня!..“
Ужъ такъ-то я въ ту пору растерялся, —
Инда слеза прошибла у меня!..

Вамъ, сударь, смѣхъ... Нѣтъ, тутъ смѣшного мало:
Вѣдь, братъ-то мой по-барски чаялъ жить;
Взялся за гужъ, — анъ силы недостало,
Тужилъ, тужилъ и началъ съ горя пить.

И мнѣ не медъ... Вѣдь праздниковъ не знаешь:
Работаешь, спины не разогнешь,
Чуть непогодь — все стонешь да перхаешь...
Вотъ, сударь мой, мужицкій-то дѣлежъ!

1855.

---

CXXVI.

## Выѣздъ ямщика.

Ну, кажись, я готовъ:
Вотъ мой кафтанишко,
Рукавицы на мнѣ,
Новый кнутъ подъ мышкой...

Въ головѣ-то шумитъ...
Вотъ что мнѣ досадно!
Правда, хмель вѣдь не дурь, —
Выспался — и ладно.

Ты, жена, замолчи:
Безъ тебя все знаю;
Ѣду съ бариномъ... да!
Ухъ, какъ погуляю!

Да и баринъ... поди, —
У родного сына
Онъ невѣсту отбилъ, —
Стало, молодчина!

Схоронилъ двѣ жены,
Вотъ нашелъ и третью...
А сердитъ... чуть не такъ,
Заколотитъ плетью!

Ну, ништо... говорятъ,
Эта-то невѣста
И сама дастъ отпоръ, —
Не отыщешь мѣста.

За богатство идетъ, —
Вѣтрогонка, значитъ...
Сына пуститъ съ сумой,
Мужа одурачитъ...

Сынъ, къ примѣру, не глупъ,
Да запуганъ, вѣрно:
Все глядитъ сиротой...
Смиренъ непомѣрно.

Ну, да пусть судитъ Богъ,
Что черно и бѣло...
Вотъ лошадокъ запречь —
Это наше дѣло!

Слышь, жена! погляди,
Каковы уздечки?
Вишь, вотъ мѣдный наборъ,
Вотъ мохры, колечки.

А дуга-то, дуга,
Въ золотѣ сіяетъ...
Прр... Шалишь коренной!
Знай, песокъ копаетъ!

Ты, дружокъ, не блажи;
Старость твою жалко!..
Такъ кнутомъ проучу, —
Станетъ небу жарко!..

Сидоръ вожжи возьметъ, —
Чорта не боится!
Пролетитъ, — на него
Облачко дивится!

Только крикнешь: „ну, ну!
Эхъ, ты, беззаботный!“
Отстаетъ позади
Вѣтеръ перелетный!

А сѣдокъ-атъ мнѣ — тьфу!
Коли скажетъ: „Легче!“
Нѣтъ, молъ, сѣлъ, такъ сиди,
Да держись покрѣпче.

Ужъ у насъ, коли лѣнь, —
День и ночь спимъ сряду;
Коли пиръ — наповалъ,
Трудъ — такъ до упаду;

Коли ѣхать, — катай!
Головы не жалко!..
Намъ безъ свѣта свѣтло,
Безъ дороги — гладко!..

Ну, Матрена, прощай!
Оставайся съ Богомъ;
Жди обновки себѣ,
Да гляди за домомъ.

Да! кобылѣ больной
Парь трухою ногу...
Не забудь!.. А воды
Не давай помногу.

Ну-ка, въ путь! Шевелись!
Эхъ, какъ понеслися!
Берегись, ты, мужикъ,
Глухъ, что ль?.. Берегися!..

1855.

---

## CXXVII.

Отвяжися, тоска,
Пылью поразвѣйся!
Что за грусть, коли живъ —
И сквозь слезы смѣйся!

Не диковинка — пиръ
При хорошей долѣ;
Удаль съ горя поетъ,
Пляшетъ и въ неволѣ.

Ужъ ты какъ ни хвались
Умной головою, —
Громовыхъ облаковъ
Не отвесть рукою.

Грусть-забота не спитъ,
Безъ бѣды крушится;
Беззаботной душѣ
И на камнѣ спится.

Коли солнышка нѣтъ, —
Ясный мѣсяцъ свѣтитъ;
Измѣнила любовь, —
Пѣсня не измѣнитъ!

Сердце проситъ не слезъ,
А живетъ отрадой;
Вотъ умрешь, — ну, тогда
Ничего не надо.

1855.

---

CXXVIII.

## Послѣднее свиданіе.

„Зачѣмъ это ты, матушка,
Кручинишься всегда,
И отдыха и праздника
Не знаешь никогда?

Коли вотъ дома дѣдушка,
Такъ ты сидишь себѣ,
Какъ будто и здорова ты,
И весело тебѣ;

А чуть одна останешься
Иль дѣдушка заснетъ,
Все плачешь ты, да молишься,
Ажъ грусть меня возьметъ."

— Ты не грусти, касаточка,
Поди ко мнѣ присядь,
Я буду сказку сказывать,
Коли не хочешь спать.

Сошью тебѣ и куколку;
Ты никогда, смотри,
Подружкамъ или дѣдушкѣ,
Дружокъ, не говори,

Что плачу я... ты умница.
Всегда такою будь.
Ну сядь же, поцѣлуй меня,
Прилягъ ко мнѣ на грудь.

Вотъ такъ. Что, хорошо тебѣ?
Ну, спи тутъ у меня.
Какая ты красавица,
Касаточка моя.—

„А я въ обѣдъ съ подружками
Играла на гумнѣ...
Зачѣмъ это, родимая,
Онѣ смѣются мнѣ?

А гдѣ дескать отецъ-атъ твой
И какъ его зовутъ,—
И сами переглянутся,
Да со смѣху помрутъ...

Сказать имъ не придумаешь
Въ ту пору ничего,
И станетъ что то стыдно мнѣ...
Не знаю отъ чего.“

— Твои подружки дурочки,
Не слѣдъ къ нимъ и ходить;
А ты, моя касаточка,
Ты станешь мать любить?—

„Ну, вотъ ты и заплакала!
Нечаянно войдетъ,
Глядишь, въ избушку дѣдушка—
Бранить тебя начнетъ.“

— Не буду, ненаглядная,
Послушаюсь тебя.
Ну, вотъ ужъ мнѣ и весело.
Ну, обними жъ меня!—

Горитъ заря вечерняя,
Листы деревъ молчатъ.
Во ржи густой безъ умолку
Перепела кричатъ.

Вдоль рѣчки тѣни длинныя
Легли отъ береговъ.
Туманъ встаетъ и стелется
По бархату луговъ.

По рощѣ шумъ отъ мельницы
Во всѣ концы идетъ,
И шумъ тотъ роща слушаетъ,
Листомъ не шевельнетъ.

Давно въ избушкѣ смерклося;
Покрывшись зипуномъ,
Малютка спитъ, не тронется,
На лавкѣ подъ окномъ.

Мать сучитъ шерсть на варежки,
Ночникъ едва горитъ,
А сѣрый котъ на коникѣ
Мышенка сторожитъ.

Но вотъ звенятъ бубенчики,
И слышенъ скрипъ воротъ,
Дверь настежь отворяется,
Гость нежданный идетъ.

Плечистый и приземистый,
Лицо, что маковъ цвѣтъ,
Бородка свѣтлорусая,
На лбу морщинки нѣтъ.

Халатъ суконный на плечи
Накинутъ щегольски,
Рубашка темносиняя,
Со скрипомъ сапоги.

Вошелъ онъ бойкой поступью,
Картузъ проворно снялъ,
Раскланялся съ хозяйкою
И весело сказалъ:

„Настасья Агафоновна,
Поклонъ тебѣ и честь!
Я къ вамъ по старой памяти,
Прикажешь ли присѣсть?“

Хозяйка зарумянилась
И молвила въ отвѣтъ:
— Въ угоду ль будетъ батюшкѣ?
Его, вишь, дома нѣтъ.—

„Э! что тутъ, все уладится:
Прикрикнетъ—помолчи.
Вотъ ты о самоварчикѣ
Сперва похлопочи.“

И кучеру кудрявому
Купчина молодецъ
Велѣлъ достать подъ войлокомъ
Дорожный погребецъ.

На дѣвушку съ улыбкою
Настасьѣ указалъ
И два медовыхъ пряника
Ей молча передалъ.

Гуляютъ тучи по небу,
Село покойно спитъ;
На тайны міра здѣшняго
Ночь чорная глядитъ.

Все видитъ, гдѣ что дѣется,
Все знаетъ издавна...
И вотъ слезами крупными
Заплакала она...

Молчитъ Настасья бѣдная,
Не сводитъ глазъ съ окна;
Не смотритъ ли кто съ улицы —
Все думаетъ она.

И страшно ей, и совѣстно.
Бѣда, коли опять
Пойдетъ молва недобрая;
Куда тогда бѣжать?..

Купчинѣ нѣтъ заботушки, —
Сидитъ онъ за столомъ
И называетъ кучера
Набитымъ дуракомъ.

„Да скоро ли ты, увалень,
Подашь мнѣ самоваръ?“
И кучеръ съ горя чешется
И раздуваетъ жаръ;

Поотдохнетъ, пощурится,
Надсадитъ кашлемъ грудь
И снова принимается
Въ трубу со свистомъ дуть.

„Ну, слава Тебѣ, Господи!
Насилу паръ пошелъ...“
И самоваръ съ досадою
Поставилъ онъ на столъ.

Но только гость подвинулся
Поближе къ огоньку,
Взялъ бережно изъ чайницы
Щепоточку чайку

И сталъ его заваривать—
Бѣда какъ тутъ была:
Хозяина нелегкая,
Какъ на-смѣхъ, принесла.

Старикъ сѣдой съ сутулиной,
Угрюмый и рябой,
На немъ лаптишки старые,
Въ пыли чекмень худой.

Неласково и пристально
На гостя онъ взглянулъ,
Взглянулъ на дочь съ усмѣшкою,
И голову тряхнулъ.

— Зачѣмъ это пожаловалъ,
Коли велишь спросить?
Да ты тутъ по домашнему...
Ужъ чай усѣлся пить.—

„Нельзя-съ... погрѣться надобно,
Въ дорогѣ то продрогъ...
Здоровъ ли, какъ смогаешься,
Какъ милуетъ васъ Богъ?“

— Нешто... живемъ по старому...
А помнятся ль тебѣ
Слова твои разумныя
Вотъ въ этой же избѣ?

Давненько, самъ ты вѣдаешь,
А я ихъ не забылъ.
Ты, песъ, мнѣ въ ноги кланялся
И вотъ что говорилъ:

Прости меня... не гнѣвайся...
Вотъ образомъ клянусь—
Тебя на волю выкуплю,
На дочери женюсь.

Торгашъ, торгашъ безсовѣстный,
Ты радъ, что обманулъ...
Ужъ лучше бы мнѣ въ ту пору
Ты въ сердце ножъ воткнулъ.

Вѣдь я теперь посмѣшище
У добрыхъ то людей,
А дочь, какъ щепка, высохла;
Все отъ тебя, злодѣй.

Вонъ дѣвочка несчастная,
Изволь-ка отвѣчать:
Что́, любо намъ на улицу
Бѣдняжку выпускать? —

Смутился гость. Рукой со лба
Отеръ холодный потъ,
И думалъ: дѣло скверное,
Не въ духѣ старый чортъ!

Пришлось кошель развязывать...
„Эхъ, Агафонъ Петровъ!
Ну стоитъ ли намъ ссориться,
Шумѣть изъ пустяковъ!

Какъ быть! Не то случается
На свѣтѣ межъ людьми,
Да все концы хоронятся...
Вотъ сто рублей... возьми!“

Старикъ назадъ попятился,
Немного покраснѣлъ,
И на Настасью блѣдную
Пытливо поглядѣлъ.

— Ну, дочка... вотъ, ты плакалась:
Насъ нищими зовутъ,—
Казна, вишь, съ неба валится,
Бери, коли даютъ.—

Дочь вспыхнула, что зарево,
И къ гостю подошла;
Въ глазахъ у ней мутилося,
Но рѣчь тверда была:

„Не надо намъ казны твоей!
Не смѣйся надо мной!“
И деньги на полъ бросила
Дрожащею рукой.

— Вишь, — молвилъ гость — знать, дешево
Чужое-то добро.—
И гнулся въ три погибели,
Сбирая серебро.

Сѣдой старикъ не вытерпѣлъ
И крикнулъ: „Осмотрись!
Пощупай и въ лоханкѣ-то—
Тамъ звякнуло, кажись!

Эхъ, Настя, Настя бѣдная!
Сгубила ты свой вѣкъ!
Гляди, какъ тварь то ползаетъ;
А... тоже человѣкъ!..“

Дочь опустила голову
И плакала навзрыдъ,
Какъ будто разомъ выплакать
Хотѣла гнѣвъ и стыдъ.

„Ухъ, батюшки, измучился!
Всю спину изломалъ!“
Насилу выпрямляяся,
Купчина разсуждалъ.

И за дверь тихо выбравшись,
Сталъ кучера ругать:
„Впрягай коней-то, увалень!
Покудова мнѣ ждать?“

— Эхъ-ма!—въ отвѣтъ послышалось,
И, плюнувъ на ладонь,
Дугу взялъ кучеръ нехотя
И натянулъ супонь.

И сталъ просить хозяина:
— Ой, какъ болитъ животъ!
Чайку тамъ не осталося?
Равно онъ пропадетъ.—

„Толкуй вотъ съ деревенщиной!
Смѣется вѣдь, смотри.
Пошелъ въ избушку, увалень,
Что нужно, собери.“

Гремятъ, звенятъ бубенчики...
Купчина подъ дождемъ
Свою досаду горькую
Отмщаетъ на другомъ:

„Дороги-то, дороги-то!
Поѣдешь да не радъ!
За чѣмъ это, бездѣльники,
Исправники глядятъ?...“

Молчитъ избушка тѣсная.
Настасья въ темнотѣ
Стоитъ и Богу молится
О дочкѣ-сиротѣ.

Старикъ лежитъ и думаетъ:
„Еще прожитъ денёкъ.
А что то завтра старостѣ
Скажу я про оброкъ...“

1855—X.

---

CXXIX.

## 19 октября.

Что это за утро! Серебряный иней
На зелени луга лежитъ;
Камышъ пожелтѣвшій надъ рѣчкою синей
Сквозною оградой стоитъ.

Надъ черною далью безлюдной равнины
Клубится прозрачный туманъ,
И длинныя нити сѣдой паутины
Опутали сѣрый бурьянъ.

А небо такъ чисто, свѣтло, безмятежно,
Что вонъ — далеко въ сторонѣ—
Я вижу, мелькнулъ рыболовъ бѣлоснѣжный
И тонетъ теперь въ вышинѣ.

Веселой прохладой луговъ освѣженный,
Я краснаго солнышка жду,
Любуюсь на пашни, на лѣсъ обнаженный,
И въ сонную чащу вхожу.

Листы шелестятъ у меня подъ ногами,
Два дятела гдѣ-то стучатъ...
А солнышко тихо встаетъ надъ полями,
Озера румянцемъ горятъ.

Вотъ ярко блеснули лучи золотые
И крадутся въ чащу березъ
Все дальше и дальше, — и вѣтки сырыя
Покрылися каплями слезъ.

У осени поздней, порою печальной,
Есть чудныя краски свои,
Какъ есть своя прелесть въ улыбкѣ прощальной,
Въ послѣднемъ объятьи любви.

1855—X—19.

---

## CXXX.

Надъ полями вечерняя зорька горитъ,
Алой краскою рожь покрываетъ;
Зарумянившись, лѣсъ надъ рѣкою стоитъ,
Тихой музыкой день провожаетъ.

Задымились огни на крутомъ бережку,
Вкругъ огней косари собрались,
Полилась у нихъ пѣснь про любовь и тоску,
Отголоски во мракъ понеслися.

Ну, зачѣмъ тутъ одинъ я подъ ивой сижу
И ловлю заунывные звуки,
Вспоминаю, какъ жилъ, да насильно бужу
Въ бѣдномъ сердцѣ заснувшія муки?

Эхъ ты, жизнь, моя жизнь! Ночь, бывало, не спишь,
Выжидаешь минутку досуга;
Чуть семья улеглась,—что̀ на крыльяхъ летишь
Въ темный садъ ненагляднаго друга!

Ключъ въ карманѣ давно отъ калитки готовъ,
И къ бесѣдкѣ знакома дорожка...
Свиснешь разъ соловьемъ въ сонной чащѣ кустовъ, —
И раскроется настежь окошко.

Стало, спятъ старики... И стоишь, къ головѣ
Съ шумомъ кровь у тебя приливаетъ.
Вотъ идетъ милый другъ по росистой травѣ,
„Это ты!“ — и на грудь припадаетъ.

И не видишь, не знаешь, какъ время летитъ...
Ужъ давно зорька ранняя свѣтитъ,
Садъ густой золотистымъ румянцемъ покрытъ, —
Ничего-то твой взглядъ не замѣтитъ.

Эхъ, веселыя ночки! Что сонъ, вы прошли...
Волю дѣвицы разомъ сковали:
Старика-жениха ей, бѣдняжкѣ, нашли,
Полумертвую съ нимъ обвѣнчали...

Безотрадной тоскѣ не сломить меня вдругъ:
Много силъ у меня и отваги!
Каково-то тебѣ, ненаглядный мой другъ,
Подъ замкомъ у ревниваго скряги!

1855—X—27.

---

CXXXI.

Не смѣйся, родимый, кормилецъ!
Кори ты меня — не кори, —
Куплю я хозяйкѣ гостинецъ,
Ну, право, куплю, посмотри.

Вѣдь баба-то, слышь, молодая,
Красавица, вотъ что, мой свѣтъ!
А это бѣда небольшая,
Что лысъ я немножко, да сѣдъ.

Иной вѣдь и соколъ по виду,
Да что онъ? живетъ на авось!
А я ужъ не дамся въ обиду,
Я всякаго вижу насквозь!

Сосѣди меня и поносятъ:
Надъ нимъ-де смѣется жена...
Не вѣрь имъ, напрасно обносятъ,
Все враки, все зависть одна!

Ну, ходитъ жена моя въ гости,
Да мнѣ это нуждушки нѣтъ,
Не стать мнѣ ломать свои кости,
За нею подсматривать вслѣдъ.

Я крутъ! И жена это знаетъ,
Во всемъ мнѣ отчетъ отдаетъ...
Случится ли, домъ покидаетъ, —
Она мнѣ винца принесетъ.

Ну, что жъ тутъ? И пусть себѣ ходитъ!
Она вотъ пошла и теперь...
О-охъ, поясницу-то сводитъ!
А ты никому, свѣтъ, не вѣрь.

1855—X—29.

---

## CXXXII.

Затеплились звѣзды одна за другою
Надъ темною далью луговъ;
Куда-то со скрипомъ, за сонной рѣкою,
Проѣхалъ обозъ чумаковъ.

Задумавъ поужинать, подлѣ запива
Рыбакъ разложилъ огонекъ;
И вдругъ освѣтились: плакучая ива,
Плечистый старикъ и челнокъ,

Развѣсистый неводъ, подпертый шестами,
Шалашъ на крутомъ берегу,
Кусты лозняка и, вдали за кустами,
Стреноженный конь на лугу.

Вотъ въ сторону, вѣрно, испуганный свѣтомъ,
Со свистомъ куликъ пролетѣлъ...
Все тихо... лишь въ полѣ, туманомъ одѣтомъ,
Богъ вѣсть кто-то пѣсню запѣлъ.

А къ полночи, кажется, дождь соберется,
Ужъ наволочь кой-гдѣ пошла;
Теперь мужичокъ его ждетъ, не дождется:
Вѣдь рожь наливать начала!

Ложись, горожанинъ, въ постель пуховую
И спи до утра безъ заботъ!
Хлѣбъ будетъ: крестьянинъ свѣчу восковую
Сегодня жъ съ молитвой зажжетъ.

Вонъ тучки находятъ; отрада народа,
Господь дастъ, и дождикъ пойдетъ...
Ужъ сколько же завтра душистаго меда
Пчела моя въ полѣ найдетъ!

1855—XI—7.

---

CXXXIII.

## Музыка лѣса.

Безъ конца поля
Развернулися,
Небеса въ водѣ
Опрокинулись,

За крутой курганъ
Солнце прячется,
Облаковъ гряда
Развернулася.

Поднялись, ростутъ
Горы мѣдныя,
На горахъ дворцы
Золоченые.

Между горъ мосты
Перекинуты,
Въ серебро и сталь
Позакованы.

По травѣ, по ржи
Тѣни крадутся,
Въ лѣсъ густой бѣгутъ,
Собираются.

Лѣсъ стоитъ, покрытъ
Краской розовой,
Провожаетъ день
Тихой музыкой.

Разливайтеся,
Звуки чудные!
Самъ не знаю я,
Что мнѣ весело...

Все мнѣ кажется,
Что давнымъ давно
Гдѣ-то слышалъ я
Эту музыку.

Все мнѣ помнится
Сумракъ вечера,
Тѣсной горенки
Стѣны темныя.

Огонекъ горѣлъ
Передъ образомъ,
Какъ теперь горитъ
Эта звѣздочка.

На груди моей
Милой матушки
Я дремалъ, и мнѣ
Пѣсни слышались.

Были пѣсни тѣ
Звуки райскіе,
Неземная жизнь
Отъ нихъ вѣяла!..

И тогда сквозь сонъ
Все мнѣ видѣлся
Яркій блескъ и свѣтъ
Въ темной горенкѣ.

Не отъ этого-ль
Такъ мнѣ весело
Слушать въ сумерки
Лѣса музыку,

Что при ней одной
Дѣтство помнится,
Безотрадный день
Забывается?

1855—XI.

---

CXXXIV.

## Пѣсня.

Ковыль моя травушка, ковыль безпріютная,
Росла ты подъ бурями, отъ зноя повысохла,
Идетъ зима съ вьюгами, а все ты шатаешься;
Прошла почти молодость, — отрады нѣтъ молодцу.

Жилъ дома — кручинился, покинулъ домъ на горе;
Работалъ безъ устали, — остался безъ прибыли;
Служилъ людямъ правдою, — добра я не выслужилъ;
Нашелъ друга по-сердцу, — сгубилъ свою голову!

О милой вся думушка, и грусть, и заботушка,
Жду, вотъ съ нею встрѣчуся, а встрѣчусь — раскаюся:
Скажу ей что ласково, — молчитъ и не слушаетъ;
Я мукою мучуся, — она улыбается...

Легко красной дѣвицѣ чужой тоской тѣшиться,
Съ ума сводить молодца, шутить злой измѣною:
Полюбитъ не надолго — забудетъ по прихоти,
Безъ друга соскучится, — нарядомъ утѣшится...

Ужъ полно печалиться!—твердятъ мнѣ товарищи:
Чужое безвременье не трудно обсуживать!
Узнаешь безсонницу, повѣсишь головушку,
Прощаяся на-вѣки съ послѣднею радостью...

Ковыль моя травушка, ковыль безпріютная,
Росла ты подъ бурями, отъ зноя повысохла...
Когда же мы, бѣдные, съ тобой красовалися?
Зачѣмъ съ тобой, горькіе, на свѣтъ показалися?

1855.

---

## CXXXV.

## На взятіе Карса.

Во храмы, братья! На колѣни!
Возсталъ нашъ Богъ и грянулъ громъ!
На память позднихъ поколѣній
Судъ начатъ кровью и огнемъ...

Таковъ удѣлъ твой, Русь святая, —
Величье кровью покупать;
На грудахъ пепла, вырастая,
Не въ первый разъ тебѣ стоять.

Въ борьбѣ съ чужими племенами
Ты возмужала, развилась
И надъ мятежными волнами
Скалой громадной поднялась.

Опять борьба! Растутъ могилы...
Опять стоишь ты подъ грозой!
Но чую я, какъ крѣпнутъ наши силы,
И вижу я, какъ дѣти рвутся въ бой...

За Русь! — гремитъ народный голосъ.
За Русь!—по ратямъ кликъ идетъ,

И дыбомъ подымается мой волосъ, —
За Русь!—душа и тѣло вопіетъ.

Все въ гнѣвѣ проснулось и все закипѣло;
Великою мыслью все царство живетъ;
На страшныя битвы за правое дѣло
Народъ оскорбленный, какъ буря, идетъ.

Задвигались рати, какъ тучи съ громами,
Откликнулись степи, вздрогнули лѣса,
Мелькаютъ знамена съ святыми крестами,
И меркнутъ отъ пыли густой небеса.

За падшихъ героевъ отмщенье настало:
По сушѣ, по морю гулъ битвы пошелъ, —
И знамя Ислама позорно упало,
Надъ Карсомъ поднялся двуглавый орелъ.

Да царствуетъ наша родная держава,
Сыновъ-исполиновъ безсмертная мать!
Да будетъ тебѣ вѣковѣчная слава,
Облитая кровью, могучая рать!

Пусть огнедышащихъ орудій
Намъ зѣвы мѣдные грозятъ,—
Мы не закроемъ нашей груди
Гранитомъ стѣнъ и сталью латъ.

Любовь къ отчизнѣ закалила
Въ неравныхъ спорахъ нашъ народъ,
Вотъ сверхъ естественная сила
И чудотворный нашъ оплотъ!

Твердыня Руси — плоть живая,
Несокрушимая стѣна,
Надежда, слава вѣковая,
И честь, и гордость — все она!

За насъ Господь! Онъ Русью правитъ;
Онъ Моисеевъ жезлъ пошлетъ,
Царь по волнамъ жезломъ ударитъ, —
И рати двинутся впередъ,

И грянутъ новые удары...
И вамъ, защитникамъ Луны,
За грабежи и за пожары
Отплатятъ Сѣвера сыны.

1855.

---

CXXXVI.

## Староста.

Что не туча темная
По небу плыветъ, —
На гумно по улицѣ
Староста идетъ.

Борода-то черная,
Красное лицо,
Волоса-то жесткіе
Завились въ кольцо.

Пузо перевязано
Краснымъ кушакомъ,
Плеча позатянуты
Синимъ кафтаномъ.

Палкой подпирается,
Бровью не ведетъ,
Въ сапоги-то новые
Мѣра ржи войдетъ.

Онъ идетъ по улицѣ, —
Безъ метлы мететъ;
Курица покажется, —
Въ ворота шмыгнетъ.

Одаль, да съ поклонами
Мужики идутъ,
Ребятишки малые.
Ко дворамъ ползутъ.

Утомился староста:
На гумнѣ стоитъ,
Гладитъ усъ и бороду,
Да на людъ глядитъ.

На-небѣ ни облачка,
Вѣтерокъ-атъ спитъ,
Солнце землю-матушку,
Какъ огнемъ, палитъ.

Отъ цѣповъ-то стукъ и дробь —
Стонетъ все гумно,
Бабъ и дѣвокъ жаръ печетъ,
Мужичковъ равно.

Староста надумался:
„Молоти дружнѣй!“
Бабъ и дѣвокъ потъ прошибъ,
Мужичковъ сильнѣй.

Бабу чернобровую
Староста позвалъ,
Рѣчь-то велъ разумную, —
Дѣло толковалъ...

Дура баба плюнула,
Молотить пошла.
То-то, значитъ, молодость,
Въ нуждѣ не была!

Умная головушка
Рубитъ не съ плеча:
Староста не выпуститъ
Слова сгоряча.

На скирды посматривалъ,
Поглядѣлъ на рожь,
Поглядѣлъ и вымолвилъ:
„Умолотъ хорошъ!“

Улыбнулся ласково,
Дѣвокъ похвалилъ,
Бабѣ съ бровью черною
Чорта посулилъ.

„Вечеромъ, голубушка,
Чистить хлѣвъ пошлю...“
— Не грѣшно ли, батюшка?
„Нѣтъ, коли велю!“

Баба призадумалась...
Староста пошелъ,
Онъ прошелъ по улицѣ —
Безъ метлы подмелъ.

На гумнѣ-то стонъ стоитъ,
Весело гумно:
Потомъ обливается
Каждое зерно.

1856.

---

CXXXVII.

## Новая утрата.

Давно-ль повеселѣлъ мой уголокъ печальной,
Давно-ль я межъ друзей сидѣлъ
И слушалъ ихъ и радовался тайно?
И вотъ опять осиротѣлъ!

Кругомъ глубокое молчанье...
Однимъ я позабытъ, другой умчался въ даль...
Да и кому нужна моя печаль?
У всякаго свое страданье.

Послѣдній другъ безвременно зарытъ.
Угасъ, замученный борьбою
Съ суровой долею, съ безчувственной семьею,
Тоскою медленной убитъ!

Погибли молодыя силы!
Безжалостной судьбы не могъ онъ побѣдить...
Мой бѣдный другъ! И гробъ твой до могилы
Не удалось мнѣ проводить!

Все чудится: я слышу милый голосъ,
Все жду, что другъ отворитъ дверь...
Одинъ остался я теперь,
На сжатой нивѣ позабытый колосъ!

Безоблачны покуда небеса,
Но сердце у меня недаромъ изнываетъ...
Поется пѣснь, но вызываетъ
Она мнѣ слезы на глаза...

Такъ иногда, передъ грозою,
Надъ зеркальной поверхностью рѣки
Тревожно дѣлая круги,
Щебечетъ ласточка порою...

1856—II—22.

---

CXXXVIII.

## Разсказъ моего знакомаго.

Позвольте-ко... Сысой... Сысой...
Не вспомню вотъ отечества...
Ахъ, Боже мой! И братъ-то свой —
Изъ нашего купечества...

Ну, все равно-съ! Мужикъ-добрякъ
И голова торговая,
А смиренъ, сударь, то-есть-такъ,
Что курица дворовая.

Ни Боже мой-съ, не пьетъ вина!
Ребенокъ съ ребятишками...
Но слабость у него одна —
И спитъ, то-есть, за книжками...

Оно ничто. Тутъ нѣтъ вреда,
Изъ книгъ, то-есть, вывѣдывать
И что, и какъ... да вотъ-съ бѣда —
Любилъ онъ проповѣдывать.

Въ торговлѣ де у насъ обманъ,
Намъ вѣрить де сомнительно,
И то, и то... Такой туманъ,
Что слушать уморительно.

Бранилъ и билъ отецъ крутой
Его за эти шалости. —
Все толку нѣтъ... Махнулъ рукой
И пересталъ... изъ жалости!

И вздумалъ онъ-съ его женить.
Сынъ плачетъ, убивается:
— Постой, дескать! Зачѣмъ спѣшить?
Въ ногахъ, то-есть, валяется!

Отецъ сказалъ, что это вздоръ,
Одно непослушаніе.
Сынъ такъ и сякъ... и бросилъ споръ,
Исполнилъ приказаніе.

Жена лицомъ, что маковъ цвѣтъ,
Дородная, работница,
Мететъ, скребетъ, встаетъ чуть свѣтъ
И мыть и шить охотница.

Ну-съ, мужъ того... Ей не мѣшалъ.
Что думалъ, — дѣло темное,
И все, то-есть, сидѣлъ-читалъ,
Все разное-съ, мудреное.

Когда-то онъ, когда съ женой
Словечкомъ перебросится!
Лежитъ, то-есть, что пень какой,
Пойдетъ куда, — не спросится...

Жена со зла и ну рыдать:
Что вотъ де напущеніе, —
И день читать, и ночь читать,
Жены милѣе чтеніе!..

Мужъ все молчитъ. Картузъ возьметъ,
На рынкѣ пошатается...
Нельзя-съ — купецъ!.. Домой придетъ,
Никакъ не начитается.

Груститъ жена: зачѣмъ она
Жизнь дѣвичью покинула?
Она ль глупа? Она ль дурна?..
Да книжки въ печь и кинула.

Тотъ, знаете, тужилъ-тужилъ,
Да съ кислою улыбкою
И молвилъ ей: „Себя сгубилъ,
Связалъ тебя ошибкою...“

Возьметъ картузъ, изъ дома вонъ,
На рынкѣ пошатается.
Придетъ домой, — опять трезвонъ!
Жена не унимается:

— Куда ходилъ? Зачѣмъ пропалъ?
Такой сякой и грамотникъ!
Жена плоха, иной искалъ...
Не грамотникъ ты, лапотникъ!—

И завтра тожъ, и послѣ тожъ,
Попреки да разладица,
И нѣтъ, то-есть, добра на грошъ,
Такая безпорядица!

Оказія-съ!.. Жену винить?
Любовь, то-есть, ревнивая...
И мужа, сударь, грѣхъ чернить:
Природа молчаливая...

Молчалъ онъ годъ, молчалъ онъ два,
Читалъ, что попадалося,
Тайкомъ, то-есть... Но голова...
Да-съ! Тутъ-вотъ помѣшалося.

Онъ живъ теперь. Все внизъ глядитъ,
Ничѣмъ не занимается,
Глупъ, знаете!.. И все молчитъ,
Да горько улыбается.

1856—III.

---

## CXXXIX.

У кого нѣтъ думы
И заботъ-кручины,
Да зато есть радость —
Уголокъ родимый,

Сядетъ онъ, усталый,
Съ милою женою,
Отдохнетъ въ бесѣдѣ
Сердцемъ и душою.

На дворѣ невзгода, —
Свѣчка нагораетъ...
На полу малютка
Весело играетъ.

Къ дому онъ подходитъ, —
Путь неровный — гладокъ;
Ужинать присядетъ, —
Бѣдный ужинъ сладокъ.

Не съ кѣмъ подѣлиться
Теплыми словами, —
Поведешь бесѣду
Съ голыми стѣнами!

Облаку да вѣтру
Горе перескажешь
И съ подушкой думать
Съ вечера приляжешь.

1856.

---

CXL.

Помню я: бывало, няня,
Долго сидя за чулкомъ,
Молвитъ: „баловень ты, Ваня,
Все дурачишься съ котомъ.

Встань, подай мою шубейку,
Что-то холодно... дрожу...
Да присядь вотъ на скамейку,
Сказку длинную скажу.“

И старушка съ разстановкой
До полночи говоритъ.
Съ приподнятою головкой
Я сижу. Свѣча горитъ.

Пѣтухи давно пропѣли.
Поздно. Тянется ко сну...
Гдѣ-то дрожки прогремѣли...
И подъ говоръ я засну.

Сонъ покоенъ. Утромъ встанешь,
Прямо въ садикъ... Рай земной!
Пѣсни, говоръ... А какъ глянешь
На росинки, — самъ не свой!

Чуть сорока прощекочетъ, —
Понимаешь, хоть молчишь,
Упрекнуть, молъ, она хочетъ:
„Здравствуй, Ваня!.. долго спишь!“

А теперь ночной порою
На груди гора лежитъ:
День прожитый предъ тобою
Страшнымъ призракомъ стоитъ.

Видишь зла и грязи море,
Племя жалкое невѣждъ,
Униженье, голодъ, горе,
Клочья нищенскихъ одеждъ.

Потъ на пашняхъ за сохами,
Потъ въ лѣсу за топоромъ,
Потъ на гумнахъ за цѣпами,
На дворѣ и за дворомъ.

Видишь горькія потери,
Слезы падшей красоты
И затворенныя двери
Для убитой нищеты...

И съ тоскою ждешь разсвѣта...
Давитъ голову свинецъ.
О, когда же горечь эта
Вся исчезнетъ, наконецъ?

1856.

---

CXLI.

## Въ альбомъ Н. В. П—вой.

Прохладно. Всѣ окна открыты
Въ душистый и сумрачный садъ.
Въ прудѣ горятъ звѣзды. Ракиты
Надъ гладью хрустальною спятъ.

Пѣвучіе звуки рояли
То стихнутъ, то вновь потекутъ;
Съ утра соловьи не смолкали
Въ саду—и теперь все поютъ.

Поникъ я въ тоскѣ головою,
Подъ пѣсни душа замерла...
Затѣмъ, что подъ кровлей чужою
Минутное счастье нашла....

1856.

---

CXLII.

## Въ альбомъ М. И. Ж.

И дикъ, и невеселъ нашъ сѣверъ холодный,
Но ты сохранила вполнѣ
Горячее сердце и разумъ свободный
Въ суровой, чужой сторонѣ.

Съ тяжелой тоскою по родинѣ дальней,
Скромна, благородно-горда,
Ты шла одиноко дорогой печальной
Подъ гнетомъ заботъ и труда.

Ты злому невѣждѣ и плуту не мстила,
Какъ голубь, нѣжна и кротка,
Ты черныя сплетни презрѣньемъ казнила,
Прощала всегда дурака.

Ты грусти своей показать не хотѣла
Предъ бѣдной и жалкой толпой
И смѣло на пошлыя лица глядѣла,
Сквозь слезы смѣялась порой.

Но рано, иль поздно минуетъ невзгода,—
Недаромъ ты крѣпла въ борьбѣ,—
Какъ дочери милой, родная природа
Откроетъ объятья тебѣ.

И ты отдохнешь... Но подъ кровлей родною
Не помни минувшаго зла;
Повѣрь: на Руси не одною душою
Ты крѣпко любима была.

1856.

---

CXLIII.

Чуть сошлись мы другъ друга узнали.
Ваши рѣчи мнѣ въ душу запали,
Но, увы! не услышать мнѣ ихъ,
Не услышать мнѣ звуковъ родныхъ.

Не помочь, видно, горю словами!
На мгновенье я встрѣтился съ вами,
Разстаюсь навсегда, навсегда:
Унесетесь вы, Богъ вѣсть, куда!

Вотъ какъ жизнь иногда безтолкова!
Вотъ какъ доля глупа и сурова!
Ужъ какъ ляжетъ она на плечахъ,
Бѣлый свѣтъ помутится въ глазахъ!

1856.

---

CXLIV.

День и ночь съ тобой жду встрѣчи,
Встрѣчусь,—голову теряю;
Рѣчь веду, но эти рѣчи
Всей душой я проклинаю.

Рвется чувство на свободу,
На любовь хочу отвѣта,
Говорю я про погоду,
Говорю, какъ ты одѣта.

Не сердись, не слушай болѣ:
Этой лжи я самъ не вѣрю...
Я не радъ своей неволѣ,
Я не радъ, что лицемѣрю.

Такова моя отрада,
Такъ свой вѣкъ я коротаю:
Тяжело ль,—молчать мнѣ надо,
Полюблю ль,—любовь скрываю.

1856.

---

CXLV.

## Пыль.

Безъ умолку вѣтеръ
Поетъ и свиститъ,
Постылая гостья,
Пыль въ окна летитъ.

Садится на стѣны,
На платье и полъ,
Святыя иконы,
Постелю и столъ.

Все пачкаетъ сряду...
Совсѣмъ бы бѣда,
Да благо есть тряпки
И въ чашкѣ вода.

Но ты, наше горе,
Ты, ѣдкая пыль,
Домашняя сплетня,
Невѣрная быль!

Съ тобой не покончишь
Горячей водой,
Ни чистою тряпкой,
Ни щеткой густой!

Ты стѣну проточишь,
Сквозь камень пройдешь,
Ты огненной искрой
На грудь упадешь,

Ты ядомъ весь воздухъ
Кругомъ напоишь,
Всю кровь перепортишь,
Всю жизнь отравишь,

Влетишь незамѣтно
Ты пылью сухой,
И жертву зарѣжешь
Тупою пилой.

1856.

---

CXLVI.

## Сплетня.

Живи, какъ отшельникъ,
Гуляй или плачь,
Найдетъ тебя сплетня,
Придетъ твой палачъ!

Двери не отворитъ, —
Подъ дверь подползетъ,
Ограда мѣшаетъ, —
Сквозь камень пройдетъ.

Въ чемъ грѣшенъ, не грѣшенъ —
Въ набатъ прогудитъ.
На вѣкъ обезчеститъ,
По гробъ осрамитъ.

И въ грязь тебя втопчетъ
И недругъ и другъ...
Проклятая сплетня!
Проклятый недугъ!

---

CXLVII.

## Въ саду.

(1-я редакція).

Ясный прудъ задремалъ. Садъ окутала тѣнь.
Въ синемъ небѣ заря догораетъ.
Не смолкалъ соловей въ темной чащѣ весь день
И теперь онъ поетъ — не смолкаетъ.

Долго ль буду я тутъ одиноко бродить,
Слушать пѣсню и свистъ соловьиный,
Надрывать свою грудь, свое сердце крушить,
Молча сдерживать слезы кручины?

На печаль, милый другъ мой, тебя я узналъ,
На тоску я съ тобой повстрѣчался,
На бѣду моимъ свѣтомъ и счастьемъ назвалъ,
Всей душою къ тебѣ привязался!

Ужъ и такъ моя жизнь не весельемъ была...
Все я вынесъ! Я скрылъ свои муки...
Ты безъ умысла мнѣ сладкій ядъ поднесла —
Ты сковала мнѣ ноги и руки...

Воли нѣтъ у меня, помутился мой умъ,
Источилось по каплѣ здоровье,
Каково мнѣ легко отъ заботъ и отъ думъ —
Знаетъ Богъ да мое изголовье!

Нѣтъ, нейти намъ съ тобой по дорогѣ одной,
И не жить намъ подъ крышей одною...
Научи же меня, какъ разстаться съ тобой, —
На-вѣкъ тѣлу разстаться съ душою!..

И за что жъ ты, мой другъ, у меня отнята?..
Ты права. Не тебя обвиняю, —
Виноватъ, видно, я, да моя бѣднота —
Въ первый разъ я ее проклинаю!

1856.

CXLVIII.

## Въ саду.

(2-я редакція).

При зарѣ, по водѣ и румянецъ и тѣнь,
Въ чащѣ пѣсня да свистъ раздается;
Притаилъ садъ дыханье, весь нѣга и лѣнь,
По кудрямъ его золото льется.

Долго ль буду я тутъ одиноко бродить,
Слушать пѣсню и свистъ соловьиный,
Надрывать свою грудь, свое сердце крушить,
Молча сдерживать слезы кручины?

На печаль, милый другъ мой, тебя я узналъ,
На тоску я съ тобой повстрѣчался,
На бѣду моимъ свѣтомъ и счастьемъ назвалъ,
Всей душою къ тебѣ привязался!

Ужъ и такъ мои дни были днями потерь:
Гибли молодость, сила, здоровье...
Выносилъ я, терпѣлъ... каково жъ мнѣ теперь —
Знаетъ Богъ да мое изголовье!

Нѣтъ, не жить мнѣ съ тобою подъ крышей одной,
Какъ простимся — и полно встрѣчаться!
Тяжело мнѣ и горько разстаться съ тобой,
Легче бъ тѣлу съ душою разстаться!

И за что жъ ты, мой другъ, у меня отнята?..
Ты права. Не тебя обвиняю, —
Виноватъ, видно, я, да моя бѣднота —
Въ первый разъ я ее проклинаю!

CXLIX.

Разсыпались звѣзды, дрожатъ и горятъ;
За пашнями диво творится:
На воздухѣ синія горы висятъ,
И въ полыми людъ шевелится.

Подвинулось небо назадъ отъ земли,
Водѣ золотой уступило,
Безъ вѣтра плывутъ по водѣ корабли,
Бока ихъ огнемъ охватило...

А ночь черезъ лѣсъ торопливо ползетъ,
Ползетъ — и листа не зацѣпитъ,
Насупила брови, глазами сверкнетъ —
Широкое поле освѣтитъ.

Опять я съ тоскою домой ворочусь.
Молчалъ бы, да нѣтъ моей мочи;
Одинъ я средь поля пятномъ остаюсь,
Чернѣе и пашенъ, и ночи!

Гляжу и любуюсь: просторъ и краса...
Въ себя заглянуть только стыдно:
Закиданы грязью мои небеса,
Звѣзды ни единой не видно!..

1856.

---

CL.

## Гнѣздо ласточки.

Кипитъ вода, реветъ ручьемъ,
На мельницѣ и стукъ, и громъ,
Колеса-то въ водѣ шумятъ,
А брызги вверхъ огнемъ летятъ,
Отъ пѣны-то бугоръ стоитъ,
Что мостъ живой, весь полъ дрожитъ.
Шумитъ вода, рукавъ трясетъ,
На камни рожь дождемъ течетъ,

Подъ жерновомъ муку родитъ,
Идетъ мука, въ глаза пылитъ.
Объ мельникѣ и рѣчи нѣтъ.
Въ пыли, въ мукѣ, и лысъ, и сѣдъ,
Кричитъ весь день про бѣдный людъ:
Вотъ тотъ-то мотъ, вотъ тотъ-то плутъ...
Самъ, старый чортъ, какъ звѣрь глядитъ,
Чужимъ добромъ и пьянъ, и сытъ,
Дѣтей забылъ, жену извелъ,
Барбосъ съ нимъ жилъ, Барбосъ ушелъ...

Одна пѣвунья-ласточка
Подъ крышей обжилась,
Свила-слѣпила гнѣздышко,
Дѣтьми обзавелась.

Поетъ, пока не выгнали.
Чужой-то кровъ — не свой;
Хоть нелюбо, невесело,
Да свыкнешься съ нуждой.

Въ ночь темную, подъ крылышко
Головку подогнетъ
И спитъ себѣ подъ громъ и стукъ,
Носкомъ не шевельнетъ.

1856.

---

CLI.

Какъ голубь, кротка и нѣжна,
Какъ лань молодая, пуглива.
О, Боже! Да будетъ она
Какъ Ангелъ небесный счастлива.

1856—VIII—26.

---

CLII.

## Н. И. Второву.

Ну, вотъ я дождался разсвѣта,
Гляжу въ окно—все нѣтъ добра!
Чортъ знаетъ! Ни зима, ни лѣто...
Бѣги хоть съ горя со двора!

Мой другъ! Скажите, ради Бога,
Когда жъ падетъ надежный снѣгъ,
Окончится ѣзда телѣгъ,
Настанетъ зимняя дорога?

Напрасно я за ворота
Спѣшу, обозовъ поджидая;
Безмолвна улица пустая,
Дворъ пустъ, въ карманѣ пустота!

Дай, помолюсь въ тоскѣ-печали:
Не медли, матушка-зима!
Мы безъ тебя оголодали,
Всѣмъ дворникамъ грозитъ сума...

О, горе, горе! Въ избахъ пусто...
Куда же дѣнется у насъ
Въ кадушкахъ припасенный квасъ
И наша кислая капуста,—
Чѣмъ дорожитъ, къ чему привыкъ
Нашъ русскій баринъ и мужикъ?

Аминь! Да будетъ власть Господня
„Лукичъ“ мой просится сегодня
Къ вамъ въ гости. Этакой оселъ!
Какъ зюзя съ ярмарки пришелъ...

1856—XII—26.

CLIII.

## Лампадка.

Предъ образомъ лампадка догораетъ,
Кидая тѣнь на потолокъ;
Какъ много думъ, думъ горькихъ вызываетъ
Глазамъ знакомый огонекъ!

Я помню ночь: передъ моей кроваткой,
Сжавъ руки, съ мукою въ чертахъ,
Вся блѣдная, освѣщена лампадкой,
Молилась мать моя въ слезахъ.

Я былъ въ жару. А за стѣною пѣли,—
Шелъ пиръ семейный, какъ всегда!..
Испуганный, я вздрагивалъ въ постели...
Зачѣмъ не умеръ я тогда?

Я помню день: лампадка трепетала;
Шелъ дождикъ, по стеклу звеня.
Отецъ мой плакалъ... мать въ гробу лежала...
Въ глазахъ мутилось у меня.

Но молодость сильна. Вдали блестѣло;
Полна надежды,—жить спѣша,
Изъ омута, гдѣ сердце холодѣло,
Рвалась впередъ моя душа.

Вотъ эта даль, страна моей святыни,
Гдѣ, мнѣ казалось, свѣтъ горитъ...
Иду по ней,—и холодомъ пустыни
Со всѣхъ сторонъ меня язвитъ.

Увы! лампадки яркое сіянье,
Что было—пробуждая вновь,
Бросаетъ лучъ на новое страданье,
Недавнихъ ранъ живую кровь!

Я не нашелъ съ годами лучшей доли,
Не спасъ меня завѣтный путь
Отъ тонкихъ иглъ, что входятъ противъ воли
Въ горячій мозгъ, въ больную грудь.

Все мракъ и плачъ... рубцы отъ бичеванья...
Разсвѣтъ спасительный далекъ...
И гаснутъ дни средь мрака и молчанья,
Какъ этотъ блѣдный огонекъ.

1857.

---

CLIV.

*(Отрывокъ).*

Смеркаетъ день. Въ бору темнѣетъ.
Пожаръ зари надъ нимъ краснѣетъ,
Во влажной почвѣ листъ сухой
Безъ звука тонетъ подъ ногой.
Недвижны сосны. Сонъ ихъ чудный
Такъ полонъ грезъ. Едва, едва
Примѣтна неба синева
Сквозь вѣтви. Сѣтью изумрудной
Покрыла цѣпкая трава
Сухое дерево. Грозою
Оно на землю свалено
И до корней обожжено.
Тропинка черной полосою
Лежитъ въ травѣ. По сторонамъ
Грибы бѣлѣютъ тутъ и тамъ.
Порою вѣтеръ шаловливый
Разбудитъ листья, слышенъ шумъ,
И вдругъ все стихнетъ — и на умъ
Приходятъ сказочныя дивы.
Слухъ раздраженъ. Вотъ въ чащѣ трескъ
И, мнится, видишь яркій блескъ
Двухъ яркихъ глазъ... Одно мгновенье
И все пропало. Вотъ рѣка.

Въ зеленой рамѣ лозняка
Ея спокойное теченье
Такъ полно силы. Въ челноки
Собрали сѣти рыбаки,
Плывутъ, струи бѣгутъ отъ веселъ,
Угрюмый берегъ тѣнь отбросилъ,
Мостъ подъ телѣгами дрожитъ,
И скрипъ колесъ и стукъ копытъ
Тревожитъ цаплю, и пугливо
Она летитъ изъ-подъ куста.
Веселый шумъ и суета
На мельницѣ. Нетерпѣливо
Вода сердитая реветъ,
Мелькаетъ жерновъ торопливо...

Пора домой. Ужъ ночь идетъ,
Огни по небу разсыпаетъ.
Пора домой: семья заботъ
Меня давно тамъ поджидаетъ;
Приду, — и встрѣтитъ у воротъ,
И крѣпко, крѣпко обойметъ...

1857.

---

CLV.

Свѣтитъ мѣсяцъ въ окна,
Пѣтухи пропѣли;
Погасилъ я свѣчку
И лежу въ постели.

Спать бы — да не спится,
Весь я, какъ разбитый;
Голову и сердце
Мучитъ день прожитый.

Пусть бы мнѣ на долю
Выпалъ трудъ тяжелый —

Да хоть сонъ покойный,
Да хоть часъ веселый!

Что жъ ты, жизнь-весе́лье,
Пропадаешь даромъ,
Улетаешь прахомъ,
Исчезаешь паромъ?

Есть же вѣдь у птички,
Что поетъ въ лазури,
Воля да раздолье
И пріютъ отъ бури.

Запоетъ зарею —
Кто-нибудь услышитъ,
Веселѣе смотритъ,
Легче грудью дышитъ.

Ты же, какъ ни бейся,
Все не въ честь, не въ радость;
И другимъ не нуженъ,
И себѣ-то въ тягость.

1857.

---

CLVI.

Первый громъ прогремѣлъ. Яркій блескъ въ синевѣ,
Въ тепломъ воздухѣ пѣсни и нѣга;
Голубые цвѣтки въ прошлогодней травѣ
Показались на свѣтъ изъ-подъ снѣга.

Пригрѣваются стекла лучомъ золотымъ;
Вербы почки свои распустили;
И съ надворья гнѣздо надъ окошкомъ моимъ
Сизокрылые голуби свили!

Что за робкіе гости! Чуть мимо идешь,
Торопливо головки поднимутъ,
Смотрятъ долго и зорко... Того только ждешь,
Что бѣдняжки пріютъ свой покинутъ.

Какъ я радъ имъ! Боюсь и окно отворять:
Все мнѣ кажется, ихъ испугаю;
Беззащитнымъ созданьямъ легко помѣшать,
А легко ль имъ живется — я знаю.

Чуть окрасится небо полоской огня
И сквозь стекла разсвѣтъ забѣлѣетъ, —
Воркотнею своей они будятъ меня:
Посмотри, молъ, какъ зорька алѣетъ.

Сталъ уютнѣй, свѣтлѣй уголокъ мой теперь:
Этой кроткой семьи новоселье,
Можетъ быть, послѣ смутъ, и борьбы, и потерь,
Предвѣщаетъ мнѣ миръ и веселье!

1857.

---

CLVII.

Въ синемъ небѣ плывутъ надъ полями
Облака съ золотыми краями;
Чуть замѣтенъ надъ лѣсомъ туманъ,
Теплый вечеръ прозрачно-румянъ.

Вотъ ужъ вѣетъ прохладой ночною;
Грезитъ колосъ надъ узкой межою;
Мѣсяцъ огненнымъ шаромъ встаетъ,
Краснымъ заревомъ лѣсъ обдаетъ.

Кротко звѣздъ золотое сіянье:
Въ чистомъ полѣ покой и молчанье;
Точно въ храмѣ стою я въ тиши
И въ восторгѣ молюсь отъ души.

1857—VII.

---

CLVIII.

Ярко звѣздъ мерцанье
Въ синевѣ небесъ;
Мѣсяца сіянье
Падаетъ на лѣсъ.

Въ зеркало залива
Сонный лѣсъ глядитъ;
Въ чащѣ молчаливой
Темнота лежитъ.

Слышенъ межъ кустами
Смѣхъ и разговоръ;
Жарко косарями
Разведенъ костеръ.

По травѣ высокой,
Съ цѣпью на ногахъ,
Бродитъ одиноко
Бѣлый конь впотьмахъ.

Вотъ ужъ пѣснь заводитъ
Пѣсенникъ лихой,
Изъ кружка выходитъ
Парень молодой.

Шапку вверхъ кидаетъ,
Ловитъ — не глядитъ,
Пляшетъ-присѣдаетъ,
Соловьемъ свиститъ.

Пѣснѣ отвѣчаетъ
Коростель въ лугахъ,
Пѣсня замираетъ
Далеко въ поляхъ...

Золотыя нивы,
Гладь и блескъ озеръ,
Свѣтлые заливы,
Безъ конца просторъ,

Звѣзды надъ полями,
Глушь да камыши...
Такъ и льются сами
Звуки изъ души!

1857—VII.

---

CLIX.

Въ чистомъ полѣ тѣнь шагаетъ,
Пѣсня изъ лѣсу несется,
Листъ зеленый задѣваетъ,
Желтый колосъ окликаетъ,
За курганомъ отдается.

За курганомъ, за холмами,
Дымъ-туманъ стоитъ надъ нивой,
Свѣтъ мигаетъ полосами,
Зорька тучекъ рукавами
Закрывается стыдливо.

Рожь да лѣсъ, зари сіянье,
Дума, Богъ вѣсть гдѣ, летаетъ...
Смутно листьевъ очертанье,
Вѣтерокъ сдержалъ дыханье,
Только молнія сверкаетъ.

1857—VII.

---

CLX.

(1-я редакція).

Покой мнѣ нуженъ. Грудь болитъ.
Озлобленъ умъ, и ноетъ тѣло.
Все, отъ чего душа скорбитъ,
Вокругъ меня весь день кипѣло,

Не излѣчить мнѣ ранъ чужихъ...
Мой братъ! Какъ ты, и я молился,—
Увы!—источникъ слезъ моихъ
Безплодной злостью изсушился.

Теперь — и горько и смѣшно, —
Хоть жолчь кипитъ, а надо вѣрить,
Что намъ во вѣкъ не суждено
Могучихъ силъ съ судьбою мѣрить.

Межъ нами мучениковъ нѣтъ;
На крикъ: „спасите!“ нѣтъ отвѣта!..
Не выйдемъ мы на Божій свѣтъ:
Нашъ рабскій духъ боится свѣта!

Молчи, мой братъ! Такъ Богъ велѣлъ...
Съ судьбой намъ биться невозможно.
Къ чему таиться? Нашъ удѣлъ —
Удѣлъ печальный и ничтожный.

1857.

---

## CLXI.

(2-я редакція).

Покой мнѣ нуженъ. Грудь болитъ.
Озлобленъ умъ, и ноетъ тѣло.
Все, отъ чего душа скорбитъ,
Вокругъ меня весь день кипѣло.

Куда бѣжать отъ громкихъ словъ?
Мы всѣ добры и непорочны!
Боготворить себя готовъ
Иной другъ правды безупречный!

Убита совѣсть, умеръ стыдъ,
И ложь во тьмѣ царитъ свободно;
Никто позора не казнитъ,
Никто не плачетъ всенародно!..

Межъ нами мучениковъ нѣтъ,
На крикъ: „спасите!“ нѣтъ отвѣта!..
Не выйдемъ мы на Божій свѣтъ:
Нашъ рабскій духъ боится свѣта!

Быть можетъ, въ воздухѣ весь вредъ, —
Чему бы гибнуть, — процвѣтаетъ;
Чему бъ цвѣсти, — роняетъ цвѣтъ
И жалкой смертью умираетъ...

---

CLXII.

## Соха.

Ты, соха ли, наша матушка,
Горькой бѣдности помощница,
Неизмѣнная кормилица,
Вѣковѣчная работница!

По твоей ли, соха, милости
Съ хлѣбомъ гумны пораздвинуты,
Сыты злые, сыты добрые,
По полямъ ковры раскинуты.

Про тебя и вспомнить некому...
Что жъ молчишь ты, безпривѣтная,
Что не въ славу тебѣ трудъ идетъ,
Не въ честь служба безотвѣтная?..

Ахъ, крѣпка, не знаетъ устали
Мужичка рука желѣзная,
И покоитъ соху-матушку
Одна ноченька беззвѣздная!

На межѣ трава зеленая,
Полынь дикая качается,
Не твоя ли доля горькая
Въ ея сокѣ отзывается?

Ужъ и кѣмъ же ты придумана,
Къ дѣлу навѣки приставлена?
Кормишь малаго и стараго,
Сиротой сама оставлена...

1857.

---

CLXIII.

Ахъ, ты, бѣдность горемычная,
Дома въ горѣ терпѣливая,
Къ куску черствому привычная,
Въ чужихъ людяхъ боязливая!

Всѣмъ ты, робкая, въ глаза глядишь,
Сирота, стыдомъ убитая,
Къ богачу придешь, — въ углу стоишь,
Безпривѣтная, забытая.

Ты плывешь — куда водой несетъ,
Стороной бредешь — гдѣ путь дадутъ,
Просишь солнышка — гроза идетъ,
Скажешь правду — силой ротъ зажмутъ.

У тебя весна безъ зелени,
А любовь твоя безъ радости,
Твоя радость безо времени,
Немочь съ голодомъ при старости.

Вѣкъ ты мучишься, да маешься,
Все на сердцѣ грусть великая;
Съ бѣлымъ свѣтомъ ты разстанешься, —
На могилѣ травка дикая!..

1857.

---

CLXIV.

## Удаль и забота.

Таетъ забота, какъ свѣчка,
Вѣкъ отъ тоски пропадаетъ;
Удали горе не горе, —
Въ цѣпи закуй, — распѣваетъ.

Ляжетъ забота — не спится,
Спитъ ли, пройди — встрепенется;
Спитъ молодецкая удаль,
Громомъ ударь — не проснется.

Клонится колосъ отъ вѣтра,
Вѣтеръ заботу наклонитъ;
Встрѣтится удаль съ грозою —
На ухо шапку заломитъ.

Всѣхъ-то забота боится,
Топнулъ ногой — поблѣднѣетъ,
Топнутъ ногою на удаль —
Лѣзетъ на ножъ, не робѣетъ.

По̀-смерть забота скупится,
Поздно и рано хлопочетъ;
Удаль, не думавъ, добудетъ.
Кинетъ на вѣтеръ — хохочетъ.

Пѣсня заботы не пѣсня:
Слышать — тоска одолѣетъ;
Удаль присвистнетъ, притопнетъ
Горе и думу развѣетъ.

Явится въ гости забота,
Въ домѣ и скука, и холодъ,
Удаль влетитъ да обниметъ, —
Станешь и веселъ, и молодъ.

1857.

CLXV.

## Безталанная доля.

Доля безталанная,
Что жена сварливая,
Не уморитъ съ голода,
Не накормитъ досыта,

Дома гонитъ изъ дому,
Ведетъ въ гости на-горе;
Ломитъ, что ни вздумаетъ,
Поперекъ да надвое.

Ахъ, жена сварливая
Пошумитъ — уходится,
Съ пѣтухами поздними
Заснетъ — успокоится.

Доля безталанная
Весь день потѣшается,
Растолкаетъ соннаго —
Всю ночь насмѣхается.

Грозитъ мукой-бѣдностью,
Сулитъ дни тяжелые,
Смотрѣть велитъ соколомъ,
Пѣсни пѣть веселыя.

Пѣсни тѣ веселыя
Свистомъ покрываются,
Послѣ пѣсенъ въ три ручья
Слезы проливаются.

1857.

CLXVI.

Медленно движется время,
Вѣруй, надѣйся и жди...

Зрѣй, наше юное племя,
Путь твой широкъ впереди.
Молніи насъ освѣтили,
Мы на распутьи стоимъ...
Мертвые въ мирѣ почили,
Дѣло настало живымъ.

Сѣялось сѣмя вѣками,
Корни въ землѣ глубоко;
Срубишь лѣса топорами,
Зло вырывать не легко:
Намъ его въ дѣтствѣ привили,
Дѣды сроднилися съ нимъ...
Мертвые въ мирѣ почили,
Дѣло настало живымъ.

Стыдъ, кто безсмысленно тужитъ,
Листья зашепчутъ — онъ нѣмъ!
Слава, кто истинѣ служитъ,
Истинѣ жертвуетъ всѣмъ!
Поздно глаза мы открыли,
Дружно на трудъ поспѣшимъ...
Мертвые въ мирѣ почили,
Дѣло настало живымъ.

Рыхлая почва готова,
Сѣйте, покуда весна:
Добраго дѣла и слова
Не пропадутъ сѣмена.
Гдѣ мы и какъ ихъ добыли —
Внукамъ отчетъ отдадимъ...
Мертвые въ мирѣ почили,
Дѣло настало живымъ.

1857.

---

CLXVII.

Незамѣнимая, безцѣнная утрата!
И вѣра въ будущность, и радости труда,

Чѣмъ жизнь была средь горести богата,—
Все сгублено безъ цѣли и плода!
Какъ хрупкое стекло, все вдребезги разбито
Желѣзнымъ молотомъ судьбы!...
Такъ вотъ зачѣмъ такъ много лѣтъ прожито
Въ тяжеломъ воздухѣ, средь горя и борьбы!
Осталась боль... Незримо и несмѣло,
Но врагъ подходитъ въ тишинѣ.
До времени изношенное тѣло
Горитъ на медленномъ огнѣ...
Жизнь обманула горько и обидно!
А все не вѣрится... все хочешь на пути,
Въ глухой степи, гдѣ зги не видно,
Хоть точку свѣтлую найти.
Но гдѣ жъ она? Гдѣ отдохнуть возможно?
Гдѣ путеводные, небесные огни?
Неужто кончатся такъ пошло и ничтожно
Слезами памятные дни?..

Такъ, полная тревожнаго волненья,
Не смѣя тишины дыханьемъ нарушать,
Младенца милаго послѣднія мгновенья
Тоскливо сторожитъ трепещущая мать.
Неужто онъ умретъ? И, чуду вѣрить рада,
Въ слезахъ предъ образомъ ницъ падаетъ она;
Но часъ пробилъ. Едва зажженная лампада
Таинственной рукой погашена...

1857.

---

CLXVIII.

## Разговоры.

(1-я редакція).

Новой жизни заря —
И тепло и свѣтло:
О добрѣ говоримъ,
Негодуемъ на зло.

Раздаются, растутъ
Золотыя слова,
Засыхай-пропадай
Ты, худая трава.

Дождался ты, порокъ,
Приговора-суда,
Не уйдешь ты теперь
Отъ клейма, отъ стыда...

Полно, такъ ли, друзья?
Не притихъ ли онъ гдѣ?
Не взялся ли ловить
Рыбу въ мутной водѣ?

Гдѣ жъ вы, слуги добра?
Выходите впередъ.
Подавайте примѣръ!
Поучайте народъ!

Нашъ разумный порывъ,
Нашу честную рѣчь
Надо въ кровь претворить,
Надо плотью облечь.

Надо твердой ногой
Новый путь проложить,
Да всѣ силы на немъ,
Да весь умъ положить.

Какъ повѣрить словамъ, —
Чудеса настаютъ,
Прозираютъ слѣпцы,
И больные встаютъ.

Какъ приходитъ пора
Трудъ тяжелый подъять, —
Начинаетъ нашъ жаръ
Остывать, потухать;

Тутъ и робость найдетъ,
Тутъ и лѣнь, и дрема, —
У разумныхъ головъ
Нѣтъ ни силъ, ни ума!

1857.

---

CLXIX.

## Разговоры.

(2-я редакція).

Новой жизни заря —
И тепло и свѣтло:
О добрѣ говоримъ,
Негодуемъ на зло.

За родимый нашъ край
Наше сердце болитъ;
За прожитые дни
Мучитъ совѣсть и стыдъ.

Что намъ цвѣсть не даетъ,
Держитъ ростъ молодой, —
Такъ и сбросилъ бы съ плечъ
Этотъ хламъ вѣковой!

Гдѣ жъ вы, слуги добра?
Выходите впередъ,
Подавайте примѣръ!
Поучайте народъ!

Нашъ разумный порывъ,
Нашу честную рѣчь
Надо въ кровь претворить,
Надо плотью облечь.

Какъ повѣрить словамъ —
По часамъ мы растемъ!
Закричатъ „помоги!“ —
Черезъ пропасть шагнемъ!

Въ насъ душа горяча,
Наша воля крѣпка,
И печаль за другихъ
Глубока, глубока!..

А приходитъ пора
Добрый подвигъ начать, —
Такъ намъ жаль съ головы
Волосокъ потерять:

Тутъ раздумье и лѣнь,
Тутъ насъ робость возьметъ...
А слова... на словахъ
Соколиный полетъ!..

---

CLXX.

## Нищій.

И вечерней и ранней порою
Много старцевъ, и вдовъ, и сиротъ
Подъ окошками ходитъ съ сумою,
Христа-ради на помощь зоветъ.

Надѣваетъ ли сумку неволя,
Неохота ли взяться за трудъ, —
Тяжела и горька твоя доля,
Безпріютный, оборванный людъ!

Не откажутъ тебѣ въ подаяньи,
Не умрешь ты безъ крова зимой, —
Жаль разумное Божье созданье,
Человѣка въ грязи и съ сумой!

Но бѣднѣе и хуже есть нищій:
Не пойдетъ онъ просить подъ окномъ.
Цѣлый вѣкъ, изъ одежды да пищи,
Онъ работаетъ ночью и днемъ.

Спитъ въ лачужкѣ, на грязной соломѣ,
Богатырь въ безысходной бѣдѣ,
Крѣпче камня въ несносной истомѣ,
Крѣпче мѣди въ кровавой нуждѣ.

По-смерть зерна онъ въ землю бросаетъ,
По-смерть жнетъ, а нужда продаетъ;
О немъ облако слезы роняетъ,
Про тоску его буря поетъ.

1857.

---

CLXXI.

## Пахарь.

Солнце за день нагулялося,
За кудрявый лѣсъ спускается,
Лѣсъ стоитъ подъ шапкой темною,
Въ золотомъ огнѣ купается.

На бугрѣ трава зеленая
Спитъ, вся искрами обрызгана,
Пылью розовой осыпана,
Да каменьями унизана.

Не слыхать-то въ полѣ голоса,
Молча воронъ на межѣ сидитъ,
Только слышенъ голосъ пахаря,
За сохой онъ на коня кричитъ.

Съ ранней зорьки пашня черная
Бороздами подымается,
Конь идетъ, понурилъ голову,
Мужичокъ идетъ, шатается...

Ужъ когда же ты, кормилецъ нашъ,
Возьмешь верхъ надъ долей горькою?
Изъ земли ты роешь золото,
Самъ-то сытъ сухою коркою!

Зрѣетъ рожь—тебѣ заботушка:
Какъ бы градомъ не побилася,
Безъ дождей въ жары не высохла,
Отъ дождей не положилася.

Хлѣбъ поспѣлъ—тебѣ кручинушка:
Убирать ты не управишься,
На корню-то онъ осыплется,
Безъ куска-то ты останешься.

Урожай—купцы спесивятся,
Годъ плохой—въ семьѣ всѣ мучатся
Все твой дворъ не поправляется,
Дѣтки грамотѣ не учатся.

Гдѣ же кладъ твой заколдованный,
Гдѣ таланъ твой, пахарь, спрятался?
На труды твои да на-горе
Вдоволь вчужѣ я наплакался!

1857.

---

CLXXII.

## Деревенскій бѣднякъ.

Мужика-бѣдняка
Господь-Богъ наградилъ:
Душу теплую далъ
И умомъ надѣлилъ.

Да злодѣйка-нужда
И глупа, и сильна,
Закидала его
Соромъ, грязью она.

Ѣдкимъ дымомъ въ избѣ,
И курной, и сырой,
Выѣдаетъ глаза,
Душитъ зимней порой.

То работа не въ мочь,
То расправа и судъ
Молодца-силача
Въ три-погибели гнутъ.

Присмирѣлъ онъ, притихъ,
Рѣчи скупо ведетъ,
Исподлобья глядитъ,
Силу въ землю кладетъ.

Захирѣй его конь—
Бѣдный чортъ виноватъ,
Плаксу-бабу бранитъ
И голодныхъ ребятъ.

Пропадай, дескать, всѣ!..
На печь ляжетъ ничкомъ,
Вихорь крышу развѣй,
Съ горя все нипочемъ!

А какъ крикнутъ: „пожаръ!“
Не зови и не тронь,—
За чужое добро
Радъ и въ дымъ, и въ огонь.

Коли хмель въ голов[illegible]—
Загуляетъ душа:
Тутъ и горе прошло,
Тутъ и жизнь хороша;

На дворѣ подъ дождемъ
Онъ зипунъ распахнетъ,
Про лѣса и про степь,
Да про Волгу поетъ.

Проспался, гдѣ упалъ,—
И притихъ онъ опять:
Передъ всѣми готовъ
Шапку рваную снять.

Схватитъ немочь—молчитъ,
Только зубы сожметъ;
Скажутъ: смерть подошла,—
Онъ рукою махнетъ.

1857.

CLXXIII.

## Ночлегъ въ деревнѣ.

Душный воздухъ, дымъ лучины,
Подъ ногами соръ,
Соръ на лавкахъ, паутины
По угламъ узоръ;

Закоптѣлыя палати,
Черствый хлѣбъ, вода,
Кашель пряхи, плачъ дитяти...
О, нужда, нужда!

Мыкать горе, вѣкъ трудиться,
Нищимъ умереть...
Вотъ гдѣ нужно бы учиться
Вѣрить и терпѣть.

1858.

CLXXIV.

## Дѣдушка.

Лысый, съ бѣлой бородою,
Дѣдушка сидитъ.
Чашка съ хлѣбомъ и водою
Передъ нимъ стоитъ.

Бѣлъ, какъ лунь, на лбу морщины,
Съ испитымъ лицомъ.
Много видѣлъ онъ кручины
На вѣку своемъ.

Все прошло; пропала сила,
Притупился взглядъ;
Смерть въ могилу уложила
Дѣтокъ и внучатъ.

Съ нимъ въ избушкѣ закоптѣлой
Котъ одинъ живетъ.
Старъ и онъ, и спитъ день цѣлый,
Съ печки не спрыгнетъ.

Старику немного надо:
Лапти сплесть, да сбыть—
Вотъ и сытъ. Его отрада—
Въ Божій храмъ ходить.

Къ стѣнкѣ, около порога,
Станетъ тамъ, кряхтя,
И за скорби славитъ Бога,
Божіе дитя.

Радъ онъ жить, не прочь въ могилу,—
Въ темный уголокъ...
Гдѣ ты черпалъ эту силу,
Бѣдный мужичокъ?

1858.

---

CLXXV.

## Пряха.

Ночь и непогодь. Избушка
Плохо топлена.
Нитки бѣдная старушка
Сучитъ у окна.

Ужъ грозы ль она боится,
Скучно ли,—сидитъ,
Спать ложилась, да не спится,
Сердце все щемитъ.

И трещитъ, трещитъ лучина,
Свѣтъ на пряху льетъ.
Прожитая грусть-кручина
За-сердце беретъ.

Бѣдность, бѣдность! Мужъ, бывало,
Хоть подчасъ и пилъ, —
Все жилось съ нимъ горя мало:
Все жену кормилъ.

Вотъ подъ старость, какъ ужъ зрѣнье
Потерялъ навѣкъ,
Потерялъ онъ и терпѣнье —
Грѣшный человѣкъ!

За сохой ходить — не видитъ.
Побираться — стыдъ,
Тутъ безвинно кто обидитъ, —
Онъ молчитъ, молчитъ,

Плюнетъ, срамными словами
Долю проклянетъ
И зальется вдругъ слезами,
Какъ дитя, реветъ...

Такъ и умеръ. Богъ помилуй —
Вотъ морозъ-то былъ!
Бились-бились! Сынъ могилу
Топоромъ рубилъ!..

Паренекъ тогда былъ молодъ.
Выросъ, возмужалъ,
Что за сила! Въ зной и холодъ
Устали не зналъ!

Поведетъ ли рѣчь, бывало, —
Что старикъ ведетъ;
Запоетъ при зорькѣ алой,
Слушать — духъ замретъ...

Человѣкъ ли утопаетъ,
Иль изба горитъ,
Что бъ ни дѣлалъ — все бросаетъ,
Помогать бѣжитъ.

И веселье, и здоровье
Далъ ему Господь;
Будь хоть камень изголовье,
Легъ онъ — и заснетъ...

Справить думалъ онъ избушку,
Въ бурлаки пошелъ;
Нѣтъ! Беречь ему старушку
Богъ ужъ не привелъ!

Пріусталъ подъ лямкой въ стужу,
До костей промокъ,
Платье — ветошь, грудь наружу, —
Заболѣлъ и слегъ.

Умеръ, бѣдный! Мать узнала, —
Слезъ что пролила!
Умъ и память потеряла,
Грудь надорвала!

И трещитъ, трещитъ лучина;
Ниткѣ нѣтъ конца.
Мучитъ пряху грусть-кручина;
Нѣтъ на ней лица.

Плачъ да стонъ она все слышитъ
И, припавъ къ стеклу,
На морозный иней дышитъ,
Смотритъ: по селу

Кто-то въ бѣломъ пробѣгаетъ,
Съ бѣлой головой,
Горстью звѣзды разсыпаетъ
Въ улицѣ пустой;

Звѣзды искрятся... А вьюга
Въ ворота стучитъ...
И старушка отъ испуга
Чуть жива сидитъ.

1858.

---

CLXXVI.

## Въ альбомъ Е. А. П—вой.

Съ младенчества дикарь печальной,
Больной, съ изношеннымъ лицомъ,
Съ какой-то робостію тайной
Вхожу я въ незнакомый домъ.

Но гдѣ привыкъ, гдѣ я встрѣчаю
Хозяйки милое лицо, —
Тутъ все забыто: я вбѣгаю,
Здоровъ и веселъ, на крыльцо.

Вотъ такъ и здѣсь: я точно дома;
Мнѣ и отрадно, и тепло;
И радъ я на листкѣ альбома
Писать, что въ голову пришло.

Хозяйка милая, я знаю,
Мнѣ все проститъ: она добра;
И сталь неловкаго пера
Я неохотно покидаю.
Хотѣлъ бы вновь писать, писать —
До безконечности болтать.

1858.

---

CLXXVII.

## Въ альбомъ А. Н. О—вой.

Послушный вашему желанью,
Беру перо, сажусь писать:

Грѣшно прекрасному созданью
Въ невинной просьбѣ отказать.

Конечно, жаль, я васъ не знаю;
Увы! Скорбитъ моя душа!
Молвѣ я съ жадностью внимаю,
Что вы, какъ ангелъ, хороша.

Но все равно. Идите съ Богомъ,
Мои стихи! Счастливый путь!
Отрадной встрѣчи мнѣ залогомъ
Послужите когда-нибудь.

Какъ угадать! Сѣдой и хилый,
Когда весь сморщусь и согнусь,
Авось съ красавицею милой
Лѣтъ черезъ десять я сойдусь.

Въ тотъ мигъ — его воображаю —
Добра, прекрасна, молода,
Она мнѣ скажетъ: „Я васъ знаю!“
И буду счастливъ я тогда.

„Я съ вами ужъ давно знакома...“
И этихъ строкъ напомнитъ рядъ,
Покажетъ мнѣ листокъ альбома,
И я отвѣчу: „Виноватъ!

Позвольте... эта встрѣча съ вами...“
И волю дамъ карандашу,
И вдохновенными стихами
Ея портретъ я напишу.

1858.

---

CLXXVIII.

Въ небѣ радуга сіяетъ,
Розы дождикомъ омыты,
Солнце въ зелени играетъ,
Темный садъ благоухаетъ,
Кудри золотомъ покрыты.

Свѣтъ и тѣнь подъ деревами
Переходятъ, какъ живые:
Мохъ унизанъ огоньками,
Надъ душистыми цвѣтами
Вьются пчелы золотыя.

Въ чащѣ свиста переливы,
Стрекотня и пѣсенъ звуки,
Подлѣ ты, мой другъ стыдливый...
Слава Богу! Мигъ счастливый
Уловилъ я въ часъ разлуки!

1858.

## CLXXIX.

(1-я редакція).

Звѣзды сыплются. Ткань облаковъ
Серебрится при лунныхъ лучахъ;
Ночь глядитъ изъ-за старыхъ дубовъ.
Свѣтъ играетъ на сонныхъ листахъ.

Синій воздухъ волнами плыветъ,
Онъ прохладенъ, и свѣжъ, и душистъ;
Ухо слышитъ, едва упадетъ
Насѣкомымъ подточенный листъ.

Подъ кустомъ въ травѣ искра горитъ.
Чей-то свистъ замираетъ вдали,
Кто-то въ чащѣ весь въ бѣломъ стоитъ...
Сказки дѣтства на умъ мнѣ пришли.

Какъ при мѣсяцѣ кротокъ и тихъ
У тебя милый очеркъ лица!
Эту ночь, полный грезъ золотыхъ,
Я бъ продлилъ безъ конца, безъ конца...

## CLXXX.

(2-я редакція).

Въ темной чащѣ замолкъ соловей,
Прокатилась звѣзда въ синевѣ;
Мѣсяцъ смотритъ сквозь сѣтку вѣтвей,
Зажигаетъ росу на травѣ.

Дремлютъ розы. Прохлада плыветъ.
Кто-то свистнулъ... вотъ замеръ и свистъ.
Ухо слышитъ, едва упадетъ
Насѣкомымъ подточенный листъ.

Какъ при мѣсяцѣ кротокъ и тихъ
У тебя милый очеркъ лица!
Эту ночь, полный грезъ золотыхъ,
Я бъ продлилъ безъ конца, безъ конца.

1858.

## CLXXXI.

Помнишь? — съ алыми краями
Тучки въ озерѣ играли;
Шапки на ухо, верхами
Ребятишки въ лѣсъ скакали.

Табуномъ своимъ покинутъ,
Конь въ водѣ остановился,
И, какъ будто опрокинутъ,
Недвижимъ, въ ней отразился.

При зарѣ румяный колосъ
Сквозь дремоту улыбался;
Лѣсъ синѣлъ. Кукушки голосъ
Въ сонной чащѣ раздавался.

По полянѣ передъ нами,
Что ни шагъ, цвѣты пестрѣли,
Тѣнь бродила за кустами,
Краски вечера блѣднѣли...

Трепетъ сердца, упоенье,—
Вамъ въ слова не воплотиться!
Помнишь!... Чудныя мгновенья!
Суждено ль имъ воротиться?

1858.

---

CLXXXII.

## Дачная жизнь.

Дождь и холодъ — нѣтъ погоды!
Выйти некуда — хоть брось!
Виды — сальные заводы,
Выздоравливай, небось!

Наслаждайся въ этомъ раѣ!
Слушай, музыка пошла:
Свинки хрюкаютъ въ сараѣ,
Лай собака подняла,

На дворѣ кричатъ вороны,
Вѣтеръ свищетъ и поетъ;
Въ полѣ слякоть, рожь поклоны
Поминутно отдаетъ.

Вотъ такъ дача! Вотъ такъ радость!
Тутъ отъ скуки пропадешь!
Тутъ не жизнь, а просто гадость,
Тутъ отъ холоду умрешь!

Правда, книги — утѣшенье,
Но весь день читать, читать, —
Въ головѣ пойдетъ круженье,
Можно зрѣнье потерять!

Не пойти ль къ сосѣду съ горя?
Тамъ хоть люди, говоръ, смѣхъ,
Отдохнешь, шутя иль споря...
Какъ тутъ быть? Идти не грѣхъ;

Жаль, сосѣдъ съ утра до ночи
Занятъ дѣломъ... Боже мой!
Какъ ему хватаетъ мочи?
Это — мученикъ святой!

Онъ уменъ — въ глаза не скажетъ:
„Эхъ, братъ, шутъ тебя принесъ!...“
Онъ и виду не покажетъ,
А подумать... гм!... вопросъ!

Что жъ? повѣситься мнѣ, что ли?
Нѣтъ, на дачѣ не рука!
Стало — дурно, хорошо ли, —
Маршъ съ двора! Ей-ей тоска!

1858—VI—7.

CLXXXIII.

## Горькія слезы.

In meiner Brust, da sitzt ein Weh,
Das will die Brust zersprengen.

Heine.

Чужихъ страданій жалкій зритель,
Я жизнь растратилъ безъ плода,
И вотъ проснулась совѣсть-мститель
И жжетъ лицо огнемъ стыда.

Чужой бѣдой я волновался,
Отъ слезъ чужихъ я не спалъ ночь, —
И все молчалъ, и все боялся,
И никому не могъ помочь.

Убитъ нуждой, убитъ трудами,
Мой братъ и чахъ, и погибалъ,
Я закрывалъ лицо руками
И плакалъ, плакалъ — и молчалъ.

Я слышалъ злу рукоплесканья
И все терпѣлъ, едва дыша;
Подъ пыткою негодованья
Молчала рабская душа!

Мой духъ сроднился съ духомъ вѣка,
Тропой пробитою я шелъ:
Святую личность человѣка
До пошлой мелочи низвелъ.

Ты ль это жизнь къ добру съ любовью,
Плодъ мысли, горя и борьбы?
Увы! Отмѣчена ты кровью,
Насмѣшка страшная судьбы!...

1858.

---

## CLXXXIV.

Мнѣ, видно, нѣтъ другой дороги—
Одна лежитъ... иди впередъ,
Тащись, покуда служатъ ноги,
А впереди—что Богъ пошлетъ.

Все грязь да грязь... Господь, помилуй!
Устанешь, духъ переведешь,
Опять впередъ! Хоть не подъ силу,
Хоть плакать въ пору,—все идешь!

Нужда, печаль, тоска и скука,
Нѣтъ воли сердцу и уму...
Изъ-за чего вся эта мука—
Извѣстно Богу одному.

Ужъ пусть бы радость пропадала
Для блага хоть чьего-нибудь,—
Была бы цѣль, душа бъ молчала,
Имѣлъ бы смыслъ тяжелый путь;

Такъ нѣтъ! Какой-то врагъ незримый
Изъ жизни пытку создаетъ
И, какъ палачъ неутомимый,
Надъ жертвой хохотъ издаетъ.

1858.

---

## CLXXXV.

Дѣтство веселое, дѣтскія грезы—
Только васъ вспомнишь,—улыбка и слезы...
Голову няня въ дремотѣ склонила,
На полъ съ лежанки чулокъ уронила,
Прыгаетъ котъ, шевелитъ его лапкой,
Свѣчка ужъ меркнетъ подъ огненной шапкой,
Движется сумракъ, въ глаза мнѣ глядитъ...
Зимняя вьюга шумитъ и гудитъ.

Прогнали сонъ мой разсказы старушки.
Вотъ я въ лѣсу у порога избушки;
Ждетъ къ себѣ гостя колдунья сѣдая -
Змѣй подлетаетъ, огонь разсыпая.
Замеръ лѣсъ темный,—ни свиста, ни шума,
Смотрятъ деревья угрюмо, угрюмо!
Сердце мое замираетъ-дрожитъ...
Зимняя вьюга шумитъ и гудитъ.

Няня встаетъ и лѣниво зѣваетъ,
На ночь постелю мою оправляетъ.
„Лягъ, мой соколикъ, съ молитвой святою,
Божія сила да будетъ съ тобою...“
Нянина шубка мнѣ ноги пригрѣла,
Вотъ ужъ въ глазахъ у меня запестрѣло,
Сплю и не сплю я... Лампадка горитъ.
Зимняя вьюга шумитъ и гудитъ.

Вѣчная память, веселое время!
Грудь мою давитъ тяжелое бремя,
Жизнь пропадаетъ въ заботахъ о хлѣбѣ,

Дѣтство сіяетъ, какъ радуга въ небѣ...
Гдѣ вы — веселье, и сонъ, и здоровье?
Взмокло отъ слезъ у меня изголовье,
Темная даль мнѣ бѣдою грозитъ...
Зимняя вьюга шумитъ и гудитъ.

1858—XI—7.

CLXXXVI.

## Радость и кручина.

(1-я редакція).

Ахъ, у радости быстрыя крылья,
Золотыя да яркія перья!
Навѣститъ она, — ночь просіяетъ,
Полумертвый встаетъ - оживаетъ!

Мудрено съ нею, рѣзвою, ладить:
Косо взглянешь, — она испугалась,
Полетитъ, — и стрѣлой не догонишь,
Призывай-умоляй, — не воротишь.

Тяжела, чернѣй тучи кручина,
Подойдетъ, — бѣлый свѣтъ помутится;
Прогонять, — непослушная злѣетъ,
Съ нею жить, — богатырь захирѣетъ.

Нападетъ она, — сердце измучитъ,
Изожжетъ огонькомъ-невидимкой;
Не залить его крупной слезою:
Онъ замретъ подъ доской гробовою...

1858.

---

CLXXXVII.

(2-я редакція).

Ахъ, у радости быстрыя крылья,
Золотыя да яркія перья!
Прилетитъ,—вся душа встрепенется,
Передъ смертью больной улыбнется!

Ужъ зазвать бы мнѣ радость обманомъ,
Задержать и мольбою, и лаской,
Отъ тумана глаза бъ прояснились,
На веселый ладъ пѣсни сложились.

Ты, кручинушка, ночь безъ разсвѣта,
Безъ разсвѣта да съ холодомъ, съ вѣтромъ:
При тебѣ—вся краса изсушится,
При тебѣ—въ головѣ помутится.

Ужъ и будь ты, кручинушка, пепломъ -
Весь бы по полю въ бурю развѣялъ,
Пусть бы травушка въ полѣ горѣла,
Да на сердцѣ смола не кипѣла!

1858.

## CLXXXVIII.

Опять знакомыя видѣнья!
Опять, подъ дѣтскій смѣхъ и шумъ,
Прожитый день припомнилъ умъ,
Проснулось чувство отвращенья!
О, Боже правый! Вотъ она,
И лжи и подлостей страница,—
На каждой буквѣ кровь видна...
Какой позоръ! Вотъ эти лица
Ханжей, предателей, льстецовъ,
Низкопоклонниковъ, рабовъ,
Рабовъ расчета и разврата,
Рабовъ бездушныхъ, ледяныхъ,
Рабовъ, продать готовыхъ брата,
И друга, и дѣтей родныхъ,
Рабовъ бездѣлья, скуки праздной,
Страстишекъ мелкихъ и заботъ...
И ты, въ своей одеждѣ грязной,
Нашъ бѣдный труженикъ — народъ,
Несущій крестъ свой терпѣливо,

Ты, за кого краснорѣчиво
Ведемъ мы споръ, добро любя,
Пора ль на свѣтъ вести тебя,—
И ты мнѣ вспомнился...
Угрюмо,
Въ печальной долѣ хлѣбу радъ,
Ты мимо каменныхъ палатъ
Идешь на трудъ съ тупою думой,
Полуодѣтъ, полуобутъ,
Нуждой безжалостной согнутъ...
Неужто, молодое племя,
Въ тебѣ воскреснетъ наше время,
Развратъ души, развратъ ума,
И лѣнь, и мелочность, и тьма?
Намъ нѣтъ изъ пропасти исхода...
Влачась и въ прахѣ, и въ пыли,
О, если бъ мы сказать могли:
„Вамъ, дѣти, счастье и свобода,
Широкій путь, разумный трудъ...“
Увы! невѣдомъ Божій судъ!

1858.

CLXXXIX.

## Пѣсня бобыля.

Ни кола ни двора,
Зипунъ—весь пожитокъ...
Эхъ, живи—не тужи,
Умрешь—не убытокъ.

Богачу-дураку
И съ казной не спится:
Бобыль голъ, какъ соколъ,
Поетъ-веселится.

Онъ идетъ да поетъ,
Вѣтеръ подпѣваетъ;

Сторонись, богачи!
Бѣднота гуляетъ!

Рожь стоитъ по бокамъ
Отдаетъ поклоны...
Эхъ, присвистни, бобыль!
Слушай, лѣсъ зеленый!

Ужъ ты плачь ли, не плачь,—
Слезъ никто не видитъ,
Оробѣй, загорюй,—
Курица обидитъ.

Ужъ ты сытъ ли, не сытъ,—
Въ печаль не вдавайся;
Причешись, распахнись,
Шути, улыбайся!

Поживемъ да умремъ,—
Будетъ голь пригрѣта...
Разумѣй, кто уменъ,—
Пѣсенка допѣта!

1858.

---

## СХС.

Ѣхалъ изъ ярмарки ухарь-купецъ,
Ухарь-купецъ, удалой молодецъ.
Сталъ онъ на дворъ лошадей покормить,
Вздумалъ деревню гульбой удивить.
Въ красной рубашкѣ, кудрявъ и румянъ,
Вышелъ на улицу веселъ и пьянъ.
Собралъ онъ дѣвокъ-красавицъ въ кружокъ,
Выхватилъ съ звонкой казной кошелекъ.
Потчуетъ старыхъ и малыхъ виномъ:
„Пей-пропивай! Проживемъ-наживемъ!..“
Морщатся дѣвки, до донышка пьютъ,

Шутятъ и пляшутъ, и пѣсни поютъ.
Ухарь-купецъ подпѣваетъ-свиститъ,
Оземь ногой молодецки стучитъ.

Синее небо, и сумракъ, и тишь.
Смотрится въ воду зеленый камышъ.
Полосы свѣта по рѣчкѣ лежатъ.
Въ золотѣ тучки надъ лѣсомъ горятъ.
Дѣвичья пляска при зорькѣ видна,
Дѣвичья пѣсня за рѣчкой слышна,
По лугу льется, по чащѣ лѣсной...
Тамъ услыхалъ ее сторожъ сѣдой:
Бѣлый, какъ лунь, онъ подъ дубомъ стоитъ,
Дубъ не шелохнется, сторожъ молчитъ.
Къ дѣвкѣ стыдливой купецъ пристаетъ,
Обнялъ, цѣлуетъ и руки ей жметъ.
Рвется красотка за дѣвичій кругъ:
Совѣстно ей отъ родныхъ и подругъ.
Смотрятъ подруги, — ихъ зависть беретъ,
Вотъ, молъ, упрямицѣ счастье идетъ.
Дѣвкинъ отецъ свое дѣло смекнулъ,
Локтемъ жену торопливо толкнулъ.
Сѣдъ онъ, и рваная шапка на немъ,
Глазомъ мигнулъ и пропалъ за угломъ.
Дѣвкина мать расторопна, смѣла.
Съ вкрадчивой рѣчью къ купцу подошла:
„Полно, касатикъ, отстань — не балуй!
Дѣвки моей не позорь, не цѣлуй!“
Ухарь-купецъ позвенѣлъ серебромъ:
— Нѣтъ, такъ не надо... другую найдемъ!..
Вырвалась дѣвка, хотѣла бѣжать.
Мать ей велѣла на мѣстѣ стоять.

Звѣздная ночь и ясна, и тепла.
Дѣвичья пѣсня давно замерла.
Шепчетъ нахмуренный лѣсъ надъ водой,
Вѣтромъ шатаетъ камышъ молодой.
Синяя туча надъ лѣсомъ плыветъ.

Темную зелень огнемъ обдаетъ.
Въ крайней избушкѣ не гаснетъ ночникъ,
Спитъ на печи подгулявшій старикъ,
Спитъ въ зипунишкѣ и старыхъ лаптяхъ,
Рваная шапка комкомъ въ головахъ.
Молится Богу старуха-жена,
Плакать бы надо, — не плачетъ она.
Дочь ихъ красавица поздно пришла,
Дѣвичью совѣсть виномъ залила.
Что тутъ за диво! И замужъ пойдетъ...
То-то, чай, дѣтокъ на путь наведетъ!..
Кѣмъ ты, людъ бѣдный, на свѣтъ порожденъ?
Кѣмъ ты на гибель и срамъ осужденъ?

1858.

---

CXCI.

## Мертвое тѣло.

Парень-извозчикъ въ дорогѣ продрогъ,
Крѣпко продрогъ, тяжело занемогъ.

Въ грязной избѣ онъ на печкѣ лежитъ,
Горло распухло, чуть-чуть говоритъ.

Ноетъ душа отъ тяжелой тоски:
Пашни родныя куда далеки!

Какъ на чужой сторонѣ умереть!
Хоть бы на мать, на отца поглядѣть!

Въ горѣ товарищи держатъ совѣтъ:
„Ну-ка умретъ, — попадемъ мы въ отвѣтъ!

Изъ дому паспортовъ не взяли мы, —
Ну-ка умретъ, — не уйдемъ отъ тюрьмы!“

Дворникъ встревоженъ, священника ждетъ;
Медленнымъ шагомъ священникъ идетъ.

Встали извозчики, всталъ и больной;
Свѣчка горитъ предъ иконой святой,

Бѣлая скатерть на столъ постлана.
Въ душной избѣ тишина, тишина...

Кончилъ молитву священникъ сѣдой,
Вышли извозчики за дверь толпой.

Парень шатается, дышитъ съ трудомъ,
Старецъ стоитъ недвижимъ со крестомъ.

„Страшенъ судъ Божій, покайся, мой сынъ!
Богъ тебя слышитъ да я лишь одинъ...“

„Батюшка!.. грѣшенъ!..“ больной простоналъ:
Палъ на колѣни и громко рыдалъ...

Грѣшника старецъ во всемъ разрѣшилъ,
Крови и плоти святой пріобщилъ,

Сѣлъ, написалъ: вотъ такой пріобщенъ.
Дворнику легче: исполненъ законъ.

Полночь. Всѣ въ домѣ уснули давно.
Въ душной избѣ, какъ въ могилѣ, темно.

Скупо въ углу рукомойникъ течетъ,
Капля за каплею звукъ издаетъ.

Мѣрно кузнечикъ куетъ въ тишинѣ,
Кто-то невнятно бормочетъ во снѣ.

Вѣтеръ печально поетъ подъ окномъ,
Воетъ-голоситъ, Господь вѣсть, по комъ.

Тошно впотьмахъ одному мужику:
Сны-вѣщуны навѣваютъ тоску.

Съ жесткой постели, въ раздумьи, онъ всталъ,
Ощупью печь и лучину сыскалъ,

Красное пламя изъ угля добылъ,
Ярко больному лицо освѣтилъ.

Тихъ онъ лежитъ, на лицѣ доброта,
Впалыя щеки бѣлѣе холста.

Свѣсились кудри, открыты глаза,
Въ мертвыхъ глазахъ не обсохла слеза.

Вздрогнулъ извозчикъ. „Ну, вотъ, дождались!“
Дворника будитъ: „Проснись, подымись!“

— Что тамъ? — „Товарищъ нашъ мертвый
лежитъ...“
Дворникъ вскочилъ, какъ безумный, глядитъ.

— Охъ, попадете, ребята, въ бѣду!
Вы попадете и я попаду!

Какъ это паспортовъ, какъ не имѣть!
Знаешь начальство... не станетъ жалѣть!..—

Вдругъ у него на душѣ отлегло.
— Тс!.. далеко ли, братъ, ваше село? —

„Верстъ этакъ двѣсти... не близко, родной!“
— Нечего мѣшкать! ступайте домой!

Мертваго можно одѣть-снарядить,
Въ сани ввалить, да веретьемъ покрыть;

Подлѣ села его выньте на свѣтъ:
Умеръ дорогою — вотъ и отвѣтъ! —

Думаетъ-шепчетъ проснувшійся людъ.
Ѣхать не радость, не радость и судъ.

Помочи, видно, тутъ нечего ждать...
Быть тому такъ, что покойника взять.

Бѣлѣетъ снѣгъ въ степи глухой,
Стоитъ на ней ковыль сухой;
Ковыль сухой и старъ, и сѣдъ,
Блеститъ на немъ мороза слѣдъ.
Просторъ и сонъ, могильный сонъ,
Туманъ, что дымъ, со всѣхъ сторонъ.
А глубь небесъ въ огняхъ горитъ;
Вкругъ мѣсяца кольцо лежитъ;
Звѣзда звѣздѣ привѣты шлетъ,
Холодный свѣтъ на землю льетъ.
Въ степи глухой обозъ скрипитъ,
Передній конь идетъ-храпитъ.
Продрогъ мужикъ, глядитъ на снѣгъ,
Съ ума нейдетъ въ селѣ ночлегъ;
Въ своемъ селѣ онъ сонъ найдетъ.
Теперь его все страхъ беретъ:
Мертвецъ за нимъ въ саняхъ лежитъ,
Живому степь бѣдой грозитъ.
Мелькнула тѣнь, зашла впередъ,
Растетъ сѣдой и рѣчь ведетъ:
„Мертвецъ въ саняхъ! Мертвецъ въ саняхъ!..“
Вскочилъ мужикъ, на сердцѣ страхъ,
По тѣлу дрожь, тоска въ груди...
„Товарищи! Сюда иди!
Эй, дядя Петръ! Мертвецъ встаетъ!
Мертвецъ встаетъ, ко мнѣ идетъ!“
Извозчики на кличъ бѣгутъ,
О чудѣ рѣчь въ степи ведутъ.
Блеститъ ковыль, сквозь чуткій сонъ
Людскую рѣчь подслушалъ онъ...

Вотъ ужъ покойникъ въ родимомъ селѣ,
Убранъ лежитъ на дубовомъ столѣ.

Мать къ мертвецу припадаетъ на грудь:
„Соколъ мой ясный, скажи что нибудь!

Какъ безъ тебя мнѣ свой вѣкъ коротать,
Горькое горе встрѣчать, провожать!..“

— Полно, старуха! — ей мужъ говоритъ:
Полно касатка — и плачетъ навзрыдъ.

Чу! Колокольчикъ звенитъ и поетъ...
Ближе и ближе — и смолкъ у воротъ...

Грозный чиновникъ въ избушку спѣшитъ,
Дверь отворилъ, на порогѣ кричитъ:

— Эй, старшина! Понятыхъ собери!
Слышишь, каналья? Да живо, смотри! —

Все онъ провѣдалъ, про все разузналъ,
Доктора взялъ и на судъ прискакалъ.

Трупъ обнажили. И вотъ, второпяхъ,
Въ фартукѣ бѣломъ, въ зеленыхъ очкахъ,

По локоть докторъ рукавъ завернулъ.
Острою сталью надъ трупомъ сверкнулъ.

Вскрикнула мать: „Не дадимъ, не дадимъ!
Сынъ это мой! Не ругайся надъ нимъ!

Сжалься, родной! Отступись-отойди!
Мать свою вспомни... во грѣхъ не входи!..“

— Вывести бабу! — чиновникъ сказалъ,
Докторъ на трупѣ пятно отыскалъ.

Бѣднымъ извозчикамъ сдѣланъ допросъ,
Обнялъ ихъ ужасъ — и кто что понесъ...

Жаль васъ, родимые! Жаль, соколы!
„Эй, старшина, подавай кандалы!“

1858.

CXCII.

## Старый слуга.

Сохнетъ старикъ отъ печали,
Ночи не спитъ напролетъ:
Барскимъ добромъ поклепали,
Воромъ вся дворня зоветъ.

Не ждалъ онъ горькой невзгоды,
Барину вѣрно служилъ...
Какъ его въ прежніе годы
Старый слуга мой любилъ!

Въ курточкѣ красной, бывало,
Веселъ, завитъ и румянъ,
Прыгаетъ, бьетъ, какъ попало,
Рѣзвый барчукъ въ барабанъ;

Бьетъ и кричитъ, и смѣется,
Дѣтскою саблей звенитъ;
Вдругъ къ старику повернется:
„Смирно!“ — и ножкой стучитъ.

Ниткой его зануздаетъ,
На спину сядетъ верхомъ,
Въ шутку кнутомъ погоняетъ,
Ѣдетъ по залѣ кругомъ.

Радъ мой старикъ — и проворно
На четверенькахъ ползетъ.
„Стой“ — и онъ станетъ покорно,
Бровью сѣдой не моргнетъ.

Ручку ль барчукъ шаловливый,
Ножку ль убьетъ за игрой, —
Вздрогнетъ слуга боязливый:
„Баринъ ты мой золотой!“

Шопотомъ тужитъ-горюетъ:
„Не досмотрѣлъ я, злодѣй!“

Барскую ножку цѣлуетъ...
„Бей меня, батюшка, бей!“

Тошно подъ барской опалой!
Недруговъ страшенъ навѣтъ!
Пусть бы ужъ много пропало, —
Ложки серебряной нѣтъ!

Смотритъ старикъ за овцами,
На ноги лапти надѣлъ,
Плечи покрылъ лоскутами, —
Такъ ему баринъ велѣлъ.

Плакалъ бѣднякъ, убивался,
Вслухъ не винилъ никого:
Рабъ своей тѣни боялся,
Такъ напугали его.

Господи! Горе и голодъ...
Долго ли чахнуть въ тоскѣ?..
Вырвался какъ-то онъ въ городъ
И загулялъ въ кабакѣ.

Пей, безталанная доля!
Пилъ онъ, и пѣлъ, и плясалъ...
Волюшка, милая воля,
Гдѣ же твой свѣтъ запропалъ?..

И потащился полями,
Пьяный, въ родное село.
Вьюга неслась облаками,
Вѣтромъ лицо его жгло.

Снѣгъ заметалъ одежонку,
Сонъ горемыку клонилъ...
Легъ онъ, надвинулъ шапченку
И середь поля застылъ.

1859.

## CXCIII.

Живая рѣчь, живые звуки,—
Зачѣмъ вамъ чужды плоть и кровь?
Я въ васъ облекъ бы сердца муки,
Мою печаль, мою любовь.

Въ груди огонь, въ душѣ смятенье
И подавленной страсти стонъ,
А ваше мѣрное теченье
Наводитъ скуку или сонъ...

Такъ, недоступно и незримо,
Въ насъ зрѣетъ чувство иногда,
И остается навсегда
Загадкою неразрѣшимой,
Какъ мученикъ, прожившій вѣкъ,
Намъ съ дѣтства близкій человѣкъ.

1859.

## CXCIV.

Перестань, милый другъ, свое сердце пугать:
Что намъ завтра сулитъ - мудрено угадать.

Посмотри: изъ-за синяго полога тучъ
На зеленый курганъ брызнулъ золотомъ лучъ.

Колокольчикъ поникъ надъ росистой межой,
Алой краской покрытъ василекъ голубой,

Сироты-павилики румяный цвѣтокъ
Приласкался къ нему и обвилъ стебелекъ.

Про таланъ золотой въ полѣ пахарь поетъ,
Въ потемнѣвшемъ лѣсу отголосокъ идетъ.

Въ каждой травкѣ - душа, каждый звукъ — говоритъ,
Въ синевѣ про любовь голосъ птички звенитъ...

Только ты все грустишь, словъ любви не найдешь,
Громовыхъ облаковъ въ день безоблачный ждешь.

1859.

## CXCV.

И дождь, и вѣтеръ. Ночь темна.
Въ уснувшемъ домѣ тишина.
Никто мнѣ думать не мѣшаетъ.
Сижу одинъ въ моемъ углѣ.
При свѣчкѣ весело играетъ
Полоска свѣта на окнѣ.

Я радъ осенней непогодѣ:
Мнѣ шумъ толпы невыносимъ.
Я, какъ дикарь, привыкъ къ свободѣ,
Привыкъ къ стѣнамъ моимъ роднымъ.
Здѣсь все мнѣ дорого и мило,
Хоть радости здѣсь мало было...

Святая ночь! Теперь я чуждъ
Дневныхъ тревогъ, насущныхъ нуждъ.
Онѣ забыты. Жизни полны,
Видѣнья свѣтлыя встаютъ,
Изъ глубины души, какъ волны,
Слова послушныя текутъ.

И грустно мнѣ мой трудъ отрадный,
Когда въ окно разсвѣтъ блеснетъ,
Мѣнять на холодъ безпощадный,
На бремя мелочныхъ заботъ...
И снова жажду я досуга,
И темной ночи жду, какъ друга.

1859.

CXCVI.

## Могила дитяти.

(Посвящается Н. И. Второву).

Надъ твоей могилкой
Солнышко сіяетъ;
Въ зелени сирени
Птичка распѣваетъ.

Вьются-распѣваютъ
Пчелы надъ цвѣтами,
Вѣтерокъ лепечетъ
Съ темными листами.

Спишь ли ты, малютка,
Или такъ лежится?..
Встань и полюбуйся,
Что кругомъ творится.

Всталъ бы ты—нѣтъ воли:
Тѣсный домъ твой проченъ;
Выходъ на-свѣтъ Божій
Крѣпко заколоченъ.

Спи, дитя! Едва ли
Стоитъ просыпаться,
На людское горе
Сердцемъ надрываться.

Наша жизнь земная,
Право, незавидна,
Спи, дитя родное,
Суждено такъ, видно.

Сонъ твой—сонъ отрадный.
Крестъ и камень бѣлый

Надъ твоей могилкой
Солнышко пригрѣло.

Перелетнымъ гостьямъ
Благодать святая,
Въ ямочкѣ на камнѣ
Влага дождевая.

Пьетъ шалунья-птичка,
Брызги разсыпаетъ,
Чуткій слухъ малютки
Пѣснями ласкаетъ.

1859.

## CXCVII.

Бѣдная молодость, дни невеселые,
Дни невеселые, сердцу тяжелые!
Глянешь назадъ,-- точно степь неоглядная,
Глушь безотвѣтная, даль безотрадная!

Нѣтъ въ этой дали ни кустика зелени,
Все-то зачахло, да сгибло безъ времени,
Спитъ точно мертвое, спитъ, какъ убитое,
Солнышкомъ Божьимъ навѣки забытое.

Солнышко Божье на свѣтъ поскупилося,
Счастье-веселье на зовъ не явилося,
Горькое горе безъ зову нагрянуло,
При-горѣ радость свинцомъ въ воду канула.

Бѣдная молодость, дни невеселые,
Дни невеселые, сердцу тяжелые!
Радъ бы забыть васъ, да что жъ мнѣ остается,
Чѣмъ моя жизнь при бездольи помянется?

1860 X.

CXCVIII.

Я радъ молчать о горѣ старомъ,
Мнѣ къ чернымъ днямъ не привыкать;
Но вотъ вопросъ: неужто даромъ
Мнѣ нужно слезы проливать?

Утраты, нужды и печали,
Къ чему меня вы привели?
Какой мнѣ путь вы указали,
Какое благо принесли?

Дождусь ли я успокоенья,
Отъ мукъ разумнаго плода?
Рѣши ты, жизнь, мои сомнѣнья,
Когда ты смысла не чужда.

Но если ты полна позора,
Обмана, мелочныхъ заботъ,—
Во что же вѣрить? Гдѣ опора?
Изъ темной пропасти исходъ?

Исходъ!.. Едва ли онъ возможенъ:
Душа на скорбь осуждена,
Уснуло сердце, умъ встревоженъ;
А даль темна, какъ ночь темна.

Ужъ не пора ли лечь въ могилу:
Усопшихъ сонъ невозмутимъ...
О, Боже мой! Пошли Ты силу
И миръ душевный всѣмъ живымъ!

1860.

CXCIX.

## Поэту-обличителю.

Обличитель чужого разврата,
Проповѣдникъ святой чистоты,

Ты, что камень на падшаго брата
Поднимаешь,—сойди съ высоты!

Ужъ не первый въ величьи суровомъ,
Врагъ неправды и лѣни тупой,
Какъ гроза, своимъ огненнымъ словомъ,
Ты царишь надъ послушной толпой.

Дышитъ рѣчь твоя жалкой любовью,
Безъ конца ты готовъ говорить,
И, подумаешь, собственной кровью
Счастье ближнему радъ ты купить.

Что жъ ты сдѣлалъ для края родного,
Безкорыстный мудрецъ-гражданинъ?
Укажи, гдѣ для дѣла благого
Потерялъ ты хоть волосъ одинъ?

Твоя жизнь, какъ и наша, безплодна,
Лицемѣрна, пуста и пошла...
Ты не понялъ печали народной,
Не оплакалъ ты горькаго зла.

Нищій духомъ и словомъ богатый,
По наслышкѣ о всемъ ты поешь,
И безстыдно похвалъ ждешь, какъ платы,
За свою всенародную ложь.

Будь ты проклято, праздное слово!
Будь ты проклята, мертвая лѣнь!
Покажись съ своей жизнію новой,
Темноту прогоняющій день!

Передъ нами нѣмыя могилы,
Позади—одна горечь потерь...
На тебя, на твои только силы,
Молодежь, вся надежда теперь.

Много поту тобою прольется,
И, быть можетъ, въ глуши безъ слѣдовъ,
Очистительныхъ жертвъ принесется
Въ искупленье отцовскихъ грѣховъ.

Не легка твоя будетъ дорога,
Но иди,—не погибнетъ твой трудъ!
Знамя чести и истины строгой
Только крѣпкіе въ бурю несутъ.

Безконечное мысли движенье,
Царство разума, правды святой,—
Вотъ прямое твое назначенье,
Добрый подвигъ на почвѣ родной!

1860.

СС.

Теперь мы вышли на дорогу,
Дорога—просто благодать.
Ужъ не сказать ли: слава Богу,
Трудъ совершенъ! Чего желать?

Душѣ просторъ, уму свобода!..
Да, умъ нашъ многое постигъ:
О благѣ бѣднаго народа
Мы написали груду книгъ.

Всѣ эти дымныя избенки,
Гдѣ въ полумракѣ, въ темнотѣ,
Полунагіе ребятенки
Растутъ въ грязи и нищетѣ;

Гдѣ по ночамъ горитъ лучина,
И, рабъ нужды, при огонькѣ,
Сѣдой, какъ лунь, старикъ-кручина
Плететъ лаптишки въ уголкѣ;

Гдѣ жница-мать въ широкомъ полѣ,
На вѣтрѣ, въ нестерпимый зной,
Забывъ усталость поневолѣ,
Малютку кормитъ подъ копной;

Ея уста спеклися кровью,
Работой грудь надорвана...
Но, Боже мой, съ какой любовью
Малютку пѣстуетъ она!

Все это нынѣ мы узнали,
И, наконецъ,—о, мудрый вѣкъ!
Какъ дважды два мы доказали,
Что и мужикъ нашъ—человѣкъ.

Все суета! Махнемъ рукою!..
Насъ чернь не слушаетъ, молчитъ,
Упрямо ходитъ за сохою
И недовѣрчиво глядитъ.

Покамѣстъ умъ нашъ созидаетъ
Дворцы да башни въ облакахъ,
Горячій потъ она роняетъ
На нивахъ, гумнахъ и дворахъ,

Въ глухой степи, въ лѣсной трущобѣ,
Средь улицъ селъ и городовъ,
И, утомясь, въ досчатомъ гробѣ
Опочиваетъ отъ трудовъ.

Чѣмъ это кончится?.. Едва ли,
Ничтожной жизни горькій плодъ,
Не ждутъ насъ новыя печали
На мѣсто прожитыхъ невзгодъ!

1860.

CCI.

## Поминки.

Ни тучки, ни вѣтра, и поле молчитъ;
Горячее солнце и жжетъ, и палитъ.

И пылью покрытая, будто мертва,
Стоитъ неподвижно подъ зноемъ трава,

И слышится только въ молчаніи дня
Веселыхъ кузнечиковъ звонъ-трескотня.

Средь чистаго поля конь-пахарь лежитъ;
На трупѣ коня воронъ черный сидитъ,

Кровавый свой клювъ поднимаетъ порой
И каркаетъ, будто вѣщунъ роковой.

Эхъ, конь безотвѣтный, слуга мужика,
Была твоя служба вѣрна и крѣпка!

Побои и голодъ—ты все выносилъ
И духъ свой на пашнѣ, въ сохѣ испустилъ.

Мужикъ горемычный рукою махнулъ,
И снялъ съ него кожу и молча вздохнулъ,

Вздохнулъ и заплакалъ: „Ничто, молъ, не въ прокъ!“
И кожу сырую въ кабакъ поволокъ.

И пѣлъ онъ тамъ пѣсни, свисталъ соловьемъ:
„Пускай пропадаетъ! Гори все огнемъ!“

Со смѣха народъ головами качалъ:
„Смотри, молъ, ребята, онъ умъ потерялъ.

Со зла свое сердце гульбой веселитъ,
По мертвой скотинѣ поминки творитъ!“

1860.

CCII.

## На пепелищѣ.

На яблонѣ грустно кукушка кукуетъ;
На камнѣ мужикъ одиноко горюетъ:
У ногъ его кучами пепелъ лежитъ,
Надъ пепломъ труба безобразно торчитъ.

Въ избитыхъ лаптишкахъ, въ рубашкѣ дырявой,
Сидитъ онъ, поникъ головою кудрявой,
Поникъ горемычный отъ думъ и заботъ,
И солнце открытую голову жжетъ.

Не годъ и не два онъ терялъ свою силу;
На пашнѣ онъ клалъ ее, будто въ могилу;
Онъ клалъ ее дома, съ цѣпомъ на гумнѣ,
Безропотно клалъ на чужой сторонѣ.

Весь вѣкъ свой работалъ безъ счастья, безъ доли,
Росли на широкихъ ладоняхъ мозоли,
И трескалась кожа... да что за бѣда!
Ужъ, видно, не жить мужику безъ труда!

Упорной работы соха не сносила,
Ломалась, и въ полѣ другая ходила;
Тупилось желѣзо, стирался сошникъ,
И только выдерживалъ пахарь-мужикъ.

Просилъ, безотвѣтный, не счастья у Неба,
Но хлѣба насущнаго, чернаго хлѣба...
Подкралась бѣда, все метлой подмела, -
У пахаря нѣтъ ни двора, ни кола.

Крѣпись, горемычный! Не гнись отъ удара!
Все вынесло сердце: и ужасъ пожара.

И матери старой пронзительный стонъ
Въ то время, какъ въ полымя кинулся онъ

И выхватилъ сына, что спалъ въ колыбели;
За нимъ по слѣдамъ потолки загремѣли...
„Пускай догораютъ!..“ И нищій мужикъ
Къ головкѣ ребенка устами приникъ.

1860.

## CCIII.

## Портной.

Пали на долю мнѣ пѣсни унылыя,
Пѣсни печальныя, пѣсни постылыя,
Радъ бы не пѣть ихъ, да грудь надрывается,
Слышу я, слышу, чей плачъ разливается:
Бѣдность голодная, грязью покрытая,
Бѣдность несмѣлая, бѣдность забитая,
Днемъ она гибнетъ, и въ полночь, и за-полночь
Гибнетъ она — и никто нейдетъ на-помочь;
Гибнетъ она — и опоры нѣтъ волоса,
Теплаго сердца, знакомаго голоса...
Горькій полынь эта пѣснь невеселая,
Пѣснь невеселая, правда тяжелая!
Кто здѣсь узнаетъ кручину свою?
Эту я пѣсню про бѣдность пою.

I.

Морозъ трещитъ, и воетъ вьюга,
И хлопья снѣга другъ на друга
Ложатся, и растетъ сугробъ.
И молчаливый, будто гробъ,
Весь домъ промерзъ. Три дня забыта,
Ужъ печь не топится три дня,
И нечѣмъ развести огня,
И дверь рогожей не обита,

Она стара и вся въ щеляхъ;
Бѣлѣетъ иней на стѣнахъ,
Окошко инеемъ покрыто,
И отъ мороза на окнѣ
Вода застыла въ кувшинѣ.
Нѣтъ крошки хлѣба въ цѣломъ домѣ,
И на дворѣ нѣтъ плахи дровъ.
Портной озябъ. Онъ нездоровъ
И головой поникъ въ истомѣ;
Печальна жизнь его была,
Печально молодость прошла,
Прошло и дѣтство безотрадно:
Съ крыльца ребенкомъ онъ упалъ,
На камняхъ ногу изломалъ,
Его посѣкли безпощадно...
Не умеръ онъ. Полубольнымъ
Все росъ, да росъ. Но чѣмъ кормиться?
Что въ руки взять? Чему учиться?
И самоучкой сталъ портнымъ.
Женился бѣдный, — все не радость:
Жена не долго пожила
И Богу душу отдала
Въ родахъ подъ Пасху. Вотъ и старость
Теперь пришла. А дочь больна,
Ужъ кровью кашляетъ она, —
И все прядетъ, прядетъ все пряжу,
Иль молча спицами звенитъ,
Перчатки вяжетъ на продажу,
И все груститъ, и все груститъ.
Робка, какъ птичка полевая,
Живетъ одна, живетъ въ глуши,
Въ глухую полночь, чуть живая,
Встаетъ и молится въ тиши.

II.

Морозъ и ночь. Въ своей постели
Не спитъ измученный старикъ.
Его глаза глядятъ безъ цѣли,

Безъ цѣли онъ зажегъ ночникъ.
Лежитъ и стонетъ. Дочь привстала
И посмотрѣла на отца:
Онъ блѣденъ, хуже мертвеца.
„Что жъ ты не спишь?“ — она сказала.
— Такъ, скучно. Хоть бы разсвѣло...
Ты не озябла? — „Мнѣ тепло...“
И разсвѣло. Окрѣпъ и холодъ.
Но хлѣба, хлѣба, гдѣ добыть?
Суму надѣть, иль воромъ быть?..
О, будь ты проклятъ, страшный голодъ!
Куда идти? Кого просить?
Иль самого себя убить?
Портной привсталъ. Нѣтъ, силы мало!
Всѣ кости ноютъ, все болитъ;
Дочь посинѣла и дрожитъ...
Хотѣлъ заплакать — слезъ не стало...
И со двора, въ нѣмой тоскѣ,
Побрелъ онъ съ костылемъ въ рукѣ.
Куда? Онъ думалъ не о пищѣ,
Шелъ не за хлѣбомъ — на кладбище
Шелъ бить могильщику челомъ;
Онъ былъ давно ему знакомъ.
Но какъ начать? Неловко было...
Портной съ нимъ долго толковалъ
О томъ, о семъ; а сердце ныло...
И, наконецъ, онъ шапку снялъ.
„Послушай, сжалься, ради Бога!
Мнѣ остается жить немного;
Нельзя ли тутъ вотъ въ сторонѣ,
Могилку приготовить мнѣ?“
— Ого? — могильщикъ улыбнулся:
— Ты шутишь, иль въ умѣ рехнулся?
Умрешь, — зароютъ, не грусти...
Грѣшно болтать-то безъ пути... —
„Зароютъ, другъ мой, я не спорю...
Вѣдь дочь-то, дочь моя больна!
Куда просить пойдетъ она?..

Кого?.. Ужъ пособи ты горю!
Платить-то нечѣмъ... я бы радъ,
Я заплатилъ бы... вырой братъ!..“
— Земля-то, видишь ты, застыла...
Рубить-то будетъ не легко. —
„Ты такъ... не очень глубоко,
Не очень... все-таки могила!
Просить и совѣстно: — нужда!“
— Пожалуй, вырыть не бѣда! —

III.

И слегъ портной. Лицо пылаетъ,
Въ бреду онъ громко говоритъ,
Что Божій гнѣвъ ему грозитъ,
Что грѣшникомъ онъ умираетъ,
Что онъ повѣситься хотѣлъ,
И только Катю пожалѣлъ.
Дочь плачетъ: „Полно, ради Бога!
У насъ тепло, обита дверь.
И чай налитъ: онъ есть теперь,
И есть дрова, и хлѣба много, —
Все дали люди... Встань, родной!“
И вотъ встаетъ, встаетъ портной.
— „Ты понимаешь? Жизнь смѣется,
Смѣется... Кто тутъ зарыдалъ?
Не кашляй! тише! кровь польется...“
И навзничь мертвымъ онъ упалъ.

1860.

---

CCIV.

За прялкою баба въ поневѣ сидитъ;
Ребенокъ больной въ колыбели лежитъ,
Лежитъ онъ и въ ротъ не беретъ молока,
Кричитъ онъ безъ умолку — слушать тоска!

Торопится баба: рубашка нужна;
Совсѣмъ-то, совсѣмъ обносилась она:

Надѣть-то ей нечего, — просто напасть!
Прядетъ она ночью, днемъ некогда прясть.

И за-полночь ярко лучина горитъ,
И грудь отъ сидѣнья щемитъ и болитъ,
И взглядъ притупился, устала рука...
Дитя надрывается — слушать тоска!

Пришлось поневолѣ работу бросать.
„Ну, что, мое дитятко? — молвила мать:
Усни себѣ съ Богомъ, усни въ тишинѣ!
Вѣдь некогда, дитятко, некогда мнѣ!“

И баба садится, и снова прядетъ,
И снова покою ей крикъ не даетъ.
„Молчи, говорю! Мнѣ самой до себя!
Ну, чѣмъ же теперь исцѣлю я тебя?“

Поютъ пѣтухи: видно скоро разсвѣтъ;
Дымится лучина, и гаснетъ — и нѣтъ;
Притихъ и ребенокъ и глазки сомкнулъ.
Уснулъ онъ — да только ужъ навѣкъ уснулъ.

1860.

---

CCV.

## Мать и дочь.

Худа, ветха избушка
И, какъ тюрьма, тѣсна;
Слѣпая мать-старушка,
Какъ полотно, блѣдна.

Бѣдняжка потеряла
Свои глаза и умъ
И, какъ ребенокъ малый,
Чужда заботъ и думъ.

Все пѣсни распѣваетъ,
Забившись въ уголокъ,
И жизнь въ ней догораетъ,
Какъ въ лампѣ огонекъ.

А дочь съ восходомъ солнца
Иглу свою беретъ,
У свѣтлаго оконца
До темной ночи шьетъ.

Жара. Вокругъ молчанье,
Лѣниво день идетъ.
Докучныхъ мухъ жужжанье
Покоя не даетъ.

Старушки тихій голосъ
Безъ умолку звучитъ...
И гнется дочь, какъ колосъ,
Тоска въ груди кипитъ.

Народъ неутомимо
По улицѣ снуетъ,
Идетъ все мимо, мимо, —
Богъ вѣсть куда, идетъ.

Ужъ ночь. Темно въ избушкѣ,
И некому мѣшать,
Осталося—къ подушкѣ
Припасть—и зарыдать.

1860.

---

CCVI.

## Погостъ.

Глубина небесъ синѣетъ,
Свѣтитъ яркая луна,
Церковь въ сумракѣ бѣлѣетъ,
На погостѣ тишина.

Тишина — не слышно звука,
Не горитъ огня въ селѣ.
Безпробудно скорбь и мука
Спитъ въ кормилицѣ-землѣ.

Спитъ въ землѣ нужда-неволя,
Спитъ кручина бѣдняковъ,
Спитъ безвыходная доля.
Миръ вамъ, кости мужичковъ!

Догорѣли ваши силы
Тише свѣчки восковой.
Донесли вы до могилы
Крестъ свой, кровью облитой...

Миръ вамъ, старыя невзгоды!
Память вѣчная слезамъ!
Вѣетъ воздухомъ свободы
По трущобамъ и лѣсамъ.

Золотыя искры свѣта
Проникаютъ въ глушь и дичь,
Слышенъ въ полѣ кличъ привѣта,
По степямъ веселый кличъ.

1860.

## CCVII.

Вырыта заступомъ яма глубокая.
Жизнь невеселая, жизнь одинокая,
Жизнь безпріютная, жизнь терпѣливая,
Жизнь, какъ осенняя ночь, молчаливая -
Горько она, моя бѣдная, шла
И, какъ степной огонекъ, замерла.

Что же? Усни, моя доля суровая!
Крѣпко закроется крышка сосновая,
Плотно сырою землею придавится,

Только однимъ человѣкомъ убавится...
Убыль его никому не больна,
Память о немъ никому не нужна!..

Вотъ она — слышится пѣснь беззаботная —
Гостья погоста, пѣвунья залетная,
Въ воздухѣ синемъ на волѣ купается;
Звонкая пѣснь серебромъ разсыпается...
Тише!.. О жизни покончень вопросъ:
Больше не нужно ни пѣсенъ, ни слезъ!

1860.

---

## CCVIII.

На лицо твое солнечный свѣтъ упадалъ.
Ты со взоромъ поникшимъ стояла;
Крѣпко руку твою на прощаньи я жалъ,
На устахъ моихъ рѣчь замирала.

Я не могъ отъ тебя своихъ глазъ отвести,
Одна мысль, что намъ нужно разстаться —
Поглощала меня. Повторялъ я: „Прости!“
И не могъ отъ тебя оторваться.

Понимала ли ты мое горе тогда?
Или только, какъ ангелъ прекрасна, —
Покидала меня безъ нужды и труда,
Будто камень холодный, безстрастна?..

Вотъ затихъ стукъ колесъ средь безлюдныхъ равнинъ,
Улеглась за нимъ пыль за тобою;
И какъ прежде, я снова остался одинъ
Съ безпощадной, безсонной тоскою.

Догорѣла свѣча. Бродитъ сумракъ въ углахъ,
Полъ сіяетъ отъ луннаго свѣта;
Безконечная ночь! Въ этихъ душныхъ стѣнахъ
Зарыдай — не услышишь отвѣта...

1861 -IV- 19.

---

CCIX.

## Н. А. М—ой.

Я Васъ не смѣю раздражать,
И повинуюсь молчаливо,
И хоть совсѣмъ не радъ молчать,
Молчать я буду терпѣливо.

„Но, ради самого Христа,
Къ чему вся эта пестрота,
Вся эта смѣсь стиховъ и прозы,
Все это шутки или слезы?“ —

Меня Вы спросите. — Увы!
Отчасти плодъ тяжелой скуки,
Отчасти плодъ душевной муки
И нездоровой головы.

Притомъ, скажу чистосердечно,
На Васъ мнѣ трудно угодить:
Едва шутить начну безпечно, —
Сейчасъ упрекъ: „Зачѣмъ шутить!“

Невеселъ я, — опять укоры,
Опять нахмуренные взоры;
Но какъ же быть мнѣ, мой Творецъ!..
Assez! Довольно, наконецъ.

За то, что вралъ на-пропалую,
За то, что мучилъ этимъ Васъ,
Склонивъ колѣни, въ этотъ часъ
Прахъ Вашей ножки я цѣлую.

А ручку можно-ли пожать?
Нельзя? Такъ что и толковать!
Къ чему излишняя награда?
Такая милая отрада

Меня съ ума-бъ теперь свела,
А Вы... Вы не творите зла.
Мнѣ остается передъ Вами,
Принявъ видъ скромности святой,

Стоять съ поникшей головой
И съ потупленными глазами,
Или забыть весь свѣтъ,—и вдругъ
Воскликнуть . . . . . .

1861—IV—19.

---

CCX.

## Исповѣдь.

Охъ, водкой зашибаюся...
Что дѣлать! Не таюсь.
И передъ Богомъ каюся,
Передъ людьми винюсь.

И рукава вотъ прорваны,
И рожа не чиста,
И силы понадорваны,
И совѣсть пропита,—

Какъ есть дошелъ до подлости!
Эхъ, крутъ былъ мой отецъ!
Держалъ меня онъ въ строгости,
Богатый былъ купецъ;

Онъ взялъ меня отъ азбучки
И въ лавку посадилъ;
Проклятой этой лавочки
Теперь я не забылъ.

Бывало, кровь бросается
Въ лицо мнѣ отъ стыда:
Все плутовствомъ кончается...
А не сплутуй—бѣда!

„Нѣтъ, ты пойми ученіе“ —
Накинется отецъ:
„Ты будь мое почтеніе, —
По правиламъ купецъ...“

Что слово—брань обидная.
Стоишь, въ ушахъ звенитъ,
И въ сердцѣ злость постыдная
Противъ отца кипитъ.

Сказалъ бы слово смѣлое,
Молчишь,—хоть тяжело...
И черное за бѣлое
Идетъ тебѣ на зло.

Привычка—вещь мудреная,
Привыкъ я ко всему;
Рѣшилъ, что доля темная,—
Такъ нужно быть тому.

Оплеванный, обруганный,
Я злился на себя;
Людей, какъ звѣрь напуганный,
Боялся, не любя.

Привыкъ я къ послушанію,
Но разъ не умолчалъ!
Отцу по приказанію
Я библію читалъ.

Горѣла свѣчка сальная,
Въ углу мурлыкалъ котъ
И пѣлась пѣснь печальная,
Богъ вѣсть кѣмъ у воротъ.

Отецъ ходилъ нахмуренный
И полъ подъ нимъ скрипѣлъ;
Съ стѣны оштукатуренной
Портретъ его глядѣлъ.

Читалъ я,—что за чтеніе!
Ученъ я плохо былъ,
И какъ-то удареніе
Не тамъ постановилъ.

Отецъ мой плеть ременную
Снялъ молча со стѣны
И... въ эту ночь безсонную
Я видѣлъ въ-явѣ сны,

Сны страшные!.. Покойникомъ
Я будто бы лежалъ,
Зарѣзанный разбойникомъ,
И кровью подплывалъ...

Эхъ, молодость безпечная!
Ничто ей не бѣда!
Выноситъ все, сердечная,
Какъ полая вода...

Я выросъ. Что печалиться!
Я думалъ, наконецъ:
Пора ужъ мнѣ оправиться...
„Женись!“—сказалъ отецъ.

Я спорить... „Врешь! Приказано!
Не то—всего лишу,
Вотъ такъ и будетъ сказано:
Въ духовной напишу“.

Подумалъ я съ подушкою,
Подумалъ,—какъ тутъ быть?
Какъ за чужой краюшкою
Въ чужомъ углу мнѣ жить?

Огласка, порицаніе,
Попрекъ со всѣхъ сторонъ...
А гдѣ образованіе?
Чему я обученъ?

Я правъ, молъ, дѣло честное.
Повѣритъ ли народъ?
Ужъ что за мнѣнье лестное—
Съ отцомъ-де не живетъ.

Молчи, душа свободная!
На все одинъ отвѣтъ...
Жена моя дородная,
Лицо, что маковъ цвѣтъ;

Жила въ семействѣ, стряпала
И стряпать замужъ шла,
Передъ вѣнцомъ поплакала
И... и пріютъ нашла.

Приду домой—молчаніе.
Сидимъ мы. Какъ тутъ быть?
Ну, просто, наказаніе!
О чемъ съ ней говорить?

Скажу: „Погода скверная!"
Отвѣтитъ: — Да, дурна—
А вижу: баба вѣрная,
Степенная жена.

Сидимъ мы. Мнѣ зѣвается,
Зѣвнетъ она въ отвѣтъ.
Тутъ ужинъ начинается
И сонъ, а тамъ—разсвѣтъ.

Безъ грусти съ ней прощаемся,
Приду,—молчимъ опять,
За столъ опять сбираемся...
Хоть петлю надѣвать!

Пошлешь тоскѣ проклятіе—
И маршъ съ двора чуть свѣтъ,
На рынкѣ есть занятіе,
И дружба, и совѣтъ.

Гуляй, душа родимая!
Зальешь глаза виномъ,
И грязь непроходимая,
И пропасть—нипочемъ.

1861.

---

CCXI.

## Порывы.

Людскую скорбь, вопросы вѣка —
Я знаю все... Какъ другъ и братъ,
На скорбный голосъ человѣка
Всегда откликнуться я радъ.

И только. Многое я вижу,
Но воля у меня слаба,
И всей душой я ненавижу
Себя, какъ подлаго раба.

Какъ я неправду презираю,
Какой я человѣкъ прямой,
Покуда жизни не встрѣчаю
Лицомъ къ лицу,—о, Боже мой!

И если бъ въ жизнь переходили
Мои слова,—враги мои
Меня давно бъ благословили
За сердце, полное любви.

Погасъ порывъ мой благородный,
И что же? Тѣшится надъ нимъ
Какой-нибудь глупецъ холодный
Безумнымъ хохотомъ своимъ.

„Такъ вотъ-съ, какъ было это дѣло“, —
Мнѣ говоритъ степнякъ-сосѣдъ:
„Себя онъ велъ ужъ очень смѣло,
Сказать бы: да, онъ скажетъ: нѣтъ.

Упрямство... вотъ и судитъ криво:
За правду стой, да какъ стоять!
Ну, перенесъ бы молчаливо,
Коли приказано молчать.

Вотъ и погибъ. Лишился мѣста,
Притихъ и плачетъ, какъ дитя,
Дѣтишекъ куча, дочь невѣста
И въ домѣ хлѣба ни ломтя..."

— Какъ вамъ не совѣстно, не стыдно!
Какъ повернулся вашъ языкъ!
Мнѣ просто слушать васъ обидно!..-
Я поднимаю громкій крикъ

И весь дрожу. Лицо пылаетъ,
Какъ левъ пораненый, я золъ,
Сигара въ уголъ отлетаетъ,
Нога отталкиваетъ столъ.

Сосѣдъ смѣется: „Что вы! что вы!
Обидѣлъ, что-ли, я кого?
Ужъ вы на ножъ теперь готовы,
Ха-ха, ну стоитъ-ли того?"

И въ самомъ дѣлѣ, я рѣшаю:
Что портить кровь изъ пустяковъ!
Махну рукой и умолкаю:
Не переучишь дураковъ.

Берусь за книгу ради скуки,
И желчь кипитъ во мнѣ опять:
Разсчетъ, обманы, слезы, муки,
Насилье... не могу читать!

Подлецъ на добромъ возитъ воду,
Умъ отупѣлъ, заглохъ отъ сна...
Ужели грѣшному народу,
Такая участь суждена?

„Ты дома?“ — двери отворяя,
Чудакъ знакомый говоритъ
И входитъ, тяжело ступая.
Онъ неуклюжъ, угрюмъ на видъ.

Взглядъ ледяной, косыя плечи,
Какой-то шрамъ между бровей.
Уменъ, какъ бѣсъ, но скупъ на рѣчи,
Трудолюбивъ, какъ муравей.

„Угодно-ли? Была-бъ охота,
Есть случай бѣдняку помочь —
Безъ платы... не легка работа:
Сидѣть придется день и ночь,

Писать, читать, въ архивѣ рыться —
И жертва будетъ спасена“.
— А ты?—„Безъ платы что трудиться!“
— Изволь! мнѣ плата не нужна.—

И вотъ къ труду я приступаю,
И горячусь и невпопадъ
Особу съ вѣсомъ задѣваю;
Я рвусь изъ силъ, меня бранятъ.

Тутъ остановка, тамъ помѣха;
Я радъ бы жертвѣ, радъ помочь,
Но вдругъ!.. Мнѣ тошно ждать успѣха,
Мнѣ эта медленность не въ мочь.

И все съ досадой я бросаю,
И послѣ — жалкій человѣкъ —
Надъ бѣдной жертвой я рыдаю,
Кляну свой безполезный вѣкъ.

Нѣтъ, трудъ упорный — грузъ свинцовый.
Я другъ добра, я гражданинъ,
Я мученикъ, на все готовый,
Но мученикъ на мигъ одинъ.

1861.

## CCXII.

## Хозяинъ.

Впряженъ въ телѣгу конь косматый,
Откормленъ на-диво овсомъ.
И бляхи мѣдныя на немъ
Блестятъ при заревѣ заката.
Купцу дай Господи пожить:
Широкоплечъ, какъ клюква красенъ,
Казной отъ бѣдъ обезопасенъ,
Здоровъ, — о чемъ ему тужить?
Да мой купецъ и не горюетъ.
Съ какой-то бабой за столомъ
Въ особой горенкѣ, вдвоемъ,
Сидитъ на мельницѣ, пируетъ.
Вода реветъ, вода шумитъ,
Отъ грома мельница дрожитъ,
Идетъ работа толкачами,
Идетъ работа рѣшетомъ,
Колесами и жерновами —
И стукотня и пыль кругомъ...
Купецъ мой рюмку поднимаетъ
И кулакомъ объ столъ стучитъ.
„И выпью!.. Кто мнѣ помѣшаетъ?
И пью... самъ чортъ не запретитъ!
Пей, Марья!..“
— То-то, ненаглядный,
Ты мнѣ на платье обѣщалъ...
„И кончено! Сказалъ — и ладно.
И будетъ такъ, какъ я сказалъ.
Мнѣ что жена? Сыта, одѣта —
И все... вотъ выпрягу коня
И прогуляю до разсвѣта,
И баста! Обними меня!..“

Вода шумитъ — не умолкаетъ,
При свѣтѣ мѣсяца кипитъ,

Алмазной радугой сверкаетъ,
Огнями синими горитъ,
Но даль темна и молчалива,
Огонь веселый рыбака
Краснѣетъ въ зеркалѣ залива,
Скользитъ по листьямъ лозняка.

Купецъ гуляетъ. Мы не станемъ
Ему мѣшать. Въ тиши ночной
Мы лучше въ домъ его заглянемъ,
Войдемъ неслышною тропой.
Ужъ поздно. Свѣчка нагорѣла.
Больной лежитъ и смерти ждетъ.
Его лицо, какъ мраморъ, бѣло,
И руки холодны, какъ ледъ;
На лобъ открытый кудри пали;
Остатокъ прежней красоты,
Печать раздумья и печали
Еще хранятъ его черты:
Такъ освѣщенные зарею,
Въ замолкшемъ надолго лѣсу,
Листы осеннею порою
Еще хранятъ свою красу.
Пора на отдыхъ. Грудь разбита,
На сердцѣ запеклася кровь —
И радость на-вѣкъ позабыта...
А ты, горячая любовь,
Явилась поздно. Доля! доля!
И если бъ раньше ты пришла, —
Какой бы здѣсь пріютъ нашла?
Здѣсь трудъ и бѣдность, здѣсь неволя,
Здѣсь горе гнѣзда вьетъ свои,
И вѣетъ холодъ отъ порога,
И стѣны дома смотрятъ строго...
Здѣсь нѣтъ пріюта для любви!
Лежитъ больной, лицо печально,
И будто тѣнью лобъ покрытъ:
Такъ лѣтомъ, только догоритъ

Румяной зорьки лучъ прощальный, —
Подъ сводомъ сумрачныхъ небесъ
Стоитъ угрюмъ и теменъ лѣсъ.
Родная мать роняетъ слезы,
Облокотясь на столъ рукой.
Надежды, молодости грезы,
Миръ сердца — этотъ рай земной —
Все унесло, умчало горе,
Какъ буйный вѣтръ уноситъ пыль,
Когда въ степи шумитъ ковыль,
Шумитъ взволнованный, какъ море,
И догораетъ вся до тла
Грозой зажженная ветла.
Плачь больше, бѣдное созданье!
И не слезами, — кровью плачь!
Безвыходно твое страданье,
И безпощаденъ твой палачъ.
Невесела, невыносима,
Горька, какъ ядъ, твоя судьба:
Ты жизнь убила, какъ раба,
И не была никѣмъ любима...
Твой мужъ... но виноватъ ли онъ,
Что пьянъ, и грубъ, и не уменъ?
Когда бъ онъ могъ подумать строго,
Какъ зла надѣлано имъ много,
Какъ много ранъ нанесено, —
Себя онъ проклялъ бы давно.
Въ борьбѣ тяжелой ты устала,
Изнемогла и въ грязь упала,
И въ грязь затоптана толпой.
Увы! Сгубилъ тебя запой!..
Твоя слеза на кровь походитъ...
Плачь больше!.. Въ воздухѣ чума!..
Любимый сынъ въ могилу сходитъ,
Другой давно сошелъ съ ума.

Вотъ онъ сидитъ на лежанкѣ просторной,
Голо остриженъ, и блѣденъ, и хилъ;

Палку, какъ скрипку, къ плечу прислонилъ,
Бровью и глазомъ моргаетъ проворно,
Правой рукою и взадъ и впередъ
Водитъ по палкѣ и пѣсню поетъ:
„На старомъ курганѣ, въ широкой степи,
Прикованный соколъ сидитъ на цѣпи.
Сидитъ онъ ужъ тысячу лѣтъ,
Все нѣтъ ему воли, все нѣтъ!
И грудь онъ съ досады когтями терзаетъ,
И каплями кровь изъ груди вытекаетъ,
Летятъ въ синевѣ облака,
А степь широка, широка!...“
Вдругъ палку кинулъ онъ, закрылъ лицо руками
И плачетъ горькими слезами:
„Больно мнѣ! Больно мнѣ! Мозгъ мой горитъ.
Счастье тому, кто въ могилѣ лежитъ!
Мать моя, матушка! Полно рыдать!
Долго ли намъ эту жизнь коротать?
Знаешь ли? Спальню запри изнутри,
Сторожемъ стану я подлѣ двери.
Прочь!—закричу я: здѣсь мать моя спитъ!
Больно мнѣ, больно мнѣ! Мозгъ мой горитъ!..“

Больной все слушалъ эти звуки,
Горѣлъ на медленномъ огнѣ,
Сказать хотѣлъ онъ: дайте мнѣ
Хоть умереть безъ слезъ и муки!
Ужель не могъ я отъ судьбы
Дождаться мира въ часъ кончины,
За годы думы и кручины,
За годы пытки и борьбы?
Иль эти пытки шуткой были?
Иль мало, среди стѣнъ родныхъ,
Отравой зла меня поили?
Иль, вмѣсто слезъ, изъ глазъ моихъ
Текла вода на изголовье,
Когда, губя свое здоровье,
Я думалъ ночи безо сна —

Зачѣмъ мнѣ эта жизнь дана?
И догорающій въ постели,
Всю жизнь припомнивъ съ колыбели,
Хотѣлъ онъ на своемъ пути
Хоть точку свѣтлую найти —
И не сыскалъ.
Такъ, въ полдень жгучій,
Спустившись съ каменистой кручи,
Томимый жаждой пѣшеходъ
Искать ключа въ оврагъ идетъ.
И долго тамъ, усталый, бродитъ
И влаги капли не находитъ,
И падаетъ, едва живой,
На землю, съ болью головной...

„Ну, отпирай! заснули скоро!..“
Ударивъ въ ставень кулакомъ,
Хозяинъ крикнулъ подъ окномъ...
Печальный домъ, пріютъ раздора!
Нѣтъ, тяжело срывать покровъ
Съ твоихъ таинственныхъ угловъ,
Срывать покровъ, какъ уголь черный!
Угрюмъ твой видъ, какъ гроба видъ,
Какъ мѣсто казни, гдѣ стоитъ
Съ желѣзной цѣпью столбъ позорный,
И плаха съ топоромъ лежитъ!..
За то, что здѣсь такъ мало свѣта,
Что воздухъ солнцемъ не согрѣтъ,
За то, что нѣтъ на мысль отвѣта,
За то, что радости здѣсь нѣтъ,
Ни ласкъ, ни милаго объятья,
За то, что гибнетъ человѣкъ, —
Я шлю тебѣ мои проклятья,
Чужой оплакивая вѣкъ!..

1861.

I.

Съ кѣмъ теперь мнѣ сидѣть
Въ опустѣломъ дому?
Кому стану я пѣть
О прожитой веснѣ?

На призывный мой кличъ
Не приходятъ друзья,
Не заводятъ со мной
Задушевныхъ рѣчей:

Успокоила ихъ
Мать сырая земля;
Крѣпкимъ сномъ они спятъ
Подъ доской гробовой.

Лишь меня, сироту,
Словно вѣтеръ ковыль,
Горе гонитъ впередъ
По дорогѣ глухой.

---

II.

## Вѣчность.

О, грозная вѣчность,
Безмолвная вѣчность!
Какую ты скрыла
Великую тайну
За крѣпкой печатью —
За дверью могилы?..
Что ты? Не одно ли
Ничтожное слово,
Пустая угроза
Толпы малодушной,
Дитя предразсудковъ,
Обманчивый призракъ?..

Или ты граница
Обширной вселенной,
Развязка явленій,
Уму непонятныхъ,
Тяжелыхъ для сердца,
И жизни прекрасной,
Разумно-духовной,
Сомнѣнія чуждой,
Священный источникъ?

О, грозная вѣчность,
Безмолвная вѣчность!
Крѣпка твоя тайна:
Но разумъ мой вѣритъ,
Что ты существуешь:
Отрадно мнѣ думать,
Что духъ мой безсмертный
Есть вѣчный наслѣдникъ
Безплотнаго царства;
Что будетъ онъ видѣть
Вѣковъ милліоны,
Міровъ разрушенье
И, можетъ быть, новыхъ
Прекрасныхъ твореній
Конецъ и начало —
И будетъ, какъ прежде,
Идти къ совершенству,
Всегда оставаясь
Разумно-свободнымъ.

---

III.

## Небо.

Съ глубокою думой
Гляжу я на небо,
Гдѣ, въ темной лазури,
Такъ ярко сверкаютъ

Планетъ міріады.
Чья мощная сила
Вращаетъ ихъ чудно
Въ таинственной сферѣ?
Когда и откуда
Тѣла ихъ начало
Свое получили?
Какія въ составѣ
Ихъ тѣлъ неизвѣстныхъ
Основою жизни
Положены части?
Какое имѣютъ
Онѣ назначенье,
И кто бытія ихъ
Всесильный виновникъ?

Ужъ много минуло
Суровыхъ столѣтій:
Какъ легкія тѣни,
Исчезли народы—
Но такъ же, какъ прежде,
Прекрасна природа
И нѣту песчинки,
Нѣтъ капли ничтожной,
Ненужной въ системѣ
Всего мірозданья;
Въ ней все служитъ къ цѣли.
Для насъ непонятной...
И пусть остается
Во мракѣ глубокомъ
Великая тайна
Начала твореній;
Не ясно ль я вижу
Печать дивной силы
На всемъ, что доступно
Уму человѣка
И что существуетъ
Такъ долго и стройно,

Всегда совершая
Процессъ своей жизни
По общему смыслу
Законовъ природы;
И какъ мнѣ повѣрить,
Иль даже подумать,
Чтобъ случай безсильный
Былъ первой причиной
Начала, законовъ
Движенья и жизни
Обширной вселенной?

---

IV.

## Нужда.

Въ худой часъ, не спросясь,
Какъ полуночный воръ,
Нужда тихо вошла
Въ старый домъ къ мужичку.

Сталъ онъ думать съ тѣхъ поръ,
Тосковать и блѣднѣть,
Мало ѣсть, дурно спать,
День и ночь работать.

Все, что долгимъ трудомъ
Было собрано въ домъ,
Злая гостья, нужда,
Какъ пожаръ, подняла.

Стало пусто вездѣ:
Въ закромахъ, въ сундукахъ,
На забытомъ гумнѣ,
На широкомъ дворѣ.

Повалились плетни,
Вѣтеръ всюду гулялъ,

И подъ крышей худой
Домъ, какъ старецъ, стоялъ.

За безцѣнокъ пошелъ
Доморощенный скотъ,
Чужой серпъ рано снялъ
Недозрѣлую рожь.

Обнищалъ мужичекъ,
Сдалъ онъ пашню въ наемъ
И съ молитвой святой
Заперъ наглухо домъ.

И съ одною сумой,
Да съ суровой нуждой,
Въ путь-дорогу пошелъ
Новой доли искать;

Мыкать горе свое,
Въ поясъ кланяться всѣмъ,
На людей работать,
Силу-матушку класть...

Много вытерпѣлъ онъ
На чужой сторонѣ;
Много зла перенесъ
И пролилъ горькихъ слезъ;

И здоровье сгубилъ,
И сѣдины нажилъ,
И, подъ кровлей чужой,
Слегъ въ постелю больной.

И на жесткой доскѣ,
Изнывая въ тоскѣ,
Онъ напрасно друзей
Слабымъ голосомъ звалъ.

Въ часъ ночной онъ, одинъ,
Какъ свѣча, догоралъ
И въ слезахъ мѣдный крестъ
Горячо цѣловалъ.

И въ досчатомъ гробу,
На дубовомъ столѣ,
Долго трупъ его ждалъ
Похоронъ и молитвъ.

И не плакалъ никто
Надъ могилой его
И, какъ стража, на ней
Не поставилъ креста;

Лишь сырая земля
На широкой груди
Пріютъ вѣчный дала
Жертвѣ горькой нужды.

---

V.

## Воспоминаніе о дѣтствѣ.

Однообразно и печально
Шли годы дѣтства моего:
Я помню домъ нашъ деревянный,
Кусты сирени вкругъ него,
Подъѣздъ, три комнаты простыя
Съ балкономъ на широкій дворъ,
Портретовъ рамы золотыя,
Разнохарактерный узоръ
Причудливыхъ изображеній
На бѣломъ фонѣ потолковъ,—
Счастливый плодъ воображенья
Оригинальныхъ маляровъ,—
Лампадку передъ образами,
Большой диванъ и круглый столъ,

На немъ часы, стаканъ съ цвѣтами,
Подъ нимъ узорчатый коверъ...
Съ какимъ восторгомъ я встрѣчалъ
Часъ утра, лѣтнею порою,
Когда надъ сонною землею
Востокъ безоблачный пылалъ,
И золотистыми волнами,
Подъ дуновеньемъ вѣтерка,
Надъ полосатыми полями
Паровъ вставали облака!
Съ какой то тайною отрадой
Глядѣлъ я на лазурь небесъ,
На даль туманную и лѣсъ,
Съ его привѣтливой прохладой,
На цѣпь кургановъ и холмовъ,
На блескъ и тѣнь волнистой нивы,
На тихо-спящіе заливы
Въ зеленыхъ рамахъ береговъ.
Дитя степей, дитя свободы,
Въ пустынѣ росъ я сиротой,
И для меня языкъ природы
Одной былъ радостью святой...
За то какъ скученъ я бывалъ,
Когда сырой туманъ осенній
Поля и дальнія деревни,
Какъ дымъ свинцовый, одѣвалъ,
Когда деревья обнажались
И лился дождь по цѣлымъ днямъ,
Когда въ нашъ домъ по вечерамъ
Сосѣди шумные сбирались,
Бранили вѣчный свой досугъ,
Однообразный и лѣнивый,
А самоваръ, какъ вѣрный другъ,
Ихъ споры слушалъ молчаливо,
И паръ струистый выпускалъ,
Иль вдругъ на ихъ разсказъ безсвязный
Какой то музыкою странной,
Какъ собесѣдникъ, отвѣчалъ...

Въ ту пору, скукою томимый,
Отъ шума ихъ я уходилъ
И ночь за книгою любимой,
Забытый всѣми, проводилъ,
Иль слушалъ няни устарѣлой
О блескѣ чудныхъ царствъ и горъ
Одушевленный разговоръ
Во мракѣ залы опустѣлой.

---

VI.

Когда Невы, окованной гранитомъ,
Алмазный блескъ я вижу въ часъ ночной,
И весело, по освѣщеннымъ плитамъ,
Толпа людей мелькаетъ предо мной, —
Тогда на умъ невольно мнѣ приходитъ
Минувшій вѣкъ, когда среди болотъ,
Бывало, здѣсь чухонецъ бѣдный бродитъ,
Дитя нужды, болѣзней и заботъ, —
Тотъ вѣкъ, когда одинъ туманъ свинцовый
Здѣсь одѣвалъ лѣса и небеса,
И такъ была печальна и сурова
Пустынныхъ водъ холодная краса.
И съ гордостью я вспоминаю тайной
Умъ творческій Великаго Царя,
Любуяся на городъ колоссальный,
Прекрасное созданіе Петра.

---

VII.

Помоги ты мнѣ,
Сила юная,
Въ роковой борьбѣ
Съ горькой долею!

Нѣтъ мнѣ бѣдному
Ни въ чемъ счастія,

И друзья въ нуждѣ
Меня кинули.

На пирахъ прошло
Мое золото,
Радость кончилась
Съ весной красною.

На кого жъ теперь
Мнѣ надѣяться,
Подъ окномъ сидѣть,
Призадумавшись?

Вѣдь, что прожито—
Не воротится,
Что погублено—
Не исправится.

Умереть иль жить,
Что бы ни было,—
Гордо встрѣчу я
Горе новое.

---

VIII.

## Могила.

Густой травой поросшая могила,
Зачѣмъ къ тебѣ невѣдомая сила
Влечетъ меня вечернею порой?
Зачѣмъ люблю я съ грустію нѣмой
Задумчиво глядѣть сквозь сумракъ лунный
На свѣжій твой курганъ и крестъ чугунный?
О, сколько разъ отъ клеветы людской
Я уходилъ отыскивать покой
И отдыхать отъ горькаго сомнѣнья
Подлѣ гробницъ, въ обители забвенья!
Какъ много здѣсь сокрыто навсегда

Безвременно погибшаго труда,
Надеждъ, заботъ, добра и преступленій
И, можетъ быть, высокихъ вдохновеній!
И кто теперь въ кустахъ густой травы
Укажетъ мнѣ забытые холмы,
Гдѣ вѣчнымъ сномъ спятъ кости гражданина,
Иль мудреца, или поселянина?..
Здѣсь всѣ равны. Здѣсь слава и позоръ
Окончили между собою споръ
И не даютъ отвѣта на признанье.
Одно только изустное преданье
Бросаетъ лучъ на ихъ минувшій вѣкъ...
О, какъ великъ и бѣденъ человѣкъ!..

---

## IX.

Бѣгутъ часы, недѣли и года,
И молодость, какъ легкій сонъ, проходитъ.
Ничтожный плодъ страданій и труда
Усталый умъ въ унынie приводитъ.

Утратами убитый человѣкъ
Глядитъ кругомъ въ невольномъ изумленьи,
Какъ близъ него свой начинаетъ вѣкъ
Возникшее недавно поколѣнье.

Онъ чувствуетъ, печалію томимъ,
Что онъ чужой межъ новыми гостями,
Что жизнь другихъ такъ скоро передъ нимъ
Спѣшитъ впередъ съ надеждами, страстями;

Что времени ему духъ новый чуждъ
И смѣлые вопросы незнакомы,
Что онъ теперь на сценѣ новыхъ нуждъ
Ужъ не актеръ, а только зритель скромный.

---

X.

## Уединеніе.

Приличій тягостныя цѣпи
И праздность долгихъ вечеровъ
Оставилъ я для тихой степи
И тѣни сумрачныхъ лѣсовъ.

Отшельникъ міра добровольный,
Природой дикой окруженъ,
Я здѣсь мечтою своевольной
Бываю рѣдко увлеченъ:

Здѣсь, подъ вліяньемъ жизни новой
И вдохновеннаго труда,
Разоблачаетъ умъ суровый
Мои минувшіе года,—

И полный мира и свободы,
На жизнь вѣрнѣе я гляжу
И въ созерцаніи природы
Уроки сердцу нахожу.

---

XI.

Что счастье? Бредъ воображенья,
Любовь—лишь чувственности дань;
Власть—бремя или униженье,
А дружба—лесть или обманъ.

Подъ маской радости безпечной
Сокрыта жизни нагота;
Нашъ эгоизмъ—вожатый вѣчный,
Свобода—жалкая мечта.

---

XII.

Когда, мой другъ, въ часы одушевленья
Далекихъ лѣтъ прекрасное значенье
Предузнаетъ восторженный твой умъ,—
Какъ я люблю свободу этихъ думъ!
Какъ радостно словамъ твоимъ внимаю,
А между тѣмъ и помню я, и знаю,
Что насъ судьба невѣрная хранитъ,
Что счастію легко намъ измѣнить,
И, можетъ быть, въ тѣ самыя мгновенья,
Когда на грудь твою въ самозабвеньи
Склоняюсь я горячей головой,
Быть можетъ, рокъ нежданною грозой,
Какъ Божій громъ, закрытый облаками,
Уже готовъ обрушиться надъ нами.

---

XIII.

Ужъ и какъ же ты,
Моя жизнь, прошла,
Какъ ты, горькая,
Прокатилася!

Въ четырехъ стѣнахъ,
Подъ неволею,
Расцвѣтала ты
Одинокою.

Вѣрно, въ часъ худой
Мать родимая
Родила меня,
Безталаннаго,

Что я красныхъ дней
Во всю жизнь не зналъ,
Не скопилъ добра,
Не нажилъ друзей;

Что я взросъ себѣ
Только на-горе,
А чужимъ людямъ
На посмѣшище,

Что нужда и грусть,
Да тяжелый трудъ
Погубила всю
Мою молодость.

Или въ свѣтѣ я
Гость непрошенный,
Судьбы-мачехи
Жалкій пасынокъ?

Или къ счастію
Межъ чужихъ дорогъ
И тропинки нѣтъ
Горемычному?...

У людей разгулъ,
Звонкій смѣхъ и пѣснь,
За большимъ столомъ
До разсвѣта пиръ;

У людей весна
Непрожитая,
Про запасъ казна,
Въ черный день друзья;

А подлѣ меня
Ни живой души,
Одинъ вѣтръ шумитъ
На пустомъ дворѣ.

Я сижу одинъ
Подъ окномъ, въ тоскѣ,
Не смыкая глазъ
До полуночи.

И не знаю я,
Чѣмъ помочь себѣ,
Какой выбрать путь,
Не придумаю.

Оглянусь назадъ —
Пусто, холодно,
Посмотрю впередъ
Плакать хочется.

Эхъ, грустна была
Ты, весна моя,
Темнѣй осени,
Хуже похоронъ,—

И состарѣлся
Я до времени,
А умру — мнѣ глазъ
Закрыть некому;

Какъ безъ радости
Прожилъ молодость,
Такъ и лягу въ гробъ
Неоплаканнымъ;—

И людской молвѣ
На поминъ меня
Не останется
Ни добра, ни зла.

Ужъ какъ вспомню я
Тебя, жизнь моя,—
Сердце кровію
Обливается.

XIV.

## Отъѣздъ.

Прощайте, темные, дремучіе лѣса
Съ необозримыми степями,
Ландшафты деревень, и горъ, и небеса,
Увѣнчанныя облаками,
Сугробы снѣжные безжизненныхъ пустынь,
Ночей суровые туманы,
И грозной вьюги шумъ, и тишина равнинъ,
И тучъ холодныхъ караваны!

Прощайте, дикій боръ и мурава луговъ,
Ковры волнующейся нивы,
И зелень яркая цвѣтущихъ береговъ
И рѣкъ широкіе разливы!
Прости, прости и ты, напѣвъ родимый мой,
Мои возлюбленные звуки,
Такъ полные любви печальной и нѣмой,
Разгула и глубокой муки!

Не знаю, можетъ быть, уже въ послѣдній разъ
Мои тоскующіе взоры
Любуются на вашъ сверкающій алмазъ,
Во льду закованныя горы.
Быть можетъ, гробъ одинъ, а не покой души
Я отыщу въ странѣ далекой,
И кости положу въ невѣдомой глуши,
Въ песку могилы одинокой...

Зовутъ меня теперь иныя небеса,
Иныхъ долинъ благоуханье,
И моря синяго угрюмая краса,
И стонъ, и грозное молчанье;
Величіе и блескъ сіяющихъ дворцовъ,
Прохлада рощи кипарисной,
И сумракъ сладостный таинственныхъ садовъ
Съ ихъ красотою живописной;

Безмолвіе и мракъ подземныхъ галлерей.
Такъ полныхъ вѣковыхъ преданій,
Святыня древняя чужихъ монастырей,
Обломки колоссальныхъ зданій.
Тысячелѣтнія громады пирамидъ,
И храмовъ мраморныхъ ступени
И, при лучахъ луны, развалинъ чудный видъ,
Жилище бывшихъ поколѣній.

Тамъ въ созерцаніи природы и искусствъ—
Ума созданій благородныхъ,—
Найду ль я новый миръ для утомленныхъ
чувствъ,
Или просторъ для думъ свободныхъ?
Иль снова принесу на сѣверъ мой родной
Сомнѣнье прежнее и горе,
И только въ памяти останутся моей
Чужія небеса и море?

---

## XV.

## Жизнь.

Прекрасны молодые годы,
Когда, не вѣдая утратъ,
Картины жизни и природы
Мы начинаемъ изучать!

Когда надежды беззакатной
Звѣзда привѣтливо горитъ,
И намъ такъ много говоритъ
Желаній голосъ непонятный;

Когда въ восторгъ приводитъ насъ
Борьба и подвигъ знаменитый,
И безъискусственный разсказъ
О старинѣ, давно забытой;

И ночи мракъ, и солнца блескъ,
И утренней зари сіянье,
И музыкальный моря плескъ,
И вѣтра тихое дыханье;

Степей безлюдье и просторъ,
Напѣвы бури заунывной,
И вѣчный снѣгъ пустынныхъ горъ,
И лѣса тѣнь и шумъ призывный...

И жить въ ту пору мы спѣшимъ,
Впередъ глядимъ нетерпѣливо,
И новой жизни перспективу
Узнать заранѣе хотимъ.

А между тѣмъ, какъ метеоръ,
Воображенье потухаетъ,
И въ книгѣ жизни юный взоръ
Картины грустныя встрѣчаетъ:

Въ душѣ является борьба
Глубокой вѣры и сомнѣнья,
И вотъ безпечные года
Берутъ другое направленье.

Актъ жизни прожитъ—и теперь
Иная сцена предъ очами:
Для сердца періодъ потерь
Приходитъ съ пылкими страстями;

Взамѣнъ забытыхъ нами грезъ
Подъ пестротою маскарадной,
Находимъ мы источникъ слезъ
Въ существенности безотрадной,

И, не умѣя примирять
Нужду съ достоинствомъ свободы,
Мы начинаемъ замѣчать
Противорѣчія въ природѣ,

Не признавая въ ней чудесъ.
И сколько грустныхъ размышленій
Въ насъ пробуждаетъ интересъ
Разнообразныхъ впечатлѣній:

Терпимый въ обществѣ развратъ
И злоба сплетней утонченныхъ,
Ихъ горькій смыслъ и результатъ,
И цѣль вопросовъ современныхъ!..

Потомъ и эта колея
Приводитъ насъ къ явленьямъ новымъ.
Здѣсь актъ послѣдній бытія,
Съ его значеніемъ суровымъ:

Здѣсь наша жалкая судьба
Лишается блестящей маски,
И жизнь теряетъ навсегда
И свѣтлый колоритъ, и краски;

И привлекательной весны
Очаровательныя строки,
И прелесть яркой новизны,
И роскошь чудной обстановки.

И тише мы впередъ идемъ,
Не видя цѣли сокровенной,
Колеблясь межъ добромъ и зломъ,
Безъ истины опредѣленной
О назначеніи своемъ;

Теперь не темная мечта
Умъ занимаетъ осторожный:
Насъ мучитъ сердца пустота,
Страстей и горя плодъ ничтожный.

Намъ тяжело припоминать
Минувшей молодости повѣсть,
Читать ее и усыплять
Неумолкающую совѣсть;

И въ поколѣньи молодомъ
Казаться лишними гостями,
Съ своимъ обманутымъ умомъ
И затаенными слезами;

Въ тоскѣ безмолвно изнывать,
Въ надеждахъ лучшихъ сомнѣваться.
Въ вопросъ о жизни углубляться
И постепенно умирать.

---

XVI.

Не плачь, мой другъ! Есть много муки
И безъ того въ моей груди;
Повѣрь мнѣ, что лѣта разлуки
Не будутъ гробомъ для любви:

Въ какую бъ дикую пустыню
Я не былъ увлеченъ судьбой.
Я сохраню мою святыню—
Твой образъ—въ памяти моей.

---

XVII.

## Донцамъ.

Да здравствуетъ Донцовъ воинственное племя,
Да здравствуетъ и младъ, и старъ!
Привѣтъ вамъ всей Руси за славу въ наше время!
Привѣтъ за славу вашу встарь!

Русь помнитъ тѣ былые годы,
Когда свой гибельный ударъ,
Сынъ дикой степи и свободы,
Бросалъ вашъ предокъ на татаръ;

Когда отъ Дона до Урала
И вдоль Днѣпровскихъ береговъ
Внезапной молніей сверкала
Казачья сабля межъ враговъ.

И помнитъ Русь тотъ день великій,
Когда безстрашный богатырь
Къ подножью Грознаго владыки
Повергъ обширную Сибирь;

И подвигъ дивный и кровавый,
Которымъ въ лѣтопись вѣковъ
На память вѣчную и славу
Внесенъ разрушенный Азовъ.

Привѣтъ Донцамъ! Увѣковѣченъ
Вашъ сильный, доблестный народъ,
И знаетъ міръ, какъ вами встрѣченъ
Войны отечественной годъ:

Весь Донъ возсталъ, на голосъ чести
И день и ночь казакъ летѣлъ,
И крови въ битвахъ грозной мести
Послѣдней капли не жалѣлъ.

Минула грозная година:
Повѣсивъ шашку на стѣнѣ,
Казакъ за дѣломъ селянина
Забылъ о славѣ и войнѣ.

Но вотъ венгерецъ брани пламя
Рукой мятежною раздулъ, —
Донецъ опять родное знамя,
Наслѣдье дѣдовъ, развернулъ;

Оставилъ мирныя станицы
И на постахъ передовыхъ
Съ отвагой новой, за границей
Явился въ битвахъ роковыхъ.

„Впередъ, Донцы, врагу навстрѣчу!
Долой мундиръ! черезъ рѣку!“ —
И молодцы ужъ подъ картечью,
Не страшны волны казаку.

Плывутъ... земля ужъ подъ ногами...
„Ура!“ — вмигъ шашки изъ ноженъ,
И берегъ, взятый удальцами,
Побѣды кликомъ потрясенъ.

Мятежъ утихъ... года минули...
И вдоль Дунайскихъ береговъ,
Какъ грозный лѣсъ, опять сверкнули
Стальные дротики Донцовъ.

Привыкъ казакъ къ огню и бою.
Ему не страшно по рѣкѣ
Въ глухую полночь подъ грозою
Пуститься въ легкомъ челнокѣ;

Подкрасться къ вражескому стану,
Канатъ у судна отрубить
И изъ подъ носа оттомана
Его спокойно уводить;

Схватить языкъ, открыть дороги
Въ лѣсахъ, болотахъ и горахъ,
И въ непріятельскихъ шатрахъ
Надѣлать шуму и тревоги;

Иль, подбоченясь, молодцомъ,
На скакунѣ своемъ степномъ
Скрываясь въ полѣ подъ туманомъ,
Въ рукѣ съ губительнымъ арканомъ
Врага безпечнаго открыть
И вдругъ — съ коня его схватить.

Войны испытанныя дѣти,
Русь помнитъ ваши имена!

Не даромъ славою столѣтій
Покрыты Дона знамена:
Вы вашей кровію вписали
Любовь къ Руси въ ея скрижали...

Теперь опять гроза шумитъ.
Возстань же снова, Донъ нашъ славный!
Оковы братъ твой православный
Четыре вѣка ужъ влачитъ.

Какъ жалкій рабъ, четыре вѣка
Онъ кровь и слезы проливалъ
И даже имя человѣка,
Святое имя потерялъ!

Но живъ Господь суда и мщенья!
Онъ грянетъ карой громовой!
Русь кровью выкупитъ своей
Родного племени спасенье!..

Впередъ, казакъ! Тебя зоветъ
И кровь, и плѣнъ твоихъ собратовъ!
Благословитъ тебя Господь!
Благословитъ отецъ твой Платовъ,
И племя страждущихъ славянъ,
И царственный твой Атаманъ.

Впередъ, Донцы! да разовьются
Родныя ваши знамена,
И съ честью ваши имена
Изъ рода въ роды пронесутся!

Да поздній внукъ вашъ на Дону
На васъ съ любовію укажетъ
И дѣтямъ съ гордостію скажетъ:
— Они въ великую войну
За честь и славу христіанства
Казнили зависть и тиранство.—

---

XVIII.

Полночь. Темно въ горенкѣ,
Тишина кругомъ.
Вотъ идетъ подъ окнами
Дворникъ съ фонаремъ.

Яркій свѣтъ полоскою
Проскользнулъ въ окно,
Глянулъ на печь бѣлую
И — опять темно.

Экая безсонница,
Скука и тоска!
Диво! Все мнѣ чудятся
Рѣчи мужичка!

Точно, какъ и вечеромъ,
Онъ сидитъ со мной,
Съ жидкою бородкою,
Желтый, испитой.

Зипунишка старенькій,
Отъ спины кряхтитъ...
Вотъ бѣднякъ откашлялся,
Глухо говоритъ:

— Съ молоду, касатикъ мой,
Силку потерялъ,
У купца на мельницѣ
Все кули таскалъ.

Жилъ-то, знаешь, въ бѣдности,
Кони — плохота,
А въ избушкѣ курево,
Грязь и тѣснота,

И сынишка ползаетъ,
И теленокъ тутъ...

Ну, да что ужъ! Вѣдомо,
Какъ у насъ живутъ!

Дай, молъ, я поправлюся,
Взялъ и нанялся,
Плата, знаешь, добрая,
Изъ того взялся.

Думокъ много думалось:
И коня купить,
Мало-мальски грамотѣ
Сына обучить,

Что жъ, молъ, онъ безъ разума
Скоротаетъ вѣкъ?
Соху знай и борону —
Будь и человѣкъ.

Вздумано — не сдѣлано:
Годъ поработалъ,
Угодилъ хозяину,
А животъ сорвалъ.

Зажилъ хуже прежняго...
Все бы не бѣда,
Сынъ-атъ... сынъ-атъ... батюшка...
Отъ холеры... да!

Тяжело на старости,
Божья власть... ништо!
А трудиться надобно:
Человѣкъ на то.—

Чѣмъ мнѣ заплатить тебѣ,
Бѣдный мужичокъ,
За святую истину,
За благой урокъ?

XIX.

На языкѣ чужомъ я началъ объясняться,
Уставъ отъ русской чепухи;
Вѣкъ просвѣщенія!.. Чему тутъ удивляться,
Когда А. А. писалъ стихи?

XX.

Изъ библіотеки старинной
Вамъ томъ разрозненный дарю:
Я, признаюсь, морали чинной
Въ сатирѣ скучной не люблю.
Желаю вамъ подъ этой пылью
Сыскать побольше добрыхъ лицъ,
Пусть вѣетъ сладостною былью
На васъ отъ сѣренькихъ страницъ.
Да, кстати! Новость сообщаю:
Мой Дмитричъ далеко... увы!
Я самъ извозчиковъ встрѣчаю, —
И дворникъ съ ногъ до головы!

XXI.

Сибирь! Напишешь это слово, —
И вдругъ свободная мечта
Меня уноситъ въ край суровый.
Природы дикой красота
Вдали встаетъ передо мною.
И, мнится, вижу я Байкалъ
Съ его прозрачной глубиною,
И цѣпи горъ съ громадой скалъ,
И безконечную равнину
Вокругъ бѣлѣющихъ снѣговъ,
И грозныхъ, дѣвственныхъ лѣсовъ
Необозримую вершину...
Но вотъ проходитъ этотъ бредъ,
И снова видишь предъ собою:

Диванъ съ подушкою худою,
Комодъ, старинный туалетъ,
Семь стульевъ, столъ на жалкихъ ножкахъ,
Навозъ какой-то на полу,
Цвѣты въ какихъ-то глупыхъ плошкахъ,
И, наконецъ, кота въ углу.
Да вотъ пришелъ старикъ сердитый,
О похоронахъ говоритъ
И, кажется, меня бранитъ.

XXII.

## Филантропъ.

Втихомолку гостьей нежданной,
Гостьей нежданной, да незванной,
Къ мужику нужда подкралася,
Подкралася, привязалася.

Съ сумой нищенской оставила,
Снимать шапку всѣмъ заставила...
Ахъ! Головушка поклонная!
У тебя ли ночь безсонная,

Щеки блѣдныя, да впалыя,
Да безъ хлѣба дѣти малыя,
На боку изба раскрытая
И пустырь—гумно забытое!

Пожалѣлъ богачъ голоднаго,
Безпріютнаго, холоднаго,
Не казной помогъ, такъ ласкою,
Не совѣтами, такъ сказкою.

Ты забудь, дескать, и сонъ, и лѣнь,
Работай-трудись и ночь, и день;
За трудомъ ты не измучишься,
Уму-разуму научишься...

Ужъ спасибо жъ тебѣ за-слово,
Что сказалъ красно, да ласково!
Только въ горѣ, да при бѣдности,
Не до сна и не до лѣности.

Не дари жъ ты бѣдныхъ золотомъ,
Да не бей рѣчьми, какъ молотомъ.

XXIII.

Ноетъ сердце мое отъ заботъ и кручинъ...
Ужъ и гдѣ жъ вы, друзья? Отзовись хоть одинъ!
Не на пиръ васъ прошу: до пировъ ли пришло!
Дорогое душѣ отжилось, отцвѣло,
Только горе живетъ, только горе растетъ—
Ужъ когда-жъ тебя, горе, погибель возьметъ?..
Безотвѣтны друзья... Только вѣтеръ шумитъ,
Въ полѣ вѣтеръ шумитъ, громъ подъ лѣсомъ гремитъ,
Вспыхнетъ туча огнемъ, виденъ путь мой впотьмахъ,
Путь лежитъ - извился чернымъ змѣемъ въ поляхъ...
Подожди—какъ зимой соловей запоетъ,
Вотъ тогда-то на горе погибель придетъ..,

XXIV.

. . . . . .

Падетъ презрѣнное тиранство,
И цѣпи съ пахарей спадутъ,
И ты, изнѣженное барство,
Возьмешься нехотя за трудъ.

Не намъ, иному поколѣнью
Отдашь ты бичъ свой вѣковой
И будешь ненавистной тѣнью,
Пятномъ въ исторіи родной...

Весь твой развратъ и вѣроломство,
Всѣ козни время обнажитъ,
И просвѣщенное потомство
Тебя проклятьемъ поразитъ.

Мужикъ, теперь твоя опора,
Твой волъ—и больше ничего—
Со славой выйдетъ изъ позора,
И вновь не купишь ты его.

Ужъ всходитъ солнце земледѣльца!...
Забитый, онъ на месть не скоръ;
Но знай: на своего владѣльца
Давно ужъ точитъ онъ топоръ...

## XXV.

Постыдно гибнетъ наше время...
Наслѣдство дѣдовъ и отцовъ —
Послушно носитъ наше племя
Оковы тяжкія рабовъ.

И сто́имъ мы позорной доли!
Мы добровольно терпимъ зло:
Въ насъ нѣтъ ни смѣлости, ни воли...
На насъ проклятіе легло!

Насъ бьютъ кнутомъ, насъ мучатъ палкой
Дурачатъ, грабятъ, какъ хотятъ,
. . . . . .
. . . . . .

Мы рабство съ молокомъ всосали,
Сроднились съ болью нашихъ ранъ.
Нѣтъ! Въ насъ отцы не воспитали,
Не подготовили гражданъ.

Не мстить насъ матери учили
За цѣпи сильнымъ палачамъ.—
Увы!—Безсмысленно водили
За палачей молиться въ храмъ.

Про жизнь свободную не пѣли
Намъ сестры... нѣтъ! Подъ гнетомъ зла
Мысль о свободѣ съ колыбели
Для нихъ невѣдомой была!

И мы молчимъ. И гибнетъ время...
Насъ не пугаетъ стыдъ цѣпей—
И цѣпи носитъ наше племя,
И молится за палачей...

XXVI.

Тяжкій крестъ несемъ мы, братья,
Мысль убита, ротъ зажатъ,
Въ глубинѣ души проклятья,
Слезы на сердцѣ кипятъ.

Русь подъ гнетомъ. Русь болѣетъ;
Гражданинъ въ тоскѣ нѣмой:
Явно плакать онъ не смѣетъ,
Сынъ объ матери больной!

Нѣтъ въ тебѣ добра и мира,
Царство скорби и цѣпей.
Царство взятокъ и мундира,
Царство палокъ и плетей.

# Варіанты *).

13,1—24 : И скрестивши руки,
Ужаса полна,
Въ безотрадной мукѣ
Дочь его одна.
Вся какъ листъ трепещетъ
Подлѣ мертвеца,
То молитву шепчетъ,
То зоветъ отца.
И никто не знаетъ,
Что въ тоскѣ нѣмой
Сирота рыдаетъ
Въ тишинѣ ночной;
Что, дитя забвенья,
Можетъ быть, она
Горечь униженья
Испытать должна.
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
Міръ заснулъ... и только
Съ неба видитъ Богъ
Тайны жизни горькой
И людскихъ тревогъ.
И межъ-тѣмъ, какъ слезы
Молча горе льетъ,
Сладостныя грезы
Ночь другимъ даетъ.
Такъ же длится чудно
Въ мірѣ жизни пиръ,
Той же силы юной
Полонъ Божій міръ.
(Изд. Т.)

14,14 : Передъ язвительной толпой.
(Изд. М.)

*) Цифры обозначаютъ стр. и строки наст. изд.

**21**,19 22 : Да вихорь полдневный, кружася столбомъ,
Заноситъ его раскаленнымъ пескомъ.
(*От. Зап.*)

**21**,27 : И вдругъ всѣ извивы рѣки между зеленью луга
блеснули;

**22**,2 : Лишь мельницы старой колеса въ серебряной
влагѣ шумятъ,

„ 10 : И къ свѣтлымъ струямъ наклонившись, сквозь
легкій, прерывистый сонъ,
(Изд. Т.)

**26**,19 : Кругомъ необъятное море.
(Изд. М.)

**29**,4—6 : И красота волнистыхъ береговъ,
Горящихъ звѣздъ волнистое сіянье,
Глухихъ степей угрюмое молчанье.

**29**,21—**33**,10: Подъ большимъ шатромъ
Голубыхъ небесъ
Вижу даль степей
Зеленѣется.
И на граняхъ ихъ,
Подъ туманами,
Цѣпи горъ стоятъ
Великанами.
По степямъ, въ моря,
Рѣки катятся,
И лежатъ пути
Во всѣ стороны.
Посмотрю на югъ:
Нивы зрѣлыя,
Что камышъ густой
Тихо движутся;
Мурава луговъ
Ковромъ стелется,
Косари поютъ
До полуночи.
Гляну къ сѣверу,
Тамъ, въ глуши пустынь,
Снѣгъ, что бѣлый пухъ,
Быстро кружится;
На сѣдыхъ волнахъ
Моря синяго
Льдины плаваютъ
Караванами.
И пожаръ небесъ
Яркимъ заревомъ
Освѣщаетъ мглу

Не-проглядную.
Это ты, моя
Русь державная,
Моя родная,
Православная!
Широко ты, Русь,
По лицу земли
Въ красѣ Царственной
Развернулася!
Ужъ и есть за что
Полюбить тебя,
За тебя въ нуждѣ
Сложить голову!
У тебя ли нѣтъ
Богатырскихъ силъ,
Старины святой,
Громкихъ подвиговъ?
У тебя ли нѣтъ
Поля чистаго,
Гдѣ бъ разгулъ нашла
Воля смѣлая?
У тебя ли нѣтъ
Про запасъ казны,
Для друзей стола,
Меча недругу?
Передъ кѣмъ себя
Ты унизила?
Кому въ черный день
Низко кланялась?
На поляхъ своихъ,
Подъ курганами,
Положила ты
Злой свой бичъ—Татаръ.
Ты на жизнь и смерть
Вела споръ съ Литвой
И дала урокъ
Ляху гордому.
И давно ль было,
Когда съ Запада
Облегла тебя
Туча темная!
Подъ грозой ея
Лѣса падали,
Мать сыра-земля
Колебалася.
И горячій дымъ
Отъ горѣвшихъ селъ

Высоко вставалъ
Чернымъ облакомъ!
Но лишь кликнулъ Царь
Свой народъ на брань,
Вдругъ,—со всѣхъ концовъ
Поднялася Русь:
Собрала дѣтей,
Стариковъ и женъ,
Приняла гостей
На кровавый пиръ.
И въ глухихъ степяхъ,
Подъ сугробами,
Гости спать легли
Непокрытые;
Хоронили ихъ
Вьюги снѣжныя,
Бури сѣвера
О нихъ плакали!..
И теперь въ твоихъ
Городахъ большихъ
Муравьемъ кишитъ
Православный людъ;
Въ деревняхъ, селахъ,
Шумя весело,
Мужички ковшемъ
Попиваютъ медъ;
По сѣдымъ морямъ,
Изъ далекихъ странъ,
На поклонъ къ тебѣ
Корабли идутъ;
Вдоль широкихъ рѣкъ,
До зимы съ весны,
Словно лебеди,
Суда плаваютъ;
Спорятъ съ бурями
Лѣса темные,
Въ глубинѣ ихъ мракъ
День и ночь лежитъ;
На поляхъ шумитъ
Рожь высокая,
Степи убраны
Парчей, бархатомъ;
Рѣки тихія
Вьются лентами,
Въ зеркалахъ морей
Небо смотрится,—
И во всѣхъ земляхъ

Свѣта бѣлаго
Про тебя идетъ
Слава добрая.
Ужъ и какъ же мнѣ,
Русь могучая,
Не назвать тебя
Своей матерью!

(*Вор. Губ. Вѣд.*)

**39**,22 : Живой гирландою обвился.
(Изд. Т.)

**42**,18 : И даль въ полупрозрачной тьмѣ.
(Изд. М.)

**73**,6—13 : Жгучъ морозъ трескучій,
Ночь, какъ день, ясна;
Смотритъ изъ-за тучи
Яркая луна.

„ между
21 и 22 : Не кипитъ работа
На дворахъ большихъ,
Не скрипятъ ворота,
Въ избахъ шумъ затихъ...

„ 28—29 : Бѣдная старушка
Тамъ еще не спитъ.

**74**,5—20 : Будетъ имъ надеждой,
Хлѣба дастъ кусокъ,
Обувь и одежду,
Теплый уголокъ...
И въ тоскѣ безмолвной,
Тяжкихъ думъ полна,
Стала предъ иконой
Съ трепетомъ она,
И склонивъ колѣни,
Сдерживая духъ,
Въ грустномъ умиленьи
Повторяла вслухъ:
„Пресвятая Дѣва!
Сохрани сиротъ
Отъ людского гнѣва,
Отъ кручинъ, заботъ.
Въ безпріютной долѣ
Щедро помоги;
Отъ порока въ горѣ
Мудро сбереги.
Награди ихъ силой,
Разумомъ-умомъ

И за грѣхъ помилуй
На Судѣ святомъ!..“

**74**, 25—26 : И чело старушки,
Полное заботъ.

(Изд. Т.)

**82**,5—8 : Сверкаетъ западъ озлащенный
Надъ Іудейскою землей,
И на окрестность вечеръ сонный
Съ прозрачною нисходитъ мглой.

„ 13 19 : Вокругъ его живыхъ картинъ
Сіяютъ чудные узоры:
Здѣсь увѣнчалъ Ерусалимъ
Своими зданіями горы.
Вдали Гевалъ и Гаразимъ,
Къ востоку воды Іордана,
Съ пейзажемъ дремлющихъ долинъ.

**83**, между
3 и 4 : И померанцевъ неподвижныхъ.

„ 4—5 : Спятъ три апостола всемірныхъ,
И сонъ ихъ сладокъ и глубокъ.

„ 10 : Проклятье праотца на немъ

„ 14—17 : И въ цѣломъ мірѣ въ эту пору
Одинъ Учитель лишь не спалъ
И, чуждый общему позору,
Судьбу всемірную рѣшалъ.

„ 22—26 : „Отецъ! Отецъ! душа Моя
Въ нѣмой тоскѣ изнемогаетъ,
Картина будущаго дня
Мнѣ сердце кровью обливаетъ;
Я знаю, этотъ день придетъ,—

„ 28 : Твой Сынъ Божественный умретъ,

„ 30—33 : Проклятье черни загремитъ
Надъ головой, вѣнцомъ покрытой,
И подвигъ жертвы очернитъ
Насмѣшка злобы ядовитой.

„ 35 : Пошлю Я даръ благословенья

„ 37 **84**,1 : Подымутъ руки на Христа...
Отецъ! Отецъ! Пусть чаша эта
Минуетъ Сына Твоего.

**84**,4—8 : Но если Твоему народу

„ 24 : Отецъ! Ты въ міръ Меня послалъ

**84**, 36—37 : Отецъ! Отецъ мой! Чаша эта
Да мимо идетъ отъ Меня!

**85**,6—30 : И снова, тайной грусти полный,
Къ ученикамъ Онъ подошелъ
И, увидавъ ихъ сонъ спокойный,
Сказалъ имъ: „встаньте—часъ пришелъ:
Ужъ не далеко царство славы,
Близка великая борьба.
Молитесь: скоро въ день кровавый
Земли окончится судьба".
Сказалъ и снова удалился.

„ 34 : Отецъ, Отецъ! Мнѣ тяжело.

**86**,4—11 : Отецъ! Спаси же Свой народъ!
Дай мнѣ на подвигъ укрѣпленье!
И Сынъ Твой съ радостью умретъ
Великой жертвой примиренья!

„ 20 : Былъ чуденъ взоръ его спокойный

„ 23 : И ликъ сіялъ, какъ полдень знойный

„ 24 : И близъ Учителя онъ сталъ

„ 32 : (Весь міръ въ ту пору спалъ глубоко)

**87**,2—16 : И что за этотъ падшій міръ
Вѣнецъ и крестъ приготовлялся.
Онъ понималъ, о чемъ, одинъ,
Молился Праведникъ великій,
И плакалъ мрачный властелинъ
О славѣ свѣтлаго Владыки.
Луна сіяла. Небожитель
Спѣшилъ въ Эдемъ по облакамъ;
Межъ тѣмъ могучій Искупитель

„ 24—27 : Какъ любовались на него
Свѣтила блѣдной полуночи!
И вотъ Учитель имъ сказалъ
(Изд. М.)

**100**,3 : Али мало, что всѣхъ промоталъ лошадей

„ 7 : То и дѣло твердятъ: что родная моя,

„ 11 : И сердечушко вдругъ закипитъ, закипитъ

„ 19—20: Только, видно, его я ничѣмъ не залью,
Лишь одну свою жизнь скоротаю.
Ты не знаешь, небось, какъ я прежде живалъ,
Все умѣя про нужду готовить,
Пока замужъ тебя, бѣлоручку, не взялъ,
Не посмѣвши отцу прекословить.

**100**,29—33: Самъ работаешь до ночи, устали нѣтъ,
Противъ вѣтру вся грудь нараспашку,
Лишь коса зазвенитъ, какъ рука размахнетъ,
И отъ поту хоть выжми рубашку.
Придетъ праздникъ,— одѣвшись, глядишь молодцомъ,
Сходишь въ церковь, помолишься Богу,
И идешь по селу, вьются кудри кольцомъ,
Старики уступаютъ дорогу!
А теперь,—знать за грѣхъ меня Богъ наказалъ,—
Надо мною смѣяться всѣ стали...
И, вздохнувъ глубоко, онъ опять продолжалъ
И глаза его вдругъ засверкали:
Одного я маленько вотъ въ толкъ не возьму:

**101**,6 : Да все что-то какъ будто не ловко...

„ 21 : Вотъ настали какія у насъ времена.

„ между 22 и 23: Аль досада беретъ, что сталъ голъ, какъ соколъ,
Что ужъ нечѣмъ пришло охмѣляться?
Та бѣда—не бѣда, онъ другую нашелъ,
Захотѣлъ надъ женой издѣваться.

„ 31 : Ну да полно кричать! Собери-ка поѣсть:

**102**,19—20: (Пантелей между тѣмъ засучалъ рукава
И кругомъ второпяхъ озирался).

„ между 20 и 21: Да, вѣдь, я, братъ, видалъ и почище тебя
И умѣлъ въ ихъ бокахъ ломать кости;
Ты ступай, куда шелъ, вонъ дорога твоя,
А я знаю, къ кому иду въ гости.

„ 22—24 : Закричалъ Пантелей, размахнувшись,—
И онъ такъ хватилъ мѣтко сосѣда въ високъ,
Инда съ часъ тотъ лежалъ растянувшись...
(Изд. Т.)

**107**, между 24 и 25: Будто искры золотыя,
Свѣжихъ травъ нарядъ,
Ночи капли дождевыя
По лугу горятъ.

**108**,1—4 : Вотъ плыветъ вдали, направо,
Подлѣ камышей,
Грудь подъемля величаво,
Стадо лебедей.

„ 13—20: Босикомъ въ рубашкахъ бѣлыхъ,
На лугу рѣзвясь,
Два мальчишка загорѣлыхъ

Бѣгаютъ, смѣясь.
Звучно смѣхъ ихъ раздается,
Голосокъ звенитъ,
Крупный потъ съ нихъ градомъ льется,
И лицо горитъ.

**109**,9 **110**,24 И трепещущую рыбку
Съ земи на подхватъ
Дѣти въ легкую корзинку
Стали собирать,
Ловлю снова продолжали
Трое рыбаковъ,
Снова мальчики играли
Подлѣ береговъ.
А межъ тѣмъ надъ полосами
Дремлющихъ полей
Солнце сыпало снопами
Радужныхъ лучей;
Волны воздуха сверкали,
Зыблясь надъ землей,
И луга благоухали
Сочною травой.
Безконечно разстилались
Въ блескѣ небеса;
И повсюду раздавались
Жизни голоса.
И невольно привлекали
Изумленный взоръ
Виды селъ въ туманной дали
И луговъ просторъ.

(*Отт. Зап.*)

**108**,1—4: См. пред. вар.

„ 23—24: Смотритъ съ завистью дѣвчонка,
Стоя близъ кустовъ.

**109**,5—6 : Сѣть отъ земли приподняли
Разомъ рыбаки;

„ 14 : Любишь поглазѣть!

„ 16 : Неча тутъ сидѣть

„ 17 : И дѣвчонку вмигъ мальчишка

„ 22 : Вымолвилъ старикъ

**110**,2 : А чужихъ корми.

„ 13—16 : слѣдуютъ за ст. **110**, 4.

(Изд. Т.)

**121**,26—**122**,6: Буря утихла. Грядой облака потянулись къ востоку;

Грома глухіе раскаты вдали замирать начинаютъ.
Вотъ они смолкли, и огненный ликъ заходящаго
солнца
Снова блеснулъ изъ-за тучи — и вмигъ загорѣлся
весь западъ,
Нѣжнымъ румянцемъ покрылась опушка кудря-
ваго лѣса,
Капли дождя засіяли на немъ будто чудные
камни.
Слышу, о чемъ-то таинственно шепчется вѣтеръ
съ листами;
Рѣчи его непонятны для нашего грубаго слуха,
Но понимаютъ ихъ, вѣрно, листы, отвѣчая имъ
дружно.
Около лѣса желтѣется ржи неоглядное море,
Искрами блещетъ небесная влага на иглахъ ко-
лосьевъ;
Жадно они напилися ея послѣ долгой засухи;
Сладко дремать имъ теперь, наклонясь надъ сы-
рою землею,
Воздухъ прохладный вдыхая, подъ кротко-сіяю-
щимъ небомъ.
О, какъ хорошъ этотъ воздухъ, грозой и до-
ждемъ освѣженный,
Какъ ощутительно вѣетъ онъ новою силой и
жизнью!
Какъ ему рады повсюду, куда онъ проникъ, бла-
годатный!
Видѣлъ я въ полдень вотъ этотъ цвѣтокъ тем-
носиній: отъ жару
Грустно свернувъ лепестки, онъ клонился къ
землѣ раскаленной;
Вѣрно, увялъ бы онъ, если бы на день продли-
лась засуха.
Что же теперь? Окропленный дождемъ, ожи-
вленный прохладой,
Снова онъ весь развернулся и держится прямо
на стеблѣ.
(Изд. Т.)

**147**,24—**148**,8: Ударъ за ударомъ
Полуночный громъ...
То вспыхнетъ пожаромъ
Все небо кругомъ,
Освѣтитъ картину
Села надъ рѣкой,
И лѣса вершину,
И берегъ крутой;

То снова все темно...
Лишь вѣтеръ шумитъ,
Да ливень холодный
Въ оконце стучитъ.
Горитъ одиноко
Въ избушкѣ ночникъ;
На лавкѣ широкой
Кудесникъ-старикъ,
Съ сѣдой бородою,
Съ угрюмымъ лицомъ,
Надъ чашей съ водою
Сидитъ за столомъ.

**148**, 29—32: И тихо онъ началъ
Шептать наговоръ:
На морѣ на Окіянѣ
Бѣлый камень Алатырь;
На немъ баня огнемъ пышетъ
Съ раскаленною доской.
Тридцать три тоски оттуда
Всюду мечутся: на югъ,
На пути и перепутья,
Западъ, сѣверъ и востокъ.
Киньтесь вы, тоски, къ дѣвицѣ
Въ разумъ, въ сердце, въ очи, въ ликъ,
Въ жилы, кости и суставы,
Въ тѣло бѣлое и кровь!
Чтобъ о н е м ъ она крушилась,
Тосковала день и ночь,
Чтобъ для ней о н ъ былъ утѣхой,
Милѣй солнышка и сна,
Свѣта бѣлаго дороже,
Лучше матери, отца!
Будетъ слово мое крѣпко,
И не снимется тоска
Тѣмъ, кто въ морѣ выпьетъ воду,
Траву выщиплетъ въ поляхъ!
Иди! до свиданья!
И помни мой трудъ:
Мои заклинанья
Не даромъ пойдутъ".

**149**, между 12 и 13: Во снѣ ему снилось,
Что онъ ужъ женатъ,
Что, Богъ далъ, родилось
Ужъ двое ребятъ.

„ между 20 и 21: Лучина горѣла

Въ свѣтцѣ на полу,
Старушка сидѣла
За прялкой въ углу,

**150**,1—4 : — Охота, родимый,
Про дрянь вспоминать:
Бываетъ, вѣстимо...
Отвѣтила мать.

„ между 12 и 13: Тоска не являлась...
А жаль: вѣдь, плуту
Навѣрно бъ досталось
Взять съ парня крупу.

**151**,9—16 : И свистнетъ, и станетъ
Плясать молодцомъ,
Отъ ногъ инда встанетъ
Пыль темнымъ столбомъ!
Но какъ-то случайно
Узналъ наконецъ
Про дѣвкину тайну,
На грѣхъ, молодецъ.

„ 21—24 : „Дождется жъ онъ платы!
Ну я съ нимъ того...
Обманщикъ проклятый,
Я вспомню его!“

**152**,1—4 : И день загорѣлся,—
Съ постели онъ всталъ,
Обулся, одѣлся.
Котомку сыскалъ.

„ 21—28 : „Эхъ, тошно, родная!
И днемъ, и во снѣ
Сторонка чужая
Все грезится мнѣ.
Нуждѣ не учиться,
Косить не боюсь,
Пойду потрудиться
Съ казной ворочусь“.
Какъ мѣлъ, поблѣднѣла
Отъ словъ его мать;
На лавку присѣла
И что-то сказать
Хотѣла, какъ видно,
Раскрыла ужъ ротъ,—
Но очи недвижно
Смотрѣли впередъ

Безъ мысли и цѣли,
И, словно свинецъ,
Уста посинѣли...
Ну, просто мертвецъ!
„Эхъ-ма! я старуху
Никакъ испугалъ!
Не слышно и духу"...
Сынокъ разсуждалъ.
„Вотъ горе, ей-Богу!
Жаль полъ-атъ мочить.
Водой бы немного
Ее окатить".
Межъ тѣмъ встрепенулась
Старушка: отъ сна
Какъ будто проснулась
Въ тревогѣ она;
Вздохнула, привстала,
Припомнила все
И вдругъ зарыдала:
— Дитя ты мое!

**153**,22—**154**,12: Я такъ... пошутилъ...
Эхъ, доля худая!
Живи, знать, какъ жилъ!"
Чрезъ часъ взялъ онъ хлѣба
Ломоть, закусилъ
И такъ до обѣда
Овесъ молотилъ,
Что парень сосѣдскій
Взглянулъ и сказалъ:
— „Охъ, взмахъ молодецкій!
Вотъ силу Богъ далъ!"
Старушкѣ, ужъ долго
Спустя, сынъ сказалъ,
Зачѣмъ въ путь-дорогу
Онъ вдругъ загадалъ.
Но самъ посчитался
Съ плутомъ-старикомъ:
Морочить заклялся
Старикъ колдовствомъ.

(Изд. Т.)

**155**, между 30 и 31 : Ночь придетъ, — по селу, другъ за другомъ, гужомъ
Скрыпятъ, ѣдутъ съ снопами обозы,
А ты сядешь въ избѣ за дубовымъ столомъ
И утрешь кулакомъ свои слезы...

**156**,между
28 и 29: Какъ гора за горой, валъ за валомъ идетъ,
Пѣна бѣлая клубомъ несется,
Всюду стонъ, голоса... буря свищетъ, реветъ,
Во всѣ стороны гулъ раздается!
(Изд. Т.)

**173**,29–**174**,4: Ну, да что горевать!
Дума не помога:
Будешь жить,—хорошо!
Нѣтъ,—туда дорога!
(Изд. М.)

„ 5—19 : Разъ довелося мнѣ, братецъ ты мой,
Съ бариномъ ѣхать на тройкѣ, зимою;
Вздумалъ онъ, видишь, мириться съ женой,—
Вотъ помирился-то,—экое диво!
Баринъ былъ низенькій, лѣтъ пожилыхъ,
Ну, изъ себя-то не слишкомъ красивый,
Только куда ужъ какъ смиренъ и тихъ!
Барыню, слышно, водилъ онъ нарядно
И, говорятъ, безъ ума вишь любилъ.
Вдругъ у нихъ вышло тамъ что-то неладно,
Онъ сгоряча-то ее побранилъ.
Та,—дѣло барское,—знаешь, обидно,
Сѣла въ карету, да къ матери въ домъ.
Ну, сиротой притворилась тамъ, видно.

**176**,16 18 : Вчужѣ досадно! ему вѣдь не будетъ
Это наукой; продлись его вѣкъ,—
Онъ по женѣ вѣдь опять затоскуетъ,—
(Изд. М.)

Между
**204**,28 и **205**,1: И любо было мнѣ! казалося, мой духъ
Твоими звуками былъ тайно очарованъ,
И съ сладкимъ трепетомъ я напрягалъ свой слухъ,
А взглядъ къ твоей вершинѣ былъ прикованъ.
(*От. Зап.*)

**206**,1 28 : Ужъ зачѣмъ же ты, поле, травой поросло,
Ужъ за что же меня ты обидѣло,
Вмѣсто ржи, лебеду да полынь принесло?..
Моего ли труда ты не видѣло?
Ужъ и я ль для тебя свою силу жалѣлъ,—
Былъ лѣнивъ за любимой работою,
Иль удобрить тебя и вспахать не умѣлъ,
Или началъ посѣвъ не съ охотою?
Ужъ и я ль не былъ радъ дню весны золотой,
И не встрѣтилъ его, запоздалаго—

И за твой урожай предъ иконой святой
Не поставилъ свѣчи воску яраго?
Думалъ въ ту пору я: „вотъ молъ радость
придетъ,
И теперь рожь, какъ шелкъ, зеленѣется,
Богъ дастъ, лѣтомъ она полныи колосъ нальетъ,
Зашумитъ, какъ янтарь зажелтѣется;
Уберу молъ ее, да поставлю въ скирды,
Съ первозимья цѣпомъ поработаю,—
Золотую казну соберу за труды
И прощусь и съ нуждой, и съ заботою".
Да пропалъ видно даромъ кровавыи мои потъ...
Эхъ ты, горе мое непокрытое!..
Каково то мнѣ будетъ, какъ вьюга придетъ
Пѣсни пѣть на гумно позабытое?
Ужъ и чѣмъ то я буду дѣтей утѣшать,
Коли бѣдные станутъ отъ холоду
Въ нетопленои избѣ подъ дерюгои дрожать
И кричать поминутно отъ голоду?
Для того ль тебя, поле, вспахалъ я одинъ,
Чтобы ты надо мной насмѣялося,
Чтобы, глядя теперь на густую полынь,—
Съ горя сердце во мнѣ разрывалося?..

**210**,9—16 : Да и баринъ чудакъ:
Сынъ ужъ подростаетъ,
А онъ что-же? Невѣстъ,
Слышь-то, отбиваетъ.
Схоронилъ двѣ жены,
Отыскалъ и третью...
А сердитъ... чуть не такъ—
Пригрозитъ и плетью!
(*Библ. д. Чт.*)

**234**,13—16: Безоблачны покуда небеса,
Но сердце у меня не даромъ замираетъ,
И этотъ стихъ не даромъ вызываетъ
Слезу на грустные глаза...
(Изд. М.)

**241**,13—16 : Вотъ какъ доля подчасъ безтолкова!
Вотъ какъ жизнь и глупа и сурова!
Поглядишь,—да рукою махнешь,—
И обѣимъ проклятье пошлешь.
(Изд. М., прим.)

**247**,3—22 : Самъ мельникъ-то и сѣдъ и крутъ,
Ворчитъ онъ сплошь на бѣдный людъ...
А ласточкѣ и нужды нѣтъ:

Пріютъ она нашла,
Свила гнѣздо подъ крышею
И дѣтокъ нажила.
Поди тамъ, вѣйся по свѣту
Да мѣсто выбирай,—
Съ привычкою и мельница
Покажется за рай...

(*От. Зап.*)

**251**,3 : Такъ полно силы! Челноки
(Изд. М. )

„ 15—20 : Путь къ дому мѣсяцъ мнѣ укажетъ...
Я знаю, что меня тамъ ждетъ,
Что камнемъ на сердце мнѣ ляжетъ...
Какъ мраченъ дикій боръ стоитъ,
Какъ листъ болѣзненно дрожитъ!
Мой врагъ и тутъ не разстается—
Забота вѣчная со мной...
Пришла, пугаетъ и смѣется
И гонитъ на горе домой.

(*От. Зап.*).

**266**,7—8 : Ужъ и кто же его пожалѣетъ!
Ужъ и скоро ль онъ помощь найдетъ!
(Изд. М., прим.)

**303**,14 : Гибнетъ она—и никто нейдетъ ей на-помочь.

**304**,27 ; И молча спицами звенитъ.

**305**,5 : „Что ты не спишь?"—она сказала.
(Изд. М.)

# Примѣчанія.

## I. Къ отдѣльнымъ стихотвореніямъ.

**2**,II: На ту же тему стих. „Полно спать тебѣ, степь, подъ туманомъ" (105,LXXXIII), служащее первоначальной редакціей стих. „Полно, степь моя, спать безпробудно" (106,LXXXIV).

**3**,III: Въ переработанномъ видѣ (4,IV) это стихотвореніе вмѣстѣ съ „Русью" (29,XXXV) и „Съ тѣхъ поръ, какъ міръ нашъ необъятный" (53,LIV) было послано 2—XI—1853 въ редакцію *Вор. Губ. Вѣд.*

**5**,VI: Въ октябрѣ 1849 г. Никитинъ послалъ въ редакцію *Вор. Губ. Вѣд.* два стихотворенія „Лѣсъ" и „Дума". Въ № 45 *Вор. Губ. Вѣд.* отъ 5 ноября появилась слѣдующая замѣтка: „На дняхъ присланы намъ отъ неизвѣстнаго лица, при письмѣ, подписанномъ буквами И. Н., два стихотворенія, которыя мы, по прочтеніи, нашли такъ замѣчательными, что готовы были на этотъ разъ, изъ уваженія къ дарованію, отступить отъ принятой нами программы и помѣстить ихъ въ нашей газетѣ. Единственное препятствіе, которое удерживаетъ насъ—это незнаніе имени автора!"

См. также письмо Никитина къ В. А. Средину. т. I, 354.

**11**,XIII: Стих. это, какъ и рядъ другихъ, явилось результатомъ переработки, сдѣланной въ періодъ 1858 — 1859 гг., когда Никитинъ подготовлялъ 2-ое изд. своихъ стихотвореній. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, въ виду отсутствія точной даты, мы года не ставимъ.

**15**,XVII: См. предыдущее примѣчаніе.

**19**,XXII: тоже.

**21**,XXV: Текстъ датированъ годомъ его созданія — 1850. Вар. 5-ой, 7-ой и 15-ой строкъ — позднѣйшіе.

**22**,XXVI: Стих. это предназначалось для изд. Т. подъ № XXII. (прим. изд. М. къ 21-му стих., т. I. )., но включено не было·

**24**,XXVII: Въ изд. Т. это стих. датировано 1855 г., что является ошибкой, потому что рукопись изданія была отправлена въ цензуру въ концѣ 1854 года. (Изд. М. прим. къ 2-му стих., т. I).

**27**,XXXIII: См. прим, къ 11,XIII.

**29**,XXXV: Первое напечатанное стихотвореніе Никитина. (*Вор. Губ. Вѣд.* 1853 г., № 47, въ части неоффиціальной, въ отдѣлѣ „Смѣсь.“ См. прим. къ 3,III). Напечатано было въ томъ видѣ, въ какомъ дается у насъ въ вар., съ четырьмя слѣдующими примѣчаніями: 1) Къ ст. 24: „Нерѣдко случается, что отъ морозовъ въ Августѣ мѣсяцѣ въ Архангельской губерніи вымираетъ хлѣбъ. 2) Къ ст. 28: „Ледовитое море“. 3) Къ ст. 32: „Сѣверное сіяніе“. 4) Къ ст. 72: „Француз. камп. 1812 г.“

**34**,XXXVII: См. прим. къ 11,XIII.

**38**,XLII: Въ *Москв.* (1854, VIII) напечатано при письмѣ Н. И. Второва.

**45**,XLVI: тоже

**46**,XLVIII: См. прим. къ 11, XIII.

**53**,LIV: См. прим. къ 3,III.

**54**,LV: См. прим. къ 38, XLII.

**56**,LVII: См. прим. къ 11, XIII.

**61**,LX: Стих. это имѣетъ три редакціи. 1-ая была въ *От. Зап.* 1854 г., VI, (Задумчивый пѣвецъ въ пустынѣ неизвѣстной). Она вошла въ прим. къ 44-му стих. I т. изд. М. 2-я ред.—въ изд. Т. (съ той же первой строкой). Она вошла въ текстъ изд. М. (въ противоположность обыкновенію этого изд. печатать позднія редакціи). 3-ья и послѣдняя — въ изд. К. и въ прим. изд. М. (къ 44-му стих., т. I). Мы печатаемъ въ текстѣ всѣ три редакціи, какъ разночитающіяся.

**65**,LXIII: „Вскорѣ послѣ напечатанія въ *Вор. Губ. Вѣд.* стих. „Русь“, одинъ изъ воронежскихъ гимназистовъ написалъ разборъ его—вещь крайне пустую, которая однако же задѣла за живое Никитина, и онъ отвѣчалъ этимъ стихотвореніемъ“ (прим. къ 45 ст. I т., изд. М.). Въ *От. Зап.* (1854, VI) и въ изд. Т. - 1-ая ред. Въ изд. К.—2-ая ред. (См. прим. къ 11, XIII).

**68**,LXVI: См. прим. къ 38, XLII.

**73**,LXIX: Стих. датировано годомъ созданія 1853-мъ, а внесенныя сравнительно съ Вар. измѣненія позднѣишія, вѣроятно—1858—59 гг.

**82**,LXXVI: Въ *Рус. Арх.* (1865, VII), „Моленіе о Чашѣ" напечатано съ неточнаго списка.

**89**,LXXVIII: Дата неизвѣстна.

**98**,LXXX: На поляхъ подлинника было написано Никитинымъ: „Стихотвореніе это еще не отдѣлано мною окончательно, и потому прошу пока никому его не отдавать". (Изд. М. прим. къ 54 стих., т. I).

**105**,LXXXIII: Первоначально эта тема была обработана въ видѣ стих. „Весна на степи" 1849 г. (2, II).

**106**,LXXXIV: См. прим. къ 11,XIII.

**107**,LXXXV: Стих. „Утро на берегу озера" первои ред. напечатано въ *От. Зап.* (1854, VI). 2-ая ред. напечатана въ *Библ. д. Чт.* (1855,VI), и въ изд. Т. Послѣдняя редакція напечатана въ изд. К. и въ изд. М.

У насъ датировано годомъ созданія. Поправки позднѣишія. См. Вар.

**121**,XCI: Стих. это датируется у насъ 1854 годомъ — годомъ его созданія. Но исправленія, сдѣланныя въ немъ, относятся къ 1858—1859 г.г. См. Вар.

**124**,XCIII: См. I письмо къ А. А. Краевскому т. I, 357.

**130**,XCIV: См. прим. къ 11,XIII.

**136**,XCV: Въ изд. Т. это стих. было снабжено бытовыми примѣчаніями. См. „Описаніе первыхъ изданій".

**164**,CI: См. слѣдующее примѣчаніе.

**168**,CII: Стих. „Порча" вмѣстѣ со стих. „Буря" было напечатано въ *Библ. д. Чт.* въ искаженномъ видѣ, и редактору изд. М. былъ извѣстенъ этотъ номеръ журнала, хранившійся въ книжномъ магазинѣ Семеновой въ Воронежѣ, съ помѣтками на поляхъ, сдѣланными рукой Никитина: „Здѣсь обезображено"... „Здѣсь тоже, — и пропущены стихи". Тексты изд. М., откуда перепечатываемъ и мы, напечатаны по спискамъ, найденнымъ въ бумагахъ Придорогина.

**190**,CXII: Утро (3-ья ред.) въ изд. М. датировано 1855 г. Это ошибка. Самъ редакторъ въ прим. къ 74 стих. (т. I) высказываетъ предположеніе, что это стих. было создано въ

1858—1859 гг., когда Никитинъ перерабатывалъ многія свои стихотворенія для второго своего изданія. (Изд. К.) На этомъ предположеніи и надо остановиться.

**196**,cxviii: Стих. „Елка“ сообщено Н. Арсеньевымъ и помѣщено въ „Ист. В.“ 1897 г., кн. V. Найдено въ бумагахъ Е. П. Долгорукой, бабки Н. Арсеньева.

**199**,cxxi: Это стих. написано въ Сухихъ Гаяхъ, имѣніи П. И. Савостьянова, которому оно и посвящено. Приводится оно въ гл. III статьи „И. С. Н.“, въ позднѣйшихъ изд. Въ изд. М. его нѣтъ.

**204**,cxxii: На ту же тему стих. „Лѣсъ“ 1849 г. (5,vi)

**206**,cxxiv: Вар. этого стих. въ тетради Щук. муз. датированъ 1854—XII—16 и носитъ заглавіе: „Крестьянское горе“. См. вар. 206,1—28.

**209**,cxxv: Стих. это въ „*Библ. д. Чт.* имѣетъ варіанты, принадлежность которыхъ Никитину редакторъ изд. М. справедливо подвергаетъ сомнѣнію. См. примѣчаніе къ стих. „Буря“ 164,ci и „Порча“ 168,cii и вар.

**210**. Въ изд. М. ст. 210,28 пропущенъ, какъ сомнительный, но подлинный вмѣсто него не поставленъ, хотя рукопись была въ рукахъ редактора.

**212**,cxxvii: На ту же тему „Удаль и забота“ 1857 г. (259,clxiv) По подлиннику, бывшему у Н. И. Второва.

**229**,cxxxv: Въ изд. М. стих. напечатано по списку, находившемуся у Р. А. Ордынской.

**231**,cxxxvi: Въ изд. М. (прим. къ 83-му стих., т. I) сообщается слѣдующее относительно стих. „Староста“:

„Стихотвореніе это уцѣлѣло совершенно случайно. Въ 1858 г., во время одной изъ тѣхъ переборокъ Никитинымъ своихъ бумагъ, о которыхъ мы говорили, (см. „Описаніе первыхъ изданій“ *Ред.*) войдя въ его комнату, мы увидѣли на полу, между прочими стихотвореніями обреченными на гибель, и это. Поэтъ хандрилъ и не хотѣлъ слышать о пощадѣ „Старосты“. — „Безъ передѣлки оно никуда не годится“ — говорилъ онъ. Однако намъ удалось-таки склонить его отдать намъ это стихотвореніе, подъ условіемъ возвращенія послѣ того, какъ оно будетъ передѣлано“.

**233**,cxxxvii: Чистовая рукопись стих. „Новая утрата" хранится въ Рук. Отд. И. П. Библ. (№ 86, 1892 г.). Стихотвореніе переписано на одномъ листѣ съ „Разсказомъ моего знакомаго".

**234**,cxxxviii: Стих. „Разсказъ моего знакомаго" имѣетъ два списка, одинъ въ музеѣ П. И. Щукина, въ Москвѣ (обнародованъ А. Г. Фоминымъ. *Рѣчь*, 911, № 139), другой въ Спб. въ И. П. Б. на одномъ листѣ съ „Новой утратой". Разночтенія только въ знакахъ препинанія, если не считать незначительнаго варіанта въ 73 стихѣ (въ Щукинскомъ спискѣ „Оказія", а въ спискѣ И. П. Б. „Оказія-съ"). Кромѣ того Щукинская рукопись точнѣе датирована (мартомъ).

**238**,cxl: На ту же тему стих. „Дѣтство веселое, дѣтскія грезы". 1858 г. (280 cxxxv).

**240**,cxlii: См. прим. къ стих. 241,cxliii.

**241**,cxliii: Къ стих. „Чуть сошлись мы, другъ друга узнали" изд. М. (прим. къ 19 стих., т. I.) даетъ слѣдующее примѣчаніе:

„Это и два слѣдующія за нимъ стихотворенія („День и ночь съ тобой жду встрѣчи" и „Сплетня") по свидѣтельству Н. В. Д—ой были написаны для той же особы, въ альбомъ которой было написано стихотвореніе подъ № cxxxviii („Въ альбомъ М. И. Ж."). Эта особа уѣхала изъ деревни г-жи Д—ой, гдѣ познакомился съ нею Никитинъ, лѣтомъ 1856 г., стихотворенія эти, по всей вѣроятности, относятся къ маю, или къ іюню этого года".

Въ этомъ примѣчаніи ошибка. Вѣроятнѣе допустить, что въ деревнѣ было написано стих. „Пыль", а стих. „Сплетня" является обработкой его, произведенной въ 1858—1859 гг. когда Никитинъ перерабатывалъ многія стихотворенія для второго своего изданія (изд. К.).

**241**,cxliv: См. прим. къ стих. 241,cxliii.

**242**,cxlv: См. прим. къ стих. 241,cxliii. На ту же тему стих. „Сплетня".

**243**,cxlvi: См. прим. къ стих. 241,cxliii.

**245**,cxlviii: См. прим. къ 11,xiii.

**246**,cxlix: Въ *Отеч. Зап.* (1856, XII) это стих. было напечатано подъ загл. „Вечеръ".

**247**,CLI: Тетрадь Щук. муз. даетъ слѣдующее примѣчаніе къ этому стих.: „И. С. Никитинъ былъ 26 августа 1856 г. на именинахъ Натальи Вячеславовны Плотниковой, дочери помѣщика, въ Воронежской губерніи, Землянскаго уѣзда, сельцо Поганецъ, деревня Дмитріевская или Новосельская, въ усадьбѣ около 60 верстъ отъ Воронежа; и какъ для именинницы, были представлены живыя картины въ шарадѣ Felicité; когда представляли цѣлое, то воспитанницы игуменьи Воронеж. Дѣвичьяго монастыря Смарагды Никитичны Бѣгичевой, Варвара Ивановна и Екатерина Ивановна Поповы и воспитанница монахини Митрофаніи Катерина Яковлевна, на колѣняхъ стоя поднесли именинницѣ стихи И. С. Никитина слѣдующіе...“

**248**,CLII: Стих. написано 23 декабря 1856 г. Н. И Второву. Оно приводится въ гл. 2 статьи де Пулэ. „И. С. Н.“ Въ концѣ его говорится о V и VI главахъ поэмы „Кулакъ“.

**249**,CLIII: Стих. напечатано по подлиннику, бывшему у Н. И. Второва.

**250**,CLIV: Въ *Отеч. Зап.* подъ заглавіемъ „Прогулка“. См. вар.

**251**,CLV: См. прим. къ стих. 260,CLXV.

**252**,CLVI: См. ib.

**256**,CLXI: См. прим. къ 11,XIII.

**258**,CLXIII: Въ *Отеч. Зап.* (1857,XI) напечатано подъ заглавіемъ „Бѣдность“.

**259**,CLXIV: Въ *Спб. Вѣд.* 1869 г. въ № 164 -- замѣтка де Пулэ объ этомъ стих. На ту же тему стих. „Отвяжися, тоска“ 1855 г. (212,CXXVII).

**260**,CLXV: Въ примѣчаніяхъ къ изд. М. сообщается относительно стихотвореній: „Свѣтитъ мѣсяцъ въ окно“, „Первый громъ прогремѣлъ“, „Безталанная доля“, „Незамѣнимая безцѣнная утрата“ и „Деревенскій бѣднякъ“, что эти стихотворенія были „уничтожены поэтомъ и сохранились только у насъ“, т. е. у Н. П. Курбатова, автора примѣчаній и редактора изд. М. или у издателя А. Р. Михайлова.

**260**,CLXVI: Въ *Рус. Бес.* (1858,II) это стих. напечатано подъ заглавіемъ „Пѣсня“.

**261**,CLXVII: См. прим. къ стих. 260,CLXV.

**264**,CLXIX. См. прим. къ 11,XIII.

**267**,CLXXII: См. примѣчаніе къ стих. 260,CLXV.

**273**,CLXXVII: Альбомъ былъ переданъ Никитину третьимъ лицомъ, со словами, что одна четырнадцатилѣтняя дѣвица очень желала бы имѣть его автографъ. (Изд. М., т. 2, прим. къ стих. XXIII).

**275**,CLXXIX: Въ *Pyc. Бес.* (1858, IV) напечатано подъ заглавіемъ „Ночь".

**276**,CLXXXI: Въ изд. К. пропущенъ 5-й стихъ.

**277**,CLXXXII: Въ примѣчаніи къ письму Никитина Н. И. Второву отъ 27 іюня 1858 года въ изд. М. помѣщено стих. „Дачная жизнь" съ точной его датой 7 іюня 1858 года.

**280**,CLXXXV: Стих. „Дѣтство веселое" написано 7 ноября 1858 г. Ред. изд. М. ставитъ его въ связь съ обвиненіями Никитина въ сочиненіи пасквиля „на одно изъ тогдашнихъ вліятельныхъ лицъ въ Воронежѣ", съ распространеніемъ клеветы на него, „что онъ пьяница, пьетъ де мертвую чашу" (Прим. къ 29-му стих., т. II).

Де Пуле въ своей статьѣ „И. С. Н." (гл. 3) сообщаетъ по поводу этого стихотворенія: „Я никогда не видалъ его въ такомъ мрачномъ состояніи духа, никогда лицо не выражало такой скорби и негодованія, какъ 8 ноября 1858 г., когда онъ принесъ и прочелъ мнѣ одно изъ превосходныхъ своихъ стихотвореній, оканчивающееся слѣдующими словами, которыя поэтъ едва дочиталъ: „Грудь мою давитъ тяжелое бремя" и т. д.

По темѣ оно восходитъ къ стих. 1856 г. „Помню я! бывало, няня". (238,CXL).

**282**,CLXXXVIII: Въ изд. М. это стихотвореніе пропущено, очевидно, по недосмотру.

**291**,CXCII: По поводу этого стих. изд. М. сообщаетъ (Прим. къ 34 стих. т. II) слѣдующія слова изъ неизвѣстнаго письма Никитина: „Стихотвореніемъ „Старый слуга" я самъ, какъ и вы, недоволенъ, да ужъ такъ!.. Хотѣлось пустить его въ одномъ выходѣ вмѣстѣ съ прочими".

**295**,CXCVI: По поводу этого стих., посвященнаго Н. И. Второву, Никитинъ писалъ ему: „Оно внушено мнѣ на кладбищѣ, гдѣ похороненъ вашъ Николинька". (Изд. М., прим. къ 3-му стих., т. II).

**297**,CXCIX: Читано 9 Апрѣля 1860 г. на литературномъ вечерѣ въ залѣ Воронежскаго кадетскаго корпуса. (Изд. М.,

прим. къ 41-му стих., т. II). Въ изд. М. пропущены стихи: 298, 27-28; 299, 1—4.

**303**, ссш: См. письмо къ Н. И. Второву отъ 26—XII—1860, изд. М. (прим. къ 43-му стих., т. II) сообщаетъ: „Портной этотъ—Тюринъ—находился въ сватовствѣ съ Никитинымъ и былъ послѣ смерти похороненъ на его счетъ. Дочь этого портного, Екатерина, по духовному завѣщанію Никитина, получила сороковую часть его имущества, т. е. 191 р. 62 к. (*Вор. Губ. Вѣд.* 1862 г., стр. 92—93).

**309**, ссvш: Стих. это взято изъ текста „Дневника Семинариста".

**310**, ссvп: Въ изд. М. стих. это помѣщено въ IX письмѣ къ М—ой, въ гл. VI статьи де Пуле „И. С. Н.".

**319**, ссхп: Читано на литературномъ вечерѣ въ залѣ Дворянскаго Собранія 9 апрѣля 1861 года. (Прим. къ 47-му стих., т. II, изд. М.). Въ томъ же примѣчаніи, указывая, что это стихотвореніе было напечатано уже послѣ смерти Никитина, изд. М. ошибочно называетъ его послѣднимъ стихотвореніемъ Никитина. Послѣ него, а именно 19 апрѣля 1861 года написано стихотвореніе „На лицо твое солнечный свѣтъ упадалъ" и „Н. А. М-ой".

**324**, 1—**352**, ххvі: Помѣщаемыя подъ отдѣльной нумераціей стихотворенія не поддаются точной датировкѣ. Тѣ изъ нихъ, которые взяты изъ тетради Щукинскаго музея (см. „Исторію текста") относятся къ періоду между 1849 и 1855 гг.

**348**, хх: Стих. „Изъ библіотеки старинной" написано Н. И. Второву при посылкѣ ему *Живописца*. Оно приведено въ статьѣ де Пуле „И. С. Н.", какъ образецъ шуточныхъ записокъ поэта къ знакомымъ. (Гл. 2).

Про Дмитрича тамъ же сообщается: „Дмитричъ былъ что-то въ родѣ прикащика у Никитина, прикащика, впрочемъ, не очень расторопнаго; онъ назывался иначе „ритористомъ", потому, что когда-то учился въ семинаріи, гдѣ дошелъ до риторики". „Библіотека старинная" — библіотека Саввы Евтихіевича, отца поэта.

**348**, ххі: По поводу этого стих., помѣщеннаго въ статьѣ „И. С. Н.", гл. 3, де Пуле сообщаетъ тамъ-же: „Проживавшій въ то время въ Воронежѣ г. Рукавишниковъ, извѣстный откуп-

щикъ и золотопромышленникъ, уѣзжая въ Иркутскъ, звалъ къ себѣ Никитина и предлагалъ ему очень выгодное мѣсто на пріискахъ, на всемъ его содержаніи, съ платою по 1.200 руб. въ годъ. Долго шли объ этомъ толки; но несмотря на чистосердечное желаніе г. Рукавишникова помочь Никитину, въ Сибирь онъ не поѣхалъ: жаль было отца бросить, Второва, жаль было оторваться отъ новой жизни".

## II. Описаніе первыхъ изданій.

Первое изданіе стихотвореній Никитина вышло въ 1856 г. въ Воронежѣ. На вступительной страницѣ напечатано: Стихотворенія (обложка намъ неизвѣстна). На первой: „Николаю Ивановичу Второву и Константину Осиповичу Александрову-Дольнику посвящаетъ авторъ". На третьей: „Стихотворенія Ивана Никитина. Издалъ гр. Д. Н. Толстой. Воронежъ $\frac{1856}{7364}$". На четвертой — цензурное разрѣшеніе въ обычной формѣ, датированное 29 марта 1855 года и подписанное цензоромъ В. Бекетовымъ, и внизу обозначеніе мѣста печати: „Санктпетербургъ. Въ типографіи Г. Веніке". Далѣе идетъ предисловіе издателя (стр. V—XV). „Авторъ издаваемыхъ нынѣ стихотвореній принадлежитъ къ тому классу гражданскаго общества, которое, не обладая изобиліемъ матеріальныхъ средствъ, вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе или менѣе лишено и способовъ умственнаго образованія. Онъ — мѣщанинъ" — такъ начинаетъ графъ Д. Н. Толстой свое предисловіе. Разбирая далѣе теоретически значеніе формы и содержанія въ поэзіи, авторъ предисловія, не умаляя значенія первой, отдаетъ предпочтеніе второму. Именно въ содержаніи, по его мнѣнію, проявляется оригинальность поэта, — „въ своеобразности воззрѣнія его на міръ, на окружающее его общество". Защищая право молодого поэта пользоваться литературнымъ наслѣдіемъ и возражая обвинявшимъ Никитина въ подражаніи Пушкину и Лермонтову, гр. Д. Н. Толстой высказываетъ вѣрнѣйшую мысль, что содержаніе само выковываетъ себѣ форму. „Если мы допускаемъ, какъ необходимое условіе оригинальности, своеобразность воззрѣнія, то должны допустить, какъ необходимое же послѣдствіе этого воззрѣнія, и своеобразность выраженія. Но мы хотимъ сказать

только, что степень этой своеобразности не можетъ быть предписана поэту никакими внѣшними требованіями и что она усваивается и усиливается по мѣрѣ того, восколько авторъ проникается своимъ предметомъ, выборъ котораго предоставленъ вполнѣ его свободной волѣ".

Далѣе слѣдуетъ характеристика поэта. Написанная на основаніи знакомства съ первыми стихотвореніями Никитина (до 1854 г. включительно), подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ отъ нихъ; она намѣчаетъ основные фазисы всей творческой дѣятельности Никитина. Приводимъ главную часть ея.

„Главное — по мнѣнію нашему, — достоинство г. Никитина заключается въ его описательномъ дарованіи. Посмотрите, съ какою жизнію представлены имъ картины и окружающаго его быта и окружающей его природы! Какъ широка, какъ разгульна эта степь, эти зеленыя поля, орошаемыя Дономъ, и эти бѣлыя, мѣловыя горы, которыми покрыты берега его! — И какъ просты, какъ тихи, какъ чисты нравы сельскихъ жителей этого края! Поэтъ любитъ ихъ и любуется ими. Но изъ сельской жизни, въ которой преимущественно любитъ жить воображеніе поэта, онъ переходитъ къ жизни вседневной, насущной, жизни его окружающей, составленной изъ нищеты, нуждъ, мелкихъ плутней, порока, истекающаго не изъ природы человѣка, а изъ его насущнаго положенія, изъ недостатка духовной образованности и изъ постоянной борьбы съ лишеніями. Грустный переходъ! Тѣмъ болѣе грустный, что картины г. Никитина списаны съ натуры съ изумительною вѣрностью. Окруженный этими явленіями дѣйствительной жизни, столкновеніе съ которыми дѣлается для него, по его собственному общественному положенію, довольно частымъ, поэтъ не можетъ не чувствовать всей томительной грусти, которая возникаетъ въ его душѣ при видѣ этой человѣческой бѣдности. Отсюда — другой характеръ его произведеній: это та глубокая грусть, которая слышна въ его звукахъ. Но въ этой грусти читатель не находитъ слѣдовъ ни байроновскаго отчаянія, ни того чудовищнаго состоянія духа, для котораго на русскомъ языкѣ нѣтъ и названія, и которое у французовъ XIX вѣка слыветъ подъ именемъ: blasé, ни даже той безнадежной грусти нашихъ стихотворцевъ, которая въ 25 лѣтъ заставляетъ оплакивать утра-

чевную молодость; грусть г. Никитина скорѣе грусть русской пѣсни! И если нашъ поэтъ скорбитъ при видѣ грустныхъ явленій окружающей его современной жизни, если порокъ, насиліе или неправда, рѣзко ли выражающіеся въ грубомъ состояніи необразованнаго общества или смягченные благовидными формами людей цивилизованныхъ, исторгаютъ изъ души его глубокіе, тяжкіе стоны, то онъ часто бываетъ грустенъ и безотчетно, какъ мы сказали уже, грустенъ, какъ звуки нашей народной пѣсни. Найдите источникъ этой грусти въ русской мелодіи, вы отгадаете причину ея и въ его душѣ".

Предисловіе подписано: „Издатель" и датировано: С.-Петербургъ, 8 декабря 1855 г.

Стихотворенія въ этомъ изданіи перенумерованы римскими цифрами и расположены въ хронологическомъ порядкѣ, года подписаны подъ стихотвореніями (безъ мѣсяцевъ и чиселъ). Исключеніемъ является первое стихотвореніе, относящееся къ 1851 году и поставленное, вѣроятно, въ видѣ вступленія („Когда, одинъ въ минуты размышленья") въ самомъ началѣ книги. Четыре стихотворенія не имѣютъ даты. Одно („Когда закатъ прощальными лучами"), относящееся къ 1850 году, по ошибкѣ датировано 1855-мъ. Наибольшее количество стихотвореній относится къ 1853 г. — 18; затѣмъ, къ 1849 — 14, 1854 — 12, 1850 — 7, 1851 — 6 и 1852 — 4. Всего въ книгѣ 61 стихотвореніе, изъ нихъ 38 появившихся впервые въ печати въ этомъ изданіи.

Изданіе снабжено примѣчаніями въ сноскахъ подъ текстомъ — однимъ географическаго характера (Къ слову „Ростовъ" въ „Ночлегѣ извозчиковъ" указаніе: Ростовъ на Дону), и двѣнадцатью — бытового, повидимому, принадлежащими Никитину. Вотъ они:

1) „Въ нѣкоторыхъ селахъ Воронежской губерніи задники крестьянскихъ сапогъ прошиваются, для щегольства, мѣдною проволокою" („Упрямый отецъ", къ стиху 64). 2) „Въ свободное время любимое занятіе пчелинцевъ, кромѣ починки старыхъ ульевъ, выдѣлка изъ дерева чашекъ, ложекъ и т. п. Эти произведенія, разумѣется, бываютъ самой грубой работы" („Купецъ на пчельникѣ", стихъ 35). 3) „Одежда — родъ казакина" (къ слову „поддевка", *ib.*, стихъ 37). 4) „Продажа меду

у мужичка-пчелинца считается праздникомъ. Въ это время онъ приглашаетъ родныхъ и знакомыхъ погулять на счетъ покупателя, и бабы надѣваютъ тогда лучшее платье" (*ib.*, къ стиху 41). 5) „Яичница,—любимое, полевое кушанье деревенскихъ пчелинцевъ" (*ib.*, къ стиху 44). 6) „Улей и колодка имѣютъ одно и то-же значеніе" (*ib.*, къ стиху 59). 7) „Мужики степныхъ губерній почитаютъ для себя величайшею обидою, если имъ платятъ за какой-либо товаръ разорванными билетами или старою серебряною монетою" (*ib.*, къ стиху 159). 8) „Подобнаго рода продѣлки нѣкоторыми покупателями меду употребляются нерѣдко. Пьяный пчелинецъ безсознательно повторяетъ слова купца, и, что всего удивительнѣе, опять остается его пріятелемъ: проспавшись, бѣднякъ не помнитъ ничего, сочтетъ вырученныя за медъ деньги и скажетъ: „Эхъ, дешевенько я продалъ медъ-то купцу! Ну, видно еще щастье!" (*ib.*, къ стиху 196) 9) „Въ кадушку кладется медъ, вынутый изъ улья" (*ib.*, къ стиху 209). 10) „Курушкою медоломы подкуриваютъ пчелъ" (*ib.*, къ стиху 211). 11) „Большой ножъ и рѣзецъ (острый желѣзный крюкъ) необходимы при очищеніи улья (*ib.*, къ стиху 212). 12) „Подарить пчелинцу рукавицы или шляпу почти каждый покупатель меду считаетъ своею обязанностію" (*ib.*, къ стиху 276).

Прилагательное „грязный" въ сочетаніи со словами „дѣйствительность" и „жизнь" въ изд. Т. всегда замѣняется многоточіемъ: („Еще одинъ потухшій день", стих. 8, „Бываютъ свѣтлыя мгновенья", 1-я ред., стих. 25-й, „Не повторяй холодной укоризны", 1-ая ред. ,стихъ 14-й). Кромѣ того въ стих. „Война за вѣру", въ стихѣ 11-мъ замѣнены многоточіемъ слова „презрѣнному Еврею", и въ стих. „Тишина ночи", (вар.) 12-ая строфа („И въ цѣпяхъ разврата, не узнавъ любви, рано безъ возврата сгубитъ дни свои").

Замѣтимъ, что выраженіе „дѣйствительность грязная" въ переработкѣ этихъ стихотвореній вездѣ опущено.

Оглавленіе приложено въ концѣ книги. Всего она заключаетъ въ себѣ XV+204 стр. in 8°. Цѣна ея намъ неизвѣстна. Количество отпечатанныхъ экземпляровъ тоже. Мы обозначаемъ это изданіе, по иниціалу издателя,—изд. Т.

Второе изданіе вышло въ С.-Петербургѣ въ 1859 году. Первая страница оставлена чистой, на третьей напечатано: „Стихотворенія Ивана Никитина", на пятой: „Стихотворенія Ивана Никитина. Санктпетербургъ. 1859", на шестой цензурное разрѣшеніе отъ 8 октября 1859 года за подписью цензора В. Бекетова и внизу: „Въ типографіи Карла Вульфа". На седьмой и восьмой оглавленіе. Всѣ эти восемь страницъ ненумерованы, и нумерація начинается только съ текста, непосредственно примыкающаго къ оглавленію. Открывается книга стихотвореніемъ „Съ суровой долею я рано подружился". Стихотворенія не нумерованы, не расположены хронологически и не датированы. По сравненію съ изд. Т. это изданіе (мы называемъ его по иниціалу издателя Кокорева — изд. К.) значительно измѣнено по своему составу. Ни одного стихотворенія изд. Т. не включено въ него въ первоначальномъ видѣ. 41 стихотвореніе изд. Т. пропущено и замѣнено новыми 40 стихотвореніями. 20 стихотвореній подверглись переработкѣ, нѣкоторыя очень сильной. По годамъ стихотворенія распредѣляются такъ: 1858 г. — 15; 1857 — 11; 1854 — 8; 1853 — 7; 1856 — 6; 1859 — 5; 1849 — 3; 1850 и 1851 по 2 и 1855 — 1. Всего въ книгѣ 60 стихотвореній, изъ которыхъ 14 появились въ печати впервые въ этомъ изданіи.

Слѣдующія стихотворенія изд. Т. пропущены въ изд. К.:

1) Когда одинъ въ минуты размышленья, 2) Тихо ночь ложится, 3) Поле, 4) Монастырь, 5) Лѣсъ, 6) Н * Д *, 7) Присутствіе непостижимои силы, 8) Грусть старика, 9) Мраморь, 10) Молвы язвительной и дерзкой, 11) Перемѣна, 12) Ночь на берегу моря, 13) Дубъ, 14) Вечеръ, 15) Ключъ, 16) Когда закатъ прощальными лучами, 17) На западѣ солнце пылаетъ, 18) Югъ и Сѣверъ, 19) Русь, 20) Суровый холодъ жизни строгой, 21) Пѣвцу, 22) Развалины, 23) Кладбище, 24) Степная дорога, 25) Художнику, 26) Засохшая береза, 27) Привѣтъ мой вамъ, угрюмый мракъ ночей, 28) Жизнь и смерть, 29) Успокоеніе, 30) Съ тѣхъ поръ, какъ міръ нашъ необъятный, 31) Новый завѣтъ, 32) Я помню счастливые годы, 33) Пѣсня (Зашумѣла, разгулялась), 34) Война за вѣру, 35) Наслѣдство, 36) Сладость молитвы, 37) Ночлегъ извозчиковъ, 38) Измѣна,

39) Упрямый отецъ. 40) С. В. Чис -вой., 41) Купецъ на пчельникѣ.

Слѣдующія стихотворенія изд. Т. вошли въ изд. К. въ болѣе или менѣе переработанномъ видѣ:

1) Бурлакъ, 2) Бываютъ свѣтлыя мгновенья, 3) Вечеръ послѣ дождя, 4) Дитяти, 5) Еще одинъ потухшій день, 6) Жена ямщика, 7) Задумчивый пѣвецъ въ пустынѣ неизвѣстной. (Съ суровой долею я рано подружился), 8) Зимняя ночь въ деревнѣ, 9) Молитва дитяти, 10) Неудачная присуха, 11) Не повторяй холодной укоризны, 12) Ночь, 13) Полно, степь моя, спать безпробудно, 14) Похороны, 15) Поэту, 16) Ссора, 17) Старикъ-другоженецъ, 18) Тайное горе, 19) Тишина ночи, 20) Утро на берегу озера.

Слѣдующія стихотворенія были добавлены въ изд. К. къ двадцати переработаннымъ стихотвореніямъ изд. Т.:

1) Ахъ ты, бѣдность горемычная, 2) Ахъ, у радости быстрыя крылья, 3) Въ лѣсу (послѣ выздоровленія), 4) Въ небѣ радуга сіяетъ, 5) Въ саду, 6) Въ синемъ небѣ плывутъ надъ полями, 7) Въ темной чащѣ замолкъ соловей, 8) Въ чистомъ полѣ тѣнь шагаетъ, 9) Гнѣздо ласточки, 10) Горькія слезы, 11) День и ночь съ тобой жду встрѣчи, 12) Дѣдушка, 13) Дѣтство веселое, дѣтскія грезы, 14) Живая рѣчь, живые звуки... 15) И дождь и вѣтеръ, ночь темна, 16) Медленно движется время, 17) Мертвое тѣло, 18) Мнѣ, видно, нѣтъ иной дороги, 19) Могила дитяти, 20) Нищій, 21) Ночлегъ въ деревнѣ, 22) Опять знакомыя видѣнія, 23) Пахарь, 24) Перестань, милый другъ, свое сердце пугать, 25) Покой мнѣ нуженъ. Грудь болитъ. 26) Помнишь? съ алыми краями, 27) Пряха, 28) Пѣсня бобыля, 29) Разговоры, 30) Разсказъ ямщика, 31) Разсыпались звѣзды, дрожатъ и горятъ, 32) Смеркаетъ день. Въ бору темнѣетъ, 33) Соха, 34) Сплетня, 35) Старый слуга, 36) Удаль и забота, 37) Утро, 38) Чуть сошлись мы, другъ друга узнали, 39) Ярко звѣздъ мерцанье, 40) Ѣхалъ изъ ярмарки ухарь-купецъ.

Всего въ изд. К. VIII+152 стр. in $8^0$. Цѣна его намъ неизвѣстна такъ же, какъ и количество выпущенныхъ экземпляровъ.

Кромѣ этихъ двухъ сборниковъ стихотвореній—изд. Т. и изд. К. Никитинъ при своей жизни издалъ еще отдѣльною книгой свою поэму „Кулакъ“ („Кулакъ“ Поэма И. Никитина. Москва. 1858. Въ типографіи Каткова и Ко. 158 стр. in $8^0$).

Первое собраніе сочиненій, имѣющее право претендовать на извѣстную полноту, относится только къ 1869 году. („Сочиненія И. С. Никитина, съ его портретомъ, видомъ надгробнаго памятника, fac-simile и біографіей, составлен. М. Ѳ. де Пуле. Т. I и II. Изданіе А. Р. Михаилова. Воронежъ. Въ типографіи В. А. Гольдштейна. 1869“). Цензурное разрѣшеніе датировано: С.-Петербургъ, 13 марта 1868 г. Портретъ съ надписями: Борель. Лит. А. Мюнстера. Спб. В. О. 2 л., № 7. Дозв. Ценз. Спб. 30 Ноября 1867 г. и автографомъ поэта, очень плохо воспроизведеннымъ, (не фотографическимъ, а вѣроятно ручнымъ способомъ), такъ же, какъ и fac-simile четырнадцати строкъ поэмы „Кулакъ“ (гл. XXI, начало заключенія), слѣдующее за портретомъ, и fac-simile стихотворенія „Вырыта заступомъ яма глубокая“ въ началѣ II-го тома. Стр. I—IV занимаетъ „Оглавленіе 1-го тома“. Статью, излагающую принципы изданія, приводимъ цѣликомъ, въ виду того, что въ ней сообщаются также цѣнныя подробности о работѣ Никитина:

„Въ настоящее изданіе сочиненій Никитина вошли всѣ его произведенія, какъ напечатанныя при жизни и послѣ смерти поэта, такъ и случайнымъ образомъ уцѣлѣвшія. Никитинъ писалъ стихи быстро и безъ поправокъ, которыя уже дѣлались, по написаніи стихотворенія, при второмъ его прочтеніи. Но написаннымъ онъ былъ рѣдко доволенъ и, по обыкновенію, или рвалъ его тотчасъ же, или откладывалъ на нѣкоторое время. Случалось, что въ одинъ присѣстъ, безъ промежутка, или съ самымъ небольшимъ антрактомъ, онъ писалъ по два и даже по три стихотворенія, въ которыхъ однако встрѣчалось что-нибудь общее, хотя мысль, конечно, была не одна и та же. Но почти все такимъ образомъ написанное и сохраненное, при пересмотрѣ бумагъ, что нерѣдко дѣлалъ Никитинъ, безпощадно имъ истреблялось. Многія изъ его стихотвореній спаслись отъ истребленія, благодаря заступничеству его друзей, которые вырывали и уносили у него тѣ

клочки бумагъ, рецепты, какъ они ихъ называли, на которыхъ онъ обыкновенно писалъ мелкія свои піесы.

Никитинъ не имѣлъ привычки сохранять у себя даже стихотвореній напечатанныхъ: онъ также или рвалъ ихъ, или дарилъ на память своимъ друзьямъ, хотя и не совсѣмъ охотно. Вотъ причина, почему не сохранилось ни одно изъ его стихотвореній до 1849 года и не было ничего найдено послѣ его смерти, даже и „Городского Головы", котораго было написано три пѣсни.

Сочиненія Никитина издаются, по принятому обыкновенію, въ хронологическомъ порядкѣ, съ небольшимъ отъ него отступленіемъ. Такъ какъ большая часть стихотвореній Никитина подвергалась значительнымъ и часто неоднократнымъ передѣлкамъ, то мы приняли за правило помѣщать въ текстѣ только послѣднюю редакцію, относя предыдущія въ примѣчанія. Не желая утомлять читателей, мы не приводимъ мелкихъ варіантовъ, очень часто встрѣчающихся въ стихотвореніяхъ Никитина, рукописныхъ и напечатанныхъ. Поэму „Кулакъ" мы печатаемъ въ двухъ редакціяхъ—въ первоначальной и по изданію 1858 года, значительно измѣненному. Необходимость разбить изданіе на два тома заставляетъ насъ нѣсколько отступить отъ хронологическаго порядка. Въ первомъ томѣ мы печатаемъ: a) біографію Никитина, b) его стихотворенія, въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ, до 1857 года и c) первую редакцію „Кулака". Во второй томъ входятъ: a) всѣ мелкія стихотворенія, написанныя въ 1857—61 годахъ, также въ хронологическомъ порядкѣ, затѣмъ слѣдуютъ большія піесы, помѣщенныя также въ хронологическомъ порядкѣ: b) „Кулакъ" въ послѣдней редакціи, c) „Поѣздка на хуторъ", d) „Тарасъ" и e) „Дневникъ Семинариста".

Редакція настоящаго изданія и примѣчанія, которыми оно снабжено, принадлежатъ И. П. Курбатову.

Главнымъ недостаткомъ этого, въ общемъ хорошаго изданія, является отсутствіе метода. Зная хронологію стиховъ, редакторъ ея не обнародовалъ. Кромѣ этого, письма поэта помѣщены въ біографіи, а не отдѣльно, и тоже въ большинствѣ случаевъ безъ указанія датъ.

Свѣдѣнія о дальнѣйшихъ изданіяхъ см. въ „Исторіи текста".

# Алфавитный списокъ стихотвореній И. С. Никитина.

| Заглавіе | Годъ | Рук. | Журналы | Изд. Т. | Изд. К. | Изд. М. | Наст. изд. |
|---|---|---|---|---|---|---|---|
| Ахъ ты, бѣдность горемычная. | 1857 | | *От. Зап.*, 1857, XI. | — | LIII | X(2) | 258,CLXIII |
| Ахъ, у радости быстрыя крылья (2 ред.) . . . . . | 1858 | | *Нар. Чт.*, 1859, I. | — | LII | XXX(2) | 281,CLXXXVII |
| см. Радость и кручина (1 ред.). . . . . | | | | | | | |
| Безталанная доля. . . . . | 1857 | | | | | XII(2) | 260,CLXV |
| Бобыль . . . . . | 1854 | | | | | LXX(1) | 171,CIII |
| Болѣсть, см. Порча . . . . | | | | | | | |
| Бурлакъ . . . . . | 1854 | М. | *От. Зап.*, 1855, VII. | LXI (вар.) | XLVIII | LXV(1) | 154,XCVII |
| Буря. . . . . | 1854 | М. | *Библ. д. Чт.*, 1855,I. | | | LXVIII(1) | 164,CI |
| Бѣгутъ часы, недѣли и года. | | | | | | — | 333,IX |
| Бѣдная молодость, дни невеселые. . . . . | 1860 | Вор. | *Рус. Сл.*, 1860,II. | | | XXXIX(2) | 296,CXCVII |
| Бываютъ свѣтлыя мгновенья. (1 ред.) . . . . . | 1851 | | | XXVII | | — | 33,XXXVI |
| (2 ред.) . . . . . | | | | | XXVII | XXVIII(1) | 34,XXXVI |
| Весна на степи . . . . . | 1849 | | *От. Зап.*, 1856,VI. | | | II(1) | 2,II |
| Вечеръ. . . . . | 1850 | | *От. Зап.*, 1854, VI. | XIX | | XVIII(1) | 20,XXIII |
| Вечеръ послѣ дождя . . . . | 1854 | | *Библ. д. Чт.*, 1855, XI. | (LVII вар.) | LI. | LXI(1) | 121,XCI |
| Вечеръ ясенъ и тихъ. . . . | 1851 | | | | | — | 35,XXXIX |
| Внезапное горе . . . . . | 1855 | | *Библ. д. Чт.*, 1856,I. | | | LXXVII(1) | 206,CXXIV |
| Взгляни: небесный сводъ безоблаченъ надъ нами. . . | 1855 | М. | | | | | 193,CXV |
| Война за вѣру . . . . . | 1853 | | *Москв.*, 1854,VIII. | XLVI | | XLVII(1) | 68,LXVI |
| Воспоминаніе о дѣтствѣ . . | | | | | | — | 329,V |
| Встрѣча зимы. . . . . | 1854 | | *Вор. Губ. Вѣд.*, 1854, №50; *Библ. д. Ч.* 1855,I | | | LXXII(1) | 176,CV |

| | | | | | | | |
|---|---|---|---|---|---|---|---|
| „ Е. А. П—вой. | 1853 | | — | — | — | XXII(2) | 273,CLXXVI |
| „ М. И. Ж. | 1856 | | — | — | — | LXXXVIII(1) | [illegible],CXLII |
| „ Н. В. П—вой. | 1856 | | — | — | — | LXXXVII(1) | 339,CXLII |
| Въ лѣсу (послѣ выздоровленія) | 1855 | | *От. Зап.* 1856,II. | — | II | LXXVI(1) | 204,CXXIII |
| Въ небѣ радуга сіяетъ | 1856 | | — | — | VIII | XXIV(2) | 274,CLXXVIII |
| Въ саду (1 ред.) | 1856 | М. | *От. Зап.*, 1856, XII | — | — | — | 24,CXLVII |
| „ „ (2 ред.) | | | — | — | XXXI | X | 245,CXLVIII |
| Въ синемъ небѣ плывутъ надъ полями | 1857 | | — | — | X | [illegible] | 253,CLVII |
| Въ темной чащѣ замолкъ соловей (2 ред.), см. Звѣзды сыплются (1 ред.) | 1858 | Вор. | — | — | XVI | XXV(2) | 276,CLXXX |
| Въ чистомъ полѣ тѣнь шагаетъ | 1857 | | *Рус. Бес.*, 1858, IV. | — | VII | VII(2) | [illegible],CLIX |
| Вырыта заступомъ яма глубокая | 1861 | Вор. | *Вор., Бес.*, 1861 (Дн. Сем.) | — | — | Дн. Сем. (2) | 309,CCVII |
| Выѣздъ ямщика | 1855 | | *Библ. д. Чт.*, 1856, IV | — | — | LXXIX(1) | [illegible],CXXVI |
| Вѣчность | | | | — | — | — | [illegible],II |
| Гнѣздо ласточки | 1856 | М. | *От. Зап.*, 1856, XII. | — | XIII | XCIV(1) | [illegible],CL |
| Горькія слезы | 1856 | | *От. Зап.*, 1856, XIII. | — | XXXIII | XXVII(2) | [illegible],CL |
| Грусть старика | 1849 | | *Библ. д. Чт.*, 1854, VIII | IX | — | VIII(1) | 8,L |
| Дачная жизнь | 1853 | | — | — | — | „И. С. Н." | 277,CLXXXII |
| День и ночь въ тобой жду встрѣчи | 1856 | | — | — | XXXIX | XC(1) | [illegible],CLXIV |
| Деревенскій [illegible] | 1857 | | — | — | — | XVII(2) | [illegible],CLXXII |
| Дитята (1 ред.) | 1851 | | | XXIV. | — | — | 27,XXXII |
| „ (2 ред.) | | | | — | XI | — | 27,XXXIII |
| Донцамъ | | | | | — | — | 34,XVIII |
| Другъ (Сатин.) | 1855 | М. | | | | — | 197,CXIX |

| Заглавіе | Годъ | Рук. | Журналы | Изд. Т. | Изд. К. | Изд. М | Наст. изд. |
|---|---|---|---|---|---|---|---|
| Дубъ | 1850 | | *От. Зап.*, 1854, VI. | XVII | | XVI(1) | 17,XX |
| Дума | 1853 | | — | — | — | — | 76,LXXI |
| Дѣдушка | 1858 | | *Нар. Чт.*, 1859, II. | | XLIII | XX(2) | 269,CLXXIV |
| Дѣлежъ | 1855 | | *Библ. д. Чт.*, 1856, III. | | | LXXVIII(2) | 207,CXXV |
| Дѣтство веселое, дѣтскія грезы | 1858 | | *От. Зап.*, 1859, I. | | XIX | XXIX(2) | 280,CLXXXV |
| Елка | 1855 | М. | *Ист. Вѣст.*, 1897, V. | | | — | 196,CLXVIII |
| Еще одинъ потухшій день (1 ред.) | 1849 | | — | XI | — | X(1) | 10,XII |
| (2 ред.) | | | | — | XXII | | 11,XIII |
| Жена ямщика (1 ред.) | 1854 | | *Соврем.*, 1854, XII. | LVIII | — | LXI(2) | 124,XCIII |
| „ „ (2 ред.) | | | | — | | — | 130,XCIV |
| Живая рѣчь, живые звуки | 1859 | | | | LXII | XXXV(2) | 293,CXCIII |
| Жизнь | | | | | | — | 339,XV |
| Жизнь и смерть | 1853 | | | XXXVII | — | XXXVIII(1) | 50,LII |
| Задумчивый пѣвецъ въ пустынѣ неизвѣстной (1 ред.) | 1853 | М. | *От. Зап.*, 1854, VI. | — | — | | 61,XX |
| „ „ (2 ред.) | 1853 | | | XLIII | | XLIV(1) | 62,XXI |
| „ „ (3 ред.) | | | | | | прим. | |
| см. Съ суровой долею я рано подружился | | | | | | | |
| За какую жъ вину и бѣду | 1855 | М. | | | — | — | 191,CXIII |
| За прялкою баба въ поневѣ сидитъ | 1860 | | *Вор. Бес.*, 1861. | | | XLIV(2) | 306,CCIV |
| Засохшая береза | 1853 | | *Библ. д. Чт.*, 1855, VI. | XXXV | | XXXVI(1) | 47,XLIX |
| Затеплились звѣзды: одна за другою | 1855 | М. | | | — | — | 225,CXXXII |
| Звѣзды сыплются (1 ред.) | | | *Рус. Бес.*, 1858, IV. | | | | 275,CLXXIX |

| | | | | | | |
|---|---|---|---|---|---|---|
| „ (2 ред.), см. Въ темной чашѣ замолкъ соловей | | | | | | |
| Зимняя ночь въ деревнѣ | 1853 | *Библ. д. Ч.*, 1854, VIII (вар.) | XLVIII(вар.) | XLI | XLIX(1) | 73,LXIX |
| И дождь, и вѣтеръ | 1859 | *Нар. Чт.*, 1859, V. | — | XXVI | XXXVII(2) | 294,CXCV |
| Измѣна | 1854 | | LIII | — | LVI(1) | 103,LXXXII |
| Изъ библіотеки старинной | | | „ | — | „И. С. Н." | 348,XXI |
| Исповѣдь | 1861 | *Кив. Об.*, 1880, № 1. | — | — | — | 312,CCX |
| Какъ голубь, кротка и нѣжна | 1856 | | — | — | — | 247,CLI |
| Какъ мнѣ легко | 1850 | | — | — | — | 24,XXVIII |
| Кладбище | 1852 | | XXXI | — | XXXII(1) | 40,XLIV |
| Ключъ | 1850 | *От. Зап.*, 1854, VI (вар.) | XX | — | XIX(1) | 20,XXIV |
| Когда закатъ прощальными лучами | 1850 | — | XXII | — | XXII(1) | 24,XXVII |
| Когда, мой другъ, въ часы одушевленія | | — | — | — | — | 335,XII |
| Когда Нева, окованная гранитомъ | | — | — | — | — | 331,VI |
| Когда одинъ, въ минуты размышленія | 1851 | | I | — | XXIII(1) | 25,XXIX |
| Купецъ на пчельникѣ | 1854 | *Библ. д. Чт.*, 1855, XII. | LIX | — | LXIII(1) | 136,XCV |
| Лампадка | 1857 | — | — | — | 1(2) | 249,CLIII |
| Лѣсникъ и его внукъ | 1854 | — | — | — | LXVII(1) | 101,C |
| Лѣсъ (1 ред.) | 1849 | — | VI | — | V(1) | 5,VI |
| „ (2 ред.) | | — | — | — | — | 6,VII |
| Мать и дочь | 1860 | *От. Зап.*, 1861, III. | — | — | XLV(2) | 307,CCV |
| Медленно движется время | 1857 | *Рус. Бес.*, 1858, II. | — | XXXVI | XIII(2) | 260,CLXVI |
| Мертвое тѣло | 1858 | — | — | LX | XXXIII(2) | 286,CXCI |
| Мнѣ, видно, нѣтъ иной дороги | 1858 | — | — | XL | XXVIII(2) | 279,CLXXIV |

| Заглавіе | Годъ | Рук. | Журналы | Изд. Т. | Изд. К. | Изд. М. | Наст. изд. |
|---|---|---|---|---|---|---|---|
| Могила . . . . . | | | | — | — | — | 332,VIII |
| Могила дитяти . . . . . | 1859 | | *Сынъ Отеч.*, 1869, №19. | — | XXXVIII | XXXVIII(2) | 295,CXCVI |
| Молвы язвительной и дерзкой. | 1849 | | | XIII | — | XII(1) | 13,XV |
| Моленіе о чашѣ . . . . . | 1854 | | *Рус. Арх.*, 1865, VII. | | — | LI(1) | 82,LXXVI |
| Молитва . . . . . | 1851 | | | — | — | — | 35,XXXVIII |
| Молитва дитяти (1 ред.). . . | 1853 | | — | XLI | — | — | 55,LVI |
| „ „ (2 ред.). . . | | | — | — | XII | XLII(1) | 56,LVII |
| Монастырь . . . . . | 1849 | | | V | | IV(1) | 4,V |
| Мраморъ , . . . . . | 1849 | | | X | | IX(1) | 10,XI |
| Музыка лѣса . . . . . | 1855 | М. | | — | — | — | 226,CXXXIII |
| Мщеніе. . . . . | 1853 | | — | — | — | — | 60,LXXV |
| На взятіе Карса . . . . , | 1855 | М. | — | | — | LXXXII(1) | 229,CXXXV |
| Надъ полями вечерняя зорька горитъ . . . . . | 1855 | М. | — | | — | — | 222,CXXX |
| Надъ свѣтлымъ озеромъ пурпуровой зари. . . . . | 1855 | М. | — | — | — | — | 195,CXVIII |
| На западѣ солнце пылаетъ (1 ред.) . . . . . | 1851 | | — | XXIII | — | XXIV(1) | 26,XXX |
| (2 ред.) . . . . . | | | | | | | 26,XXXI |
| На лицо твое солнечный лучъ упадалъ . . . . . | 1861 | | — | — | — | — | 310,CCVIII |
| Н. А. М—ой. . . . . | 1861 | | — | — | — | — | 311,CCIX |
| На пепелищѣ. . . . . | 1860 | Вор. | — | — | — | „И. С. Н.“ | 302,CCII |
| Наскучивъ роскошью блистательныхъ забавъ . . . | 1853 | | — | — | — | | 78,LXXIII |
| Наслѣдство . . . . . | 1853 | | *Биб. д. Чт.*, 1854, VIII. | XLIX | — | L(1) | 75,LXX |
| На языкѣ чужомъ . . . . | | | | | | | 348,XX |
| Н. Д. . . . . | 1849 | | — | VII | — | VI(1) | 7,VIII |

| | | | | | | | |
|---|---|---|---|---|---|---|---|
| Небо . . . . . | | | | — | — | | 325,III |
| Не вини одинокую долю . . | | | | — | — | VI(1) | 77,LXXII |
| Незамѣнимая, безцѣнная утрата . . . . . | 1857 | | — | — | — | | 261,CLXIVI |
| Не плачь, мой другъ! Есть иного муки . . . . . | | | | — | | | 342,XVI |
| Не повторяй холодной укоризны (1 ред.) . . . . | 1853 | | — | XXXIV | — | — | 45,XLVII |
| „ (2 ред.) . . . . | | | | | XXXII | | 46,XLVIII |
| Не смѣйся, родимый кормилецъ . . . . . | 1855 | М. | | — | — | — | 224,CXXXI |
| Не спится мнѣ. Окно отворено . . . . . | 1855 | М. | | — | — | — | 199,CXXI |
| Неудачная присуха. . . . | 1854 | | *Биб. д. Чт.*, 1855, X. | LX (вар) | XLVI | LXIV(1) | 147,XCVI |
| Не широкъ мой дворъ . . . | 1854 | | — | — | — | — | 123,XCII |
| Н. И. Второву . . . . . | 1856 | | — | — | — | „И. С. Н.“ | 248,CLII |
| Нищій. . . . . | 1857 | | *Рус. Бес.*, 1857, VII вар. | — | LIV | XVI(2) | 265,CLXX |
| Новая борьба . . . . . | 1854 | | — | — | — | LIV(1) | 98,LXXX |
| Новая утрата . . . . . | 1856 | М. | — | — | — | LXXXIV(1) | 233,CXXXVII |
| Новый завѣтъ. . . . . | 1853 | | *Москв.*, 1854, VIII. | XL | — | XLI(1) | 84,LV |
| Ноетъ сердце мое отъ заботъ и кручинъ . . . . . | | | *Нар. Чт.* 1860, III. | — | — | — | 350,XXIII |
| Ночлегъ въ деревнѣ . . . | 1858 | | *Рус. Бес.*, 1858, IV. | — | XVII | XIX(2) | 269,CLXXXI |
| Ночлегъ извозчиковъ (1 ред.) | | Вор. | — | — | — | — | 89,LXXVII |
| „ „ (2 ред.) | 1854 | | — | LI | — | LIII(1) | 92,LXXIX |
| Ночь . . . . . | 1850 | | *От. Зап.*, 1854, VI. | XX (вар.) | IV | XX(1) | 21,XXV |
| Ночь на берегу моря . . . | 1850 | | — | XVI | — | XV(1) | 17,XIX |
| Нужда . . . . . | | | — | — | XXXIV | — | 327,IV |
| Опять знакомыя видѣнья . | 1858 | | *Рус. Бес.*, 1858, IV. | — | — | — | 282,CLXXXVIII |
| О, сколько разъ я проклиналъ . . . . . | 1853 | | — | — | — | — | 79,LXXIV |

| Заглавіе | Годъ | Рук. | Журналы | Изд. Т. | Изд. К. | Изд. М. | Наст. изд. |
|---|---|---|---|---|---|---|---|
| Оставь печальный твой разсказъ | 1850 | | — | — | — | XXI(1) | 22,XXVI |
| Отвяжися, тоска | 1855 | М. | — | — | — | LXXX(1) | 212,CXXVII |
| Отецъ и дочь (1 ред.). см. Упрямый отецъ (2 ред.). | | | — | — | — | — | 110,LXXXVI |
| Отъѣздъ | | | — | — | — | — | 338,XIV |
| Пахарь | 1857 | М. | *Рус. Бес.*, 1857, IV. | — | LV | XVII(2) | 266,CLXXI |
| Падетъ презрѣнное тиранство | | | *Былое*, 1906, VII. | — | — | — | 350,XXIV |
| Первый громъ прогремѣлъ | 1857 | | — | — | — | IV(2) | 252,CXVI |
| Перемѣна | 1849 | | | | | XIV(1) | 16,XVIII |
| Перестань, милый другъ, свое сердце пугать | 1859 | | — | XV | — | XXXVI(2) | 293,CXCIV |
| Погостъ | 1860 | | — | — | XXIII | — | 308,CCVI |
| Погуляла вода | 1855 | М. | *От. Зап.*, 1861, III. | — | — | XLVI(2) | 194,CXVI |
| Подлѣ рѣки одиноко стою я подъ тѣнью ракиты | 1854 | | — | — | — | XLVI(1) | 159,XCIX |
| Покой мнѣ нуженъ. Грудь болитъ (1 ред.) | 1857 | | — | — | — | — | 255,CLX 256,CLXI |
| „ (2 ред.) | | | — | IV | — | — | |
| Поле (1 ред.) | 1849 | | — | — | XXXXVII | — | 3,III |
| „ (2 ред.) | 1853 | | — | III | — | III(1) | 4,IV |
| Полно спать тебѣ, степь, подъ туманомъ (1 ред.) | 1854 | | — | — | XV | XVII(1) | 105,LXXXIII 106,LXXXIV |
| Полно, степь моя, спать безпробудно (2 ред.) | 1854 | М. | | — | — | — | |
| Полночь. Темно въ горенкѣ. | | | | | | | 346,XVIII |

| | | | | | | | |
|---|---|---|---|---|---|---|---|
| Помнишь? съ алыми краями. | 1858 | | *Рус. Бес.*, 1858, IV. | | XXX | XXVI(2) | 276,CLXXXI |
| Помню я: бывало, няня . . | 1856 | | — | — | — | LXXXVI(1) | 238,CXL |
| Помоги ты мнѣ . . . . . | | | | — | — | | 334,VII |
| Портной . . . . . | 1860 | | *Вор. Бес.*, 1861. | — | - | XLIII(2) | 303,CCIII |
| Порча . . . . . | 1854 | M. | *Библ. д. Чт.* 1855,I | | - | LXIX(1) | 168,CII |
| Порывы . . . . . | 1861 | | | — | — | — | 316,CCXI |
| Послѣднее свиданіе . . . | 1855 | M. | *Жив. Об.*, 1880, № 2. | — | — | — | 213,CXXVII |
| Постыдно гибнетъ наше время. | | | *Былое*. 1906, VII. | — | — | — | 351,XXV |
| Похороны (1 ред.) . . . . | 1849 | | | XIV | | — | 14,XVI |
| „ (2 ред.) . . . . | | | | | XXV | XIII(1) | 15,XVII |
| Пошутила я другу слово молвила . . . . . | 1855 | M. | | — | XLIV | — | 65,LXIII |
| Поэту (1 ред.) . . . . . | 1853 | | *От. Зап.*, 1854, VI. | — | XXIX | XLV(2) | 193,CXIV |
| „ (2 ред.) . . . . . | | | | XXXVI | — | XLV(2) | 67,LXIV |
| Поэту—обличителю . . . . | 1860 | | *Рус. Арх.*, 1865,XXI. | — | — | - | 297,CXCIX |
| Привѣтъ мой вамъ, угрюмый мракъ ночей (2 ред.) | 1855 | | | — | | XXXVII | 49,LI |
| см. Снимаетъ степь свой бархатный уборъ (1 ред.) | | | | VIII | — | VII(1) | |
| Присутствіе неодолимой силы . . . . . | 1849 | | | — | — | XII(2) | 8,IX |
| Пряха . . . . . | 1858 | | *Нар. Чт.*, 1859, III. | — | XLIV | XII(2) | 270,CLXXV |
| Пыль . . . . . | 1856 | M. | — | — | — | XXX(1) | 242,CXLV |
| Пѣвцу (1 ред.) . . . . . | 1852 | | | XXIX | — | — | 36,XLI |
| „ (2 ред.) . . . . . | 1852 | | *Москвит.*, 1854, VIII. | — | — | — | 38,XLII |
| Пѣсня . . . . . | 1855 | M. | *Рус. М.*, 1911, V. | — | — | — | 238,CXXXIV |
| Пѣсня бобыля . . . . . | 1858 | | *Нар. Чт.*, 1859, II. | — | L | XXXI(2) | 283,CLXXXIX |
| Пѣсня . . . . . | 1853 | | | XLV | - | XLVI(1) | 68,LXV |
| Радость и кручина (1 ред.) . | 1858 | | | — | - | - | 281,CLXXVI |
| Развалины . . . . . | 1852 | | | XXX | - | XXXI(1) | 39,XLIII |

| Заглавіе | Годъ | Рук. | Журналы | Изд. Т. | Изд. К. | Изд. М. | Наст. изд. |
|---|---|---|---|---|---|---|---|
| Разговоры (1 ред.) | 1857 | | *Рус. Бес.*, 1858, VI. | – | — | — | 262,CLXVIII |
| „ (2 ред.) | | | | | XXXV | XV(2) | 264,CLXIX |
| Разсказъ крестьянина. | 1854 | | | — | — | — | 184,CIX |
| Разсказъ моего знакомаго | 1856 | | *Рѣчь*, 1911, № 139. | | — | — | 234,CXXXVIII |
| Разсказъ ямщика | 1854 | М. Спб. | | — | XLIX | LXXI(1) | 173,CIV |
| Разсыпались звѣзды, дрожатъ и горятъ | 1856 | | *Библ. д. Чт.*, 1855. V. *Нар. Чт.*, 1859, III. | — | V | XCIII(1) | 246,CXLIX |
| Русь | 1851 | | *От. Зап.*, 1856, XII. *Вор. Губ. В.*, 1853 № 47. | XXVI | — | XXVII(1) | 29,XXXV |
| Свѣтитъ мѣсяцъ въ окна | 1857 | | *Спб. Вѣд.*, 1853, №275. | — | — | III(2) | |
| Село замолчало, безлюдны дороги | 1854 | | — | | | | 251,CLV |
| | 1854 | | — | — | — | | 118,LXXXIX |
| Сибирь, напишешь это слово. | 1854 | | | — | — | „И. С. Н." | 348,XIX |
| Сладость молитвы | 1854 | М. | *От. Зап.*, 1854, VI. | | — | LII(1) | 88,LXXVII |
| Слѣпой гусляръ | 1855 | | — | L | | | 198,CXX |
| Смеркаетъ день, въ бору темнѣетъ | 1857 | | *От. Зап.*, 1857, II. | — | III | II(2) | 250,CLIV |
| Снимаетъ степь свой бархатный уборъ (1 ред.) см.: Привѣтъ мой вамъ, угрюмый мракъ ночей (2 ред.) | 1853 | | — | — | — | - | .8,L |
| Соха | 1857 | | *От. Зап.*, 1857, XI. | — | LVI | IX(2) | 257,CLXII |
| Сплетня | 1856 | | — | — | XVIII | XCI(1) | 243,CXLVI |
| Ссора | 1854 | М. | — | LII (вар.) | XLV | LV(1) | 100,LXXXI |
| Старикъ другоженецъ (1 ред.) | 1853 | Вор. | — | XLVII | — | - | 70,LXVII |
| (2 ред.) | | | — | - - | XLVII | - - | 72,LXVIII |

| | | | | | | | |
|---|---|---|---|---|---|---|---|
| Староста . . . . . | 1856 | | *Рус. Арх.*, 1865, III. | — | — | LXXXIII(1) | 231,CXXXVI |
| Старый мельникъ . . . . | 1854 | | — | — | — | — | 157,XCVIII |
| Старый слуга . . . . . | 1859 | | — | — | XVIII | XXXIII(2) | 291,CXCII |
| Степная дорога . . . . . | 1853 | | — | XXXII | — | XXXIII(1) | 42,XLV |
| Суровый холодъ жизни строгой . . . . . | 1852 | | — | XXVIII | — | XXIX(1) | 36,XL |
| Съ суровой долею я рано подружился (3 ред.) . . см. Задумчивый пѣвецъ въ пустынѣ неизвѣстной (1 ред.) . . . . . | | | — | — | I | прим. | 64,LXII |
| Съ кѣмъ теперь мнѣ сидѣть. | | | | — | — | — | 324,I |
| Съ тѣхъ поръ, какъ міръ нашъ необъятный . . . | 1853 | | — | XXXIX | — | — | 53,LIV |
| С. В. Чис . . . вой . . . . | 1854 | | — | LV(1) | — | XL(1) | 120,XL |
| Тайное горе (1 ред.) . . . | 1850 | | — | XVIII | — | — | 16,XXI |
| „ „ (2 ред.) . . . | | | | | XXI | XVII(1) | 19,XXII |
| Теперь мы вышли на дорогу | 1860 | Вор | — | — | — | — | 279,CC |
| Тихо ночь ложится . . . | 1849 | | — | — | — | I(1) | 1,I |
| Тишина ночи . . . . . | 1849 | | — | XII (вар.) | XXIV | XI(1) | 12,XIV |
| Три встрѣчи. . . . . | 1854 | | — | — | — | — | 116,LXXXVIII |
| Тяжкій крестъ несемъ мы, братья. . . . . | | | *Былое*, 1906, VII. | — | — | — | 352,XXVI |
| Удаль и забота . . . . . | 1857 | | *Пар. Чт.*, 1859, V.<br>*Сынъ Отеч.* 1869, № 18. | — | LIX | XI(2) | 259,CLXIV |
| Уединеніе . . . . . | | | — | — | — | — | 334,IX |
| Ужъ и какъ же ты. . . . | | | — | — | — | — | 335,XIII |
| Ужъ не я ли тебя, милая, упрашивалъ . . . . . | 1854 | М. | *Рус. М.*, 1911, V. | — | — | — | 163,CVIII |
| Ужъ какъ былъ молодецъ . | 1854 | | — | — | — | LXXIII(1) | 179,CVI |

| Заглавіе | Годъ. | Рук. | Журналы | Изд. Т. | Изд. К. | Изд. М. | Наст. изд. |
|---|---|---|---|---|---|---|---|
| У кого нѣтъ думы . . . . | 1856 | | — | — | — | LXXXV(1) | 237,CXXXIX |
| Уличная встрѣча . . . . | 1855 | М. | | | | LXXV(1) | 200,CXXII |
| Упрямый отецъ (2 ред.) . . . см. Отецъ и дочь (1 ред.). | 1854 | | — | LV | — | LIX(1) | 132,LXXXVII |
| Успокоеніе . . . . . | 1853 | | | XXXVIII | — | XXXIX(1) | 51,LIII |
| Утро (1 ред.) . . . . . | 1854 | | | | — | прим. | 187,CX |
| „ (2 ред.) . . . . . | 1855 | М. | *От. Зап.*, 1855. VII. | | | „ | 188,CXI |
| „ (3 ред.) . . . . . | | | | | VI | LXXIV(1) | 190,CXII |
| Утро на берегу озера . . . | 1854 | | *От. Зап.*, 1854, VI. / *Библ. д. Чт.*, 1855. VI | LIV (вар.) | IX | LVIII(1) | 107,LXXXVII |
| Филантропъ . . . . . | | | *Рус. Стар.*, 1887, II, | | | — | 349,XXII |
| Хозяинъ . . . . . | 1861 | | *Время*, 1861, № 11. | | | XLVII(2) | 319,CCXII |
| Художнику . . . . . | 1853 | | *Москв.*, 1854, VIII. | XXXII | | XXXIV(1) | 45,XLVI |
| Черемуха . . . . . | 1854 | М. | *Рус. Мысль*, 1911, V. | — | — | — | 182,CVII |
| Что счастье? . . . . . | 1856 | | — | — | — | | 334,XI |
| Чуть сошлись мы . . . . . | | | — | | XXVIII | LXXXIX(1) | 241,CXLIII |
| Югъ и сѣверъ . . . . . | 1851 | | *Биб. д. Чт.*, 1854, VIII. | XXXV | | XXVI(1) | 28,XXXIV |
| Я помню счастливые годы (1 ред.) . . . . . | 1853 | | — | XLII | — | XLIII(1) | 57,LVIII |
| (2 ред.) . . . . . | 1853 | | — | — | — | — | 59,LIX |
| Я радъ молчать о горѣ старомъ . . . . . | 1860 | Вор. | *Рус. Сл.*, 1860, II. | — | — | XL(2) | 297,CXCVIII |
| Ярко звѣздъ мерцанье . . | 1857 | | *Нар. Чт.*, 1859, VI. | — | XIV | VI(2) | 254,CLVIII |
| Ѣхалъ изъ ярмарки ухарь-купецъ . . . . . | 1858 | | — | — | LVII | XXXII(2) | 284,CXC |
| 19 октября . . . . . | 1855 | М. | — | — | — | LXXXI(1) | 221,CXXIX |

## ОБЪЯСНЕНІЕ СОКРАЩЕНІЙ.

Журналы и газеты:

*Библ. д. Чт.* Библіотека для Чтенія.
*Вор. Бес.*— Воронежская Бесѣда.
*Вор. Губ. Вѣд.*— Воронежскія Губернскія Вѣдомости.
*Жив. Об.*— Живописное Обозрѣніе.
*Ист. Вѣстн.*— Историческій Вѣстникъ.
*Москв.*— Москвитянинъ.
*Нар. Чт.*—Народное Чтеніе.
*От. Зап.*— Отечественныя Записки
*Рус. Арх.*—Русскій Архивъ.
*Рус. Бес.*— Русская Бесѣда.
*Рус. М.*— Русская Мысль.
*Рус. Сл.*—Русское Слово.
*Рус. Ст.*—Русская Старина.
*Соврем.*—Современникъ.
*Спб. Вѣд.*— С.-Петербургскія Вѣдомости
*Сын. От.*—Сынъ Отечества.

Изданія:

Изд. Т. Стихотворенія Ивана Никитина. Издалъ гр. Д. Н. Толстой. Воронежъ. 1856.
Изд. К. Стихотворенія Ивана Никитина. Изд. В. А. Кокорева. Санктпетербургъ. 1859.
Изд. М. Сочиненія И. С. Никитина. Т. I и II. Изд. А. Р. Михайлова. Воронежъ. 1868.

Города:

Вор.—Воронежъ.
М.—Москва.
Спб.— С.-Петербургъ.

## СОДЕРЖАНІЕ.


стр.

Исторія текста *Ред.* . . . . . 5-7
Жизнь И. С. Никитина *Ред.* . . . . . 8-29
*Приложенія*: Посвященіе Н. И. Второву, объявленіе о книжномъ магазинѣ, о бурсѣ и духовное завѣщаніе . . 30-36
Хронологическая таблица . . . . . 37-43
Библіографія . . . . . 44-46
Лирика И. С. Никитина *Ред.* . . . . . 49-55


### Стихотворенія.


Тихо ночь ложится . . . . . 1
Весна на степи . . . . . 2
Поле (1 ред.) . . . . . 3
„ (2 ред.) . . . . . 4
Монастырь. . . . . 4
Лѣсъ (1 ред.) . . . . . 5
„ (2 ред.) . . . . . 6
Н** Д** . . . . . 7
Присутствіе непостижимой силы. . . . . 8
Грусть старика . . . . . 8
Мраморъ . . . . . 10
Еще одинъ потухшій день (1 ред.) . . . . . 10
„ „ „ „ (2 ред.) . . . . . 11
Тишина ночи . . . . . 12
Молвы язвительной и дерзкой . . . . . 13
Похороны (1 ред.) . . . . . 14
„ (2 ред.) . . . . . 15
Перемѣна . . . . . 16
Ночь на берегу моря. . . . . 17
Дубъ . . . . . 17
Тайное горе (1 ред.) . . . . . 18
„ „ (2 ред.) . . . . . 19
Вечеръ. . . . . 20
Ключъ . . . . . 20
Ночь . . . . . 21
Оставь печальный свой разсказъ . . . . . 22
Когда закатъ прощальными лучами . . . . . 24
Какъ мнѣ легко, какъ счастливъ я въ тотъ мигъ. . . . 24
Когда одинъ, въ минуты размышленія . . . . . 25

Стр.

На западѣ солнце пылаетъ (1 ред.) . . . . . 26
„ „ „ „ (2 ред.) . . . . . 26
Дитяти (1 ред.) . . . . . 27
„ (2 ред.) . . . . . 27
Югъ и Сѣверъ. . . . . 28
Русь . . . . . 29
Бываютъ свѣтлыя мгновенья (1 ред.) . . . . . 33
„ „ „ (2 ред.) . . . . . 34
Молитва . . . . . 35
Вечеръ ясенъ и тихъ . . . . . 35
Суровый холодъ жизни строгой. . . . . 36
Пѣвцу (1 ред.) . . . . . 36
„ (2 ред.) . . . . . 38
Развалины. . . . . 39
Кладбище . . . . . 40
Степная дорога . . . . . 42
Художнику . . . . . 45
Не повторяй холодной укоризны (1 ред.) . . . . . 45
„ „ „ „ (2 ред.) . . . . . 46
Засохшая береза . . . . . 47
Снимаетъ степь свои бархатный уборъ (1 ред.). . . . 48
Привѣтъ мой вамъ, угрюмый мракъ ночей (2 ред.) . . . 49
Жизнь и смерть . . . . . 50
Успокоеніе. . . . . 51
Съ тѣхъ поръ, какъ міръ нашъ необъятный . . . . . 53
Новый завѣтъ . . . . . 54
Молитва дитяти (1 ред.) . . . . . 55
„ „ (2 ред.). . . . . 56
Я помню счастливые годы (1 ред.) . . . . . 57
„ „ „ „ (2 ред.) . . . . . 59
Задумчивый пѣвецъ въ пустынѣ неизвѣстной (1 ред.) . . 61
„ „ „ „ „ (2 ред.) . . 62
Съ суровой долею я рано подружился (3 ред.) . . . . . 64
Поэту (1 ред.) . . . . . 65
„ (2 ред.) . . . . . 67
Пѣсня . . . . . 68
Война за вѣру. . . . . 68
Старикъ другоженецъ (1 ред.) . . . . . 70
„ „ (2 ред.) . . . . . 72
Зимняя ночь въ деревнѣ . . . . . 73
Наслѣдство . . . . . 75
Дума . . . . . 76
Не вини одинокую долю . . . . . 77
Наскучивъ роскошью блистательныхъ забавъ. . . . . 78
О, сколько разъ я проклиналъ . . . . . 79
Мщеніе . . . . . 80

Стр.

Моленіе о чашѣ . . . . . 82
Сладость молитвы . . . . . 88
Ночлегъ извощиковъ (1 ред.) . . . . . 89
„ „ (2 ред.) . . . . . 92
Новая борьба . . . . . 98
Ссора. . . . . 100
Измѣна . . . . . 103
Полно спать тебѣ, степь, подъ туманомъ (1 ред.) . . . . 105
Полно, степь моя, спать безпробудно (2 ред.) . . . . . 106
Утро на берегу озера . . . . . 107
Отецъ и дочь (1 ред.) . . . . . 110
Упрямый отецъ (2 ред.) . . . . . 113
Три встрѣчи. . . . . 116
Село замолчало; безлюдны дороги . . . . . 118
С. В. Чис—ой . . . . . 120
Вечеръ послѣ дождя . . . . . 121
Не широкъ мой дворъ. . . . . 123
Жена ямщика (1 ред.) . . . . . 124
„ „ (2 ред.) . . . . . 130
Купецъ на пчельникѣ . . . . . 136
Неудачная присуха. . . . . 147
Бурлакъ. . . . . 154
Старый мельникъ . . . . . 157
Подлѣ рѣки одиноко стою я подъ тѣнью ракиты . . . . 159
Лѣсникъ и его внукъ . . . . . 161
Буря . . . . . 164
Подула непогодушка съ родной моей сторонушки. . . . 168
Порча. . . . . 168
Бобыль . . . . . 172
Разсказъ ямщика. . . . . 174
Встрѣча зимы . . . . . 176
Ужъ какъ былъ молодецъ. . . . . 179
Черемуха . . . . . 182
Ужъ не я ли тебя, милая, упрашивалъ. . . . . 183
Разсказъ крестьянки . . . . . 184
Утро (1 ред.) . . . . . 187
„ (2 ред.) . . . . . 188
„ (3 ред.) . . . . . 190
За какую-жъ вину и бѣду . . . . . 191
Пошутила я—и другу слово молвила . . . . . 193
Взгляни: небесный сводъ безоблаченъ надъ нами . . . . 193
Погуляла вода. . . . . 194
Надъ свѣтлымъ озеромъ пурпуровой зари . . . . . 195
Елка . . . . . 196
Другъ (Степь) . . . . . 197
Слѣпой гусляръ . . . . . 198

Стр.

Не спится мнѣ. Окно отворено . . . . . 199
Уличная встрѣча. . . . . 200
Въ лѣсу. . . . . 204
Внезапное горе. . . . . 206
Дѣлежъ. . . . . 207
Выѣздъ ямщика . . . . . 209
Отвяжися, тоска . . . . . 212
Послѣднее свиданіе. . . . . 213
19 октября. . . . . 221
Надъ полями вечерняя зорька горитъ . . . . . 222
Не смѣйся, родимый, кормилецъ! . . . . . 224
Затеплились звѣзды одна за другой . . . . . 225
Музыка лѣса. . . . . 226
Пѣсня. . . . . 228
На взятіе Карса . . . . . 229
Староста . . . . . 231
Новая утрата. . . . . 233
Разсказъ моего знакомаго. . . . . 234
У кого нѣтъ думы . . . . . 237
Помню я: бывало, няня . . . . . 238
Въ альбомъ Н. В. П—вой . . . . . 239
Въ альбомъ М. И. Ж. . . . . 240
Чуть сошлись мы—другъ друга узнали. . . . . 241
День и ночь съ тобой жду встрѣчи . . . . . 241
Пыль . . . . . 242
Сплетня. . . . . 243
Въ саду (1 ред.) . . . . . 244
„ (2 ред.) . . . . . 245
Разсыпались звѣзды, дрожатъ и горятъ . . . . . 246
Гнѣздо ласточки . . . . . 246
Какъ голубь, кротка и нѣжна. . . . . 247
Н. И. Второву . . . . . 248
Лампадка. . . . . 249
Отрывокъ . . . . . 250
Свѣтитъ мѣсяцъ въ окна . . . . . 251
Первый громъ прогремѣлъ . . . . . 252
Въ синемъ небѣ плывутъ надъ поляни. . . . . 253
Ярко звѣздъ мерцанье . . . . . 254
Въ чистомъ полѣ тѣнь шагаетъ. . . . . 255
Покой мнѣ нуженъ. Грудь болитъ (1 ред.) . . . . . 255
„ „ „ „ „ (2 ред.) . . . . . 256
Соха . . . . . 257
Ахъ ты, бѣдность-горемычная . . . . . 258
Удаль и забота . . . . . 259
Безталанная доля. . . . . 260
Медленно движется время. . . . . 260

Стр.

Незамѣнимая, безцѣнная утрата . . . . . 261
Разговоры (1 ред.) . . . . . 262
„ (2 ред.) . . . . . 264
Нищій. . . . . 265
Пахарь . . . . . 266
Деревенскій бѣднякъ . . . . . 267
Ночлегъ въ деревнѣ . . . . . 269
Дѣдушка . . . . . 269
Пряха. . . . . 270
Въ альбомъ Е. А. П—вой . . . . . 273
Въ альбомъ А. Н. О—вой . . . . . 273
Въ небѣ радуга сіяетъ . . . . . 274
Звѣзды сыплются. Ткань облаковъ (1 ред.). . . . . 275
Въ темной чащѣ замолкъ соловей (2 ред.) . . . . . 276
Помнишь,—съ алыми краями . . . . . 276
Дачная жизнь . . . . . 277
Горькія слезы . . . . . 278
Мнѣ, видно, нѣтъ другой дороги. . . . . 279
Дѣтство веселое, дѣтскія грезы . . . . . 280
Радость и кручина (1 ред.) . . . . . 281
„ „ „ (2 ред.) . . . . . 281
Опять знакомыя видѣнья . . . . . 282
Пѣсня бобыля . . . . . 283
Ѣхалъ изъ ярмарки ухарь-купецъ . . . . . 284
Мертвое тѣло . . . . . 286
Старый слуга . . . . . 291
Живая рѣчь, живые звуки . . . . . 293
Перестань, милый другъ, свое сердце пугать . . . . . 293
И дождь и вѣтеръ. Ночь темна . . . . . 294
Могила дитяти. . . . . 295
Бѣдная молодость, дни невеселые . . . . . 296
Я радъ молчать о горѣ старомъ . . . . . 297
Поэту-обличителю . . . . . 297
Теперь мы вышли на дорогу . . . . . 299
Поминки. . . . . 301
На пепелищѣ . . . . . 302
Портной. . . . . 303
За прялкою баба въ поневѣ сидитъ . . . . . 306
Мать и дочь . . . . . 307
Погостъ. . . . . 308
Вырыта заступомъ яма глубокая . . . . . 309
На лицо твое солнечный свѣтъ упадалъ . . . . . 310
Н. А. М—ой. . . . . 311
Исповѣдь . . . . . 312
Порывы. . . . . 316
Хозяинъ. . . . . 319

Стр.

Съ кѣмъ теперь мнѣ сидѣть . . . . . 324
Вѣчность . . . . . 324
Небо . . . . . 325
Нужда . . . . . 327
Воспоминаніе о дѣтствѣ . . . . . 329
Когда Невы, окованной гранитомъ. . . . . 331
Помоги ты мнѣ . . . . . 331
Могила . . . . . 332
Бѣгутъ часы, недѣли и года . . . . . 333
Уединеніе . . . . . 334
Что счастье? Бредъ воображенья . . . . . 334
Когда, мой другъ, въ часы одушевленья . . . . . 335
Ужъ и какъ же ты . . . . . 335
Отъѣздъ. . . . . 338
Жизнь . . . . . 339
Не плачь, мой другъ, есть много муки. . . . . 342
Донцамъ. . . . . 342
Полночь. Темно въ горенкѣ. . . . . 346
На языкѣ чужомъ я началъ объясняться . . . . . 348
Изъ библіотеки старинной . . . . . 348
Сибирь! Напишешь это слово . . . . . 348
Филантропъ . . . . . 349
Ноетъ сердце мое отъ заботъ и кручинъ . . . . . 350
Падетъ презрѣнное тиранство . . . . . 350
Постыдно гибнетъ наше время. . . . . 351
Тяжкій крестъ несемъ мы, братья. . . . . 352

Варіанты . . . . . 353
Примѣчанія:
I. Къ отдѣльнымъ стихотвореніямъ . . . . . 369
II. Описаніе первыхъ изданій . . . . . 377
Алфавитный списокъ стиховъ . . . . . 385
Объясненіе сокращеній . . . . . 397

ИЗДАНІЯ РУССКАГО КНИЖНАГО Т-ва

С.-Петербургъ. „ДѢЯТЕЛЬ". Троицкая, 26.

# Библіотека Русскихъ Писателей

подъ общей редакціей профессора

Е. В. АНИЧКОВА.

Въ 1913 г. выйдутъ:

## Полныя Собранія Сочиненій:

**Аксаковъ, С. Т.** подъ редакціей *П. Е. Щеголева*. 7 томовъ въ изящн. перепл. Р. 12.25.

**Гоголь, Н. В.** подъ редакціей *Н. Н. Коробки*. 9 томовъ въ изящныхъ переплетахъ. Р. 15.75.

**Добролюбовъ, Н. А.** подъ редакціей проф. *Е. В. Аничкова*. 10 томовъ въ изящн. перепл. Р. 17.50.

**Никитинъ, И. С.** подъ редакціей *С. М. Городецкаго*. 2 тома въ изящныхъ переплетахъ. Р. 3.50.

**Лермонтовъ, М. Ю.** подъ редакціей *Н. О. Лернера*. 4 тома въ изящныхъ переплетахъ. Р. 7.—.

**Пушкинъ, А. С.** подъ редакціей *В. Я. Брюсова*. 8 томовъ въ изящн. перепл. Р. 14.—.

**Шевченко, Т. Г.** подъ ред. *К. И. Чуковскаго*. 4 тома въ изящн. перепл. Р. 7.—.

АНТОЛОГІЯ **„Поэты Пушкинской Поры".** подъ редакціеи *Ю. Верховскаго*. 1 томъ въ изящномъ переплетѣ. Р. 1.75.

Всѣ изданія отличаются четкимъ шрифтомъ, безукоризненной бумагой и прочными коленкоровыми переплетами.

Текстъ заново свѣренъ съ рукописями и наиболѣе авторитетными изданіями. Каждое Полн. Собр. Соч. снабжено портретомъ, а также обширнымъ комментаріемъ, состоящимъ изъ біографіи, критическихъ и историко литературныхъ очерковъ, варіантовъ и примѣчаній. Имена приглашенныхъ редакторовъ говорятъ за то, что наши изданія будутъ исполнены тщательно и съ знаніемъ дѣла. Ознакомленіе съ каждымъ авторомъ будетъ облегчено стройностью изданія и графическимъ представленіемъ біографическаго и библіографическаго матеріала. Каждый читатель легко и быстро найдетъ всѣ свѣдѣнія о самомъ писателѣ и его произведеніяхъ.

**Безплатно требуйте каталогъ.**

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

PG
3337
N7
1910
t.1

Nikitin, Ivan Savvich
Polnoe sobranie sochinenii